АКАДЕМИЯ НАУК СССР

В. Т. ПАШУТО

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКОЙ РУСИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

В. Т. ПАШУТО

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКОЙ РУСИ

Издательство
Академии Наук СССР
1950

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

академик Б. Д. ГРЕКОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данная работа состоит из двух частей. Первая, источниковедческая часть, посвящена анализу состава Галицко-Волынской летописи. Вторая часть заключает в себе очерк истории юго-западной Руси в XIII в.

Обосновать выбор темы исследования сравнительно нетрудно: Галицко-Волынская летопись, являющаяся нашим основным источником сведений по истории Западной Украины XIII в. и весьма важным источником по истории Литвы,— доныне оставалась в основном не изученной.

Этот факт не раз признавался исследователями. Так, например, М. Д. Приселков, оставивший ряд указаний относительно путей изучения Ипатьевской летописи, писал: «Конечно, разложить дошедший до нас в Ипатьевской летописи материал этого исторического повествования XII—XIII вв. на составные части, явно обличающие и разных авторов и разные требования, предъявляемые к ним со стороны сменяющихся князей,— задача благодарная, но, к сожалению, в науке невыполненная и ожидающая работников».[1] Д. С. Лихачев также заметил, что «отсутствие параллельных текстов всегда служило серьезным препятствием при установлении истории летописного текста. Так обстояло, например, с изучением текста Ипатьевской летописи за XII—XIII вв., до сих пор слабо исследованного из-за своего одинокого положения среди памятников летописания».[2] Сводный обзор литературы и источников вопроса, сделанный недавно академиком А. С. Орловым, лишь подтвердил этот неутешительный вывод.[3]

---

[1] М. Д. Приселков. Летописание Западной Украины и Белоруссии.— Ученые записки Лен. гос. ун-та, № 67, Л., 1941, стр. 15.

[2] Д. С. Лихачев. Русские летописи, М.— Л., 1947, стр. 23.

[3] А. С. Орлов. О галицко-волынском летописании.— Труды отдела древнерусской литературы Ин-та литературы АН СССР, т. V, М.— Л., 1947, стр. 15—24.

Насущные нужды разработки истории Западной Украины требуют изучения материала, заключенного в составе Ипатьевской летописи. Ученые неоднократно отмечали высокие художественные достоинства Галицко-Волынской летописи. В этой связи уместно вспомнить слова К. Н. Бестужева-Рюмина, справедливо заметившего, что одним из наиболее ощутимых для исследователя доказательств литературного таланта галицко-волынского автора является та трудность, с которой приходится сталкиваться при попытке расчленить текст его повествования на составные части.

К счастью, литературная манера наших древних книжников, как правило, оставлявших в тексте следы перегруппировки и комбинирования источников своей работы, во многом облегчает дело. Сохранились такие следы и в Ипатьевской летописи, что даже дало повод одному из историков древней русской литературы утверждать, будто бы автор летописи, «щеголяя своей книжностью... иногда впадает даже в вычурность и как бы в намеренную [!] запутанность в своих синтаксических построениях».[1]

Внутренний анализ летописного текста всегда сложен. Галицко-Волынский текст отличается рядом особенностей, усугубляющих трудность его исследования: он лишен параллельных текстов, его материал не раз подвергался перегруппировке, в нем отсутствует хронология, и он не имеет сохранившегося окончания.

Хотя летописный текст XIII в. изучен и недостаточно, однако в науке был высказан ряд соображений относительно его состава.

Исследуемая летопись фактически представлена одним списком, а именно Ипатьевским начала XV в.[2] А. А. Шахматов справедливо указал, что из всех других списков только Хлебниковский XVI в.[3] содержит ряд более правильных чтений, объясняемых тем, что при его составлении был употреблен еще другой список, более исправный, чем протограф Ипатьевского.[4]

Оба эти списка восходят, по соображениям А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова, к южно-русскому своду начала XIV в.

По мнению М. Д. Приселкова, этот свод имеет отношение к «завязавшейся после смерти Кирилла борьбе Владимира и

---

[1] Н. К. Гудзий. История древней русской литературы, М., 1941, стр. 203—204.

[2] Библиотека Академии Наук СССР, Рукописное отделение, 16.4.4.

[3] Гос. публ. биб-ка им. Салтыкова-Щедрина, F IV, 230.

[4] А. А. Шахматов. Повесть временных лет.— Летоп. зан. археогр. комис., в. 29, Пгр., 1916, стр. XIV и др.

Галича», и рассматривается им как «историческое обоснование» прав князя Юрия Львовича «на замещение кафедры Киева и сохранение здесь пребывания митрополита».[1] Ниже мы увидим, что для предположений о существовании свода начала XIV в. содержание списков оснований не дает.

Что касается характера самих списков, то нужно признать вполне пригодным для целей нашего исследования издание, в котором Хлебниковский список подведен в вариантах к Ипатьевскому; издание это осуществлено А. А. Шахматовым в 1908 г. Сравнение списков обнаруживает зачастую более исправные чтения в Хлебниковском списке, но, к сожалению, не вскрывает (в исследуемой части) разночтений, могущих заинтересовать историка.

Имеются высказывания А. А. Шахматова и о галицко-волынском летописании XIII в.,[2] но так как он специально этим сюжетом не занимался, то и предположения его нуждаются в пересмотре.

М. Д. Приселков оставил различные предположения о местном летописании XIII в. Вначале он полагал, что в XIII в. (как, впрочем, и в XII в.) в Галицко-Волынской Руси велось погодное детальное записывание событий, на основе которого в конце XIII в. был сложен цельный рассказ, не разбитый по годам и без хронологической связи.[3] Позднее М. Д. Приселков допускал нечто иное: если отбросить хронологическую сеть, имеющуюся в Ипатьевском списке, говорил он, то мы не получим первоначального текста летописи, так как сводчик конца XIII в. перегруппировал изложение, т. е. пожелал внести строгую хронологическую последовательность в свободный исторический рассказ. Однако этот сводчик только «пожелал» внести хронологию, а внес ее, по мнению М. Д. Приселкова, лишь редактор начала XIV в., т. е. редактор Ипатьевского списка.[4]

Таким образом, М. Д. Приселков наметил по крайней мере три редакции: первая — свободный исторический рассказ, вторая — перегруппировка его в конце XIII в., третья — редакция начала XIV в. с внесением в текст хронологической сети. Кроме того, М. Д. Приселков правильно допускал, что летописец, работавший во время княжения Даниила Романо-

---

[1] М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв., Л., 1940, стр. 57.

[2] Свод предположений А. А. Шахматова см. А. С. Орлов. Указ. соч.

[3] М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв., стр. 55.

[4] М. Д. Приселков. Летописание Западной Украины и Белоруссии, стр. 14. Ср. его же. Лаврентьевская летопись.— Ученые записки Лен. гос. ун-та, № 32, Л., 1939, стр. 81—82.

вича, в половине XIII в., приложил хронологическую таблицу в конце своего повествования, но что эту таблицу отбросили при последующих обработках текста.

Первую попытку конкретного изучения летописного текста XIII в. предпринял современный советский исследователь Л. В. Черепнин. Положительным итогом работы Л. В. Черепнина следует признать определение «Летописца» — князя Даниила Романовича и опыт выявления источников этого «Летописца». В числе источников «Летописца» Л. В. Черепнин выделяет: 1) начальную галицкую повесть о судьбе Даниила и Василько Романовичей, составленную около 1211 г. галицким книжником Тимофеем; 2) сказание о битве на Калке, составленное ее участником; 3) повесть о борьбе Даниила с феодальным боярством и польским и венгерским правительством, начатая в 20-х годах XIII в. тысяцким Демьяном в результате обследования боярской крамолы, произведенного правительственной комиссией в составе печатника Кирилла и стольника Якова и законченная в 1238—1245 гг.; 4) сказание о батыевом побоище; 5) рассказ о поездке Даниила в орду к Бату; 6) цикл воинских повестей о борьбе с ятвягами; 7) местные летописные своды; 8) официальные документы княжеского архива; 9) придворную литературу епископской библиотеки. [1]

Выявление Киевской летописи 1238 г. и изучение галицко-волынского летописания за весь XIII век позволяют, как увидим, притти к несколько иным выводам относительно датировки и состава княжеского Холмского свода.

Следует отметить, что историки древнерусской литературы (к которой они относят и летописание) не уделили должного внимания Галицко-Волынской летописи. Как памятник, проникнутый определенной классовой идеологией, как памятник, политически направленный, Галицко-Волынская летопись ими не рассматривалась. Это, разумеется, не случайно.

В. М. Истрин считал характерным для литературы XI—XIII вв. «отсутствие идейности», ибо он не находил, «чтобы в тот или иной век данного периода (т. е. XI—XIII вв.— *В. П.*) русскими книжниками настойчиво и последовательно проводилась какая-либо определенная идея» и «чтобы одна идея, возникнувшая в известное время, постепенно в последующей своей жизни, видоизменяясь, теряла бы первоначальный вид и последовательно бы заменялась новой, возникшей на основе старой».

---

[1] Л. В. Черепнин. Летописец Даниила Галицкого.— Исторические записки АН СССР, т. 12, стр. 253.

По В. М. Истрину, выходило, что такой смены литература XI—XIII вв. не знала, и ее произведения, «где бы и когда бы они ни появлялись, не имели между собой той внутренней сцепки, которая заставляла бы одно произведение выводить из предшествующего» или «одну группу произведений выводить из другой».[1]

В том же духе, характерном для буржуазной историографии, высказался и новейший исследователь А. С. Орлов, отказавшийся в своем курсе древнерусской литературы от социально-политического осмысления истории древнерусской литературы как единого процесса. Он писал: «Как думаем, эта книга, как и вообще курсы ее автора показывают, что он, избегая схоластических схем построения литературного процесса, не претендовал, однако, на новое, самостоятельное его построение и заботился, главным образом, о сообщении фактов литературной истории, характерных для художественного творчества нашей древности».[2]

Современный исследователь Н. К. Гудзий считает для литературы XI—XVII вв. «социально определяющим» «формирование идеологии господствующего класса, нарастание основного противоречия эпохи феодализма — борьбы класса феодалов с крестьянством и, наконец, рост городской оппозиции и ее последовательное оформление в буржуазную идеологию уже в XVIII в.».[3]

Однако сам автор в конкретном изложении результатов анализа Галицко-Волынской летописи не идет дальше признания этой летописи памятником, относящимся к перу светского человека, «вероятно, принадлежавшего к официальным кругам».[4] Н. К. Гудзий не выясняет, насколько в данной летописи отразилось то, что является «социально-определяющим»; следуя за А. С. Орловым,[5] он характеризует лишь ее литературно-стилистические особенности, которые весьма часто возводятся к заимствованиям из различных греческих и иных произведений.

Таким образом, идейное содержание Галицко-Волынской летописи (точнее, составляющих ее сводов) в трудах

---

[1] В. М. Истрин. Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (XI—XIII вв.), Пгр., 1922, стр. VI.

[2] А. С. Орлов. Древняя русская литература XI—XIII вв. М.—Л., 1945, стр. 3.

[3] Н. К. Гудзий. История древней русской литературы, М., 1938, стр. 9.

[4] Там же, стр. 198. Ср. его же. История древней русской литературы, М., 1945, стр. 211.

[5] См. А. С. Орлов. К вопросу об Ипатьевской летописи.— Изв. Отделения русского языка и словесности АН СССР, т. 31, 1926, стр. 93—126.

историков древнерусской литературы или вовсе отрицается, или остается не раскрытым.

Между тем наше древнерусское летописание было далеко не так бедно идеями, как это кажется иным исследователям.

В нашем исследовании мы, исходя из марксистского понимания задач изучения истории идеологии феодальной формации, считаем основным критерием при реконструкции того или иного летописного свода — определение его классовой, политической направленности.

Пользуясь техническими приемами расслоения текстов, введенными в научный оборот А. А. Шахматовым и развитыми М. Д. Приселковым, мы отдаем себе отчет в буржуазной методологии первого и в идеалистической переоценке в истории древней Руси церковно-политических отношений вообще и русско-византийских церковно-политических отношений — в особенности, второго из названных исследователей.

Если говорить о летописи как памятнике, отражающем идеологию господствующего сословия, и, в частности, его главы — великого князя, то для примера можно остановиться на двух проблемах.

Во-первых, летопись (в ее холмской части) обосновывает незыблемое право великого князя распоряжаться судьбами всей галицко-волынской земли. Она осуждает крупную сеньериальную боярскую знать, а также других князей, пытающихся оказать сопротивление великому князю; она подчеркивает заслуги поддерживающих великого князя «служащих» бояр и «мужей градских», которые обеспечивают князю успех в феодальной войне, поставляя значительные военные силы, укомплектованные из «смердов-пешцев» и «гражан-пешцев».

При этом постоянно приходится иметь в виду, что упоминание «гражан» и «смердов» в летописи всегда имело целью лишь доказать, что великокняжеская политика борьбы с боярской анархией находила сочувствие в народе.[1]

И если кое-где проскальзывают указания на усиление эксплоатации крестьянства боярами, то, разумеется, ничего не говорится об экономическом и политическом наступлении самой великокняжеской власти на трудящихся. Этот факт игнорировался дворянской и буржуазной историографией, что облегчало ей апологию княжеской, государственной власти.

Во-вторых, летопись обосновывает права главы данного крупного феодального княжества распоряжаться судьбами всей Руси и, в частности, владеть ее номинальной столицей — Киевом. Тот факт, что в Киеве находилась митрополия, по-

---

[1] Само слово «гражане», как, впрочем, и термины «галичане» и «владимирцы» и т. п., требует в каждом отдельном случае специального рассмотрения, ибо содержание этих слов весьма разнообразно.

зволял летописцам-церковникам прикрывать политические устремления своих князей церковными мотивами.

В этом плане авторы светских княжеских сводов не раз выступают за «единство» Руси, но под властью своего, местного государя, чем и объясняется то, что идея политического единства Руси постоянно наличествует в княжеском летописании крупнейших русских княжеств. [1]

Разумеется, реальная возможность для княжеского летописца выступать с подобной мыслью заключалась в том, что все русские феодальные «полугосударства» [2] были населены русским народом; он говорил на одном языке, пользовался одинаковыми светскими (Русская Правда) и церковными (уставы) законами; этот народ имел русскую (гривенную) денежную систему, возводил постройки, близкие по стилю, [3] создавал схожие литературные памятники. [4]

Основную массу населения всех княжеств составляли крестьяне, в сознании которых жила идея былого единства русской земли в дофеодальный период. Это нашло свое отражение и в былинах. По народному представлению, за русскую землю вместе сражаются «задорливый» галичанин Дунай, муромец Илья, волынец Михайло Казарин, ростовец Алеша, рязанец Добрыня... Они все друг другу братья и поэтому ни Дунай Добрыню, ни Добрыня Дуная в случае ссоры ранить не могут, как «русский от русского». [5]

Крупные князья больших феодальных «полугосударств» с течением времени все настойчивее выступают претендентами на объединение всей Руси. Естественно, что в официальном великокняжеском летописании мы не раз встречаем упоминания о «русской земле», «русском бое», «обычае русском», а анализ работы т. н. областных летописцев обнаруживает их стремление обосновать приоритет своего княжества во всей русской земле и оправдать права местного князя распоряжаться ее судьбами.

Затронутый вопрос имеет и другую, методологически очень важную, сторону. Игнорируя тот факт, что каждый автор

---

[1] Ср. М. Д. Приселков. Рецензия на книгу М. В. Истрина.— Сб. «Россия и Запад», т. I, Пгр., 1923, стр. 198—200.

[2] И. Сталин, А. Жданов, С. Киров. Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР.— В кн. «К изучению истории», изд. ВПШ при ЦК ВКП(б), М., 1946, стр. 21.

[3] Н. Н. Воронин. К вопросу о взаимоотношении галицко-волынской и владимиро-суздальской архитектуры XII—XIII вв.— Краткие сообщ. о докл. и полев. иссл. ИИМК, в. 3, М.— Л., 1940, стр. 22—27.

[4] Д. С. Лихачев. Галицкая литературная традиция в житии Александра Невского.— Труды Отдела древнерусской литературы, т. V, стр. 36—56.

[5] М. Сперанский. Былины, т. I, Пгр., 1916, стр. 80, 91, 288, 408.

(или редактор) летописи изучаемой поры отражал в своей работе прежде всего запросы своего княжеского двора, местной господствующей верхушки, игнорируя напряженную идейно-политическую борьбу феодальных центров между собой, можно притти к глубоко ошибочному выводу, к которому и пришли представители «школы» украинских буржуазных националистов, утверждавшие, что в половине XIII в. на Руси имелся лишь один центр политической силы — Галичина.[1]

Третий вопрос, на который нам казалось необходимым дать ответ,— может ли и в какой мере Галицко-Волынская летопись служить равноценным источником политической истории всей территории юго-западной Руси и ее основных центров, т. е. восточной Волыни (гор. Луцк), западной Волыни (гор. Владимир), восточной Галичины (гор. Галич) и западной Галичины (гор. Перемышль).

В первом очерке читатель найдет оценку выявленных нами составных частей Галицко-Волынской летописи (Холмский княжеский свод Кирилла, Холмская княжеская летопись Ивана, Владимирская летопись князя Василько, Владимирский княжеский свод Евстигнея с приписками к нему); определяется состав источников этих памятников (из этих источников следует особенно выделить древнейшую новгородскую Литовскую летопись). Устанавливается, что эти своды и летописи далеко не равноценны по содержанию. Выяснение идейной направленности этих памятников, последовательной смены редакций текстов позволяет во многом уточнить сам процесс политической истории юго-западной Руси.

Очерку этой истории посвящена вторая часть работы. О содержании его необходимо заметить следующее. Поскольку Галицко-Волынская летопись представляет собою относительно обособленную часть Ипатьевской летописи, мы сочли себя вправе, следуя источнику, ограничиться для юго-западной Руси (периода существования в ней самостоятельных феодальных княжений XII—XIV вв.)[2] изучением XIII в., во многих отношениях переломного.

Помещая этот очерк, основанный в значительной мере на итогах произведенного источниковедческого анализа юго-западного летописания XIII в., мы тем самым стремимся не только посильно способствовать изучению истории западных

---

[1] Д. Дорошенко. Нарис історії України, т. I (до половины XVII століття).— Праці Українського наукового Інституту, Warszawa, 1932, стр. 80.

[2] Б. Д. Греков. Древнейшие судьбы Западной Украины.— Новый мир, 1939, № 10—11.

областей Украинской ССР, но и преодолеть традиционный в работах подобного рода разрыв между изучением летописного памятника и той исторической обстановки, в которой он возник.

Дворянско-буржуазная историография юго-западной Руси весьма обширна, однако ей присущ ряд методологических недостатков, из которых здесь следует выделить два.

Первый недостаток выражается в том, что историки не рассматривали Ипатьевскую летопись как сложный по составу памятник, проникнутый определенной идеологией, отражающий напряженную политическую борьбу современности.

Второй недостаток, как нам уже приходилось отмечать,[1] заключается в том, что дворянская и буржуазная историография сводила всю историю юго-западной (и особенно Галицкой) Руси к борьбе двух сил: боярства и князя и, естественно, оказалась неспособной разобраться в политической эволюции юго-западной Руси.

Еще В. О. Ключевский писал, что «господство галицкого боярства XII—XIII вв. производит впечатление боярской анархии»;[2] он же считал, что «самое основание политической силы боярства обозначается в летописи неясно».[3] Мнение, что в Галичине безраздельно господствующей политической силой являлось боярство, характерно для буржуазной историографии.[4]

Но в то же время буржуазная историография не могла не видеть, что конец XII в. и весь XIII в. были блестящей эпохой в истории юго-западной Руси. Как писал А. Е. Пресняков: «Украинская народность сложилась в глубочайших основах своей национально-культурной индивидуальности за время блестящего, хотя и краткого расцвета самостоятельной политической жизни Галицко-Волынской Руси Романа Мстиславича „самодержца всея Руси" и его знаменитого сына „короля Галицкого" Даниила, окрепла и шире развернулась

---

[1] См. нашу работу «Галицко-Волынское княжество времен Даниила Романовича».— Ученые записки Лен. гос. ун-та, № 67, в. 7, 1941, стр. 25—82.

[2] В. О. Ключевский. Боярская дума в древней Руси, М., 1882, стр. 72.

[3] Там же, стр. 71.

[4] См. С. М. Соловьев. История России, т. III, изд. «Польза», стр. 807 и сл.; Н. Дашкевич. Княжение Даниила Галицкого, К., 1873, стр. 146 и др.; И. А. Линниченко. Черты из истории сословий в юго-западной (Галицкой) Руси XIV—XV вв., М., 1894, стр. 4, 210; В. Лясконский. История Переяславской земли с древних времен до половины XIII столетия, К., 1903, стр. 369 и др.; М. С. Грушевський. Історія України-Руси, т. III, К., 1905; А. Е. Пресняков. Лекции по русской истории, т. II, в. 1, М., 1939, стр. 27.

в эпически богатом и тревожном быту Украины, Польского королевства и Литовского великого княжества».[1]

Буржуазная историография не вдавалась в рассмотрение состава боярства, упуская тот факт, что значительная часть его (главным образом средние и мелкие феодалы) «служила» князю; она совершенно игнорировала экономическую и политическую роль городов и их торгово-ремесленной верхушки — «мужей градских»; она не замечала, что «служащее» боярство и «мужи градские» поставляли великому князю вооруженные силы, укомплектованные в основном из «смердов-пешцев» и «гражан-пешцев»; она проглядела, что в юго-западной Руси сорок лет продолжалась феодальная война, закончившаяся победой великокняжеской власти и ее союзников.

При таком подходе к делу старая историография, естественно, не могла найти причин хозяйственного и политического подъема юго-западной Руси в XIII в.

Например, Н. Дашкевич писал, что «сплочение юго-западной Руси в половине XIII в. было делом о д н о г о князя, а не плодом народного к тому расположения, и осуществилось благодаря необычайной энергии, постепенности в действиях и умной осторожности его».[2] М. С. Грушевский, напротив, был очень невысокого мнения о князе Данииле как государственном деятеле, считал его дипломатию хаотичной, политику в отношении к татарам — близорукой, в отношении к народу — неправильной.[3] В изложении М. С. Грушевского остается невыясненной основа политической консолидации юго-западной Руси.

А. Е. Пресняков, видимо, не придавал значения роли городов в длительном процессе укрепления великокняжеской власти. Для времени XII—XIII вв., по его мнению, характерны, во-первых, «упадок политического значения городских общин» и, во-вторых, «значительное усиление княжеской власти».[4]

А. Е. Пресняков правильно отметил, что стремление княжеской власти «сохранить политическую организацию на более широком (территориальном и политическом.— *В. П.*)

---

[1] А. Е. П р е с н я к о в. Украина.— Вестник культуры и политики, Пгр., 1918, № 9.

[2] Н. Д а ш к е в и ч. Указ. соч., стр. 76; ср. М. Ч у б а т и й. Західна Україна і Рим у XIII віці у своїх змаганнях до церковної унії (ЗНТШ, тт. 123—124, Львів, 1917), стр. 11 («про народну масу як політичний чинник у тих часах і мови бути не може»).

[3] М. С. Г р у ш е в с ь к и й. Указ. соч., стр. 91, ср. стр. 82.

[4] А. Е. П р е с н я к о в. Лекции, т. II, в. 1, стр. 7.

основании»[1] разбилось о силу боярства «после недолгого успеха» политики князей Романа и Даниила.

Но и в изложении А. Е. Преснякова остаются невыясненными причины этого, пусть временного, «успеха» княжеской власти и экономического и политического подъема юго-западной Руси. Не будучи в состоянии дать правильную оценку социально-экономических отношений в княжестве, автор, кроме того, упускает из виду татаро-монгольское иго, которое подорвало экономику края, значительно сократило территорию княжества (были отрезаны Болоховщина, Понизье, Подунавье) и тем самым серьезно ослабило позиции великокняжеской власти.

В советской науке история Галицко-Волынской Руси указанной поры специально не изучалась. Не вдаваясь в детельное изучение вопроса, зачастую историки, как, например С. В. Юшков, ограничивались общими утверждениями, что в Галицкой Руси основной политической силой было боярство.[2]

Другой исследователь вопроса, В. И. Пичета, отмечая, что «Галицкое княжество — территория крупного феодального землевладения», слабость положения галицких князей видел «в отсутствии у них социальной базы, на которую они могли бы опереться в борьбе с местными феодалами. Городское население еще не было настолько мощным экономически, чтобы стать опорой князей в их борьбе с „феодальным беспорядком“. Естественно, что князь не мог стать представителем „порядка“. Закрепощаемое сельское население, в связи с развитием феодального землевладения, также не могло стать опорой в борьбе князей с боярами. Только во время борьбы против иностранных захватчиков городское и сельское население объединялось вокруг князя»,[3] чтобы изгнать их из земли.

В другой работе В. И. Пичета писал, что «города еще не превратились в ту общественную силу, опираясь на которую князья могли *начать* борьбу с „феодальным беспорядком“...»[4]

Иное мнение высказал недавно М. Н. Тихомиров: «Особый характер Галицко-Волынской летописи, все еще мало

---

[1] Там же, стр. 27.

[2] С. В. Юшков. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси, М.—Л., 1939, стр. 249; ср. его же. Общественно-политический строй и право Киевского государства, М., 1949, стр. 400—401.

[3] В. И. Пичета. Конец вековому расчленению украинского и белорусского народа.— Исторические записки АН СССР, т. 6, стр. 4.

[4] Его же. Основные моменты в исторических судьбах народов Западной Украины и Западной Белоруссии.— Историк-марксист. 1939, № 5—6, стр. 75. (Курсив наш.— *В. П.*)

изученной как исторический источник, мешает нам приглядеться к внутренней истории Галича, но и то, что известно, позволяет думать о развитии в нем вечевых порядков. И это не было особенностью одного Галича, а и других городов Галицко-Волынской земли». [1]

М. Н. Тихомиров вполне прав, когда предполагает, что города юго-западной Руси играли важную роль в ее истории.

Нам представляется, что В. И. Пичета допускает по крайней мере две ошибки: во-первых, он рассматривает боярство этой поры как нечто целое; во-вторых, он недооценивает экономическое и политическое значение городов.

Вследствие этого он упускает из виду, во-первых, «служащее» боярство, поставлявшее великокняжеской власти значительные вооруженные силы из «смердов-пешцев»; во-вторых, «мужей градских», обеспечивавших великокняжескую власть бо́льшими массами «воев» — «гражан».

Быть может В. И. Пичета так низко оценил возможности великокняжеской (королевской) власти как представительницы «порядка» в юго-западной Руси потому, что вторая половина XIII в. принесла возрождение экономического и политического засилья боярской знати. Но ведь Ф. Энгельс, говоря о королевской власти как носительнице «порядка», отмечал, что тенденция ее к союзу с «революционными» элементами города и деревни ведет свое начало в Западной Европе с X в. Не беремся датировать начало этого союза на Руси, но не сомневаемся, что он проявился не только во времена Даниила Романовича, но нашел отражение в политике и Андрея Боголюбского и Владимира Мономаха.

Ф. Энгельс, говоря об этом союзе, вовсе не считал, что он должен победить вскоре после того, как выступит на арену истории. Напротив, Ф. Энгельс отмечал, что нередко «он нарушался в результате конфликтов; далеко не всегда в течение всех средних веков дело шло этим путем объединения, все же этот союз возобновлялся все тверже, все могущественнее, пока, наконец, он не помог королевской власти одержать окончательную победу, и королевская власть в благодарность за это поработила и ограбила своего союзника». [2]

Факты, характеризующие социально-экономическое развитие юго-западной Руси (они суммированы в первой главе второго очерка), а равно летописный материал, относящийся к ее политической истории, подтверждают справедливость нашего мнения.

---

[1] М. Н. Тихомиров. Древнерусские города.— Ученые записки МГУ, в. 99, М., 1946, стр. 210, ср. стр. 122.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 445.

Что касается причин, приведших к усилению боярства, то можно заметить следующее. В. В. Мавродин, анализируя народные движения в юго-западной Руси, главным образом XII в., пришел к выводу, что подавление городских движений во времена Владимирка и Ярослава привело к тому, что князь лишился своего союзника в борьбе с боярской аристократией — «горожан», почему, столкнувшись с боярской знатью, оказался не в силах с ней бороться. Это ослабление княжеской власти и усиление боярства сказалось уже во времена Осмомысла. В отсутствии союза горожан и князя, в слабости княжей дружины в Галиче следует усматривать причины исключительного развития боярской олигархии.[1]

Были, конечно, и другие причины, приведшие к установлению в галицкой земле наиболее полно выраженных феодальных отношений: весьма благоприятные природные условия; окраинное положение галицко-волынских земель, более укрытых от набегов кочевников; тесные связи с общеевропейским торговым оборотом; приток населения из юго-восточной Руси. Все это привело к тому, что галицкая, да и волынская земли оказались очень непрочными звеньями в цепи владений киевских великих князей.

В юго-западной Руси феодальное развитие шло быстро, и рост экономической силы боярства, протекавший в условиях отмеченного выше ослабления княжеской власти, привел к тому, что когда княжеская власть при Романе Мстиславиче, опираясь на служилое боярство и города, стала укрепляться, то она столкнулась с боярством, уже имевшим в своих руках большие экономические ресурсы (земли, доходы от торговли).

Основой богатства была земля. Если учесть, что крупное землевладение имелось уже в Киевской Руси и непрерывно укреплялось, что число наследственно владевших землями бояр возрастало, то станет понятным наличие в XIII в. огромных земельных фондов, бывших в распоряжении боярских гнезд-семейств.

Борьба за ренту с боярской, а также духовной знатью, мобилизация земель и промыслов в княжескую казну, создание сильного войска («оружников») как гарантии «прочности» государственной власти и политической целостности юго-западной Руси — стали содержанием длительной феодальной войны.

Изучению этой феодальной войны посвящена вторая глава второго очерка.

---

[1] В. В. Мавродин. О народных движениях в Галицко-Волынском княжестве в XII—XIII веках.— Ученые записки Лен. гос. ун-та, № 48, в. 5, Л., 1939, стр. 12.

Специальная глава посвящена характеристике международного положения юго-западной Руси XIII в. Нами пересматривается традиционный взгляд на отношения между Русью и папской курией, в частности, отвергается выдвинутая буржуазными католическими историками (Уминским, Чубатым, Амманном и др.) концепция, согласно которой папская курия будто бы прилагала все силы к организации антитатарского крестового похода с целью оказать помощь Руси.

Привлечение дипломатических собраний, а также немецких, польских, английских, чешских хроник, а равно же свидетельств современников (Юлиана, Карпини, Рубруквиса, Асцелина) позволяет не только вскрыть истинную сущность агрессивной политики курии на Руси и в Восточной Европе, но и по-новому оценить внешнюю политику трех князей-современников — Александра Невского, Даниила Галицкого и литовского великого князя Миндовга.

Результат исследования позволяет ясно обнаружить полную несостоятельность концепции М. Д. Приселкова, рассматривавшего русских князей этой поры как послушных исполнителей воли никейских императоров.

В заключительной части второго очерка нами пересматривается распространенное мнение (разделяемое М. С. Грушевским и А. Е. Пресняковым) об экономическом и политическом упадке юго-западной Руси во второй половине XIII в., а также вносится ряд уточнений в порядок распределения княжеских столов в юго-западной Руси и в оценку ее отношений с Золотой и Ногайской ордами и другими государствами.

Таковы общие предварительные замечания.

Считаю своим приятным долгом принести глубокую благодарность академику Борису Дмитриевичу Грекову за постоянную помощь и содействие, оказанные мне при написании этой работы.

ОЧЕРК ИСТОРИИ ЛЕТОПИСАНИЯ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ

1. Предварительные замечания о летописании времен князя Даниила Романовича

Рассмотрение галицко-волынского летописания XIII в., возникшего на основе летописания киевского, нужно предварить двумя замечаниями.

Во-первых, можно полагать, что Повесть временных лет, а также Киевская летопись (которая, как мы увидим, заканчивалась не 1200, а 1238 г.), положены в основу юго-западного летописания не владимиро-волынским автором второй половины XIII в.— слишком узки его политические горизонты,— и тем менее неизвестным сводчиком начала XIV в. Доказательством этому утверждению может служить «введение» к Ипатьевской летописи (обычно упускаемое исследователями из виду), которое сравнительно нетрудно датировать: «Се же суть имена княземь киевскым, княжившим в Киеве до избитья Батыева». И конец этого «введения» достоин внимания.

Стремясь утвердить читателя в мысли, что с начала XIII в. политический центр общерусской жизни переместился в юго-западную Русь, автор летописи мало посчитался с истинным ходом княжеских смен на киевском столе. Перечислив кое-как киевских князей, он сделал против имени последнего из припомнившихся ему — Владимира Рюриковича — следующее примечание: «Данило посади его в себе место в Киеве. По Володимере же под Даниловым наместником под Дмитром, взяша Батый Киев». [1]

Мы вправе считать это «введение» произведением летописца, писавшего при дворе Даниила Романовича после нашествия татар; видимо, к его же руке должно отнести и пополнение киевского текста кусками галицко-волынского повествования XII в.; как ниже увидим, именно этот автор использовал Киевскую летопись 1238 г., переработал ее,

---

[1] ПСРЛ, т. II, Спб., 1908, стб. 1—2.

дополнив галицким материалом; кроме того, конечно, он присоединил к этой летописи описание разорения Киева Батыем, описание, составленное человеком, близким боярину Дмитру, наместнику князя Даниила в Киеве.

Во-вторых, надлежит отметить еще одно обстоятельство в пояснение того, почему в изучаемом княжеском летописном своде Даниила Романовича отсутствует описание княжения Романа Мстиславича. Как можно судить на основании труда Я. Длугоша, сохранившего нам в известной мере текст Киевской летописи,— причина молчания летописца князя Даниила объясняется тем, что в Киевской летописи читался текст, враждебный князю Роману, и летописцу он не подошел. Не мог летописец привлечь и владимиро-волынский источник: княжеского летописца Роман Мстиславич завести не успел, а епископский летописец (если он существовал) был, несомненно, глубоко враждебен князю Роману. Доказательство этому утверждению находим в Киевской летописи (по Я. Длугошу), где сказано, что перед походом князя Романа в Саксонию владимирский епископ отказал ему в своем благословении и отверг присланные князем дары. [1] Поэтому летописец князя Даниила ограничился лишь общей, но весьма яркой похвалой князю Роману, именуя его «самодержцем» и подчеркивая, что он «ревноваше... деду своему Мономаху» [2]

Тот факт, что в основе записи о князе Романе лежит половецкая песня, [3]— не вызывает удивления: в Польше личность князя Романа также была связана с народным эпосом, между прочим, использованным в этой же связи Я. Длугошем, как он сам на то указывает. [4]

Далее, исследователь вынужден очень серьезно считаться с тем, что летопись князя Даниила дошла до нас лишь в качестве одной из составных частей Владимиро-волынской летописи, созданной в 80-х годах XIII в. заботами князя Владимира Васильковича и епископа владимирского Евстигнея. Идейно-политические основы Владимирской летописи не позволяют рассчитывать на хорошую сохранность в ней положительного материала по истории Галичины и Холмщины; скорее, наоборот, можно ожидать, что летопись князя Даниила, попав во Владимир, была подвергнута переработке и пополнена местными сведениями, имевшими целью доказать, что

---

[1] Johannis Dlugossii, seu Longini, Canonici Cracoviensis, Historiae Polonicae, ed. Al. Przezdziecki, t. II, lib. VI, p. 172—176.

[2] ПСРЛ, т. II, стб. 716.

[3] М. Д. Приселков. Летописание Западной Украины и Белоруссии, стр. 11; разделение текста дано Л. В. Черепниным (указ. соч., стр. 211).

[4] J. Dlugossii. Op. cit., p. 175.

город Владимир уже с начала XIII в., т. е. после смерти «великого» Романа Мстиславича, играл первенствующую роль в политической жизни юго-западной Руси, а местный князь, местная светская и духовная знать оказывали решающее влияние на исторические судьбы этой территории.

Следует также учесть, что владимирское летописание, как и местная литературная традиция, зародилось не вдруг при князе Владимире Васильковиче, а могло быть представлено памятниками более ранней поры, датируемой переходом города Владимира в руки сперва обоих Романовичей, а затем — младшего из них, князя Василько. При этом трудно допустить, что князь Даниил, передав город Владимир младшему брату, стал княжить в центре, уступавшем своим значением Владимиру-Волынскому.

Наконец, исследуя летописный текст, необходимо учитывать (хотя бы в самой общей форме) и то, как в процессе феодальной войны шло объединение земель под властью князей Романовичей и каковы были владения каждого из них.

Объединение земель шло медленно: вначале князья получили Берестье;[1] затем — Белз;[2] вскоре Белза они лишились, а взамен приобрели Каменец.[3] Позднее они добыли Тихомль и Перемиль[4] и, наконец, Владимир[5] (около 1217 г.). Начав активные военные действия, князь Даниил прежде всего занял опорный пункт северной Волыни — Берестье, а также западную окраину Волыни за Бугом (Угровеск, Верещин, Столпье, Комов и «всю Украину»);[6] таким образом была объединена вся западная Волынь.

Позднее был занят центр восточной Волыни — город Луцк, а с ним и другие города, в их числе Пересопница[7] и Черторыйск.[8] Даниил Романович стал князем владимирским, дав брату Васильку сперва Берестье, а затем Луцк и Пересопницу,[9] т. е. восточную Волынь (к 1227 г.). Подручник князю Даниилу Романовичу князь Мстислав Ингварович получил Перемиль и Межибожье;[10] последнее осталось позднее за некиим Борисом, видимо, сыном Мстислава Ингваровича. Спустя некоторое время был занят Белз[11] (его «прия» князь

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 720.
[2] Там же, стб. 721.
[3] Там же, стб. 729.
[4] Там же, стб. 730.
[5] Там же, стб. 731.
[6] Там же, стб. 732.
[7] Там же, стб. 751.
[8] Там же, стб. 752.
[9] Там же, стб. 751.
[10] Там же, стб. 753.
[11] Там же, стб. 763, 771—772.

Василько) — важный центр на пути из Волыни в Венгрию, географически и политически стоявший между ними; при этом князь Александр Всеволодович был устранен. У бояр был отобран город Плеснеск,[1] у немецких крестоносцев — Дорогичин (1237 г.).[2]

Но власть князя Даниила в это время фактически простиралась на территорию, более обширную, чем отмеченная вышеперечисленными центрами. Вскоре он впервые появился у Перемышля,[3] а в борьбе за Галич собирал «вои» почти со всей Галичины («собрав землю галичкую... от Боброкы даже и до реки Ушици и Прута»).[4] Победа над боярством и объединение земель были закреплены в Ярославской битве (1245 г.), хотя Понизье и болоховские земли ушли из-под власти волынского князя.

Такова картина роста земельных владений князей Романовичей, а также распределения земель между ними, как она восстанавливается по летописи. Эта картина будет неполной, если не добавить, что князь Даниил основал два крупных города — Холм и Львов; один господствовал над западным пограничьем Волыни, контролируя «Украину»; другой был оплотом княжеской политики в гнезде боярской оппозиции — западной Галичине и «горной стране Перемышльской»; с основанием Холма, по освобождении Галичины, Даниил Романович передал город Владимир брату Васильку. К сожалению, владимирский редактор не пожелал сохранить с должной полнотой материал, относящийся к этим событиям: об основании Львова он совсем не сообщил, о возникновении Холма сохранил лишь часть первоначальной повести.[5]

Особенно ясно скудость содержания изучаемого источника обнаруживается при рассмотрении известий его о западной Галичине — «горной стране Перемышльской» (см. ниже).

Изучение галицко-волынского летописания мы начинаем с предварительного выяснения состава Киевской летописи 1238 г. Это необходимо по следующим соображениям.

До сих пор полагали, что киевское летописание, представленное в Ипатьевской летописи, по неизвестным причинам обрывается на 1200 г. и что следом начинается самостоятель-

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 770.

[2] Там же, стб. 776.— После нашествия татаро-монголов Дорогичин не подчинился князю Даниилу, и последний брал его «копьем», выбивая «держателя» — боярина.

[3] Там же, стб. 776.

[4] Там же, стб. 759.

[5] Кстати отметим, что владимирский редактор обещал рассказать и об основании города Галича, но слова своего не сдержал.

ная Галицко-Волынская летопись. Мы же считаем, во-первых, что киевское летописание продолжалось до 1238 г., до татаро-монгольского нашествия; во-вторых, что Киевская летопись 1238 г. вошла в состав волынского княжеского свода Даниило Романовича в качестве одного из основных его источников.

Для обоснования этих положений нам необходимо в первую очередь выявить Киевскую летопись 1238 г., как таковую.

2. *Киевская летопись 1238 г.*

Киевская летопись 1238 г.— летописный памятник, идущий от одного из наиболее сложных периодов в истории нашего народа и в истории русского летописания,— от XIII в. Сложность состава летописных источников этого времени есть следствие широкого развития в отдельных княжествах летописной работы, начинающей все чаще выходить за пределы своего княжества, вплетаясь в летописные памятники других земель. Эта сложность вместе с тем — яркое свидетельство роста политического и культурного единства русского народа в пору феодальной раздробленности. Киевская летопись 1238 г. является тому свидетельством.

А. А. Шахматов полагал, что Воскресенская летопись, содержащая оригинальные известия по истории юго-западной Руси XII в., порой близкие тем, которые имеются в Ипатьевской летописи, черпала их из митрополичьего свода (Полихрона) начала XIV в. Однако М. Д. Приселков в своем основном труде по истории русского летописания убедительно показал, что предполагавшегося Шахматовым свода не существовало, а Воскресенская летопись пользовалась непосредственно одним из списков Ипатьевской.[1] С выводами М. Д. Приселкова согласился и Д. С. Лихачев.[2]

Мы считаем, что Воскресенская летопись пользовалась (в отношении южных известий первой трети XIII в.) сходным с Ипатьевским списком, в котором читалась Киевская летопись, доводившая свое изложение до 1238 г. и являвшаяся естественным продолжением Киевской летописи Рюрика Ростиславича. Анализ текста этой летописи (как она отразилась в Воскресенской) затрудняется тем, что Воскресенская летопись, как известно, обнаруживает следы сближения с одним из списков, аналогичным ныне имеющимся спискам Ипатьевской летописи, а также с Новгородской владычной

[1] М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв., стр. 46, 95 и др.

[2] Д. С. Лихачев. Русские летописи, стр. 432.

летописью.[1] Воскресенская летопись хранит в себе Киевскую летопись 1238 г. не в чистом виде, а сближенную по крайней мере с ее новгородской и галицко-волынской переработками. Объясняется это следующим.

Установлено, что Новгородская владычная летопись содержит свидетельства пользования южной летописью первой трети XIII в. А. А. Шахматов полагал, что составитель Новгородской синодальной летописи (начала XIV в.) почерпнул свои южнорусские известия XIII в. из того же митрополичьего свода (Полихрона) начала XIV в.,[2] существование которого ныне не признается. С другой стороны, М. Д. Приселков высказал мнение, что последним письменным источником южного летописания для летописания новгородского (как это видно из Синодального списка) был какой-то киевский летописец, доводивший свое изложение до 1237 г. включительно (последнее известие этого года — прибытие в Киев митрополита Иосифа из Никеи), почему взятие татарами Киева в 1240 г. в новгородском летописании XIV в. осталось неотмеченным.[3]

Мы постараемся показать, что Новгородская владычная летопись черпала южные известия XIII в. из Киевской летописи 1238 г.

---

[1] М. Д. Приселков. Указ. соч., стр. 55, 117, 150, 176 и сл.; ср. Д. С. Лихачев. Указ. соч., стр. 472; ср. А. А. Шахматов. Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв., Л., 1938, стр. 257.

[2] А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 130—131.— Впрочем, в одной из последних своих работ А. А. Шахматов высказал предположение, что «в Новгороде уже в XIV в. находился южнорусский летописный свод, заключавший в начале летопись, сходную с Повестью временных лет, а затем летопись южно-русскую (или специально Киевскую, волынскую?) и оканчивающуюся сказанием о Калкской битве...» См. А. А. Шахматов. Киевский начальный свод 1095 года. В кн.: «Академик А. А. Шахматов». Сборник статей и матер. под ред. С. П. Обнорского, М., 1947, стр. 149; ср. М. Д. Приселков. Указ. соч., стр. 117.

[3] М. Д. Приселков. Указ. соч., стр. 55, 150.— Ср. История русской литературы, изд. АН СССР, т. II, ч. 1, М., 1941, стр. 115 («Вопрос о появлении в Новгородской I летописи общерусских известий... окончательно еще не разрешен»). Мы не входим в рассмотрение мысли В. Л. Комаровича о существовании рязанского летописного свода XIII в., который им расценивается как один из источников новгородского и волынского летописания. Трудно поверить в существование свода, который якобы «был сплошной обвинительной речью патриота-народолюбца против... русских князей» (см. там же, стр. 76). Непонятно, чей же это был свод? Не правильнее ли будет допустить, что известия этого рода о Рязани попали в общий источник Новгородской и Волынской летописи из народного, устного, может быть и записанного, эпического сказания, подобного тому, что отражено в «Повести о Николе Заразском» (см. Д. С. Лихачев. Повести о Николе Заразском.— Труды Отдела древнерусской литературы Ин-та русской литературы АН СССР, т. VII, М.—Л., 1949, стр. 261).

Наконец, А. А. Шахматов полагал, что северные известия, читающиеся в Галицко-Волынском своде начала XIV в., попали туда все из того же им предполагаемого Полихрона начала XIV в. М. Д. Приселков показал, что это не так, и высказал предположение, что составитель Галицко-Волынского свода начала XIV в. воспользовался для пополнения своего труда не Полихроном начала XIV в., а сводом первой половины XIII в., который он считал аналогичным Владимирскому своду 1239 г. [1]

Мы постараемся обосновать то положение, что источником, из которого северные известия проникли в галицко-волынский текст XIII в., была также Киевская летопись, доводившая свое изложение до 1238 г.

Если выделить все известия южной летописи XIII в., как она отразилась в летописи Воскресенской, то легко заметить, что в центре внимания этой летописи находилась деятельность смоленских князей Ростиславичей, их успехи в борьбе за княжеские столы Киева, Новгорода и Галича.

Летопись эта довольно полно отразила деятельность Мстислава Романовича, князя смоленского, а затем киевского: вступление его на смоленский стол (1198); [2] участие в борьбе за Галич и Киев (1206—1207); [3] занятие им Киева (1212); [4] помощь его Мстиславу Удалому в новгородских делах (1215) [5] и в делах галицких — (1220); [6] правление его сыновей Святослава и Всеволода в Новгороде (1219 [7] и 1221 [8]) и, наконец, трагическую гибель князя на Калке. [9]

Следила эта летопись за судьбами и другого Ростиславича — Мстислава Мстиславича Удалого: отмечается его близость Мстиславу Романовичу (1207); [10] его участие в занятии Киева Ростиславичами (1212); [11] борьба за новгородский стол, когда Удалой пользовался поддержкой Мстислава Романовича и смоленских сил (1215) [12] и (1216); [13] участие и недостойное поведение Мстислава Удалого в битве на Калке (1223); [14] специально отражена и галицкая политика Мстисла-

---

[1] М. Д. Приселков. Указ. соч., стр. 93; ср. стр. 47.
[2] ПСРЛ, т. VII, стр. 106.
[3] Там же, стр. 112—113, 114—115.
[4] Там же, стр. 118.
[5] Там же, стр. 119—120.
[6] Там же, стр. 128.
[7] Там же, стр. 126.
[8] Там же, стр. 128.
[9] Там же, стр. 129—132.
[10] Там же, стр. 114.
[11] Там же, стр. 118.
[12] Там же, стр. 119—120.
[13] Там же, стр. 120—124.
[14] Там же, стр. 129—132.

ва (1214,[1] 1219,[2] 1220,[3] 1221[4]); наконец, сообщение о его смерти на пути в Киев (1228).[5]

Внимательна эта летопись и к Владимиру Рюриковичу: отмечается его участие в походе на Киев,[6] его пребывание в Москве (1213)[7] и Переяславле (1213—1215);[8] помощь его Мстиславу в новгородских делах (1215[9] и 1216[10]) и в галицких;[11] занятие им киевского стола (1223)[12] и потеря последнего в результате столкновения с Изяславом Мстиславичем Смоленским (сыном Мстислава Романовича).[13] Занятие Киева Изяславом Мстиславичем и дальнейшее освещение этой летописью княжеских смен (до 1238 г.) в Киеве едва ли восстановимо.[14]

Фиксировала летопись и смерти представителей смоленского княжеского рода: Давыда (1198),[15] Рюрика Ростиславича (1215),[16] Ростислава Рюриковича (1218),[17] Константина Давыдовича (1218),[18] Давыда Мстиславича Торопецкого (1225),[19] Мстислава Удалого (1228),[20] Мстислава Давыдовича Смоленского (1230).[21] Отражались в этой летописи и события внутренней жизни Смоленска, например, мор (1230).[22] Кроме того, летопись была в курсе важней-

---

[1] ПСРЛ, т. VII, стр. 119 (о занятии Галича Ростиславом Рюриковичем под 1210 г. см. там же, стр. 116—117). Это известие опущено в своде князя Даниила (ПСРЛ, т. II, стб. 719—721).

[2] Там же, стр. 126.

[3] Там же, стр. 128.

[4] Там же.

[5] Там же, стр. 134.

[6] Там же, стр. 118.

[7] Там же, стр. 119.

[8] Там же.

[9] Там же, стр. 119—120.

[10] Там же, стр. 120—124.

[11] Там же, стр. 126.

[12] Там же, стр. 132.

[13] Там же, стр. 138 (ср. Новгор. I лет., СПб., 1888, стр. 245, где Синодальный список сохранил южный колорит, а Комиссионный утратил его).

[14] Хотя смоленские Ростиславичи и занимали после этого киевский стол: Владимир Рюрикович (ПСРЛ, т. II, СПб., 1908, стб. 753, 766, 772), Ростислав Мстиславич (там же, стб. 782).

[15] ПСРЛ, т. VII, стр. 106.

[16] Там же, стр. 119.

[17] Там же, стр. 125.

[18] Там же.

[19] Там же, стр. 133.

[20] Там же, стр. 134.

[21] Там же, стр. 137.

[22] Там же.

ших событий рязанских,[1] черниговских[2] и, вероятно, суздальских.[3] Собственно киевские события сохранились менее всего, так как ни в Новгороде, ни во Владимире, ни в Галиче местные деятели летописания, пользуясь Киевской летописью, не проявили интереса к этой стороне ее содержания, хотя сведения о переменах на митрополичьем столе (1220[4] — 1224,[5] 1237[6]) были использованы ими.

Наконец, о двух крупнейших событиях политической жизни (Липецкая битва, Калкская битва), в которых деятельное участие принимали Ростиславичи, летопись содержала специальные повести. Такова Киевская летопись Ростиславичей.

Если теперь мы вспомним, что киевским летописанием XII в. «была прочно усвоена традиция, созданная печерскими сводами конца XI — начала XII вв. в деле составления летописцев в связи с переменами на киевском столе», и что «каждый киевский князь по-своему и своими средствами стремился поддержать эту традицию, озабочиваясь своевременным записыванием текущих дел и событий»,[7] то нетрудно будет допустить, что занимавшие киевский стол Мстислав Романович (1212—1223) и Владимир Рюрикович (1223—1235—1238) не нарушили существующей традиции, и киевское летописание продолжалось до 1238 г.

К сожалению, эта *Киевская летопись* XIII в. *до нас не* дошла. Она, видимо, примыкала к Киевской летописи Рюрика Ростиславича, которая дошла до нас с обрубленным (на 1200 г.) концом, ибо ее содержание почему-то не удовлетворило галицко-волынского автора, хотя следы пользования ею (до 1238 г.) и сохранились (об этом ниже) в галицко-волынском летописании. Понятно, что определить степень полноты содержания Киевской летописи, как она нами обрисована выше, затруднительно. Но есть источник, который позволяет проверить наше построение и даже пополнить Киевскую летопись рядом неизвестных исторических фактов. Этот источник — «Historia Polonicae» Яна Длугоша (XV в.).

---

[1] Там же, стр. 124—125.

[2] Там же, стр. 117.

[3] Судя по политическим связям княжившего в Киеве Владимира Рюриковича (там же, стр. 137); ср. Лавр лет.— ПСРЛ, т. I, в. 2, Л., 1927, стб. 456—457, которая, видимо, пользовалась южным источником, сохранив даже имя киевского тысяцкого и князей — участников феодального съезда («снема»).

[4] ПСРЛ, т. VII, стр. 128.

[5] Там же, стр. 132—133.

[6] Там же, стр. 139.

[7] М. Д. Приселков. Указ. соч., стр. 53.

Уже К. Н. Бестужев-Рюмин поставил вопрос о необходимости изучения русских известий, заключенных в труде Яна Длугоша; работы же Д. Гиргензона, Г. Цейссберга, А. Семковича и других достаточно выяснили характер труда польского хрониста [1] и показали, что Я. Длугош, во-первых, достоверен постольку, поскольку достоверны его источники и, во-вторых, поскольку сообщаемые этими источниками сведения соответствовали взглядам его на польскую историю. Таким образом, не правы были те представители русской дворянской и буржуазной историографии, которые, не изучая, отвергали источники Яна Длугоша.

Не имея возможности изложить в настоящей работе результаты изучения «Historia Polonicae», отметим лишь одно важное для нас обстоятельство, а именно: русский летописный источник Яна Длугоша для XIII в. обрывался на сообщении о вторжении татар в смоленскую и черниговскую земли (1238), почему о занятии Киева татарами Длугош не знал, как не знала об этом и Синодальная новгородская летопись.

Анализ содержания русских известий, привлеченных Длугошем для изучаемого времени, приводит к убеждению, что Длугош не имел Галицко-Волынской летописи нынешнего состава, а держал в руках летопись, бывшую естественным продолжением Киевской летописи Рюрика Ростиславича, известной нам лишь до 1200 г.

Просмотрим русские известия Длугоша за изучаемый период. [2] Они идут в его труде целой полосой под 1198, 1199, 1200, 1202, 1204, 1205, 1207, 1208, 1209, 1210, 1211, 1212, 1216, 1218, 1220, 1221, 1222, 1225, 1228, 1229 гг., причем хронология Длугоша почти всегда требует существенных коррективов.

Основная часть известий оказывается связанной с деятельностью смоленских Ростиславичей: [3] вступление по смерти

---

[1] К. Н. Бестужев-Рюмин. О составе русских летописей до конца XIV в., СПб., 1868, стр. 64 и сл.; J. Girgensohn. Kritische Untersuchungen über das VII Buch der Historia Polonicae des Dlugosh, Cöttingen, 1872, S. 8, 13 passim; G. Zeissberg. Die polnische Geschichtsschreibung des Mittelalters, Lpz., 1873; A. Semkowicz. Krytyczny rozbiór dziejów Jana Długosza (do roku 1384). Nakładem Akad Umiejętności, Kraków, 1887, str. 11—13.

[2] J. Dlugossii. Op. cit., t. II, lib. VI, Cracoviae, 1873. (В дальнейшем цит. J. Dlugossii.)

[3] Если опустить известия о Романе Мстиславиче Галицко-волынском под 1199, 1200, 1204 и 1205 гг. (J. Dlugossii, p. 154—155, 158, 170—171, 172—176), носившие, видимо, враждебный Роману характер; присутствие же известий, связанных с судьбами Галичины, характерно для киевского летописания; вполне допустимо и наличие в Киевской летописи известия (под 1205 г.) об истреблении князем Глебом Рязанским своих братьев (Лавр. лет. под 1217 г.—J. Dlugossii, p. 182).

Святослава на киевский стол Рюрика Ростиславича;[1] его изгнание; разорение им Киева совместно с Ольговичами («habent etiam in suo comitatu filios Olh») и половцами;[2] участие его,[3] а также Ростислава Мстиславича[4] в походе на половцев; пострижение Рюрика и пленение его сыновей Ростислава и Владимира, князем Романом галицко-волынским;[5] успешный поход Ольговичей на Литву;[6] изгнание Романом из Киева Святослава Мстиславича (сына Мстислава Романовича Смоленского?) и занятие города Ростиславом Рюриковичем; освобождение Романом из плена князя Владимира Рюриковича;[7] победа Владимира (Рюриковича?), Константина (Всеволодовича) и Мстислава (Мстиславича) над Юрием и Ярославом Суздальскими;[8] отсутствующее в наших летописях известие[9] о походе Владимира Рюриковича с дружинами смоленскими, Романом Борисовичем[10] и сыновьями Давыда Смоленского Константином, Мстиславом и Ростиславом на Литву.

Далее идет ряд известий о Галичине: вторжение Мстислава Удалого с половцами в Галичину, занятие им Галича и бегство Ко́ломана.[11] Затем следует нечто вроде повести о разгроме венгерско-польских войск Мстиславом Удалым совместно с Владимиром Рюриковичем, Ростиславом Давыдовичем и

---

[1] J. Dlugossii, p. 154, под 1198 г. (Ипат. лет. под 1194 г.).

[2] Ibid., p. 164—165, под 1202 г. (Лавр. лет. под 1203 г.). Сообщение заканчивается словами: «Captivati et sub eodem tempore fuerunt, Msczislaus Wlodimirowicz, item Roscislaus Dux et militia eius per Polowezos» (p. 165). Длугош ошибся при переводе; см. Лавр. лет. под 1203 г.

[3] J. Dlugossii, p. 176 (Лавр. лет. под 1205 г.).

[4] Сын Мстислава Романовича; ср. Лавр. лет. под 1205 г. («и Мстиславич»); ср. Новгор. I лет. (Комиссионный список) под 1203 г., стр. 179.

[5] J. Dlugossii, p. 176—177; ср. Лавр. лет. под 1205 г., Воскр. лет. под 1203 г

[6] J. Dlugossii, p. 177; ср. Новгор. I лет., где предыдущий текст разбит вставкой повести о Царьграде (стр. 179), Воскр. лет. под 1203 г.

[7] J. Dlugossii, p. 177 (под 1205 г., Воскр. лет. под 1203 г.). Роман изгнал Святослава Мстиславича «со срамом» — «cum ingnominia exturbat et depellit» (p. 177). Далее у Длугоша читалось известие, что князь Лешко Белый приказал повесить кн. Святослава: «patrem Agasie, quae postea Conrado Masoviae Duci nupta erat» (p. 179); видимо, речь идет о Святославе Игоревиче.

[8] J. Dlugossii, p. 179—180 под 1206 г. (Воскр. лет. под 1216 г.); отрывок кончается: «Caesa feruntur eo praelio Ruthenorum plusquam decem milia» (p. 180). Ср. Воскр. лет. под 1216 г.

[9] J. Dlugossii, p. 181 под 1207 г.

[10] Брат Всеволода Борисовича Псковского? См. Новгор. I лет., стр. 195.

[11] J. Dlugossii, p. 182—184 (под 1208 г.); на стр. 183 — имя половецкого союзника Мстислава Dux Miczegewicza (Вар. Nisferwica, Miciewnica).

Ростиславом Мстиславичем (сыном Мстислава Романовича Киевского?); эта повесть заканчивается сообщением о тщетных попытках венгерского короля Андрея добиться у Мстислава Удалого освобождения королевича Коломана.[1] После этого описываются отъезд Мстислава в Киев, где он проводит некоторое время в весельи у князя Мстислава Романовича;[2] переговоры Мстислава с королем Андреем и соглашение между ними.[3]

Затем идет известие о битве на Калке, когда Мстислав Романович Киевский, Мстислав Мстиславич Галицкий, Владимир Рюрикович (так!) и иные русские черниговские и смоленские князья понесли поражение от татар;[4] занятие после поражения на Калке киевского стола Владимиром Рюриковичем;[5] гибель князя Давыда Торопецкого (брата Мстислава Удалого) в походе на Литву под рукой Ярослава Всеволодовича;[6] к этому добавлено отсутствующее в русских летописях известие о разгроме князем Мстиславом Давыдовичем со смоленцами литовцев, грабивших окрестности Полоцка.[7] Следует вновь ряд известий о галицкой земле: уступка Мстиславом Удалым Галича Коломану, уход Удалого в Торческ, смерть его в следующем году и погребение в Киеве,[8] набег на Каменец черниговских князей, поддержанных смоленцами и половцами князя Мстислава (Давыдовича?);[9] занятие Галича Даниилом Романовичем;[10] неудачная попытка венгер-

---

[1] J. Dlugossii, p. 184—188 (под 1209 г.) около 1222 г.; подробнее о содержании этой повести см. дальше.

[2] Ibid., p. 188.

[3] Ibid., p. 190 (под 1210 г. около 1227 г.); далее следует у Длугоша под 1211 г. довольно сомнительное в отношении достоверности известие (р. 190) о победе поляков над князьями Святославом Мстиславичем и четырьмя другими (Юрий, Ярослав, Владимир и Константин), пленении последних и освобождении за выкуп. Думаю, что это известие — плод творчества Длугоша для нейтрализации поражения, описанного под 1209 г. Подобные факты встречаются в труде Длугоша.

[4] Ibid., р. 193—195, под 1212 г. (ср. Воскр. лет.— ПСРЛ, т. VII, под 1223 г.). Перед тем, возможно, русское известие о комете (р. 192). Известие сходно с Воскр. лет.; упомянуто о татарском посольстве (р. 194); точно переведенные места совпадают текстуально, напр.: «Et aliquibus Dicibus at militibus Russiae in equis euntibus, aliquibus in navibus perveniunt usque ad Protholcze» (р. 194). Ср. Воскр. лет.— ПСРЛ, т. VII, стр. 130: «и сташа у реки Хортици на броде на протолчьи».

[5] Ibid., р. 195; ПСРЛ, т. VII, Воскр. лет. под 1223 г.

[6] Ibid., р. 202 (под 1216 г. ПСРЛ, т. I, в. 2, Лавр. лет. под 1225 г.)

[7] Ibid., р. 202, под 1216 г. «Dux Mscislaus Davidovicz cum Smolnensium militia celeri cursu in Poloczko adveniens, Lithuanos incautos offendens, absque numero sternit et occidit».

[8] Ibid., р. 207, под 1218 г. (Лавр. лет. под 1228 г.), подробнее см. дальше.

[9] Ibid., р. 207—208, под 1218 г.

[10] Ibid., р. 210, под 1220 г. (около 1230 г.).

ского короля Андрея с сыновьями Белой и Коломаном вернуть Галич;[1] занятие Коломаном (?) без боя Галича;[2] смерть его (?) через три года от болезни или вследствие отравления; занятие Галича Даниилом Романовичем;[3] приход князя Изяслава (Мстиславича, сына Мстислава Романовича); разгром им войск князя Даниила и пленение союзников последнего — Владимира (Рюриковича) и его брата (?); сообщение о том, что позднее галицкое княжество было им передано «Михалке (Михаилу Всеволодовичу Черниговскому).[4]

Наконец, следуют известия о нашествии татар, разорении ими земли рязанской, гибели местных князей; зимой того же года — опустошение земли суздальской и гибель князя Юрия с сыновьями и Владимира (Василька?) князя Ростовского;[5] нападение татар на земли смоленскую и черниговскую и опустошение их.[6]

На этом обрывается летописный текст, использованный Длугошем.

Какое же общее заключение можно сделать из этих известий о летописи, использованной Длугошем?

В центре внимания этой летописи находилась деятельность все тех же князей Ростиславичей (Рюрика Ростиславича, Мстислава Романовича, Мстислава Мстиславича и Владимира Рюриковича), уделено в ней должное место судьбам галицкого княжества — объекта политических интересов смоленско-киевских князей; кроме того, в этой летописи читались пространные сообщения (повести) о Липецкой битве, Калкской битве и победе Мстислава Удалого и Владимира Рюриковича над венгерско-польским войском.

Таким образом, очевидно, что Киевская летопись 1238 г. предполагавшегося нами состава действительно существовала и была использована Яном Длугошем при написании им своего труда.[7]

Мы не можем, конечно, определить степень использования Яном Длугошем Киевской летописи 1238 г., но и добытый ре-

---

[1] Ibid., p. 211, под 1221 г. (около 1230 г.).

[2] Ibid., p. 213, под 1222 г.

[3] Ibid., p. 219, под 1225 г. (около 1234 г.).

[4] «Propter quod arx et regio Haliczіensis in ditionem Michalconis Ducis, favente Jszaslao, concessit» (ibid., p. 219; ПСРЛ, т. VII, Воскр. лет. под 1235 г.). Форма «Михалко», конечно, была в русском оригинале.

[5] Ibid., p. 228, под 1228 г. (ПСРЛ, т. I, в. 2; Лавр. лет. под 1237 г.).

[6] Ibid., p. 231, под 1229 г. (Лавр. лет. под 1239 г.). Известие Длугоша под 1233 г. об изгнании Владимиром Рюриковичем из Киева латинских проповедников можно отнести к Киевской летописи, но трудно датировать его (ibid., p. 240).

[7] Доказательство того, что Длугош пользовался не многими русскими летописями, а лишь одной, оставляем до специальной работы, посвященной труду Длугоша.

зультат (в сопоставлении с Воскресенской) оказывается полезным при анализе отражения ее в местном (галицко-волынском и новгородском) летописании.

Поиски и изучение следов Киевской летописи 1238 г. в галицко-волынском летописании серьезно затрудняются тем, что сама история летописания юго-западной Руси разработана крайне недостаточно.

В конце XII — начале XIII в. сильнейшими политическими объединениями в русской земле были княжества Владимиро-Суздальское и Галицко-Волынское, которые вели между собой борьбу за политическое господство на Руси, стремясь при этом овладеть номинальной столицей Руси — Киевом, продолжавшим оставаться крупным экономическим центром, местом пребывания главы русской церкви — митрополита, и сохранявшим значение важного политического центра — центра дипломатических связей с половецкой степью. Князь Даниил Романович Волынский, едва положив конец существованию вновь возникшего после гибели Романа Мстиславича Галицкого княжества, немедленно выступил с притязаниями на Киев и на руководство всей Русью; той же политики держались князья северо-восточной Руси, Юрий и Ярослав Всеволодовичи.

Летописная работа, ведшаяся при дворах этих князей, разумеется, отражала вышеуказанные политические установки. В данном случае нас интересует «Летописец» Даниила Галицкого, изучение которого началось в указанной статье Л. В. Черепнина. «Летописец», который мы назовем княжеским летописным сводом 1246 г., был составлен уже в то время, когда князь Даниил Романович объединил в своих руках юго-западную Русь. Летописный свод 1246 г. отличался крупными литературными достоинствами: основываясь на широком охвате летописного материала, автор настойчиво подчеркивал мысль об «отчинном» праве князя Даниила Романовича не только на Волынь и Галичину, но и на первенство в Киевщине и всей Руси. При этом автор старательно скрывал, что этого единства Волыни и Галичины под властью Даниила Романовича долгое время не существовало.

Указанными особенностями свода 1246 г., видимо, и объясняется то, что историки забыли о его волынском происхождении, и сообщения его о галицкой истории времен существования самостоятельного Галицкого княжества, особенно под рукой Мстислава Удалого (1219—1228), принимали на веру, без должной критики.

Если мы вспомним, что кратковременное объединение Волыни и Галичины, осуществленное отцом князя Даниила, Романом Мстиславичем (1199—1205), не смогло, невзирая на всю твердость его политики, долго сохраниться и после его

смерти сменилось прежним разделением на два крупных княжества; если вспомним, далее, о традиционном стремлении галицких князей утвердиться на Волыни или подавать свою «галицкую помощь» врагам волынских князей, то мы вправе ожидать, что летописный свод Даниила Романовича не смог нам оставить беспристрастного описания галицкой истории за время до утверждения на галицком столе князя Даниила Романовича.

И действительно, внимательно просмотрев текст Ипатьевской летописи, относящейся к 1205—1229 гг., и выбрав материал, характеризующий деятельность Мстислава Удалого, мы без труда убедимся, что имеем дело с автором (сводчиком), не дружественным галицкому князю. Рассмотрим этот материал.

Само занятие Мстиславом Мстиславичем города Галича, куда он прибыл по приглашению польского князя Лешко Краковского в 1219 г., объяснено тем, что Даниил Романович якобы не пожелал этот город занимать («Мьстислав же поиде на Галичь со светом Лестьковым, Галичани же вси и Соудислав послашася по Данила. Данил же не утяже ехати, а Бенедикт Лысы бежа во Оугры со Соудиславом, а Мьстислав седе в Галичи». [1]

Следующее упоминание Мстислава — лишь повод для последующего перечисления потомства Даниила Романовича («поя у него Данил дщерь Анну»).

Князь Даниил Романович ездил в Галич, чтобы пригласить Мстислава выступить против Лешко Краковского, захватившего часть «отчины» Даниила. Мстислав отказал ему, заявив: «сыну, за первую любовь (т. е. договор.— *В. П.*) не могу на нь востати, а налези собе други». Казалось бы, верность договору — хорошая черта, но на фоне дальнейших событий она приобретает отрицательный характер.

Лешко польский совместно с венгерским королем Андреем II двинулся в наступление на Галичину. Мстислав Удалой, хотя и действовал в союзе «со всими князями рускыми и черниговскыми», но почему-то «не могшу биться со Угры». Поэтому он «просяще зятя своего Данила и Олександра» взять на себя оборону галицкой крепости. Александр, князь Белзский, отказался («не смевьшю»), но Даниил Романович заперся с войском в Галиче. Он выдержал осаду («многу бою бывшю»), отбив наступление венгеро-польских войск. Однако Мстислав предложил Даниилу Романовичу очистить Галич («поведавшю Данилови: «изииди из града»), так как захватчики в это время разбили Мстислава и «прогнаша» его «изь земле».

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 731—732.

Даниил Романович успешно вывел войско из города и привел его на юг к городу Кучельмину, где встретился с Мстиславом. Здесь Мстислав «великую похвалу створи» Даниилу и дал ему великие «дары» и «конь свой сивый». Затем Мстислав отпустил князя Даниила на Волынь («поиди, княже, в Володимерь, а яз пойду в Половци мьстиве сорома своего»).[1]

Венгерско-польские войска, заняв Галич, выступили против Волыни. Князьям Даниилу и Василько Романовичам пришлось трудно. Между тем Мстислав, собрав половцев, осадил и занял Галич, захватив в плен королевича Андрея.

Цель дальнейшего изложения — как-то приобщить и князя Даниила к этой победе. Сделано это не без уменья. Князь Даниил опоздал, он пришел вместе с тысяцким Демьяном «в мале дружине», когда город был уже занят Мстиславом. Это обстоятельство летописец благоразумно затушевал радостным сообщением о том, что оба князя остались живы («не бе бо приехал во время, то потом же приеха Данил ко Мьстиславу и бысть радость велика: спас («бо их» — добавлено в Хлебник. списке) бог от иноплеменьник».[2] Кроме того, здесь же сообщено, что Мстислав неосмотрительно передал в держание город Звенигород боярину-изменнику Судиславу.

Князь Даниил отправил к князю Лешко своего тысяцкого — посла Демьяна, который добился от польского князя прекращения помощи князю Александру Белзскому, врагу Даниила Романовича. Даниил Романович хотел было вернуть Белз, выступив против Александра, но Мстислав прислал посла, сказав: «пожалуй брата Олександра», и князь Даниил должен был вернуться во Владимир. Как видим, Мстислав Галицкий мешал усилению Даниила Волынского; едва ли нужно добавлять, что Александр Белзский охарактеризован в княжеском своде вполне отрицательно.

Отрывок, посвященный битве на Калке, как ниже увидим, многое объясняет в составе известий о Мстиславе Удалом. Просмотр известий о Калке позволяет обнаружить, что здесь текст княжеского свода неоднороден и содержит ряд вставок в какой-то первоначальный летописный текст. В самом деле, мы встречаем сообщение о том, что у города Олешье соединились половцы и все русские князья и переправились через Днепр («Днепр перешедшим...»), а далее вновь читаем: «Переидоша же вси князи... реку Днепр... и поидоша в поле Половецкое...»[3]

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 735.
[2] Там же, стб. 738.
[3] Там же, стб. 742.

Ниже автор говорит, что Мстислав Удалой «повеле вперед перейти реку Калку Данилови с полкы и инем полком с ним, а сам по немь перейде; еха же сам в стороже». Получается несообразность: Мстислав, пропустив князя Даниила вперед, все же оказался впереди: «в стороже», т. е. в дозоре. О дальнейших действиях Мстислава на Калке ничего не говорится: все посвящено описанию подвигов Даниила Романовича. Только в объяснение того, что князья Мстислав Киевский и Мстислав Черниговский не приняли участия в битве, сказано: «Мстиславу (Киевский) же и другому Мьстиславу (Черниговский) седящема во стану не ведущема. Мьстислав (Удалой) не поведа има зависти ради, бе бо котора межю има». Таким образом, выходило, что Мстислав Удалой предал своих соратников, не известив их о появлении татар.

Следующий отрывок, хотя и в завуалированной форме, показывает, что Мстислав Галицкий продолжал традиционную политику галицких князей, стремясь овладеть Волынью. Автор пишет, что князь Александр Белзский узнал («слышав») о нелюбви Мстислава к Даниилу («яко Мьстислав не имеет любви к зятю своему Данилови») и склонил («понужаше») его выступить против волынского князя с оружием в руках. Мстислав Галицкий выступил в союзе с Владимиром Рюриковичем Киевским и Александром Белзским; Даниил, разумеется, нанес им поражение.

Князь Лешко, пытавшийся поддержать Мстислава, был остановлен послом князя Даниила, тысяцким Демьяном. В итоге дело свелось к переговорам в городе Перемиле, где князья «утвердиша мир». При этом Мстислав Галицкий вновь «прия зятя своего с любовью», почтил его и дочь свою Анну «великими дарами» и дал Даниилу «конь свой борзый Актаз, акого же в та лета не бысть».

Следующий отрывок любопытен тем, что он вновь свидетельствует об использовании составителем свода 1246 г. какой-то летописи, в которой на этот раз сообщалось о деятельности духовника Мстислава Удалого, Тимофея. Отрывок этот сохранился в княжеском своде только потому, что понадобился автору в качестве одного из фактов, обличающих венгерских захватчиков и поддерживавших их галицких бояр, с которыми князь Даниил непрерывно боролся.

Тимофей, как сообщала та летопись, вел идейную борьбу с венгерскими захватчиками; он сравнивал (вероятно, в проповеди) венгерского палатина Бенедикта Бора, занявшего Галич, с антихристом. За эти речи он подвергся гонениям со стороны палатина («бегаше бо Тимофей от лица его»). В другом месте той же летописи говорилось о помощи, оказанной Тимофеем князю Мстиславу Удалому в борьбе с боярством.

По распоряжению Мстислава, Тимофей ездил в Перемышль, куда из-за происков боярина Жирослава, сторонника венгров, бежали крупные галицкие бояре. Тимофей успешно справился с делом, и бояре вернулись в Галич. Процитировав этот отрывок из летописи, где читался текст о Тимофее, сводчик отделил его переходной фразой: «Мы же на преднее возвратихомся».[1]

Вполне естественно предположение, что Тимофей был близок автору летописи, использованной сводом 1246 г. Наконец, составитель свода счел долгом точнее определить личность Тимофея (как это, видимо, было сделано и в использованной сводчиком летописи): «бе бо Тимофей в Галиче премудр книжник, отечество имея во граде Кыеве».[2] Ниже мы вернемся к этому вопросу в связи с Киевской летописью 1238 г.

Мстислав Галицкий в своей политике постоянно наталкивался на сопротивление галицкого боярства, получавшего помощь из Венгрии. Недооценивая силу горожан и смердов и возлагая все надежды на половцев, хан которых Котян доводился ему тестем, Мстислав не смог сломить этого сопротивления. Стремясь найти выход из создавшегося положения, Мстислав выдал свою дочь замуж за венгерского королевича Андрея, дав ему в держание город Перемышль. Однако Андрей, пользуясь помощью галицких бояр и военной поддержкой польского князя, решил занять всю Галичину. В ходе нового наступления венгеро-польские войска заняли Перемышль, Теребовль, Тихомль, окружили Кременец. Мстислав Галицкий выступил с полками и в решающей битве разбил врагов так, что король венгерский «смятеся умом и поиде из земле борзо».

Эти события были кем-то своевременно записаны в Галиче. Составитель княжеского свода привлек их с целью упомянуть о Данииле Романовиче. Он сообщает, что в ходе этой борьбы Мстислав прислал своего посла, боярина Судислава, к Даниилу, прося: «Не отступай от мене»,[3] на что князь Даниил велел ответить: «Имам правду въ сердци своемь».

Этот эпизод дипломатических отношений между князьями легко выделяется из основного текста повествования галицкой летописи после слов: «И много угор избиша и раниша»;[4] между прочим и на этот раз сводчику 1246 года было нечем подкрепить ответ князя Даниила (сам по себе вполне возможный,

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 748, ср. стб. 721.
[2] Там же, стб. 722.
[3] Там же, стб. 749.
[4] Там же.

ибо князь волынский не был заинтересован в переходе Галичины под власть Венгрии), так как Даниил вместе с братом Василько пришел в гор. Городок уже после победы. Здесь велись переговоры. Романовичи предложили галицкому князю организовать преследование венгров, но князь Мстислав под влиянием своего советника, боярина Судислава, отказался. Волынские князья ни с чем ушли во Владимир.

Дальнейшие события также сложились не к выгоде Романовичей. Мстислав Галицкий передал Галич в держание своему зятю, венгерскому королевичу Андрею. По словам автора княжеского свода, Мстислав поступил так по совету боярина Судислава, говорившего ему: «оже даси королевичю, когда восхощеши — можеши взяти под нимь, даси ли Данилови, въ векы не твои будеть Галичь». Тот факт, что Мстислав с этим доводом согласился, оставив за собой Понизье, конечно, серьезно подрывает убедительность утверждения княжеского свода, что Мстислав «не хотящю дати королевичю, наипаче хотящю дати Данилови» Галич.[1]

Разберем последний отрывок, идущий после слов: «Мы же се оставлеше, на преднее возвратимъся».[2] Этот отрывок, как и большинство предыдущих, также касается дипломатических сношений Даниила с Мстиславом. Даниил Романович направил своего посла, тысяцкого Демьяна, к Мстиславу «река: „не подобаеть пиняном держати Черторыйска, яко не могу им терпеть“», т. е. просил разрешения отнять у пинских князей гор. Черторыйск. Мстислав передал князю Даниилу через Демьяна следующий ответ: «Сыну, сгреших не дав тобе Галича, но дав иноплеменьнику, Судислава льстьца светом, обольсти бо мя; ажь бог восхочеть поидеве на ня. Яз свавжю Половци, а ты своими. Аще бог дасть его нама, ты возми Галичь, а яз Понизье, а бог ти поможеть; а про Черторыеск прав еси». Таким образом, этот дипломатический отрывок, внесенный в летописный текст от имени Мстислава, освящал права Даниила Романовича на собирание «отчины».

Мы привели ряд отрывков из княжеского свода 1246 г. Встает естественный вопрос, откуда же почерпнул эти известия автор свода. Думаем, что последний отрывок более других поможет нам в поисках ответа. Отрывок имеет следующее продолжение: «Демьяну же приехавшу в великую субботу», далее следует: «наутрея же на велик день приехаста Данил и Василко ко Черторыйску; в понедельник на ночь обседоста град; тогда же и конь Даниилов застрелен бысть с города; наутрея же объехаста

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 750.
[2] Там же, стб. 752.

град Мирослав и Демьян, рекоста: «Яко предал бог враги наша в руку ваю...»[1] и т. д. Не остается сомнений, что этот текст внесен в летопись со слов очевидца и участника дела, который и приводил время действия с большой точностью («на утрея... на велик день», «в понедельник на ночь» и т. д.). Из двух упомянутых здесь лиц мы по ряду соображений остановимся на Демьяне.

Нам думается, что военно-дипломатическое содержание всех приведенных выше отрывков, а также неоднократное упоминание в них тысяцкого — дипломата Демьяна, позволяют с большой долей уверенности отнести их запись в княжеский свод с его слов. Если это так, то делается понятным вполне светский характер отрывков, уменье описывать военную обстановку, интерес автора к лошадям (о них упоминается трижды), наконец, предельно отрицательная характеристика боярина Судислава, с которым в ходе неоднократных дипломатических переговоров приходилось сталкиваться Демьяну, причем далеко не всегда к своей выгоде. Даже в тех отрывках, в которых Демьян не назван по имени, присутствие его легко подразумевается (поездка князя Даниила в Галич, с целью женитьбы на дочери Мстислава; поездка Даниила с предложением военного союза против Лешко, свидание у города Кучельмина, свидание в Городке).[2]

Мысль о том, что Мстислав признал права Даниила Романовича на Галичину, составитель свода подчеркнул еще раз и тоже, возможно со слов Демьяна: «Потомь же Мьстислав великый удатный князь умре, жадящю бо ему видити сына своего Данила. Глеб же Зеремеевич убежен бысть завистью — не пустяше его, оному же хотящю поручити дом свой и дети в руце его; бе бо имея до него любовь велику во сердце своемь».[3] Мы видим, что реальных проявлений этой любви в княжеском своде обнаружить не удается. Запись о смерти Мстислава в этом своде страдает некоторой неполнотой. Киевская летопись говорит об этом под 1228 г. следующее: «Преставися Мстислав Мстиславич, князь Торопечский, княжив в Галиче, и поиде в Киев, разболе же ся на пути и пострижеся во схиму и тако представисся»,[4] а еще точнее: «in ecclesia Sanctae crucis in Kyow, quam fabricaverat, sepelitur».[5]

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 752.— Подчеркнуто мной.— *В. П.*

[2] Ср. Л. В. Черепнин. Указ. соч., стр. 253.— С именем Демьяна следует связать также текст, идущий от слов: «Приде Лестко на Данила...» и т. д. до слов: «ехати къ Лестьку» (ПСРЛ, т. II, стб. 737).

[3] ПСРЛ, т. II, стб. 752.

[4] ПСРЛ, т. VII, стр. 134; ср. Лавр. лет., ПСРЛ, т. I, в. 2, стб. 450.

[5] J. Dlugossii, p. 207.

На основании изложенного можно полагать, что в составе свода 1246 г. князя Даниила Романовича находился ряд известий о Галицком княжестве, почерпнутых составителем свода из военно-дипломатических донесений тысяцкого Демьяна; часть же известий восходит к пока точнее неопределимой летописи, в которой имелся текст о битве на Калке, а также сообщалось о деятельности пребывавшего в Галичине киевского книжника Тимофея (о других составных частях свода см. ниже).

Если мы теперь, учитывая все вышеизложенное, просмотрим еще раз текст Ипатьевской летописи за XIII в., то убедимся, что княжеский свод хранит в себе значительные следы пользования Киевской летописью 1238 г. К ней мы отнесли вышеотмеченные тексты, связанные с именем Тимофея;[1] последний, как духовник Мстислава Удалого, присутствовал, конечно, при кончине князя и его погребении в Киеве, и, видимо, ему обязаны мы сведениями, имеющимися в Киевской летописи времен Владимира Рюриковича о действиях Мстислава в Галичине. Думаем также, что притча Тимофея о Бенедикте, упомянутая сводом князя Даниила, читалась в Киевской летописи; к перу же Тимофея следует отнести все, что связано с разгромом похода Бенедикта Бора на Галич.

При этом составитель княжеского свода 1246 г. использовал Киевскую летопись, где читался текст, сообщенный или записанный Тимофеем не целиком, а разбил его вставками из местного материала, относящимися к личности князя Даниила. Киевский текст шел от слов: «Мы же на преднее возвратимся, случившихся в Галиче»[2] до слов: «воротися в Пересопницю»;[3] здесь составитель свода известил читателя о своем намерении (которого не исполнил) вставить сказание о начале Галича («по семь скажемь о Галицине могиле и о начатьи Галича, откуду ся почал»); далее Киевская летопись идет до слов: «Данилови сущю».[4] Из этого же источника взят сводчиком текст о разгроме Мстистлавом Удалым войск венгерского воеводы Фильния. От слов: «Выиде Филя древле прегордый» до слов: «того не терпящю»[5] следует вставка и вновь идет текст: «изыиде же Филя» до слов: «загорде бо ся бе».[6] Далее следует вставка и вновь возвращение к тексту Тимофея от слов: «Филя же строя-

---

[1] Ср. Л. В. Черепнин. Указ. соч., стр. 253.
[2] ПСРЛ, т. II, стб. 721.
[3] Там же, стб. 722.
[4] Там же, стб 723.
[5] Там же, стб. 736.
[6] Там же.

ше ся на брань» до слов: «сведены быша со церкви».[1] Обличение боярина Жирослава, читающееся в этом тексте, сходно с обличением его в тексте Тимофея о поездке в Перемышль.[2]

Использовав Киевскую летопись, составитель свода, как мы видим, добавил сюда одно из сообщений тысяцкого Демьяна, долженствовавшее отметить участие князя Даниила в борьбе за галицкую независимость. Поскольку, однако, князь Даниил прибыл с войском уже после окончания битвы, то, естественно, место это в своде имеет достаточно искусственный вид; во всяком случае в Киевской летописи о князе Данииле в связи с этой битвой не упоминалось.[3] Зато там читалась обширная повесть о боевых делах Мстислава Удалого и Владимира Рюриковича в Галичине; видимо, эта повесть отличалась большими литературными достоинствами, и Длугош привел из нее довольно обширные выдержки.

В этой повести содержалась и специальная похвала Мстиславу, ибо, конечно, только на ее основе мог Длугош оформить такой текст: «Efferebatur autem tunc Msczislaus Msczislawicz Dux, quod et victoriam retulisset, et caedem in devictos Hungaros et Polonos fieri iussisset, a Ruthenis, qui in laetitiam effussi magnis voci ferabantur clamoribus dicentes: „O, magne Dux et victor Msczislae Msczislawicze! O, fortis accipiter ad conterrendum fortes et robustos, armaque illorum, transmissus a Deo. Desinent se glorifacere, qui te victo, sibi destinabant victoriam, quoniam a te omnes, magnifico et glorioso domino nostro, humiliati et conflicti sunt“».[4]

Что в Киевской летописи читался более полный текст, относящийся к Мстиславу, видим и из следующего: в своде 1246 г. сказано, что венгерский королевич Коломан с рыцарством укрылись в укреплении, созданном на церкви богородицы в Галиче, но что при этом они «изнемогаху жажею водною, не бе бо воды в них, и приехавшю же Мьстиславу и вдашася

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 738.
[2] Там же, стб. 747—748.
[3] J. Dlugossii, p. 184—188.
[4] Ibid., p. 186—187. («Похвалялся князь Мстислав Мстиславич, так как [мол] одержал победу и приказал сделать резню побежденных венгров и поляков русским; которые, полные радости, превозносили [его] громогласно говоря: „О, великий вождь и победитель, Мстислав Мстиславич, о, храбрый, посланный богом для устрашения храбрых и мощных и оружия их. Пусть перестанут восхвалять себя предназначавшие себе победу после твоего поражения, ибо все они уничтожены и разбиты тобой, великим и преславным господином нашим“».)

ему и сведени быша со церкви»,[1] об этом у Длугоша сохранена следующая деталь: «Siti de inde Colomanum et suos premente vas aquae illis a Msczislao transmissum est, quod pro magno munere acceptum, et in capita per mensuram distributum, vix dumidiae parti satisfecit»[2] — рыцарский жест в духе Удалого, который если вспомнить, «человав всех» и ушел один, когда новгородцы не пожелали продолжать с ним поход из Смоленска на Киев.[3]

Наконец, в Киевской летописи было отведено должное место будущему киевскому князю Владимиру Рюриковичу, который, оказывается, давал дельные военные советы князю Мстиславу перед боем у Галича.[4]

Следующий факт использования Киевской летописи сводом 1246 г. касается описания битвы на Калке. В Киевской летописи 1238 г. (как она отразилась в Воскресенской) повесть о битве на Калке имеет начало, текст которого в свое время был использован автором владимирского свода Юрия Всеволодовича,[5] но далее в своде Юрия следовало лишь краткое сообщение о разгроме князей на Калке, снабженное неодобрительным замечанием относительно решения южных князей затеять поход на татар («здумаша ити на ня, мняше, яко ти поидут к ним»).[6] Последней фразой, общей для свода Юрия и Киевской летописи, является фраза: «Котян Половецкий князь со инемы князи и со останком половець прибегоша, идеже зовется вал Половетцкий». Ниже мы еще коснемся причин такого отношения Юрия Всеволодовича к калкским событиям, теперь же посмотрим, что сообщалось о них в Киевской летописи 1238 г.

В этой летописи говорилось, что калкское событие произошло «при великом князи киевском Мстиславе Романовиче, внуце Ростислава Мстиславича». Говорилось в ней далее, что Котян, который «бысть тесть князю Мстиславу Мстиславичю Галичьскому», пришел со всеми князьями половецкими в Галич «и ко всем княземь Рускым», привезя многие дары («кони и вельбуды, буйволы, девкы»), которыми и «одари вси князи рускыи». Котян просил помощи против татар, заявляя: «аще ли не поможете намь, то мы нынче иссечены будем, а вы наутреи иссечены будете».

Выслушав эти речи, Мстислав Удалой «нача молитися

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 738.
[2] J. Dlugossii, p. 187.
[3] Новг. I лет., под 1214 г., стр. 196.
[4] J. Dlugossii, p. 185.
[5] ПСРЛ, т. I, в. 1, стб. 445—446.— О своде Юрия Всеволодовича см. М. Д. Приселков. История русского летописания, стр. 87 и сл.
[6] ПСРЛ, т. I, в. 1, стб. 446.

братии своей, князем Рускым», в результате чего и был созван совет князей в Киеве; этот текст был буквально использован составителем княжеского свода 1246 г., включая и обидную для достоинства владимирского князя фразу: «Юрья же князя великого суждальского не бы в том свете»; [1] правда, сводчик допустил промах, сохранив при имени Юрия титул «великий». Насколько близко следовал сводчик тексту Киевской летописи, видно и из того, что он переписал фразу: «Василка же не бе [в Киеве], бе бо в Володимере млад». В Киевской летописи имелся в виду князь Василько Константинович Ростовский, позднее отправленный Юрием Всеволодовичем на Калку; составитель же свода отнес эту фразу к Васильку Романовичу, находившемуся во Владимире Волынском.[2] С другой стороны, сводчик существенно сократил и переработал киевский текст.

Для удобства сличения текстов выпишем их, отмечая в Киевской летописи 1238 г. (по ее отражению в Воскресенской) курсивом то, что опущено составителем свода 1246 г. Даниила Романовича, а в тексте свода 1246 г.— курсивом то, что добавлено им к тексту Киевской летописи 1238 г.

Киевская летопись 1238 г.	Княжеский свод 1246 г.
«...И прииде же ту вся земля половецкая и вси князи, а из Киева *князь Мстислав со всею силою, а Володимер Рюриковичь со смолняны* и вси князи рустии и вси князи черниговстии, и смолняне и инии	«и приеха ту к ним вся земля Половецкая и *черниговцемь приехавшим и кияном и смоляном и инем странам всянам* [так!] *по суху же Днепр перешедшим, яко же покрыти воде быти*

[1] ПСРЛ, т. VII, стр. 130, ср. Ипат. лет.— ПСРЛ, т. II, стб. 741. В своде конца XV в. это известие опущено, см. ПСРЛ, т. XXV, М.— Л., 1949, с. 119. Здесь, сравнительно с Воскр. лет. вообще находим ряд пропусков, видимо, случайных: например, под 1223 г.: «а Василка не бе, в Володимери млад» (ср. ПСРЛ, т. VII, стр. 139); «Бог един весть их; но зде вписахом о них памяти ради князей руских и беды, яже суть им от них» (ср. ПСРЛ, т. VII, стб. 129); под 1235 г.: «а Михаил Всеволодичь со черниговъци» (в Эрмитажном списке это известие есть, Эрмитажный список 416б (Гос. публ. б-ка им. Салтыкова-Щедрина), стр. 372, ср. ПСРЛ, т. VII, стр. 138); под 1239 г.: «с Василком, и Всеволодомь, и с Володимером, и с мужи своими» (ср. ПСРЛ, т. VII, стр. 141); пропуск так же случайный, ибо выше их имена упомянуты (ПСРЛ, т. XXV, с. 127) и т. д.

Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить М. Н. Тихомирова, любезно предоставившего мне возможность работать над рукописями свода конца XV в.

[2] ПСРЛ, т. II, стб. 741.

страны. *Тогда же князь Мстислав Мстиславичь перебродися Днепр в тысящи вои на сторожи татарьскиа, и победи и, а останок их побѣже с воеводою Гомебяком, и ту имь не бе помощи...»* и т. д.[1]

от множества людей (лодей?)» и т. д.[2]

Как видим, составитель свода опустил важный материал, касавшийся деятельности князей Ростиславичей — Мстислава Удалого и Владимира Рюриковича. Результатом сокращения явилось то, что в своде русские войска дважды переходили Днепр.[3] Сводчик также пополнил текст Киевской летописи обширными вставками о подвигах и доблестях князя Даниила Романовича.[4] Насколько бесцеремонно при этом относился сводчик к тексту Киевской летописи, видно из следующего примера:

Киевская летопись 1238 г.	Княжеский свод 1246 г.
«и зашедше за реку за Калку и послаша во сторожах Яруна съ полки и съ половци, а сами станом сташа ту, а князь Мстислав еха вборзе после. Видевшу же ему полки татарь-	*«Мстислав же Мстиславичь повеле вперед перейти реку Калку Данилови с полкы, и инемь полком с ним, а сам по немь переиде, еха же сам во стороже;* видевшу же

[1] ПСРЛ, т. VII, стр. 130. Далее после слов: «испросивше же половци, убиша его», сходно со сводом 1246 г.

[2] ПСРЛ, т. II, стб. 741. Далее сходно с Киевской летописью 1238 г.

[3] Ср. J. Dlugossii, p. 194, где Владимир Рюрикович упомянут.

[4] Текст о Данииле Романовиче, внесенный в состав Киевской летописи позднее из юго-западного источника, легко выделяется: см. ПСРЛ, т. VII, на стр. 130: «Пришедши же вести во станы» и т. д. до слов на стр. 131: «не стоите поидем противу им» (ср. ПСРЛ, т. II, стб. 741—742); далее на стр. 131: «и ту сретоша сторожеве татарьстии и удариша...» до слов: «по них переиде» (ср. ПСРЛ, т. II, стб. 743); на стр. 131: «Сшедшим же ся полком в место, Данил же» и т. д. до слов: «крепко бьющуся с ними» и от слов: «Данил же видев» и т. д. до слов: «земли никогда же»; ср. ПСРЛ, т. II, стб. 743—744. Отрывок о князе Василько Константиновиче (см. ПСРЛ, т. VII, стр. 132: «Егде же почаши князи совокуплятти» и т. д. до слов: «славя бога и святую богородицю») попал из ростовского источника. См. ПСРЛ, т. I, в. 2, стб. 447; сообщение о том, что русские войска стояли «у реки Хорьтице на броду у Протолчи» (ПСРЛ, т. II, стб. 742) взято из Киевской лет.— ср. J. Dlugossii, p. 194 («Et aliquibus Ducibus et militibus Russiae in equis euntibus, aliquibus in navibus, perveniunt usque ad Protholcze»).

скиа и приехав вооружитися повеле вборзе; а князем Мстиславу и другому Мстиславу, седящим во стану и не ведущим того, не поведа бо има Мстислав Мстиславичь зависти ради, бе бо котора межи има велика».[1]

ему полкы татарьскыа» и т. д.[2]

В Киевской летописи было уделено достаточно места как подвигам Мстислава, так и (видимо, смоленского) дружинника Яруна, близкого Мстиславу. В своде на передний план был выдвинут князь Даниил, при этом полностью был сохранен в нем лишь тот текст, связанный с Мстиславом Удалым, который сообщал о «которе» между ним и киевским и черниговским князьями. Ниже мы найдем объяснение появлению текста о «которе» в самой Киевской летописи.

Отметим еще один пример переделки киевского текста составителем свода 1246 г.

Киевская летопись 1238 г.	Княжеский свод 1246 г.
«...*тогда же Ярун и инии полци половечьстии съступишася с ними, хотяше битися; паки же воскоре побегоша половци, и потопташа бежаще станы руских князь, а князи не успеша оплъчитися противу их, и смятошася вси полци рустии, и бысть сеча зла и люта,* грех наших руским полком побежденом бывшим».[3]	«...*инем полком сразившимся с ними,* грех ради наших. Русским полком побежденным бывшим. *Данил же...»* и т. д.[4]

Как видим, опущен текст, связанный с тем же дружинником Яруном, а кроме того — известие об измене половцев.[5] Опущены в своде сообщения о посольствах татарских к русским князьям,[6] некоторые детали, связанные с бегством

---

[1] ПСРЛ, т. VII, стр. 131.
[2] ПСРЛ, т. II, стб. 743. Далее сходно с Киевской летописью.
[3] ПСРЛ, т. VII, стр. 131.
[4] ПСРЛ, т. II, стб. 744.
[5] Ср. J. Dlugossii, p. 194 («Polowczis autem contritis et diffugientibus, etiam acies Ruthenorum turbantur»).
[6] См. ПСРЛ, т. VII, стр. 130; ср. J. Dlugossii, p. 194.

Мстислава Удалого от Калки,[1] а также обстоятельства гибели киевского и черниговского князей.[2]

К сообщению о битве на Калке сделана позднее приписка о смерти Чингиз-хана;[3] эта приписка аналогична подобной же вставке о Мстиславе Немом, который «по смерти свою волость дая князю Даниловиı».[4]

Далее в своде долгое время нет заимствований из Киевской летописи, которая содержала лишь краткие упоминания о переменах, происходивших на галицком столе, тогда как в своде об этом читаются пространные сообщения, основанные на свидетельствах очевидцев: поход Владимира Рюриковича Киевского вместе с Михаилом Черниговским на Каменец,[5] занятие Галича князем Даниилом,[6] неудачный поход венгров на Галич[7] и гибель их войска от эпидемии и борьбы, занятие венграми без боя Галича,[8] наконец, смерть королевича Андрея в Галиче и переход города к князю Даниилу Романовичу.[9]

Появление известий о Галичине в самой Киевской летописи вполне объяснимо: князь Владимир Рюрикович Киевский, в связи с усилением претензий Михаила Черниговского на Киевщину, переменил союз с ним на дружбу с Даниилом Волынским. Пользуясь поддержкой князя Даниила, Владимир Рюрикович, в свою очередь, помогал ему в борьбе с венгерскими захватчиками. Князю волынскому был выгоден союз с Владимиром Киевским: за участие в примирении Владимира с Михаилом Черниговским князь Даниил получил в «русской земле» Торческ.[10] К борьбе против венгров князь Даниил пытался привлечь и князя Изяслава Мстиславича Смоленского, однако тот предпочел союз с черниговским князем.[11]

Последний факт пользования составителем свода 1246 г. Киевской летописью усматриваем (расходясь в этом с М. Д. Приселковым) в описании батыева побоища. Именно

---

[1] См. ПСРЛ, т. VII, стр. 132; ср. J. Dlugossii, p. 194—195.

[2] ПСРЛ, т. VII, стр. 131—132.

[3] ПСРЛ, т. II, стб. 745.

[4] Там же, стб. 744.

[5] Там же, стб. 753—754; ср. J. Dlugossii, p. 207—208; черниговского князя здесь поддерживали смольняне и половцы князя Мстислава (Давыдовича).

[6] ПСРЛ, т. II, стб. 758—759; ср. J. Dlugossii, p. 210.

[7] Там же, стб. 760—761; ср. J. Dlugossii, p. 211.

[8] Там же, стб. 765; ср. J. Dlugossii, p. 213.

[9] Там же, стб. 771; ср. J. Dlugossii, p. 219 (ошибочно королевич назван Коломаном).

[10] Там же, стб. 766.

[11] Там же, стб. 770.

в Киевской летописи читался более подробный рассказ о гибели рязанских князей и разорении их княжества,[1] там же читался упрек князю Юрию Всеволодовичу («князь же Юрий и сам не иде, ни послуша князей рязаньских мольбы, но хоте сам особь сотворити брань»),[2] аналогичный упреку за неучастие его в битве на Калке. При этом, если Киевская летопись довольно точно передавала текст северного источника, то под пером автора свода 1246 г. текст приобрел осуждающий, даже иронический, по отношению к владимирским князьям характер.

В своде 1246 г. отмечено, что князь Юрий Всеволодович был непредусмотрителен («и не имеющу сторожии изъехан бысть безаконьным Бурондаема»);[3] в уста епископа Митрофана вложен текст речи к защитникам Владимира совсем другого содержания, чем читавшийся в Киевской и северной летописях,[4] — в своде Митрофан призывает горожан к стойкости, предостерегая их от смирения и покорности татарам. От себя же сводчик добавил, что все, слышавшие эту речь, «начаша крепко боротися»; однако молодой князь Всеволод Юрьевич «убояся» татар, вышел к ним с дарами, чем погубил и себя и город. Далее следует галицко-волынская обработка повести о падении города Козельска, читавшейся в Киевской летописи. Составитель свода как бы ставит жителей Козельска в пример владимирцам; он отмечает, что козельцы «ум крепкодушьный» имели,[5] переговоры с татарами отвергли и героически сражались до последней возможности.[6]

Проявление подобной идеи в княжеском своде 1246 г. станет понятным, если вспомнить, что местный княжеский двор долгое время уклонялся от признания над собою власти татар, используя для этого любые возможности.

На этих известиях заканчивалось использование сводом 1246 г. Киевской летописи.[7] Повесть о разорении Киева — местного происхождения и основана на показании очевидцев (тысяцкий Дмитр).

Итак, можно полагать, что Киевская летопись 1238 г. была использована в качестве одного из источников княже-

---

[1] ПСРЛ, т. VII, стр. 139. То же см. ПСРЛ, т. XXV, стр. 126.
[2] Там же, стр. 139. То же см. ПСРЛ, т. XXV, стр. 126.
[3] ПСРЛ, т. II, стб. 779.
[4] Там же, стб. 780.
[5] Там же.
[6] Там же, стб. 781.
[7] Ср. ПСРЛ, т. VII, стр. 139—143; ср. Новгор. I лет., стр. 247—250. Ср. J. Dlugossii, p. 228, 231.

ского свода 1246 г.[1] Нет оснований предполагать, что текст повести о батыевом нашествии был внесен в галицко-волынское повествование непосредственно из северного источника составителем свода начала XIV в. Наконец, сводчик 1246 г. перерабатывал текст Киевской летописи, затушевывая при этом самостоятельный характер княжения Мстислава Удалого в Галиче, изображая его человеком недальновидным, удерживавшим свою власть лишь с помощью князя Даниила, права которого на Галичину он якобы и признал в конце своей жизни.

Нам представляется правильным в основе своей предположение М. Д. Приселкова о том, что последним письменным источником южного летописания для летописания новгородского (как это видно из Синодального списка) был какой-то киевский летописный памятник. Обоснование этого предположения затрудняется сложностью состава Новгородской I летописи старшего извода именно за этот период. Мы, разумеется, не можем входить здесь в детальное рассмотрение состава источников Синодального списка и позволим себе изложить лишь некоторые наблюдения.

Просмотрев состав известий XIII в., занесенных в Синодальный список, и сопоставив их с данными, добытыми выше, относительно состава Киевской летописи 1238 г., мы можем отметить серию известий, хранящих в себе в той или иной мере черты, общие с Киевской летописью. Это — известия под годами 1203, 1204, 1216, 1219, 1224, 1232, 1235, 1237 и 1238. Киевский источник обрывается в Синодальном списке, как и в своде 1246 г. Даниила Галицкого и в «Historia Polonicae» Яна Длугоша, на 1238 г. сообщением о разорении татарами русских земель.

Правильное понимание этих известий возможно лишь при учете общей политической направленности текста Новгородской летописи этого периода; нетрудно заметить в этой части новгородского памятника преобладание антисуздальской (а равно и антимосковской) тенденции, ретроспективно отражавшей политические взгляды новгородских редакторов начала XIV в. Особенно ясно это обнаруживается из материала, связанного с личностью одного из Ростиславичей — князя Мстислава Удалого, а также из описания нашествия татар.

---

[1] Известно, что киевское летописание конца XII в. велось уже в Выдубецком Киевском монастыре (М. Д. Приселков. История русского летописания, стр. 48). Видимо, и в XIII в. оно продолжалось в его стенах. Из этого монастыря, с главой которого был дружен князь Даниил (см. ПСРЛ, т. II, стб. 806), Киевская летопись легко могла попасть в Холм. Вспомним, что князь Даниил вывозил из Киева даже колокола (ПСРЛ, т. II, стб. 844).

До появления в Новгороде Мстислав находился на юге. Будучи в Треполе, он удачно участвовал в походе на половцев (1193) совместно со своим двоюродным братом Ростиславом Рюриковичем, сыном Рюрика Ростиславича (князя киевского с 1194 г.).[1] Позднее Мстислав, сидя в Торческе, поддерживал Рюрика в борьбе за Киев против Всеволода Чермного; последний, одержав победу в 1207 г., принудил Мстислава целовать крест на своей воле.[2] В 1209 г. Мстислав отмечен в Торжке,[3] а в 1210 г. прибыл в Новгород.[4]

Княжение Мстислава в Новгороде (под 1210—1218 гг.) описано близким ему лицом. При этом интересно отметить, что в Новгородской летописи дважды (под 1219 и 1223 гг.) сообщается о Мстиславе уже после его ухода из Новгорода в Галич. Мстислав пришел в Новгород — свою «отчину»; он изгнал суздальского ставленника — владыку Митрофана, заменив его боярином Добрыней Ядрейковичем, который «прежде изгнания» Митрофана прибыл из Царьграда и теперь занял епископскую кафедру в качестве владыки Антония. Мстислав изображен организатором успешного похода новгородцев и князей Ростиславичей на Киев (под 1214 г.); он возглавил борьбу новгородцев и Ростиславичей с суздальцами, закончившуюся блестящей липецкой победой, честь которой приписана ему («одоле Мстислав» — под 1216 г.); наконец, он организатор и одно из главных действующих лиц битвы на Калке, успешному исходу которой помешали трусость половцев и пассивность недружественного Мстиславу киевского князя Мстислава Романовича; отмечены также походы Удалого на чудь (под 1212 и 1214 гг.).

Оставлял он Новгород трижды (в 1215, 1217 и 1218 гг.), но всегда «по своей воли»;[5] в случае нужды он оказывался в Новгороде, как это произошло, когда Ярослав Всеволодович разорял голодающий Новгород (Мстислав «учюв» «про зло то» и прибыл в Новгород). Словом, Мстислав Удалой изображен идеальным князем вольного Новгорода, умевшим послужить Новгороду, защитить его от врагов-суздальцев и во-время уйти.

Подстать князю и его ставленник владыка Антоний, бывший боярин, которого «волею божией» «възлюби... князь Мстислав и вси новгородци».[6] Он разделял радость удач своего князя в борьбе с суздальцами (1216), но зато, с ухо-

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 681.
[2] ПСРЛ, т. I, в. 2, стб. 429.
[3] Там же, стб. 435.
[4] Новгор. I лет., стр. 192.
[5] Ср. ГЛ, XXV, 2.
[6] Новгор. I лет., стр. 194.

дом Мстислава в Галичину, лишился своего места (занятого вновь Митрофаном). Отправившись в Киев, Антоний получил назначение владыкой в Перемышль, где находился до 1225 г., пока там распоряжался тысяцкий Мстислава Удалого, известный Ярун («Ярон» или «Ярук» южной летописи). По переходе Перемышля в руки венгров, Антоний возвратился домой «и ради быша новгородци своему владыце».[1] Просидев на кафедре три года (1225—1228), он был изгнан новым владыкой Арсением, который за «мзду» приобрел у Ярослава Всеволодовича епископские права; Антоний, якобы «по своей воли», должен был уйти в Хутынь. Однако в ходе событий 1228 г. «простая чадь», порвав с Ярославом Всеволодовичем, выгнала «в шию»[2] Арсения, вернула на кафедру владыку Антония, посадив с ним «Якуна Моисеевича [и] Микифора щитника». От всего пережитого владыка Антоний внезапно «онеме» и в 1229 г. был заменен новым владыкой; больной, он удалился в Хутынь, где «ничтоже глаголя» прожил до 1232 г.[3]

Эти две биографии — князя Мстислава и владыки Антония,— как они вырисовываются в Синодальном списке, довольно точно отражают напряженную политическую жизнь Новгорода. При этом в Синодальном списке яркие события светской жизни обильно смешаны с текущими записями владычной кафедры о переменах в местной иерархии, о построении и освящении церквей, о смертях духовных лиц и т. п. (под 1206, 1207, 1210, 1212, 1218, 1224, 1226, 1227, 1229 гг. и др.). Уже из приведенных двух биографий очевиден антисуздальский характер новгородского текста, и в плане светском и в плане духовном. Если мы под этим углом зрения просмотрим те известия Новгородской I летописи старшего извода, о которых сохранились записи Киевской летописи, то сможем сделать несколько любопытных наблюдений.

Рассмотрим содержание этих известий. Под 1203 г. Новгородская летопись не только передает южное сообщение о походе Рюрика с Ольговичами и половцами на Киев, но называет не сохранившиеся в известной нам южной летописи имена половецких князей (Кончак и Данила Бякович).[4] Под

---

[1] Там же, стр. 222.

[2] Там же, стр. 228 (добавлено из Комиссионного списка).

[3] Там же, стр. 241; ср. так наз. Новгор. II лет., СПб., 1879, стр. 19; ср. стр. 133.

[4] Новгор. I лет., стр. 179.— Имя второго читается и в тексте, заимствованном из Киевской летописи под 1224 г. (стр. 216). Интересно, что и при составлении Комиссионного списка был привлечен южный источник, более полный, чем ныне известный, который знал, что князь Роман послал в Киев постригать Рюрика, именно Вячеслава (там же, стр. 179).

1204 г. читается сообщение о походе Ольговичей на Литву,[1] аналогичное тому, что читалось в Киевской летописи.[2]

Под 1214 г. следует новгородское сообщение о походе Ростиславичей на Киев. Остановимся на этом известии, ибо оно впервые позволяет обнаружить явное пристрастие новгородского автора к Мстиславу Удалому. По просьбе «внуков Ростиславлих» (т. е. Мстислава Романовича Смоленского и Владимира Рюриковича), которых Всеволод Чермный Киевский «изгони... из Руси», князь Мстислав Удалой с новгородцами двинулся через Смоленск на Киев, изгнал Всеволода и, посадив в Киеве Мстислава Романовича, вернулся в Новгород.[3]

Однако эта запись в Синодальном списке, при сопоставлении ее с Киевской летописью, оказывается не совсем точной. В Киевской летописи это известие читалось так: «Того же лета Мстислав Романович поиде из Смоленска на Киев (понятно, что летописец считал организатором похода своего князя.— *В. П.*) с братьею с Володимером Рюриковичем и Костянтин и Мстислав Давыдовичи и Мстислав Мстиславич из Новгорода и Ингвар Ярославич из Лучьска». После победы княжения распределились следующим образом: в Киеве сел Ингвар Ярославич Луцкий, Мстислав Романович получил Вышгород, а в Смоленске обосновался Владимир Рюрикович. Далее, после слов: «а Мстислав иде к Новгороду», в Киевской летописи читалось: «потом же управившися, даша Киев Мстиславу Романовичу, а Ингвар опять иде к Лучьску».[4]

В связи с этим известием можно отметить следующее. Во-первых, новгородский автор скрыл тот факт, что Мстислав Романович сел в Киеве, видимо, вопреки желанию Удалого; во-вторых, дружественные отношения Мстилава Удалого с Ингваром Ярославичем, сидевшим в центре восточной Волыни, вполне объяснимы. Достаточно сказать, что Ингвар не пользовался расположением Романовичей,[5] которые были связаны с изгнанным Всеволодом Чермным.[6] Отметим, наконец, что поход Мстислава на Киев был, вероятно, весьма враждебно принят во Владимире-на-Клязьме, ибо еще в 1211 г. Юрий Всеволодович, будущий князь Владимирский, женился на дочери Всеволода Чермного Киевского. Этот факт объясняет нам молчание свода Юрия Всеволодовича[7] о походе

---

[1] Новгор. I лет., стр. 179.

[2] J. Dlugossii, p. 177.

[3] Новгор. I лет., стр. 197.

[4] ПСРЛ, т. VII, стр. 118.

[5] ПСРЛ, т. II, стб. 720, 721.

[6] Там же, стб. 729.

[7] См. о нем М. Д. Приселков. История русского летописания, стр. 87 и сл.

Мстислава Удалого на Киев, а в дальнейшем — неучастие князя Юрия в совете старейших князей, участников битвы на Калке.

Следующее известие Новгородской летописи, доступное проверке по Киевской, касается событий Липецкой битвы. Мстислав Удалой, собрав новгородцев, двинулся в поход на суздальских князей, заявив: «любо изищю мужи новьгородьстии и волости, паки ли головою повалю за Новьград». В этом походе вместе с ним участвовали брат его Владимир Мстиславич псковский, Владимир Рюрикович со смоленцами и Константин Всеволодович Ростовский. Мстислав двинулся к Серегеру, освободил от осады город Режицу, где гарнизон возглавлял его дружинник Ярун, и направился к Волге. Тот же Ярун перехватил сторожей Ярослава, облегчив Мстиславу продвижение. Войска пожгли Шешю, Дубну, Коснятин и «все Поволжье» и, наконец, на реке Липеце князь Мстислав разгромил владимиро-суздальские полки.

Принудив к миру на своей воле князя Юрия, Мстислав, «Костянтин и два Володимира» направились к Переяславлю, где скрывался Ярослав Всеволодович. Но Мстислав Удалой почему-то вдруг, «не идя к городу поима дары; послав, поя дьцерь свою жену Ярославлю», а также уцелевших новгородских мужей, захваченных Ярославом, и затем вернулся в Новгород. В Киевской летописи этот поступок Мстислава разъяснен: оказывается, Ярослав сумел найти себе защиту у Константина, ставшего владимирским князем.

В летописи смоленско-киевских Ростиславичей все эти события изложены несколько иначе. Само вступление Мстислава в Новгород объяснено поддержкой, оказанной ему киевским и смоленским князьями.[1] В описании похода рядом с Мстиславом везде выступает Владимир Рюрикович со смольнянами: смольняне участвовали во взятии города Коснятина;[2] в бою Владимир Смоленский поставил свои полки против сил Ярослава;[3] перед боем дух бойцов укреплял вместе с Мстиславом и Владимир Рюрикович; вслед за новгородцами и смольняне решили биться пешими;[4] отмечены действия дружинника Ивора Михайловича со смольнянами;[5] среди павших упомянут «един смолянин», во время осады города Владимира смольняне, подобно новгородцам, просили пустить их на штурм, «и не пусти их князь Владимир».

---

[1] ПСРЛ, т. VII, стр. 120.
[2] Там же, стр. 121.
[3] Там же, стр. 122.
[4] Там же.
[5] Там же, стр. 122—123.

Словом, в Киевской летописи это описание похода к Липеце сходно с описанием похода Мстислава Удалого и Владимира Рюриковича в Галичину, где роль Владимира Рюриковича при Мстиславе достаточно подчеркнута. Несомненно, что это описание вышло из кругов смоленско-киевских Ростиславичей и было призвано отметить, кроме мужественных действий Мстислава Удалого, военные доблести будущего киевского князя Владимира Рюриковича.

Этот смоленский рассказ имел вполне светский характер, был полон военно-дипломатических деталей, давал существенные подробности, касавшиеся деятельности князей не только смоленского, но и псковского, и ростовского, и владимиро-суздальских.[1]

Иное видим в новгородском тексте, где все внимание сосредоточено на Мстиславе, а сама повесть в значительной степени лишена светского характера. Таким образом, и в этом случае новгородский автор выступает явным сторонником Мстислава. К сожалению, новгородский текст настолько сближен в составе Воскресенской летописи[2] с киевским, что говорить в данном случае о переработке киевского текста в Новгороде затруднительно.

Бесспорно южным является известие под 1219 г., сообщавшее об удачном походе Мстислава и Владимира Рюриковича на Галич: «Поиде князь Мьстислав и Володимир ис Кыева к Галицю на королевиця, и выидоша галицяне противу, и чехове, и ляхов, и морава и угра, и съступишася полкове; и пособи бог Мьстиславу, и в город Галиць въеха,

---

[1] Сознавая, что в истории летописания пользоваться нужно редакциями и заимствованиями из редакций текстов, а не из летописей вообще, мы здесь не привлекаем сведений, содержащихся в Никоновской летописи, поскольку состав ее для этого периода не изучен. Заметим, однако, что она содержит в данном случае текст, весьма близкий к тексту Воскресенской летописи. В описании липецких событий Никоновская летопись содержит такие детали, которые приближают ее текст к памфлету на владимирских князей (например, согласно Никоновской летописи Всеволодовичи до рати делят между собою будущие княжеские столы; с битвы они бегут «во единой сорочице»). Никоновская летопись содержит похвалы Ростиславичам («яко Ростиставлю племя мудры и храбры» и т. п. См. ПСРЛ, т. X, СПб., 1862, стр. 72, 74 и др.). Лаврентьевская летопись, к сожалению, не содержит материала для суждения о липецких событиях: ростовский летописец князя Константина Всеволодовича избегал подробного описания политических распрей. См. М. Д. Приселков. История русского летописания, стр. 87 и сл.; ср. ПСРЛ, т. I, в. 2, стр. 439—440 («Сь оканьный дьявол воздвиже некую котору злу межи князи и сыны Всеволожи: Костянтином, и Юргемь, и Ярославом и бишася у Юрьеви и одоле Костянтин, по паки бог и крест честный и молитва отца их и дедня введе я в великую любовь, и седе Костянтин в Володимери на столе, а Юрги Суждали и бысть радость велика в земли суждальстей, а дьявол един плакаше своея погыбели»).

[2] ПСРЛ, т. VII, стр. 120—124; то же см. ПСРЛ, т. XXV, стр. 110—114.

а королевиця руками яша, и с женою; и взя мир с королем, а сын его пусти, а сам седе в Галици, а Володимир Рюриковиць Киеве».[1]

Но и это новгородское сообщение (почти дословно совпадающее с южным текстом)[2] верно лишь отчасти, ибо Мстислав далеко не так легко овладел Галичем. В Киевской летописи сохранились сведения о ходе этой борьбы; мы читаем под тем годом: «Тое же зимы угри выгнаша Мстислава Мстиславича из Галича, а королевич седе в Галиче».[3] Лишь с помощью половцев и князей Ростиславичей Мстислав (обосновавшийся в Торческе) овладел Галичем.[4]

Заметим, наконец, что автор, вносивший в Новгородскую летопись этот южный текст, сделал к нему приписки: он дважды упомянул Киев — «ис Кыева» князья отправились в поход, после похода Владимир Рюрикович якобы сел «Кыеве».[5] Между тем в Киеве сидел, как известно, Мстислав Романович. В Киевской летописи подобных описок, конечно, не было.[6]

Источником сообщения о битве на Калке для новгородского автора, как и автора княжеского свода 1246 г., служила Киевская летопись, подвергшаяся в Новгороде не менее суровой переделке, чем в Холме.

Сравним описание Калкской битвы, данное в Киевской летописи, с тем текстом, который читался в Новгородской синодальной летописи. Для этой цели будем отмечать в тексте Киевской летописи курсивом то, что опущено из нее новгородским автором, а в Новгородской — курсивом то, что им добавлено.

Киевская летопись 1238 г.	Новгородская I летопись старшего извода
«...По грехом по нашим, приидоша языци незнаемые, *при великом князи киевьском Мстиславе Романовиче, внуце Ростиславле Мстиславича. Приидоша бо неслыхании безбожнии моавитяне, рекомии*	«...По грехом нашим, придоша языци незнаеми, их же добре никто же не весть, кто суть и отколе изидоша и что язык их и которого племене суть...» и т. д. сходно с Киевской летописью.

[1] Новгор. I лет., стр. 210.— Любопытно, что и в Риге следили за действиями Мстислава Удалого. См. ГЛ, стр. 185 (под 1217 г.).

[2] ПСРЛ, т. VII, стр. 126.

[3] Там же.

[4] Там же, стр. 128.

[5] Новгор. I лет., стр. 210.

[6] ПСРЛ, т. VII, стр. 126; ср. ПСРЛ, т. XXV, стр. 116—117.

татарове, их же добре ясно никто не совесть, кто суть и откуда приидоша, и что язык их, и которого племени суть...» и т. д. сходно с Новгородской летописью.

«...*Про сих же,* слышахом, яко многы страны поплениша: Ясы, Обезы и Касогы; *приидоша же на землю половетскую, и половцемь ставшим, а Юрьи Кончаковичь бе болий всех половець и не може стати противу лицу их, бегающему ему; а половци не возмогше противитися им, побегоша;* и мнози избиени быша, и гониша их до реки Днепра, а иних загнаша на Дону и въ Лукоморя, и тамо изомроша и убиваемы гневом божиим...» [1]

«...слышахом бо, яко многы страны поплениша, Ясы, Обезы, Касогы, и *половьчь безбожьных множьство избиша,* а инех загнаша и тако изомреша убиваеми гневом божиемь...» [2]

Как видно, новгородский автор опустил из текста все упоминания о южных князьях, а также подробности о поражениях, понесенных половцами. Иные места подверглись стилистической правке в духе новгородского лаконизма.

Киевская летопись 1238 г.

Котян «одари все князи руския, глаголаша же к нимь сице: „нашу землю днесь одолели татари, а ваша заутра возмут пришед, *то побороните нас, аще ли не поможете нам, то мы ныне иссечени будемь, а вы наутреи иссечени будете...*"» и т. д. [3]

Новгородская I летопись старшего извода

«...и одариша князь руських а рекуче тако: „нашю землю днесь отъяли, а ваша заутро възята будеть..."» [4] и т. д.

В других местах опускались весьма существенные данные:

---

[1] ПСРЛ, т. VII, стр. 129. Далее сходно с Новгор. лет.
[2] Новгор. I лет. Далее — сходно с Киевской лет.
[3] ПСРЛ, т. VII, стр. 129.
[4] Новгор. I лет., стр. 215.

Киевская летопись 1238 г.

«...и тако думавше много *и яшася пособити Котяню, слушающе моления половецкых князей. Бывшу же совету всех князей во граде Киеве; сотвориша сице совет: лучше бы нам срести их на чюжеи земли, нежели на своей* и начаша вои строити, кийждо свою власть. *Тогда бе в Киеве князь Мстислав, сын Романов Ростиславича, а въ Чрънигове Мстислав Святославичь Козельский, а в Галиче Мстислав Мстиславич,— ти бо бяху старейшии в руской земли; князя же великого, Юрья Всеволодовича Суздальского, в том совете не было; с ними же князя молодии: князь Данило Романович сын Мстиславича, князь Михайло Всеволодичь Чръниговьский, внук Святослава Олговича, князь Всеволод, сын Мстислава Киевьского, а инии князи мнози; тогда же князь великии половецкий крестися Басты, а Василка же не бе, в Володимери млад.* И совокупиша землю руськую» и т. д.[1]

Новгородская I летопись старшего извода

«...и тако думавше много особе, яшася по путь... и начаша вои пристраивать кожьдо свою власть и *поидоша* съвъкупивъше землю *всю* русскую...» и т. д.[2]

Редактюрская работа новгородского автора иногда в корне меняла смысл текста:

Киевская летопись 1238 г.

«Преидоша же вси князи реку Днепр, и *поидоша на коних в поле Половецкое, и усретоша татарове полкы рускиа; стрел-*

Новгородская I летопись старшего извода

«*слышавъше* же то князи русстии, поидоша за Днепрь, и поидоша вси въкупе по них же *9* дней и *заидоша за*

[1] ПСРЛ, т. VII, стр. 130. Далее сходно с Новгор. лет.
[2] Новгор. I лет., стр. 216—217. Далее сходно с Киевской лет.

ци же русскиа победиша их и гнаша в поле далече, секуще их и взяша скоты их, а со стады утекоша, яко всем воем наплънитися скота. Оттуду же идоша по них 8 дний до реки Калкы... и послаша во сторожех Яруна с полки и с половци, а сами станом сташа ту, *а князь Мстислав еха вборзе после. Видевшу же ему полки татарьскиа и приехав вооружитися повеле вборзе, а княземь Мстиславу (Киевскому) и другому Мстиславу (Черниговскому), седящим во стану и не ведущим того: не поведа бо има Мстислав Мстиславичь зависти ради, бе бо котора межи има велика...* и бысть победа на вси князи русские, ака же не бывала от начала руской земли никогда же. Видев же се великий князь киевьский бывшее зло и не движеся никамо же с места; стал бе на горе над рекою» и т. д.[1]

Калок реку и послаша въ сторожих Яруна с половци, а сами станом сташа ту. *Тъгда же Ярун съступися с ними, хотя битися и побегоша не успевъше ничтоже половци назад и потъпташа бежащи станы русских князь: не успеша бо исполчити противу им: и съмятошася вся и бысть сеця зла и люта.* Мстислав же киевский князь, видя се зло, не движеся с места никамо же» и т. д.[2]

При помощи произведенного сокращения вина за поражение на Калке была переложена с Мстислава Удалого на Мстислава Романовича Киевского и половцев.

Итак, несомненно, что автор новгородского текста использовал Киевскую летопись при описании событий, связанных с битвой на Калке. Он сократил и переработал ее текст, опустив материал, касавшийся половцев и южных князей, а также и упоминание о княжеском совете в Киеве. При этом новгородский автор выдвинул на передний план князя Мстислава Удалого, одновременно сняв с него вину за «котору» с киевским князем, предопределившую печальный исход Калкской битвы. Тождество ряда текстов настолько очевидно, что этого вывода не может поколебать несовпадение даты битвы в анализируемых памятниках.[3] При этом

---

[1] ПСРЛ, т. VII, стр. 131. Далее сходно с Новгор. лет.; ср. описание событий в Тверской лет. (ПСРЛ, т. XV, СПб., 1863, стр. 343).

[2] Новгор. I лет., стр. 218. Далее сходно с Киевской лет.

[3] ПСРЛ, т. VII, стр. 132; ср. Новгор. I лет., стр. 220.

Новгородская летопись сохранила нам даже одну деталь Киевской, не вошедшую в Воскресенскую летопись, но уцелевшую в «Historia Polonicae» Яна Длугоша: после битвы на Калке «иных (русских. —*В. П.*) половци побиша ис коня, а иного ис порта».[1]

Под 1232 г. читаем в Синодальной летописи оригинальное известие, идущее от киевского источника: сообщение о занятии князем Святославом, сыном Мстислава Романовича, гор. Смоленска.[2]

Бесспорно южным является известие (под 1235 г.) о неудачном исходе войны Владимира Рюриковича Киевского и Даниила Романовича Волынского против Михаила Черниговского и Изяслава Мстиславича Смоленского. Любопытно, что этот текст, внесенный в Синодальный список, сохранил даже южный колорит: нет замены «ч» на «ц» — (Рюриковичь», «Романович», «Всеволодича» и т. д.), пишется «Данило», «Михайло» и т. п. В Комиссионном списке этот текст уже «оновгородился»: «Рюриковиць» вместо «Рюриковичь», «галицаны» вместо «галичаны», «Михаил» вместо «Михайло» и т. п.[3] Известие 1237 г.— о приходе митрополита Иосифа из Никеи в Киев[4] также взято из южного источника. Но это не последнее известие, заимствованное из Киевской летописи.

Последним является сообщение (под 1238 г.) о разорении рязанской и суздальской земель. Этот текст Киевской летописи, сравнительно нейтрально передавший чтение северного источника, был переделан в Новгороде не менее основательно, чем в своде 1246 г.

Основная мысль новгородского автора сводится к тому, что «земли грешивши которой любо казнить бог смертью или гладом или наведением поганых...»;[5] к таким землям автор, без сомнения, относит Суздальскую землю. Обращаем внимание на то, что новгородский автор при всех сокращениях текста Киевской летописи сохранил из нее фразу, обидную для Юрия Всеволодовича, который «сам не пойде, не послуша князий рязаньских молбы, но сам хоте особь брань створити».[6]

Чем это кончилось для Юрия Всеволодовича, новгородский

---

[1] Новгор. I лет., стр. 219; ср. J. Dlugossii, p. 194.

[2] Новгор. I лет., стр. 241.— Достойна внимания и запись в Новгор. I лет. о голоде, бывшем повсеместно на Руси, «кроме Кыева одиного» (см. там же, стр. 239).

[3] Там же, стр. 245.

[4] Там же, стр. 246.

[5] Там же, стр. 251.

[6] Новгор. I лет., стр. 247.

автор показывает, не стесняя себя канонами летописных приличий. Когда татары, разорив Рязань, двинулись на Владимир, то князь Юрий «бежа на Ярославль», [1] но там его татары «обошли... около»; он было пытался собрать свой полк, но «не успев ничтоже, побеже». Далее следует текст: «И бы на реце Сити, и постигоша и, и живот свой конча ту», с глухой припиской: «бог же весть како скончася: много бо глаголють о нем иниии». [2] Если с этим сопоставить владимиро-суздальский текст, где факт гибели Юрия Всеволодовича освещен тускло, пересыпан молитвами, за которыми следует утверждение: «и тако скончался яко же слышасте», [3] то нужно признать все это событие достойным внимания историков.

Интересно, что новгородский автор не упустил случая сказать кое-что и о москвичах. По его словам, когда татары были у Коломны, то «москвичи же побегоша ничего же не видевше», а татары взяли их город. Мы знаем, что это неправда, что москвичи, предводимые воеводой Филиппом Нянком, героически защищали родную землю. [4] Примечательно, что рука недовольного московского читателя выскоблила в этом тексте слово «побегоша», придав всей фразе иной смысл. [5]

Кончается описание татарского нашествия торжествующим признанием того, что «Новгород же заступи бог и святая великая и зборная апостольская церквы святая Софья» [6] и т. п. Все это лишний раз подчеркивает, сколь трудно надеяться найти в Синодальном списке простую передачу южного источника: он почти всегда перерабатывался и приводился в соответствие с интересами местного новгородского боярства.

Таким образом, можно полагать, что на протяжении 1200—1238 гг. ряд известий Новгородской I летописи заимствован из южного источника, известий того содержания, которое нами установлено в Киевской летописи. Южный источник Новгородской летописи обрывался на 1238 г., почему

---

[1] Новгор. I лет., стр. 249.

[2] Новгор. I лет., стр. 250.— Слова «обошли... около» взяты из повествования северного источника, в котором воевода Дорожь сообщает князю Юрию Всеволодовичу: «обошли суть нас около татары» (см. Софийскую I лет.— ПСРЛ, Л., 1925, в. 1, стр. 211), то же читалось в Киевской лет. (ПСРЛ, т. VII, стр. 141).

[3] ПСРЛ, т. I, в. 2, стб. 467.

[4] Там же, стб. 460—461.

[5] Новгор. I лет., стр. 250; ср. стр. 328, ср. М. Д. Приселков. История русского летописания, стр. 6.

[6] Новгор. I лет., стр. 251.— В своде князя Даниила нечто подобное писалось относительно уцелевшего Холма (ПСРЛ, т. II, стб. 784, 843).

завоевание Киева татарами осталось не освещенным в Новгородском летописании XIV в. Вопрос о времени включения материала Киевской летописи в состав Новгородской I летописи старшего извода требует специального изучения.[1]

В заключение мы попытаемся иным путем показать, что в XIII в. в Киеве действительно продолжали составлять летописи, в результате чего был создан памятник, свидетельствующий о выдающемся значении русского летописания и дальнейшая история которого весьма интересна для исследователя.

Происхождение этого памятника связано с личностью Петра Акеровича, игумена монастыря Спаса на Берестовом в Киеве. Монастырь Спаса в старинном поселении Берестовом упомянут под 1072 г. при игумене Германе[2] как княжеский монастырь Изяслава; в дальнейшем он находился под покровительством Владимира Мономаха и его рода; здесь были погребены многие представители княжеской фамилии.[3]

Монастырь занимал значительное место в политической жизни княжества; игумены его пользовались доверием княжеской власти. Например, игумен Лука был по настоянию владимиро-суздальского князя Всеволода Юрьевича сделан в 1185 г. епископом ростово-суздальским, вопреки воле митрополита Нифонта.[4]

Наконец, в XIII в. при князе Владимире Рюриковиче встречаем еще одного игумена, судьба которого оказалась очень примечательной. Под 1230 г. читаем в своде Юрия Всеволодовича: «Того же лета приходи преосвященный митрополит всея Руси Кирилл к великому князю Гюргю и к брату его Ярославу и Святославу и к Константиновичамь Василку и Всеволоду и Володимиру от киевского князя от Владимира от Рюриковича, а от черниговьского князя от Михаила епископ Перфурий. Приде же с нима игумен пречесного монастыря святого Спаса Киеве на Берестовемь Петр Акерович и ин муж Володимер Гюргий, столник его. Си 3 приходиша с митрополитомъ, прося мира Михаилу с Ярославомь: бе бо Михаил не прав в крестном целовании при Ярославе, и хотяше Ярослав ити на Михаила. Бог же не попусти тако тому быти... Послуша убо Ярослав брата

---

[1] Разумеется, мы не можем входить здесь в подробное рассмотрение состава Воскресенской и Новгородской летописей, ибо это тема специальных больших исследований. Для наших целей — изучения галицко-волынского летописания,— достаточно отметить факт существования Киевской летописи 1238 г. и ее тенденциозного использования автором волынского княжеского свода 1246 г.

[2] ПСРЛ, т. I, в. 1, стб. 181; ср. стб. 232.

[3] Там же, в. 2, стб. 348, 363 и др.

[4] ПСРЛ, т. II, стб. 629—630.

своего старейшего Гюрья и отца своего митрополита и епископа Порфурья и взя мир с Михаилом, и бысть радость велика...» По этому случаю «много же учреженье дав оба князя Гюрги и Ярослав отцю своему митрополиту и епископу Порфурью и игумену Спаському и благословишася от нею и отпустиша я, кождо къ своим княземъ».[1] Вышеуказанный эпизод связан с борьбой князя Михаила Черниговского против Ярослава Переяславского из-за Новгорода. Под угрозой военного выступления переяславского князя Михаил должен был уступить, использовав при этом посредничество своего союзника Владимира Рюриковича, бывшего в дружбе с Юрием Всеволодовичем Владимирским.[2]

Вторично игумен Петр упомянут в 1231 г.— среди участников посвящения епископа ростовского в киевской Софии.[3] Это посвящение совпало со съездом князей в Киеве, где оформился военный союз Владимира Рюриковича Киевского, Михаила Черниговского и их сторонников; целью этого союза была борьба за Галичину, куда, после потери Новгорода, стремился проникнуть черниговский князь.

Предположение, что игумен Петр Акерович, близкий князьям Владимиру и Михаилу, был лицом, причастным к киевскому летописанию, находит одно вполне убедительное доказательство, требующее, однако, некоторых изысканий, которые облегчаются работой, проделанной украинским буржуазным историком С. Томашевским.[4]

Когда генуэзец Синибальдо Фиески занял папское кресло под именем Иннокентия IV (28 июня 1243 г.), он столкнулся с многочисленными политическими затруднениями, среди которых не последнее место занимала татарская угроза странам Восточной Европы, представлявшим существенный интерес для агрессивных политических планов курии и для папского фиска (Польша, Венгрия, Латинская импе-

---

[1] ПСРЛ, т. I, в. 2, стб. 455—456.— Игумен Петр не случайно выступал в качестве представителя черниговского князя: какие-то земельные владения монастыря Спаса находились близ Чернигова («сельце святого Спаса» — см. ПСРЛ, т. II, стб. 507).

[2] Дочь Владимира Рюриковича, Марина, была женой сына Юрия, Всеволода (ПСРЛ, т. VII, стр. 136; брак состоялся в 1230 г.).

[3] ПСРЛ, т. I, в. 2, стб. 456.

[4] Ст. Томашівський. Предтеча Исидора Петро Акерович, незнаний митрополит руський (1241—1245). (Annalecta ordinis S. Basilii Magni, Jovkva, 1927, t. II, fasc. 3—4, p. 221—313). Мы не касаемся здесь по существу ненаучных рассуждений автора-униата о стремлении русских князей к церковной унии. Автор, украинский буржуазный националист, посвятивший свою работу «украинським владыкам русько-католицькой церкви», следует взглядам латинских средневековых хронистов, которые политические союзы, заключаемые русскими князьями на Западе, постоянно смешивали с церковной унией и уничтожением православия.

рия и др.). Поэтому нормализацию отношений с татарами Иннокентий IV считал одной из главных задач своего понтификата.

На известном соборе, созванном в Лионе 24 июня 1245 г., татарский вопрос также нашел свое отражение. Главными вопросами собора были: борьба с императором Фридрихом II; вопрос о «святой земле», где после падения Иерусалима (17 сентября 1244 г.) положение стало критическим; вопрос о судьбах Латинской империи, которая нуждалась в срочной защите от возраставшей активности Никейской империи, и, наконец, вопрос о татарах, тесно связанный с вышеуказанными проблемами.

Для нас наибольший интерес представляет именно последний вопрос.[1] Дело в том, что для информирования собора о татарах слово было предоставлено «Петру, архиепископу Руси», который, как стало известно, был изгнан (exterminatus) татарами не только из владычной столицы (ab archiepiscopatu) но и из самой земли (ab ipso regno), и прибыл из Руси (de Russia, Ruthenus) в Лион, чтобы искать помощи против восточного врага.

Выступление на соборе архиепископа Петра произвело большое впечатление. В источнике Матвея Парижского он охарактеризован как «муж честный (honestus), умный (spiritualis) и веродостойный (fidelignus)».[2] Петр не знал ни одного библейского языка (ни греческого, ни латинского, ни еврейского), и это сделало необходимым проверку его личности, но так как он оказался превосходно теологически образованным и peroptime exposuit evangelium перед самим папой,[3] то все сомнения отпали, и он был допущен произнести речь на соборе по-русски, с тем, чтобы толмачи ее перевели. О личности этого архиепископа Петра имеется обширная историография; пересмотр ее и в основном правильное фактическое решение вопроса дано С. Томашевским. Решению вопроса способствовало то, что, с одной стороны, в католической церкви титул «архиепископа» (если только он

---

[1] Материал о нем мы имеем лишь в двух английских хрониках: Матвея Парижского, монаха сент-албанского монастыря, и в анонимной хронике буртонского монастыря (Rerum Britannicarum medii aevi scriptores, or Chronicles and Memorials of Great Britain and Ireland during the Middle Ages (в дальнейшем — SRB), t. 70, Matthae Parisiensis, monachi S. Albani, Chronica Majora, ed. by H. R. Luard, vol. IV (1240—1247), London, 1877, pp. 386—389; SRB, t. 36, Annales Burtonienses. Annales Monastici. Ed. by H. R. Luard, vol. I, London, 1864, pp. 271—275. Сокращенно см. в Monumenta Germaniae Historica, Scriptores, t. XXVII, Hannoverae, 1885, pp. 474—475).

[2] SRB, t. 70, p. 386.

[3] SRB, t. 36, p. 272.

не in partibus) тождественен титулу митрополита и что, с другой стороны, в русской церкви митрополит также считал себя архиепископом.[1] Допустив, что выступавший в Лионе Петр был митрополитом, исследователь попадает в выгодное положение, ибо имеет географическое определение его местопребывания — гор. Киев.

Изучение известий источников о киевских митрополитах XIII в. (Матвей,[2] Кирилл,[3] Иосиф[4]) показывает, что эти известия носят случайный характер.[5] Из этих известий между тем видно, что в 1233—1237 гг. митрополичья кафедра была вакантна; в 1237 г. прибыл грек Иосиф, исчезнувший в бурные дни разорения Киевщины татарами; с 1237 по 1250 г.[6] нет известий о русских митрополитах. Таким образом, имеется хронологический перерыв в 14 лет, который нечем восполнить, так как Киевская летопись кончалась 1238 г.

Чтобы понять, кто мог в это время быть номинальным митрополитом, нужно проследить судьбу Киева за эти годы. С 1200 по 1240 гг. в Киеве дольше других княжили только Мстислав Романович (погиб на Калке) и его преемник Владимир Рюрикович. Последний держался союза с Мстиславом Удалым, а затем — с Михаилом Черниговским. Однако, когда князь Даниил Романович Галицкий, собрав волынские земли, вступил в борьбу за Галичину, то в 1233 г. Владимир Рюрикович перешел на его сторону, порвав с черниговским князем.

Столкновение волынского и киевского князей с Михаилом Черниговским кончилось блестящей победой Михаила. Он занял Киев, посадив в нем своего союзника Изяслава Мстиславича Смоленского, а сам двинулся в Галичину и овладел ее столицей. При этом черниговский князь опирался на помощь части высшего духовенства (епископов-феодалов), галицкого боярства и болоховских князей-половцев и имел еще поддержку польского князя Конрада Мазовецкого и венгерского короля Белы IV.

---

[1] Так, например, митрополит Кирилл в 1270 г. говорил новгородцам: «Мне поручил бог архиепископию в русьской земли, вам слушати бога и мене» (Новгор. I лет., стр. 294). «Архиепископом» называл Киевского митрополита Кирилла и русский боярин Яков — Святослав (XIII в.), служивший болгарскому царю Константину (см. А. Востоков. Описание рукописей Румянцевского музеума, стр. 290—291).

[2] ПСРЛ, т. I, в. 2, стб. 435 (1210), 438 (1214), 445 (1220).

[3] Там же, стб. 447 (1224), 448 (1226), 449 (1227), 450 (1228), 456 (1231) — нет даты смерти; ПСРЛ, т. II, стб. 753; Новгор. I лет., стр. 233 (1230), 242 (1233 — дата смерти).

[4] Новгор. I лет., стр. 246 (1237 — дата прибытия в Киев).

[5] Е. Е. Голубинский. История русской церкви, М., 1880, т. I (первая половина), стр. 279 и др.

[6] ПСРЛ, т. I, в. 2, стб. 472.

С другой стороны, и галицко-волынские князья предприняли активные действия, ища союзников в Литве, у враждебного Венгрии Фридриха II Австрийского и, может быть, у владимиро-суздальских князей. Однако вмешательство Ярослава Суздальского не изменило положения. Правда, он занял Киев, но не смог его удержать, вытесненный Михаилом Черниговским, который сел в Киеве сам (1237), а в Галиче посадил сына Ростислава.

Летописный свод Даниила Романовича отметил эти события сдержанно, но вполне ясно: Ярослав «не мога его (Киев.— *В. П.*) держати, иде пакы Суждалю, и взя под ним Михаил, а Ростислава, сына своего, остави в Галичи, и отъяша от Данила Перемышль; бывшю же межю ими овогда миру, овогда рати».[1] Это была вершина успехов князя Михаила Черниговского, но княжить ему пришлось недолго. Вскоре был утрачен Галич. Татары уже двигались по земле болгарской (1236), прошли по Рязанщине, Суздальщине (1237—1238), разбили половцев (1238) и повернули на левобережную Украину (1239). Пали Чернигов, Переяславль, не стало союзных половцев; князь Михаил оставил Киев и покинул Русь.

Тогда в Киев двинулся Даниил Романович. Галицкому князю удалось завладеть стольным городом и посадить в нем своего наместника Дмитра. Однако татары, дождавшись первых заморозков, направились к Киеву, заняли и разрушили его и ушли на запад.

Нашествие татар не прекратило феодальных междоусобий. Первое время Киев был вообще без князя, но едва татары скрылись в горных проходах Карпат, как князь Михаил Всеволодович, успев помириться с Даниилом Галицким, вернулся с сыном из Польши в Киев (1241) и поселился на острове на Днепре. Ярослав Всеволодович пока не вмешивался в киевские дела, выжидая; князь Даниил Романович — так же. Сколько времени просидел Михаил Черниговский на киевском столе — неизвестно. Но в 1245 г. Киев уже не принадлежал ему, ибо здесь сидел тысяцкий — Дмитр Ейкович — воевода Ярослава Всеволодовича, его видели в 1245 г. и князь Даниил Романович[2] и францисканец Иоанн де Плано-Карпини.[3]

В это время Киев потерял свое значение не только столицы, но и дипломатического и церковного центра: старая организация церковно-политического управления пришла в расстройство, новая еще не сложилась. Борьба за право иметь свою митрополию развернулась между северо-восточ-

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 777.
[2] Там же, стб. 806.
[3] И. де Плано-Карпини. История монголов, изд. А. И. Малеин, СПб., 1911, стр. 45.

ным и юго-западным княжествами. Как известно, в течение всего существования русской церкви она находилась в тесной связи с Византией, получая от последней греков-митрополитов. За все время имело место лишь два исключения: при Ярославе Мудром — в 1051 г., при Изяславе Мстиславиче — в 1147 г. В 40-х годах XIII в. создалось новое положение, но все же князь, владевший Киевом в 1237—1239—1244 гг. и пожелавший иметь своего митрополита, должен был примириться с тем, что власть его митрополита кончалась там же, где кончалась власть самого князя. Таким князем киевским был Михаил Черниговский. Он, вероятно, и поставил игумена Петра Акеровича в «митрополиты».

Галицко-волынский князь, естественно, не признал этого постановления, так как имел своего кандидата в митрополиты — боярина печатника Кирилла,[1] и, заняв Галич и Перемышль (1242—1245), изгнал оттуда епископов, сторонников черниговского князя (см. ниже, с. 228).

Эти события тесно связаны с той борьбой, которая шла в юго-западной Руси между великокняжеской властью, с одной стороны, и светской и духовной знатью — с другой.

Можно предположить, что во владимиро-суздальском княжестве Петра вряд ли признали, Ярослав Всеволодович по возвращении татар из европейского похода вступил с ними в соглашение: в 1243 г. он отправил сына Константина в Монголию, а затем получил от Батыя назначение: «Ярославе, буди ты старей всем князем в русском языце»;[2] с этим связан, конечно, переход Киева под руку Ярослава Всеволодовича уже в 1245 г. Михаил Черниговский с Ростиславом и митрополитом выехали в Венгрию, где Ростислав женился на дочери короля Белы IV Анне. Однако князь Михаил не ужился при венгерском дворе, где король и сын «чести ему не створиста». Он оставил Венгрию и возвратился в Чернигов, а архиепископа Петра направил к папе выяснить возможность получения помощи против татар. Это было вполне естественно для князя, долгое время связанного союзом с Венгрией; кроме того, на это же время падают оживленные переговоры курии с некоторыми русскими князьями. Михаил был из них самый неудачливый; он вскоре был убит в ханской ставке; сын его Ростислав, потерпев полный разгром от войск князя Даниила Романовича, остался в Венгрии в качестве бана, а следы архиепископа Петра затерялись в далекой Франции.

---

[1] Веские доказательства в пользу тождества печатника и митрополита см. Д. С. Лихачев. Галицкая литературная традиция..., указ. изд., стр. 49—52.

[2] ПСРЛ, т. I, в. 2, стб. 470 (1243).

Но английские хроники сохранили нам изложение речи, произнесенной Петром на Лионском соборе 1245 г.[1] Речь была построена в форме ответов на вопросы, поставленные ему собором. Всего было задано 10 вопросов: 1) о происхождении татар и начале их завоеваний; 2) об их вере; 3) об их образе жизни; 4) об их обрядах и верованиях; 5) об их храбрости и способности воевать; 6) об их численности; 7) об их военно-политических замыслах; 8) о верности их в соблюдении международных договоров; 9) об их отношении к иноземным послам; 10) о том, как они переходят моря и реки.

Петр ответил примерно следующее.

Татары — это остатки медиантов, которые бежали перед Гедеоном и скрылись в северо-восточных окраинах мира, в великой и страшной пустыне Этревской. Имели они 12 начальников; старший из них — Татар-хан, откуда и произошло их название. От него произошел Чирхан (Чиархан), имевший трех сыновей — Тесирхана, Чурихана (Куртихана) и младшего Бататархана. Хотя жили они между высокими, почти непроходимыми горами в пещерах и в диком состоянии, но 34 года назад они вышли из своих обиталищ под руководством Чирхана и его трех сыновей на завоевания. Побужденные Курсевзою, зятем Салбатина, они обложили и заняли большой город Орнак, принадлежавший Салбатину; самого Салбатина поймали и убили, а за Курсевзою гнались через разные земли и опустошали каждую, что принимала его у себя; была опустошена и Русь 26 лет назад. По смерти отца три брата разделились, увеличив свои силы за счет подчиненных кочевников, и продолжали завоевания. Тесирхан пошел на вавилонян, Чурихан — против турок, а Бататархан, оставшись в Орнаке, выслал своих князей против Руси, Польши, Венгрии и других земель. Все трое думают далее итти на Сирию и соседние страны.

Их вера. Они верят в единого владыку света; отправляя посольство к русским, они провозгласили такой лозунг: «Бог и его сын — на небе, а Чирхан — на земле!».

Об образе жизни. Они едят конское мясо, собачье и все другое нечистое, а в нужде даже и человеческое, но только вареное. Пьют кровь, воду и молоко; за злодеяния карают сурово, за некоторые: воровство, мужеложство, ложь и человекоубийство — смертной казнью. Многоженство дозволено. Иноземцев не допускают к своей жизни, деловым соглашениям и тайным планам. Станы свои располагают отдельно от других, а чужого, входящего туда, убивают.

[1] SRB, t. 36, p. 386—389; t. 70, p. 272—273.

Их обряды. Каждое утро возводят руки к небу в честь творца. Если едят, то первый кусок бросают в воздух, если пьют, то часть — льют на землю, в честь творца. Они говорят, что руководителем их является святой Иван. В новолуние у них бывает много веселья.

Они сильнее и проворнее нас и легче переносят невзгоды: так и кони их и скот. Женщины ездят на конях и сражаются, как мужчины, и хорошо стреляют из лука. Оборонительное оружие сделано из шкур, наложенных одна на другую, и его нельзя проколоть; наступательное оружие — железное. Имеют различные осадные машины, которые стреляют точно и сильно. Спят под открытым небом, невзирая на погоду.

О числе. Из всех вер и наций много народа соединилось с ними по воле и поневоле.

Об их замыслах. Говорят, что они по воле неба будут угнетать мир 39 лет, чтобы очистить его мечом так, как когда-то кара божия очистила его потопом. Они верят, что будут иметь тяжелую борьбу с католическим миром, но не знают, кто одолеет.

О договорах. Татары соблюдают договоры по отношению к тем, кто поддался им добровольно; они берут у них воинов, которых перед боем посылают вперед; берут и ремесленников. Но они беспощадны к тем, кто восстает против них, не признает их власти или даже ожидает их нападения.

Послов принимают и отсылают ласково.

Реки переплывают на конях или на специальных мехах; в трех местах они изготовляют морские суда. Еще Петр добавил, что один из знатных татар, зять Чирхана Калалидин (Калаладин), живет как изгнанник на Руси: его уличили во лжи и лишь благодаря жене его помиловали.

Таково содержание выступления Петра Акеровича на Лионском соборе. Хотя это запись со слов толмача и хотя Петр говорил о многом, чего сам не видел, но в целом его сообщение выдерживает историческую критику; достаточно для этого сопоставить его рассказ с тем, что сообщал доминиканец Юлиан[1] (1237—1238) или Плано-Карпини.

Для историка летописания наибольший интерес представляет ответ, данный Петром Акеровичем на первый вопрос. Нетрудно заметить, что этот ответ находится в полном соответствии с известным «Откровением Мефодия Патарского». Это произведение III—IV вв. отчасти комбинировало библию, отчасти предсказывало будущее. К выступлению Петра Акеровича непосредственное отношение имеет следующий отрывок, который берем из текста так наз. первого славянского пере-

[1] С. А. Аннинский. Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах и восточной Европе.— Исторический архив, т. III, М.— Л., 1940.

вода, по определению В. Истрина.[1] В этом отрывке сообщается, что бог сотворил милость израильтянам, «избави е от ных Гедеономь от работии сыновь Измаилев, *иже Гедеон исече вое их и прогна е в пустину Етрив,* откуду же беху изъшли... *есть же имь приити единою и пленити земьлю и прияти землу Егупта до Ефиопие и от Ефрат и до Иньдие и от Тигра до места Мунтова* царства сына Ноева и от севера до Рима и до Лурика и Гигита и Солуня и Орование *даже и до моря Поничьская* и будеть съгуб ярмь на выи всемь странамь, и несть языка или царства под небесемь, иже могуть противустати имь до числа лет седьми седмиц и потом побеждени будут от Грьк...»

Как ни интересно это совпадение отрывка «Откровения» с текстом речи Петра Акеровича, сохраненным английскими хрониками, гораздо любопытнее то, что «Откровение» получило широкое распространение на Руси после Калкской битвы, и отрывок из него читался в тогдашних летописных сводах;[2] о нем же слышал, будучи на Руси в 1237—1238 гг., венгерский доминиканец Юлиан.[3]

Просмотр этих чтений позволяет предполагать, что вскоре после битвы на Калке в Киеве возникло «Сказание» о татарах, где происхождение их велось от народа, упомянутого в «Откровении», и где, видимо, содержалась историческая генеалогия татарских ханов. Сравнение летописных текстов обнаруживает, что это «Сказание» более глубокий след оставило в Новгородской летописи. Сравним тексты записи в Буртонской хронике с текстом Новгородской первой летописи старшего извода:

Новгородская I летопись	Буртонская хроника
«Том же лете по грехом нашим, придоша языци незнаеми, их же добре никтоже не весть, кто суть, и отколе изидоша, и что язык их, и которого племени суть, и что вера их; а зовут я татары, а инии глаголуть таурмены, а друзии печенези; *инии же глаголють,*	«Primo de ipsorum origine dicit: *Qupd reliquie Madianitarum fugientes a facie Gedeonis usque ad remotas partes orientis receperunt se in quodam deserto quod dicitur Ethreu.* Illi autem habebant 12 duces, quorum maier dicebatur Tatarkan,

[1] В. Истрин. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила. Исследования и тексты, М., 1897, стр. 87—88; ср стр. 104—105.

[2] Ср. ПСРЛ, т. I, в. 1, стб. 234 (под 1096 г.).

[3] С. Аннинский. Указ. соч., с. 90.

яко се суть о них же Мефодий Паторомьский епископ рече, яко си суть изъшили ис пустыня Етриевскыя сущa межю въстокомь и севером. Тако бо Мефодей глаголеть, яко скончанию времен явитися тем, яже загна Гедеон, и попленять всю землю от въсток до Ефранта и от Тигр до Понтейского моря, кроме Ефиопия. Бог один весть, кто суть и отколе изидоша, премудрии мужи ведят я добре, кто книгы разумееть; мы же их не вемы, кто суть; нъ сде въписахом о них памяти ради руских князь и беды, яже бысть от них им». [1]

a quo Tartari dicti sunt. Ab illo autem descendit *Chyrcan,* qui habuit tres filios nomen primogeniti *Thesstrican,* nomen secundi Gurtican, nomen tertii Bathatarcan. Qui quamvis essent montibus eminentissimis et quasi immeabilibus circumdati, provocati tamen a Curzeusa, nepota Salbatin, domini cuiusdam magne civitatis, que vocatur Ornac, exierunt, pater scilicet et tres eius filii, cum magna multitudine armatorum, et interfecto Salbatin, et Ornac civitate eius occupata, *Curzeusam,* nepotem eius, per multas provincias insecuti sunt. Provincias vero ipsum recipientes devastaverunt, inter quas pro magna parte devastata est Russia, iam sunt 26 anni elapsi. Mortuo vero parte, tres fratres ab invicem sunt divisi. *Tessrican* autem ivit contra Babilonios, Curthican contra Thurcos, Bathatarcan remansit Ornachi et misit principes suos contra Russiam, Poloniam et Hungariam et alia multa regna. Qui quidem tres cum suis exercitibus modo circa partes intimas Sirie sunt coniuncti. Et iam, ut dixerunt, transierunt circiter 34 anni, ex quo exierunt de deserto Ethreu». [2]

---

[1] Новгор. I лет., стр. 215; ср. ПСРЛ, т. I, в. 2, стб. 445—446.
[2] SRB, t. 36, p. 272.

Из сравнения этих отрывков видно, что новгородский автор почему-то не счел нужным переписать полностью то «Сказание» о татарах, которое читалось в источнике Новгородской летописи. Но в этой летописи случайно сохранились в полулегендарном тексте имена татарских воевод — Чегиркан и Тешюкан,— имена, происхождение которых не может вызвать сомнения[1] и которые едва ли отличаются от имен, упомянутых Петром Акеровичем в Лионе: Chyrcan и Thesyrcan (Thesycan, Thessirican).

Мы видим, таким образом, что игумен Спаса на Берестовом Петр Акерович, став «митрополитом» и выступая по поручению князя Михаила Черниговского на Лионском соборе 1245 г., использовал киевское летописное «Сказание». Последнее положение подтверждается сравнением текста английской хроники, содержащей изложение речи Петра Акеровича, с текстом Новгородской летописи, сохранившей отрывок «Сказания» о татарах.

* * *

Подведем некоторые итоги:

Изучением ряда летописных текстов московской, юго-западной и северной редакций, а также русского летописного материала, отраженного в «Historia Polonicae» Яна Длугоша, устанавливается существование Киевской летописи князей Ростиславичей, доводившей свое изложение до 1238 г.

Киевская летопись 1238 г. примыкала в своду Рюрика Ростиславича; она вошла в качестве одного из источников в состав как галицко-волынского свода 1246 г. князя Даниила Романовича, так, видимо, и Новгородской первой летописи старшего извода.

Правомерность существования в Киеве этой поры самостоятельного ведения летописи и появления подобного летописного памятника подкрепляется тем, что один из текстов этого летописания, как выясняется из английских хроник, послужил источником для выступления Петра Акеровича на Лионском соборе 1245 г.

Анализ приемов работы т. н. областных летописцев (владимиро-волынского, новгородского и отчасти киевского) обнаруживает, что в основе деятельности каждого из них лежало стремление обосновать приоритет своего княжества во всей русской земле и оправдать права местного князя распоряжаться ее судьбами.

---

[1] Новгор. I лет., стр. 218—219.

3. Летописный свод 1246 г.

Начиная выяснение источников летописного труда, созданного при дворе князя Даниила, мы прежде всего обращаем внимание на начало этого труда, посвященное истории юго-западной Руси до занятия владимирского стола женой князя Романа, княгиней Анной [1] и ее сыновьями. Эта часть текста особенно трудна для анализа, ибо, пройдя ряд редакций, она во многом утратила свой первоначальный облик и подчас представляет собою скопление фактов, лишенных смысловой связи.

Этот текст начинается от слов: «Велику мятежю воставшю в земле Руской, оставившима же ся двеима сынома его, един д҃ лет, а другий дву лет». [2] Л. В. Черепнин высказал мнение, что мы имеем здесь дело с начальной галицкой повестью, посвященной судьбе Даниила и Василька Романовичей, составленной около 1211 г. галицким книжником Тимофеем. [3] Выше мы показали иную роль Тимофея в истории юго-западного летописания; что касается повести, то и нам представляется, что она открывала собою летопись князя Даниила, но мотивы ее появления, источники ее и датировка могут быть раскрыты в ином плане, чем предлагавшийся до сих пор.

Дело в том, что в центре летописного повествования, охватывающего период от смерти князя Романа Мстиславича до занятия города Владимира княгиней и ее сыновьями, находится сама княгиня. Видимо, после перехода города Владимира в ее руки и вокняжения там Даниила Романовича (около 1217 г.) и возникла эта повесть о борьбе князей за Волынь, о их борьбе с боярским мятежом. Не может вызвать сомнений утверждение, что княгиня Анна была признанной опекуншей своих малолетних сыновей: это признал венгерский король Андрей II, который специально «снимался» с нею; [4] это признавал князь Лешко Краковский, с которым она поддерживала и официальные дипломатические отношения; [5] это признавали, наконец, литовские князья, заключившие с нею союзный договор («Божиим повелениемь прислаша князи Литовьскии к великой княгини Романове («романовой» — Х) и Данилови и Василкови»).

---

[1] N. Baumgarten. Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides russes du X-e au XIII-e siècle. Orientalia Christiana, vol. IX—I, № 35, Maio, 1927, Roma, p. 47. Работа, в целом, нуждается в специальной критике.

[2] ПСРЛ, т. II, стб. 717.

[3] Л. В. Черепнин. Указ. соч., стр. 253; ср. стр. 244.

[4] ПСРЛ, т. II, стб. 717.

[5] Там же, стб. 721.

Лишь около 1219 г., когда князь Даниил стал вполне самостоятельным правителем и женился на дочери Мстислава Удалого, упоминания о княгине сходят со страниц летописи; это объясняется и тем, что княгиня оставила политическую деятельность: «тогда же великая княгини Романовая восприимши мниский чин».[1] Более чем десятилетняя энергичная политическая деятельность княгини, на которую историки почему-то не обратили внимания, показалась древним книжникам «памяти достойной»; характерно, что они считали княгиню продолжательницей политики князя Романа Мстиславича и называли ее не по имени, а Романовой, по мужу.

Если проследить деятельность княгини Анны, то нужно признать оправданным внимание к ней со стороны летописца. По смерти мужа княгиня Анна «снималась» с венгерским королем Андреем II, признавшим права князя Даниила на галицкий стол (от слов: «за то бе по смерти Романове»... и т. д. до слов: «инех много Угор»); измена галицких бояр принудила ее к бегству во Владимир (от слов: «и приведоша кормиличича» до слов: «княгини же Романовая, вземше детяте свои, бежа в Володимерь»). Происки князя Владимира Игоревича и «лесть» части владимирских бояр, которые «предати хотяху господу свою», привели к бегству княгини из Владимира «дырою градною» в Польшу (от слов: «и еще же хотящю Володимеру» до слов: «а Лестько княгиню и Василька у себе»).[2] С большим трудом добилась княгиня получения некоторых волынских земель, в том числе Берестья, а затем Белза.[3]

Когда галицкие бояре вернули на княжеский стол старшего Романовича — Даниила, княгиня Анна прибыла в Галич и пыталась взять власть в свои руки; но попытка эта кончилась неудачей: галицкие бояре «выгнаша Данилову матерь из Галича». Причина изгнания означена ясно: «хотеша княжити сама»; на это галицкие бояре согласиться не могли. Княгиня уехала из Галича, оставив в нем сына. Деятельная Романовая известила о происшедшем венгерского короля, который «сожалиси» и пришел с войском к ней на помощь; при этом король, по утверждению автора повести, «свет створи» не только «со ятровью своею», но и «с бояры Володимерьскыми»; король восстановил права Романовой в Галиче.

Но и на сей раз сопротивление галицких бояр, связавшихся с князем Мстиславом Ярославичем Пересопницким, привело к тому, что «княгини же Романовая (Х — «съ») сыном своим Данилом и с Вячеславом Толстым бежавша

---

[1] Там же, стб. 734.
[2] Там же, стб. 719.
[3] Там же, стб. 721.

во Угры, а Василко с Мирославом ехаша во Белз».[1] После вокняжения в Галиче боярина Володислава княгиня вместе с сыном Даниилом приехала из Венгрии через Польшу в Каменец (до слов: «и бояре вси сретоша и с великою радостью»).[2]

Считаясь с тем, что большое число волынских бояр поддерживало князя Даниила, князь Лешко Краковский передал Романовичам города Тихомль и Перемиль. В повести сказано, что Романовичи «княжаста с матерью» в нем и «на Володимерь зряща, говоря: «се ли, ово ли Володимерь будеть наю». Божиею же помощью на Володимерь призирающа».[3] Повесть, видимо, заканчивалась известием о том, как с помощью польского воеводы Пакослава, который «бе приятель Романови («Романовой» — Х) и детем ея», княгиня, наконец, получила город Владимир для своего сына Даниила.[4]

Автор повести весьма высоко оценил помощь, оказанную волынским боярством Романовичам в эти трудные для них годы. Он специально отметил верность волынских бояр своим князьям: когда князь Александр, который постоянно «хотя зла Романовичема», отобрал Белз у Василько, и последний вынужден был переехать в Каменец, то «бояре не изневеришася, но идоша вси со княземь Василком в Каменец»;[5] позднее все они поддерживали князя Даниила.[6]

Нет нужды отмечать, что галицкое боярство в этой повести охарактеризовано предельно отрицательно. Интересно, что даже факт имевшего место кратковременного соглашения владимирских бояр с Александром Всеволодовичем Белзским (от слов: «Возведе Олександр Лестька» и т. д. до слов: «иде же Орельску») тактично объяснен тем, что владимирцы доверились князю Александру как родственнику покойного князя Романа («рекуще: се синовець Романови»).[7]

Наряду с известиями о волынских делах в повести читалось описание основных галицких событий, связанных с судьбой князя Даниила. Сведения о них автор повести мог получить от боярина Вячеслава «Толстого», который находился вместе с князем Даниилом в Венгрии;[8] этот же Вячеслав, вместе с боярами Мирославом и Демьяном, предводитель-

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 728.
[2] Там же, стб. 729.
[3] Там же, стб. 730.
[4] Там же, стб. 731; и позднее Пакослав — союзник князя Даниила, см. стб. 754, 756.
[5] Там же, стб. 729.
[6] Там же, стб. 730.
[7] Там же, стб. 720.
[8] Там же, стб. 719.

ствовал войсками князя Даниила;[1] он же споспешествовал князю Даниилу в занятии галицкого стола;[2] он сопровождал княгиню и Даниила Романовича во время их бегства в Венгрию[3] и с ними же, вероятно, вернулся в Каменец. Неоднократные упоминания о боярине Вячеславе в повести, важное место, отведенное ему в истории той поры,— свидетельствуют о его причастности к составлению повести.

Боярин Вячеслав сообщил сведения, составляющие текст, идущий от слов: «Данила посла Лестько» и т. д. до слов: «остави же Данила у себе»;[4] ниже этот текст продолжается от слов: «Данилови сущю в Угрех» до слов: «сына у него не бе», а вернее даже до слов: «окрест града»,[5] ибо только фразу: «юже ныне святу наречают»,[6] можно считать включенной автором свода князя Даниила в текст, говоривший о Елизавете, дочери короля Андрея II. Кроме того, в тексте, исходящем от боярина Вячеслава, находим описание военных действий (от слов: «Василку же княжащю во Белзе» до слов: «вои и («ис» — X) Шюмьска»),[7] к которому надлежит отнести и фразу: «оже быша не приехале Ляхове и Русь»; интересно, что в этом тексте боярин Вячеслав назван «великим».

Несомненно, лишь благодаря близости Вячеслава к автору повести простой факт занятия галицкого стола князем Даниилом с помощью галицких бояр и венгерских воевод получил следующее летописное оформление: *«тогда же бояре* (Володимерьскии и) *Галичкыи* [и Вячеслав Володимьрьстий и (Володислав Галицкий — X) и вси бояре Володимерьстии и Галичкыи] *и воеводы Угорьскыя* посадиша князя Данила на столе отца своего» и т. д.[8] К этому тексту примыкали и следующие сообщения: «Тогда же приехала княгини великая Романовая видит («видети» — X) сына своего присного Данила»;[9] сюда же следует отнести и отколовшийся (в связи со вставкой похвалы королю Андрею) кусок текста: «Данилу же княжащю в Галичи, тако младу сущу, яко и матери своей не позна»[10]. Тот же боярин Вячеслав имел возможность сообщить и о некоторых событиях внутренней истории Венгрии

---

[1] Там же, стб. 725.
[2] Там же, стб. 726.
[3] Там же, стб. 728.
[4] Там же, стб. 719.
[5] Там же, стб. 725.
[6] Там же, стб. 723.
[7] Там же, стб. 725.
[8] Там же, стб. 726.
[9] Там же.
[10] Там же, стб. 727.

(о дочери короля Андрея II,[1] о гибели его жены и мятеже при дворе),[2] интересовавших волынский княжеский дом.

Нужно отметить, что у составителя повести были под руками и документы княжеского архива, например: договор с Литвой,[3] ныне стоящий не на месте, ниже известия о принятии княгиней Анной монашества; или грамота с перечнем венгерских воевод,— из нее автор привел часть имен и заметил: «их же не мощно сказати, ни писати («их же не мощно писати» — X)».[4]

Из изложенного видно, что в основе повести о княгине Романовой и ее сыновьях лежали события не семейной хроники, а широкой политики, хотя местами семейная хроника и дает себя знать; например, автор со слов боярина Мирослава записал, что при бегстве из Владимира боярин ехал, «возмя» князя Даниила «перед ся» на седло. Впрочем тот же Мирослав сообщил автору и о более важных событиях, например, о своих переговорах с князем Лешко Краковским.

Повесть, возникшая около 1219 г., построенная на донесениях и свидетельствах умных и наблюдательных политических деятелей (Мирослав, Вячеслав, Демьян и др.), явилась ярким описанием «великого мятежа» главным образом галицких бояр, описанием широкой феодальной войны, охватившей юго-западную Русь по смерти князя Романа Мстиславича. Повесть высоко оценила поддержку, оказанную Романовой со стороны волынского боярства и его руководителей — Вячеслава, Мирослава, Демьяна; повесть отдала должное дипломатическим связям княгини Анны с Венгрией, Польшей и Литвой.

Понятно, что эта повесть оказалась одним из источников летописи князя Даниила. Правда, автор этой летописи (свода) внес в повесть некоторые дополнения и перегруппировал материал; он вставил антивенгерский текст Тимофея из Киевской летописи, обличавший палатина Бенедикта Бора (от слов: «мы же на преднее возвратимся случившихся в Галиче» до слов: «скверная дела его»);[5] кое-где дополнительно упомянул князя Даниила; например: «Данилу же тогда детьску сущю, якоже можаше на коне ездити»;[6] или: «Данилови же у Лестка сущю»;[7] но все же именно эту повесть положил он в начало своего труда.

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 723.
[2] Там же, стб. 729.
[3] Там же, стб. 735.
[4] Там же, стб. 724.
[5] Там же, стб. 721—722.
[6] Там же, стб. 730.
[7] Там же.

Так как эта вводная повесть прошла несколько редакторских обработок, то ряд мест в ней достаточно затемнен. Описание похода Рюрика Ростиславича Киевского на Галич изложено весьма шероховато («и приде на Галич», «пришедшю ему на Галичь», «и пришедшю же Рюрику в Галич»);[1] похоже, что это текст киевского источника, включенный в свод и разбитый вставками из вводной повести.

В этой мысли утверждает нас и тот факт, что отрывок, сообщающий о венгерском гарнизоне, присланном в Галич королем Андреем II на помощь своей «ятрови», не очень хорош стилистически: перечислены венгерские воеводы и сказано «и (X) иныи («иные» — X) угры многи («многы» — X), и за то не смеша галичане ничто же створити, бе бо инех много угор»; причем далее ничего не говорится о судьбе этого венгерского гарнизона. Более того, следующий текст начинается с середины фразы: «и приведоша (кто?) кормиличича (т. е. боярина Володислава), иже бе загнал великый князь Роман неверы ради», и далее: «славяху («словяху» — X) бо Игоревича; послушав же их (кого?) галичкыи бояре и послаша по них и посадиша в Галиче Володимера, а Романа в Звенигороде». И в дальнейшем встречаются неловкие места, вроде отрывочных фраз: «Княжаше Всеволод в Кыеве Святославич, имея велику любовь к детемь Романовое»,[2] или: «потом же Мстислав Пересопницкий, посадив Лестька, поиде в Галичь».[3]

Таково содержание вводной повести[4] одного из источников летописного свода князя Даниила.

Выше, в связи с анализом Киевской летописи 1238 г. мы указали, как на источник того же летописного свода, на представленные в княжескую канцелярию тысяцким Демьяном записи, имевшие военно-дипломатический характер. Утверждение относительно наличия княжеской канцелярии основано на том, что у князя Даниила был свой канцлер-печатник Кирилл, что на имя князя поступали документы из Буды, Рима, Кракова, Риги, Сарая и других мест; все эти документы переводились; на них, в случае нужды, давались ответы; копии ответов, как и сами документы, хранились в определенном месте. Понятно, что существовал и специальный штат людей, ведавших этими дипломатическими делами.

Когда князь Даниил задался целью составить летописный свод, то эти документы были предоставлены в распоряжение

---

[1] Там же, стб. 717.

[2] Там же, стб. 729.

[3] Там же.

[4] Повестью мы называем и простое (устное) повествование, включенное в летопись, и, как в данном случае, исторический памятник сложного состава.

составителя свода. Поэтому мы встречаем в летописи отрывок из договора с литовскими князьями; узнаем также, что русско-венгерский договор («обет») о признании прав Романа Даниловича на Австрию находился в руках летописца.[1]

Более того, в княжеской же канцелярии велись текущие записи о военно-дипломатических отношениях юго-западного княжества с той или иной иноземной страной или же с русскими княжествами; эти записи составлялись на основании свидетельств или отчетов лиц, принимавших непосредственное участие в событиях.

Только этим можно объяснить, что в летописи обнаруживается ряд текстов, каждый из которых связан с определенным кругом военно-дипломатических вопросов. Но составитель летописи не просто привел эти тексты один подле другого: он отобрал подходящие тексты, затем раздробил их на хронологически близкие части и сплел друг с другом, составив таким образом связное повествование, к которому добавил события семейной княжеской хроники. Такая манера изложения, видимо, вполне удовлетворяла современников.[2] Положение исследователя затрудняется тем, что смешанные тексты, образующие летопись, были позднее подвергнуты владимирским редактором переработке, в ходе которой они утратили кое-где прямую фразеологическую, а подчас и логическую преемственность. Конкретное рассмотрение текстов подтверждает отмеченный выше характер летописной манеры.

Вернемся к тому источнику свода князя Даниила, который связан с именем тысяцкого Демьяна, после смерти Мстислава Удалого, занятого осадой города Черторыйска. Просмотр дальнейшего текста позволяет отнести к перу Демьяна или к его устным сообщениям еще несколько важных известий.

Таково известие о занятии Галича князем Даниилом; оно начинается словами: «Князю же Данилови будущу во Угровьсце («в Угровску» — X)»[3] и т. д. до слов: «Данил же божьею волею одержа град свой Галичь».[4] Роль самого Демьяна в этих событиях очерчена достаточно ясно: князь его послал с войском «на Судислава»; затем именно он пришел к Галичу «со всими (X — «съ всеми») бояры галичкыми (X — «галицкыми»), причем «Данилови же о семь веселу (X — «весело») будущу»; ниже следует сообщение о позорном изгнании из

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 821.

[2] Такой прием изложения убедительно обнаружен недавно И. У. Будовницем и в «Слове о полку Игореве». См. Известия отделения истории и филос. АН СССР, т. VII, № 2, 1950, стр. 154—155.

[3] ПСРЛ, т. II, стб. 758.

[4] Там же, стб. 761.

Галича ненавистного Демьяну боярина Судислава: «на нъм же (Х — «на нь же») метаху (Х — «мета») камение, рекуще: „изииди (Х — «изыди») из града мятежниче земли“».[1]

Далее следует описание неудачного похода короля Белы IV на Галич; редактором-церковником это описание было подвергнуто переработке и потому ныне изложено в библейских тонах; но сохранилась одна деталь, указывающая на авторство все того же Демьяна. Венгерские королевские войска подошли к Галичу. Бела IV «посла посол и воспи (Х — «възопи») посол голосом великом (Х — «гласом воликым») и рече: „Слышите словеса великого короля угорьского: да не (ср. Х) уставляет вас Демьян (Х — «Демян»), глаголя: «и земля изимьте (Х — «измет») ны бог»; да [не] уповает вашь Данил на господа, глаголя: «не имать предати град сесь (Х — «съи») королеви угорьскому“; посол будто бы продолжал от имени короля: «Толико ходил на ины страны, то кто можеть одержати от руку моею и от сил полков моих?!» Демьян же одинако крепяшеся (Х — «крепляшеся»), грозы его не убояся (Х — «боядя») и т. д.[2] Словом, главные действующие лица, как и всегда в сообщениях Демьяна, князь Даниил и сам Демьян.

Следующий эпизод, это — воспоминание тысяцкого Демьяна о том, как он спас жизнь своему князю. Этот эпизод изложен следом за разобранным выше текстом после киноварного заголовка: «По семь скажемь многии мятежь, великия (Х — «многыя мятежи и великы») льсти, бещисленыя (Х — «и бесчисленныа») рати». Здесь сообщалось, что некоторые галицкие бояре, в согласии с князем Александром Белзским, решили убить князя Даниила; для этой цели боярин Филипп пригласил князя к себе в замок Вишня; однако тысяцкий Демьян успел предупредить князя об опасности; Даниил вернулся с полпути, а бояре в страхе разбежались.[3]

Любопытно, что под пером владимирского редактора этот текст был дополнен припоминанием князя Василько о том, как однажды сидевшие в замке бояре в испуге бежали, когда он, Василько, в шутку обнажил меч на одного из слуг. Вставка эта поздняя, ибо в ней Даниил Романович назван «королем» («слугу королева»), тогда как в тексте Демьяна — «князем». Этот текст искажен последующими обработками, почему после фразы: «И то (речь идет о предупреждении, сделанном Демьяном) слышав, поиди (Х — «поиде») назад и

---

[1] Там же, стб. 760.

[2] Там же, стб. 761.

[3] Там же, стб. 762—763; притом редактор не заметил, что в основном тексте речь шла о попытке убить князя Даниила, а во вставке — о поджоге.

содержи («съдръжи» — X) стол отца своего» — следует остаток какого-то другого текста: «Константину поведавшу оному же обратившюся на реце Днестре»;[1] здесь же для полноты картины боярского «мятежа» летописец привел случай, когда один из бояр плеснул князю в лицо вином из чаши, а князь спокойно стерпел этот поступок; «иногда же дасть бог возомьздить» — заметил от себя автор летописи.[2]

Ниже читается описание борьбы князя Даниила и верного ему Демьяна против князя Александра Белзского, боярина Судислава и венгров. Текст продолжается до слов: «и по немь вси бояре Галичькеи (X — «галицкыи») предашася».[3] Далее текст разбит вставкой владимирского редактора и продолжается словами: «королеви же посадившу (X — «посадивши») сына своего Андрея в Галичи, светом (X — «съветом») неверных галичан»;[4] ниже вновь идет владимирская вставка, за которой продолжается текст Демьяна: «Князь же Данил (X — «Данило») прия велик плен около Бозку (X — «Белза») воюя, король же воротился (X — «въротися въ») Угры».[5]

Следующий отрывок, связанный с именем тысяцкого Демьяна, также касается борьбы с венграми; он начинается словами: «по тех же летех движе рать Андрей королевичь на Данила»;[6] с рядом вставок этот текст продолжается до слов: «а Судислав иде (X — «въ») Угры».[7]

Это повествование Демьяна было основательно переработано и пополнено владимирским редактором.

В чем видны следы этой переработки? Прежде всего в том, что первоначальный текст Демьяна, в котором главными действующими лицами были князь Даниил и сам Демьян, раздроблен на куски и в него вплетен иной текст, сообщавший о действиях князя Василько и воеводы Мирослава. К первоначальному тексту Демьяна относятся следующие части повествования: от начала до слов: «возвратишася к Галичю»;[8] далее текст продолжается от слов: «бе бо с королевичем Олександр» и т. д., где сообщалось о начале боя с венграми, указывалось, что королевич шел с войском «по ровни», Даниилу же «съехати бе с высоких гор и инии же браняху, да быхом стали на горах, браняху сохода (X — «съходя)» и т. д. до слов: «понудив их ускори снити на не».

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 763; возможно, что это неловко изложенный текст Демьяна.

[2] Там же, стб. 763.

[3] Там же, стб. 765.

[4] Там же, стб. 766.

[5] Там же.

[6] Там же.

[7] Там же, стб. 771.

[8] Там же, стб. 767.

Продолжение текста (правда, перестроенного) Демьяна видим от слов: «Демьяну тысяцкому идущю и инем полком многим ошую, Данил же идеше полком своим посреди» и т. д. Здесь говорилось, что Демьян напал на войска Судислава, а князь Даниил зашел Судиславу в тыл; Демьян, решив, что это идет подмога Судиславу, «возбегоша перед ним». Но тогда князь Даниил вонзил копье свое во врага, копье сломалось и князь «обнажи мечь свой»; после вставки эта фраза повторена: «обнажив мечь свой, идущу ему брату» (слово «брату» вставлено позднее) и т. д. до слов: «от меча его умроша».

Следующий кусок текста Демьяна начинается словами: «Данилови жи (Х — «ж») приехавши (Х — «приехавшю») к нимь», продолжаясь до слов: «от конца остроты мечевыи (Х — «мечевые») шерсти претяте бывши на стегне коня его». Далее к перу Демьяна относим следующее: «и бысть брань велика во день тъ (Х — «тои»), тех бо падших много Угор, а Даниловых мало бояр, их же имена се быша»,— перечислялись имена пяти павших бояр и, наконец, сообщалось, что князь Даниил «Бе бо и Торцьвьскый (Х — «торцеский») в суботу великую».

Дальнейшее изложение Демьяна сохранилось в первоначальном виде, если не считать вставки: «Василко же и Олександр (Х — «Александр») приде ко брату и сняшася у Бужьска»; из-за этой вставки выпала из первоначального контекста фраза: «Володимер же и Котянь (Х — «и») Изяслав воротишася».[1]

В текст повествования Демьяна был вплетен другой рассказ, отчего, выделяя его, мы одновременно обнаруживаем повторение известий: «Данилови же снемшуся с братом и постиже и у Шумьска и повестоваста с ними о реку Велью» (ср. выше: «видевшу же ся Данилу о реку Велью с королевичемь»); далее имя князя Василько несколько раз вставлено в текст: «Василкови же идущу противу Угром»; или, после сообщения Демьяна о том, что князь Даниил «обнажи мечь свой», вставлено: «позрев же семь и семь и види (Х — «виде») стяг Василков стояще и добре борющь и Угры гонящу»; ниже вставлено слово «брату».

К руке владимирского редактора относим и текст со слов: «снемшеся же с Мирославом» и т. д. до слов: «на стяг Василков»; к той же руке надлежит отнести слова: «Василков полк гнаше Угор» и т. д. до слов: «Угре бежаша оли во Галичь

---

[1] Там же, стб. 771.— Не знаем, к чьей руке отнести сообщение о пленении князем Даниилом Александра Всеволодовича Белзского «в лузе Хоморьскомь» (стб. 771—772).

(X — «в Галичи»): становишася». Далее следует повторение описания битвы, а именно: «стоящим же симь на горе и сим на удолъ, Данилови же и Василкови понужающима людий своих соехати на не» и т. д.; здесь сообщалось то, чего у Демьяна в повествовании не было: «За грехы наворотися дружина Данилова на бег, онем же не смевшим гонити и не бысть пакости во полках Даниловых, разве тех убьеных пяти».

Интересно, что фраза о «тех убьенных пяти» вставлена *до* перечня убитых из повествования Демьяна. Повидимому, приведенное сообщение о бегстве княжеской дружины говорило о том же, о чем и повествование Демьяна, только у Демьяна гибель пяти бояр связана не с его, Демьяна, отступлением, а с общей битвой. О переработке первоначального текста свидетельствует и повторение фразы: «инеи же Угре бежаша, оли в Галичи становишася».[1]

Рассмотренный отрывок — последний из известных, который был внесен Демьяном в состав свода князя Даниила. Сравнивая приведенные выше отрывки Демьяна с теми, что были изучены нами в связи с анализом Киевской летописи, видим, что характер их содержания не изменился: они посвящены военной и дипломатической борьбе князя Даниила за Галич, четко рисуют военные действия и не раз содержат обличения неверного боярина Судислава. Общий характер сообщений боярина Демьяна позволяет думать, что славный воевода под конец жизни, оставив ратный труд, перешел целиком на дипломатическую работу и, находясь при дворе князя Даниила, способствовал составлению летописного свода, подбирая необходимые летописцу документы и пополняя их сухие известия своими воспоминаниями.

Донесения военно-дипломатического характера, представленные боярином Демьяном в княжескую канцелярию и вошедшие затем в летопись, не являются исключением. В составе летописного свода князя Даниила мы находим немало аналогичных источников.

Когда князь Даниил после татаро-монгольского нашествия возвратился в свое княжество, он увидел, что местное боярство и в западной и в восточной Галичине (включая Понизье) не только отказывается признать над собой верховную княжескую власть, но расхищает даже домениальные владения князя. Даниил Романович принял в связи с этим ряд военно-административных мер, в частности, он направил в главный центр боярской оппозиции — город Галич — стольника своего Якова.

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 769.

Стольник Яков на месте выяснил положение и, прибыв к Даниилу Романовичу, изложил ему существо своих наблюдений. Обработанный редактором отчет стольника и включен в летопись; он начинается словами: «Бояре же галичьстии Данила князем собе называху» и т. д.[1] Первоначальное изложение (устное — перед князем, и письменное — для канцелярии) велось от имени Якова: «Якову седящу», «Якову же удивившуся» и т. п., а в конце прямо отмечено, что «Яков же приехав вся си сказа князю Данилови».[2] Доклад стольника дополнен припиской редактора, сообщившего об успешной ликвидации боярского самовластья в Галиче (от слов: «Присла Доброслав на Григоря» (Х — «Григория»)» и т. д. до слов: «и повеле его (Х — «я») изоимати (Х — «изымати»)».[3]

Следом за отчетом стольника Якова в летописи помещен подобный же отчет печатника Кирилла о его действиях в южной Галичине (Понизье), дополненный описанием военных мер, принятых князем Даниилом против части болоховских князей (текст идет до слов: «от Татар болшую надежду имеаху»).[4]

Аналогичный же отчет поступил от дворского Андрея, посланного с войском в Западную Галичину и разорившего там не только крупные боярские гнезда, но и двор самого владыки перемышльского, связанного с черниговскими князьями (текст начинается со слов: «Данил (Х — «Даниил») же дворечкого (Х — «дворецкого») посла на Перемышль» и т. д. до слов: «притчею речена бысть».[5]

Следующим источником свода князя Даниила является обширное повествование о борьбе волынских князей с черниговскими.

Впервые князь Михаил Всеволодович Черниговский упомянут в качестве противника князя Даниила в тексте, идущем от слов: «Володимер же Кыевьскый собра вои» и т. д. до слов: «хотяще мира (Х — «и») умиришася».[6] Вторично князь Михаил встречается в летописи как враг киевского князя Владимира, союзного князю Даниилу: «Володимер же посла Данилови, река: «идеть на мя Михаил, а помози ми брате»,— так, видимо, было записано в документе княжеской канцелярии. Далее в летописи читаем, что Даниилу «пришедшу ство-

---

[1] Там же, стб. 789.

[2] Там же, стб. 790.

[3] Там же, стб. 791.

[4] Там же, стб. 792; ниже (стб. 793), в тексте: «Данил же хотя уставити землю и еха до Бакоты и Калиуса, а Василко еха во Володимерь» — видим лишь осколок изучаемого отрывка.

[5] Там же, стб. 793—794.

[6] Там же, стб. 753—754.

рити мир межи има»; по этому же «миру» князь Даниил «взя собе часть» из «Русской земли», а именно город Торческ.[1] Вряд ли можно сомневаться, что это (как и предыдущее) сообщение летописи основано на нескольких документах и сопровождавших последние комментариях.

Следующий факт из того же ряда: «будущю же Володимеру Кыеве, присла сына своего Ростислава в Галичь и прия с ним (Даниил) братьство и любовь велику». Суть этой «любви» раскрыта ниже: «Михаилови же Изяславу одинако не престающа на нь враждою»; далее идет кем-то сокращенный текст: «оставил (Даниил) у него (в Киеве) Глеба Зеремеича и Мирослава иныи бояре многы. Посла же Володимер, рекий: „Помози ми, брате“».[2]

Ниже продолжается описание черниговской кампании князей Даниила и Владимира, судя по всему принадлежащее воеводе Мирославу, который в этом описании выдвинут на передний план и даже, оказывается, советовал князю Даниилу не вступать в бой: «Мирославу же глаголюще (Х — «глаголющю») на возвращение» и т. д., но князь решил биться, и сражение было проиграно; а из-за измены бояр князь Владимир и сам Мирослав попали в плен. Весь текст этого отрывка идет до слов: «Инемь боярем многим ятым бывшим».[3]

Не нужно думать, что составитель летописи брал из документов и записей, предоставленных ему, все, что придется, и без размышлений включал в текст. Нет, он составлял княжеский летописный свод, призванный показать местному феодальному обществу руководящую роль данного князя во всей Руси, и отбирал поэтому материал чрезвычайно осторожно. Например, вышеупомянутая черниговская война, как явствует из северных источников, кончилась разгромом войск князя Даниила и его киевского союзника, причем сам волынский князь «едва ушел».[4]

В летописи князя Даниила эти события описаны негладко: трижды отмечено, что князья Даниил и Владимир «створиша же мир», «с миром преидоша Кыеву» и, наконец, «Данил бо и вои его бе иструдилася; попленил бо бе все Черниговьскые страны, воевал бо бе от крещения до вознесения, створи мир, воротися Кыеву»;[5] ниже сообщено, что «Данил бо бе изнемоглъся», а враги навязали ему новую битву. Произошла «сеча люта», в результате которой «Данилу же прибегшу к

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 766.
[2] Там же, стб. 772.
[3] Там же, стб. 774.
[4] Новгор. I лет., стр. 245.
[5] ПСРЛ, т. II, стб. 773.

Галичу», а союзник его попал в плен. Все это описание проникнуто духом рыцарства, приведены слова князя: «подобаеть воину устремившуся на брань или победу прияти, или пастися от ратных» и т. д.

Продолжение описания войны с Михаилом и его союзниками следует от слов: «Данилу же прибегшу»[1] и т. д. до слов: «и Угор множество беашеть у него, и возвративъшися».[2] В этом описании примечательна фраза, связанная с определением места расположения польских войск: «Кондратови же ставшу, где ныне град Холмь стоит»; из этой фразы ясно, что данный текст записан не своевременно. Ниже летописец вновь говорит об отношениях с Михаилом Черниговским: «Данилови же в томь же лете пошедъшоу на Михаила на Галич, онем же мира просящим, даша ему Перемышль».

К этому тексту примыкают два отрывка, говорящие о пребывании в юго-Западной Руси князя Ярослава Всеволодовича. Князь Ярослав отобрал Киев у Владимира Рюриковича, союзника Даниила Романовича, но не смог удержать город, был вытеснен из него Михаилом Черниговским и «иде пакы Суждало».[3] На этом текст, относящийся к Ярославу Всеволодовичу, был сводчиком оборван; сводчик включил ряд сообщений об отношениях между черниговскими князьями и князем Даниилом и лишь много ниже, без должной связи с предшествующим текстом, поместил продолжение сообщения об Ярославе: «ехав (Х-«ехав и») я княгиню его (т. е. жену Михаила, сестру Даниила Романовича) и бояр его поима и город Каменец взя» и т. д. до слов: «в велице чести».[4]

К сообщению об уходе Ярослава Всеволодовича из Киева, оборванному сводчиком, автор приписал: «и взя под нимь Михаил, а Ростислава, сына своего, остави в Галичи» и т. д.— в этом отрывке говорится, как «приде весть Данилу во Холъме» о походе Ростислава Михайловича на Литву и сообщается в приподнятых тонах о занятии Галича князем Даниилом, приводится речь его к горожанам: «О, мужи градьстии, доколе хощете терпети иноплеменьных князий (Х — «князей») державу» и т. д. до слов: «хоруговь свою».[5]

Но и в этот текст сводчик внес перестановку: он передвинул вперед фразу о покорности бояр: «бояре же пришедше, падше» и т. д. до слов: «во горшая (Х —«горшаа») впадете»,— отчего текст, сообщавший о бегстве Ростислава Михай-

---

[1] Там же, стб. 774.
[2] Там же, стб. 776.
[3] Там же, стб. 777.
[4] Там же, стб. 783.
[5] Там же, стб. 778.

ловича в Венгрию, оказался разорванным посередине: «наутрея же приде к нему весть, яко Ростислав пошел бе к Галичю, слышав же приятье градьское бежа во Угры» и т. д. до слов: «иде въ Угры»; затем следует отмеченная вставка о боярах и ниже — продолжение текста о князе Ростиславе: «Данилови же уведавшу вход (X —«въход») их, посла на не вое свое (X—«воя своя») и гнаша по них до Горы и возвратишася».[1]

Здесь летописец надолго покидает источник, говорящий о черниговских князьях; он помещает переработанный отрывок из Киевской летописи, повествующий о татаро-монгольском нашествии на Русь от слов: «Придоша безбожные измалтяне (X — «измаилтяне»)» до слов: «яко бежал есть Михаил ис Кыева в Угры».[2] В киевский текст летописец князя Даниила между прочим вставил от себя фразу: «Михаил бежа по сыну своемь перед Татары (X—«въ») Угры», насмешливо связав бегство князя Михаила с предшествующим описанием побега Ростислава Михайловича из Галичины в Венгрию.

Далее, по вставке окончания известия о приходе в Киев Ярослава Всеволодовича летописец продолжил свой источник о черниговских князьях: «Король же не вдасть девкы своей Ростиславу»;[3] следом описаны отъезд черниговских князей в Польшу, обращение князя Михаила к Даниилу Романовичу: «Многократы (X—«многократ») согрешихо вам (X—«согрешихове») и многократы пакости творях ти» и т. д. При этом черниговский князь изображен чуть ли не подручником князя Даниила [«Данил же и Василко не помянуста («ста» приписано на левом поле листа) зла»; Даниил «обеща ему Киев»], получившим в держание город Луцк и из княжеской милости кормившимися «по земле». Повествуется о новом бегстве черниговского князя в Польшу, о его злоключениях в Германии и о возвращении ко двору Конрада Мазовецкого [до слов: «воротился назад опять («къ» — X) Кондратови».][4] На этом летописец прервал выписывание известий из данного памятника и, заявив: «мы же на преднее возвратимся»,— продолжил выписки из киевского источника.

Известив читателя о том, что князья Даниил и Василько вновь вступили во Владимир после ухода татаро-монгольских войск в Венгрию, сводчик вернулся к изучаемому источнику. «Потом же Михаил иде от уя своего на Володимер (X — «с») сыном своим, и оттуда иде Пинску»,— записал он и ниже подчеркнул продолжающуюся зависимость киевского князя от

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 778.
[2] Там же, стб. 782.
[3] Там же, стб. 783.
[4] Там же, стб. 784.

Даниила Романовича: «Ростислав же Володимеричь (сын умершего киевского князя) приде к Данилу во Холм, одержал бо беаше бог от безбожных татар. Ростислав же показа правду свою, яко не есть во свете (X «совете») с Михаилом; Михаил же не показа правды воздобродеянье Данилу же и Василку, но проиде землю его и, послав посла, иде в Киев». Можно отметить, кстати, что здесь чувствуется рука владимирского редактора, который, приписав имя князя Василько к имени Даниила, прочие формы оставил в единственном числе («его», «посла»); кроме того, редактор не убрал фразу о том, что князь Михаил ехал «на Владимир» и, таким образом, владимирский князь едва ли имел основание жаловаться на невнимание со стороны князя Черниговского.

К описанию судьбы черниговских князей автор свода вернулся довольно скоро: «Ростислав собра князе болоховьскые» и т. д. до слов: «яко от Татар большую надежду имеаху».[1] Этот текст внесен в летопись или самим печатником князя,[2] будущим митрополитом Кириллом, или с его слов; во всяком случае, в центре данного отрывка стоят действия Кирилла, отправленного князем в Бакоту для борьбы с боярским засильем («Коурилови же сущю печатнику тогда в Бакоте» и т. д.). Содержание речи Кирилла, произнесенной им при встрече с Ростиславом Михайловичем («се ли твори возмездье уема своема воздобродеанье» и т. д.), в которой он кратко повторил то, что выше записано о действиях неблагодарных черниговских князей, наводит на мысль, что Кирилл принимал деятельное участие в составлении летописного свода. Общая оценка деятельности Кирилла в столице Понизья такова: он же мудростью и крепостью удержа Бакоту».

Ниже, после не на месте вставленного куска текста, касающегося русско-польских отношений, автор вновь говорит о черниговском князе («Ростислав же одинако не престааше о злобе своей») и повествует о неудачной попытке князя Ростислава утвердиться в Галиче (до слов: «и тою вестью спасеся и неколико от бояр его ято бысть»); затем, на основе отчета дворского Андрея, описано подавление боярского сопротивления в западной Галичине, в Перемышле, изгнание оттуда ставленника черниговского князя Константина Рязанского и разорение двора местного владыки (до слов: «притчею речена бысть»).

Далее сказано о черниговском князе: «Ростислава разгна-

[1] Там же, стб. 791—792.

[2] Доказательство тождества печатника Кирилла и митрополита Кирилла, а также об участии его в летописной работе северо-восточной Руси, см. Д. С. Лихачев. Галицкая литературная традиция в житии Александра Невского, указ. изд., стр. 49 и сл.

ша Татарове во Борку, и бежа Угры и вдасть за нь пакы король Угорьский дочерь свою».[1] Ниже, со слов упомянутого Кирилла сообщено, как узнав о возвращении татар из Венгрии, князь Даниил «затворив Холм, еха ко брату си Василкови, поима с собою Коурила митрополита» и т. д. Кирилл назван здесь митрополитом, что подтверждает датировку данного текста времен после 1245 г.

Следом помещен текст, освещающий отъезд князя Михаила из Венгрии в Чернигов и гибель его в орде (до слов: «и восприяста венечь от христа бога»).[2] Любопытно, что в летописи князя Даниила нашлось место, чтобы выразить скорбь по поводу злодейского умерщвления русского князя татарами, невзирая на то, что князь Михаил был весьма опасным соперником волынских князей. Это объясняется, разумеется, общим противотатарским тоном летописи князя Даниила и всего владимирского свода.[3]

После вставки, оформленной на основе рассказа воеводы — дворского Андрея о войне за Люблин: «князе же их изя от руку Болеславльу» и т. д. до слов: «обличая победу»,[4] (кусок этого текста ошибочно был переставлен выше одним из сводчиков), вновь находим текст, посвященный Ростиславу: «Ростислав же умолив (X — «молив») Угор много просися у тьстя, да выидеть на Перемышль» и т. д. до слов: «и прогнаша (X — «прогна») и земле (X — «из земли») и иде (X — «во») Угры».[5]

Литовские и ятвяжские известия отделяют отмеченный текст от последнего отрывка, говорящего о черниговском князе: «Ростислав молися тьстеви своему королеви, да пошлеть ему вои на (X — «воя на») Данила».[6] Этот большой отрывок ныне образует заключение всей повести, посвященной борьбе волынских князей с черниговскими. Эта часть повести писана вся одовременно: уже в начале ее автор знал, что литовская и польская рати не поспели ко времени под Ярослав («недотягшим же обоим»), знал он и о последующем пленении польского воеводы Флориана Войцеховича князем Даниилом («еже по мале времени ят бысть старейший их Творьян Данилом»).

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 794.

[2] Там же, стб. 795.

[3] Ср. в Новгор. I лет. (стр. 264), где выражено сочувствие князю Михаилу и добавлено антисуздальское рассуждение: «Мнози же князи с бояры своими идяху сквозе огнь и кусту кланяхуся идолом их, славы ради света сего, и прошаху койждо их власти, они же без бранения давахуть, до прельстять я славою света сего».

[4] ПСРЛ, т. II, стб. 792—793.

[5] Там же, стб. 797.

[6] Там же, стб. 800.

Фактическая сторона описания военных действий под Ярославом и полного разгрома войск Ростислава Михайловича и его союзников сообщена была летописцу, вероятно, дворским Андреем. Роль последнего в этом описании весьма значительна: он командовал центром русского войска, выдержал главный удар врага и, кроме того, захватил в плен известного венгерского воеводу Фильния. Битва точно датирована — 17 августа (1245) «на канун великую мученику (Х — «великомученику») Фрора (Х — «Флора») и Лавра», т. е. запись сделана современником события. Отмечено также, что после победы князь Даниил возвратился в Холм «иже бе создал сам», т. е. текст скорее всего холмского происхождения.

В ее настоящем виде повесть кончается словами: «Ростислав бежа в Ляхы и, поемь жену свою, иде Угры; про то бо бе из Угор пришел бяшеть с женою в Лядьскую землю, мысляше во уме своемь взяти Галичь и обладати им. Бог же за высокомыслие его не створи того, еже он мысляше».[1]

Повесть должна была засвидетельствовать превосходство волынских князей над князьями черниговскими. Выше уже отмечалось, что черниговские князья, объединив в своих руках, кроме Черниговщины, еще Киевщину и всю Галичину, имея прочные связи с местными церковными кругами Галича, Перемышля, Угровска и значительную помощь от иноземных союзников,— были наиболее опасными противниками князей волынских. Понятно, что полная победа над ними и силами, поддерживавшими их, вызвала желание широко осветить весь ход длительной феодальной войны, осложненной татаро-монгольским нашествием, вторжениями венгерских и польских захватчиков и широкими народными движениями. Так возникло обширное повествование, вошедшее в летопись в качестве одного из источников летописного свода князя Даниила.

Мы уже указывали, что в своде князя Даниила читается описание разорения Киева татарами. Из содержания описания ясно, что последнее составлено лицом, близким воеводе Дмитру, который в прошлом служил князю Мстиславу Удалому,[2] а ныне выступал в роли тысяцкого и наместника галицкого князя Даниила в Киеве. Сообщив, что князь Михаил Черниговский, напуганный вестью про «приятье Киевское» татарами, бежал из страны, и поведав о его злоключениях в иноземных краях, автор свода прервал повесть о черниговских князьях и, сказав: «мы же на переднее возвратимся,— начал выписывание из повести о самом «приятьи» — о падении Киева.[3]

---

[1] Там же, стб. 805.
[2] Там же, стб. 733.
[3] Там же, стб. 784.

Описание падения Киева сделано, несомненно, одновременно в Киеве же и образовывало как бы печальный эпилог Киевской летописи, вместе с которой оно и попало ко двору князя Даниила. Повесть составлена очевидцем и содержит ценные факты, полученные от свидетелей; так, например, полный перечень имен татарских воевод был составлен на основании показаний пленного татарина Товрула: «аша же в них Татарина, именем Товрул, и тъ исповеда им всю силу их» (татар). Но автор повести использовал лишь часть сообщенных Товрулом сведений, заметив: «и (Х) инех бещисла (Х — «бес числа») воевод, их же не исписахом (Х — «писахом») зде». [1]

В центре повести — действия тысяцкого Дмитра; отмечается, что он был ранен, попал в плен к татарам, но был, однако, ими помилован «мужьства ради его». В этом месте текст повести перебит редакторской вставкой о том, что князь Даниил находился в Венгрии и не знал о приходе татар. Следом повествуется, как татары разоряли юго-западную Русь, и отмечается, что Дмитр «види (Х — «виде») бо землю гибнущу рускую от нечестивого» и отвлек татар предложением похода на Венгрию; далее говорится о походе татар против Венгрии и выходе их на Дунай. Повесть заканчивается словами: «стояша по победе три лета». [2]

Одним из источников свода князя Даниила следует признать самостоятельную повесть о поездке князя Даниила в Орду. [3] Эта повесть начинается от слов: «Приславшу же Могучееви» и т. д. до слов: «радость о здравии его». [4] Повесть обработана редактором; в основе ее лежат довольно поверхностные свидетельства современника (см. дату отъезда «на праздник святого Дмитрия»), ездившего вместе с князем в татарскую ставку; этот очевидец присутствовал при встрече князя Даниила с «человеком» князя Ярослава Всеволодовича, Сангуром; он запомнил резкий ответ князя Даниила Сангуру. Далее очевидец говорил, что князь Даниил в Орде «избавлен бысть богом и злого их бешения и кудешьства», но, с другой стороны, в повести читаем, что Даниил Романович «поклонился по обычаю их». Автор повести присутствовал лишь при начале разговора князя с Бату, почему сообщение о дальнейшей их беседе ограничил фразой «изъмолвя слова своя»

Редактор снабдил повесть грустным противотатарским ком-

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 785.

[2] Там же, стб. 787.— Возможно, что данная повесть также основана на некоем отчете, присланном тысяцким Дмитром своему князю.

[3] См. Л. В. Черепнин, Указ. соч., стр. 253.

[4] ПСРЛ, т. II, стб. 805—808.

ментарием; факт вынужденной поездки князя Даниила в Орду посильно смягчен убежденным утверждением, что если князь Даниил, отец которого «бе царь в Руской земли», «не прия чести» в Орде, «то иный кто может прияти»; при этом указывается, что «злобе бо их (татар) и льсти несть конца», что другим князьям еще хуже пришлось: Ярослава Суздальского татары «зелиемь умориша», а князь черниговский Михаил с бояриным своим «ножемь заклана быста». Таким образом, читатель должен был догадываться, что от поездки Даниила Романовича в Орду престиж княжеской власти в общем не пострадал.

Редактор включил в свой свод также серию известий о русско-венгерских отношениях, основав их главным образом на документах княжеской канцелярии и частью на личных впечатлениях печатника Кирилла. Одно из этих известий начинается словами: «Данил же в то время шел бяше» и т. д. до слов: «во (Х — «въ») землю свою»; перечень послов, находящийся здесь, взят, конечно, из документа.[1] Следующий текст из того же ряда известий сообщал о поездке князя Даниила в Венгрию накануне прихода татар к Киеву: «В то же время ехал бяше Данил (Х — «въ») Угры королеви, и еще бо бяшеть не слышал прихода поганых Татар на Кыев».[2] Этот текст продолжен сводчиком несколько ниже, где он говорит: «Прежде того ехал бе Данило князь ко королеви Угры, хотя имети с нимь любовь сватовьства»; сводчик сообщает о неудаче этой миссии: «не бы любови (Х — «любовъ») межи има» и далее со слов, вероятно, Кирилла, описывает пребывание князя с семьей и двором в Польше, а также возвращение его на родину (до слов: «и телес мертвых»).[3]

Запись эта сделана не в свое время, ибо автор, забегая вперед, говорит об «отместье», которое князь Даниил позднее «створи» «державелю» Дорогичина, не пожелавшему впустить в город возвращавшегося из Польши князя; причем «отместье» имело характер военной акции, после которой князь Даниил город «объновивы и созда церковь прекрасну святое богородици». Благодаря желанию редактора отметить построение церкви, нам сохранен один из фактов, свидетельствующих о том, что и волынское боярство вовсе не было таким единодушным в поддержке Романовичей, как это постоянно утверждает летописец.

За известием о неудаче княжеской миссии в Венгрии следует описание успешного устройства печатником-митрополи-

---

[1] Там же, стб. 776—777.
[2] Там же, стб. 786.
[3] Там же, стб. 788.

том Кириллом «любви о сватовстве» Льва Даниловича с Констанцией, дочерью Белы IV. Этот текст идет от слов: «В то же лето присла король Угорьский вицького» и т. д. до слов: «воротися в землю свою».[1] Здесь говорилось, что русские князья не доверяли венгерскому королю, предлагавшему им союз, но, к счастью, «Курил бо митрополит идяше послан Данилом (и Василком) на поставление митрополье Руской». Он уладил это дело и, вернувшись в Русь, «рече ему (т. е. Данилу): «хотение твое у тебе есть: поими дщерь его сыну си». Позднее встречаем еще ряд русско-венгерских известий, но они связаны с повестью о чешском походе и должны быть отнесены к руке другого редактора (епископа Ивана).

В изучаемом своде князя Даниила находилась серия воинских повестей о военных подвигах князя Даниила и его войск в Литве и Польше. Такова повесть о разгроме ятвягов, идущая от слов: «Повоеваша Ятвязи около Берестия» и т. д. до слов: «а инии разбегошася»;[2] перечень деталей боя с несомненностью свидетельствует о записи повести со слов очевидца. Подобного же происхождения запись о другом походе князя Даниила на ятвягов, приведшем к освобождению Дорогичина от немцев; этот отрывок начинается словами: «Поидоста на Ятвезе» и т. д. до слов: «и возъвратися (X — «въ») Володимер».[3]

Группу повестей о походах на Литву и ятвягов находим в тексте, начинающемся словами: «Придоша Литва и воеваша около Пересопнице» и т. д. до слов: «богу помогающим им»;[4] ниже находим и другую повесть, следующую от слов: «Воеваша Литва около Мелнице» и т. д. до слов: «и бысть радость велика во Пиньске граде». В последней повести активным действующим лицом является стольник Яков, возможный информатор летописца о данном походе. Тот факт, что в обеих последних повестях упомянут Пинск, в котором по случаю побед князя Даниила «бысть радость велика», думается, еще не дает основания считать эти записи пинскими, ибо пинские князья (например, упомянутый во второй повести князь Михаил) были враждебны князю Даниилу, и это упоминание о «радости» носит, повидимому, официозный характер.

Повесть о польской войне, походе на Калиш, попала в летопись, видимо, со слов воеводы Мирослава. Повесть начинается словами: «Льстько убьен бысть» и т. д. до слов: «иже бе землю крестил».[5] Роль воеводы Мирослава отмечена спе-

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 809.
[2] Там же, стб. 751.
[3] Там же, стб. 776.
[4] Там же, стб. 797—798.
[5] Там же, стб. 754—758.

циально («Мирослава же посласта в зад града» и т. д.); упомянуто в этой повести и о Станиславе Микуличе, нашедшем удобные подступы к крепости.

Польским делам посвящена и повесть о походе князей Даниила и Василько на Люблин и о подчинении ими польской «Въкраини». Этот отрывок следует от слов: «Данилови же со братом Василком заратившимся с Болеславом» и т. д., кончаясь словами: «возратистася воеваша страну ту».[1] Сведения об этом походе летописец получил, вероятно, от дворского Андрея, одного из активных участников кампании.

Наконец, отметим еще один вид документов княжеской канцелярии, послуживших источником летописного текста. В княжеском делопроизводстве велся строгий учет наличного земельного фонда и хранились документы, фиксировавшие юридические перемены во владении землей. Конечно, здесь хранилась духовная грамота Мстислава Немого о передаче им своей земли под опеку князя Даниила;[2] здесь же, после записи со слов воевод Андрея и Вячеслава известия о занятии Луцка князем Даниилом,[3] было отмечено, что «потом же пустиста Ярослава (луцкого) и даста ему Перемиль и потомь Межибожие».[4] Следы подобных «дач» не могли не оставаться в документах.

Таковы источники изучаемого нами свода князя Даниила. То, что мы имеем дело со сводом, удостоверяется как выясненным выше составом источников, так и отношением редактора к ним.

Мы полагаем, что в состав свода вошел, во-первых, киевский свод конца XII в., продолженный киевскими записями до 1238 г.; во-вторых, в нем обнаруживается особое повествование, посвященное длительной и победоносной войне волынских князей с черниговскими; в-третьих, в нем широко использованы текущие отчеты военных и дипломатических деятелей о выполнении ими тех или иных заданий княжеской власти (воеводы Демьяна, дворского Андрея, стольника Якова, печатника Кирилла и др.); в-четвертых, удается выделить особую вводную повесть, посвященную княжению жены Романа Мстиславича — княгини Анны и ее малолетних сыновей; в-пятых, свод включал серию воинских повестей о военных подвигах князя Даниила и его войск в Польше и Литве;

---

[1] Там же, стб. 795—797.— Допускаем, что путанный текст, помещенный выше (стб. 792): «князе же их изя от руку Болеславлью» и т. д. до слов: «обличая победу» (стб. 793), можно связать с люблинским походом. Во всяком случае, к болоховцам этот текст отношения не имеет.

[2] Там же, стб. 750.

[3] Там же, стб. 751.

[4] Там же, стб. 753.

в-шестых, автор свода широко использовал различные документы княжеского архива и обширный фонд княжеского и епископского книгохранилищ.

Что касается отношения редактора к своим источникам, то легко заметить, что он рассматривает свой труд как единое целое,[1] смело упоминая в начале повествования о событиях, датируемых более поздним временем. Таково упоминание о канонизировании венгерской княжны Елизаветы;[2] известие о гибели венгерского полководца Фильния («во ино время убьен бысть Данилом Романовичемь древле прегордый Филя»);[3] поэтому и указание автора, что крест на могиле Клима Христиныча «д о н ы н е стоить на Сухое Дорогви»,[4] — вполне закономерно.

Когда же был составлен этот свод и кто его редактор? Думается, что определить время его составления помогают следующие факты. Князь Даниил добился благодаря ряду карательных мер, проведенных в Понизье печатником Кириллом, в Галиче — стольником Яковом, в Западной Галичине — дворским Андреем, серьезного ослабления боярского сопротивления; кроме того, он ликвидировал противодействие трех враждебных ему епископов: галицкий Артемий бежал в Венгрию; перемышльский пал от рук дворского Андрея; угровский Иосаф, после нашествия татар, самовольно объявил себя митрополитом, но князь Даниил согнал его с кафедры, уничтожил епископию в Угровске и открыл ее в новом городе Холме, посадив епископом Ивана.

Разгромив затем войска черниговского князя и связанные с ним полки венгерско-польских захватчиков, а также установив некоторый modus vivendi с татарами, признавшими Даниила Романовича «мирником», галицко-волынский князь выразил твердое намерение стать главой всей русской земли, что подчеркнул открытым превращением своего канцлера Кирилла в митрополиты русские и отправлением его на поставление в Никею.

Понятно, что все э т и с о б ы т и я с л у ж и л и д о с т а т о ч н ы м о с н о в а н и е м для создания летописного свода, в котором князь Даниил представлялся великим князем «русской земли»,[5] преемником власти киевских князей, смиренно

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 820.

[2] Там же, стб. 723.

[3] Там же, стб. 736.

[4] Там же, стб. 732.

[5] Там же, стб. 738, 787.— Интересно, что в труде английского энциклопедиста Бартоломея (XIII в.) Галиция — это обширная и очень обильная страна «quae nunc Ruthenia a pluribus nominatur» (G. L o z i n s k y. La Russie dans la littérature française du moyen age.— Revue

ожидающих от него помощи («помози брате!»),[1] победителем князей черниговских (повесть о войне с ними и их поражении под Ярославом), организатором неоднократных разгромов венгерских и польских войск, покорителем ятвягов, рыцарем беспорочным «от головы и до ногу». Не желая считаться с фактом существования владимиро-суздальских князей, данный свод сообщил лишь с глубокой иронией об их позорном поведении в годину татарского лихолетья и полном разгроме владимиро-суздальских земель татаро-монгольскими полчищами.

Особенностью холмского свода является международный характер его известий; величие и непобедимость русской земли показаны на широком фоне: здесь находятся известия венгерские, польские, литовские, чешские, австрийские, немецкие и, наконец, татарские. Такое многообразие источников информации, конечно, связано с тем, что автор свода имел возможность пользоваться материалами княжеской государственной канцелярии.

Добавим к сказанному о своде, что он, повидимому, оканчивался кратким изложением истории церковных дел в юго-западной Руси и, наконец, давал полное представление читателю о новом политическом и церковном центре Руси — городе Холме, не случайно многократно упоминавшемся в летописи, в качестве важнейшей вехи при распределении переплетенных летописных текстов.[2]

Не раз отмеченное нами участие Кирилла в летописной работе, а также высокое назначение, пожалованное ему князем, дают достаточное основание считать его одним из руководителей в создании этого обширного летописного свода. Вполне светское недавнее прошлое митрополита благотворно отразилось на созданном труде, оказавшемся свободным от обычного в летописании той поры налета церковщины.[3]

Таков княжеский холмский свод[4] митрополита Кирилла,

---

des études slaves, 1929, t. IX, fasc. 1—2, p. 71—88; fasc. 34, p. 253—269), p. 257, т. е. Галичина представляла там всю Русь.

[1] Там же, стб. 766, 772.

[2] Там же, стб. 740, 775, 777, 789, 794, 799, 805.

[3] Ценное исследование Д. С. Лихачева «О галицкой литературной традиции в житии Александра Невского» устанавливает участие бывшего галицкого печатника митрополита Кирилла и галицких книжников в летописании северо-восточной Руси и вскрывает существование галицкой литературной традиции в «Житии Александра Невского»; оно служит еще одним веским аргументом в пользу того мнения, что составление свода 1246 г. нужно связывать с именем Кирилла.

[4] Отметим, кстати, что в своде Кирилла сообщалось о построении князем Даниилом на месте будущего Холма в начале маленького города («градец мал»), но в дальнейшем князь увидел, что «бог помощник ему и Иоан спешник ему есть, и созда град иный, его же татарове не воз-

составленный, вероятно, до отъезда его в Никею, т. е. около 1246 г.

Позднее жизнь внесла коррективы в планы князя Даниила, которому пришлось отказаться и от идеи иметь свою митрополию. Летописание перешло из рук уехавшего во Владимир-на-Клязьме Кирилла в ведение холмского епископа Ивана и было ведомо им вплоть до смерти князя Даниила.

4. Летопись епископа Ивана

Следующая часть летописного текста особенно трудно поддается выделению и анализу. Для извлечения ее из состава Галицко-Волынской летописи приходится прибегать к исследованию методом исключения.

Если из состава Галицко-Волынской летописи полностью выделить все тексты, относящиеся к рассмотренному выше княжескому своду Кирилла 1246 г., а также все тексты, относящиеся к владимиро-волынскому летописанию, рассматриваемому нами ниже, то в остатке получается текст, охватывающий период 1247—1263 гг., связанный с городом Холмом. Особенностью этого текста является большое место, отводимое в нем деятельности князя Льва Даниловича.

Однако выделение этого текста еще не дает ключа к его пониманию, поскольку этот летописный холмский материал (как и свод 1246 г.) в дальнейшем (после смерти Даниила Романовича в 1263 г.) попал во Владимир и был там подвергнут книжниками князей Василько Романовича и его сына Владимира весьма существенной переработке.

Чтобы правильно разобраться в выделенном тексте, необходимо вспомнить некоторые события политической истории того времени, кстати сказать, упущенные историками.[1] Старшим сыном князя Даниила Романовича был Лев, который, как думаем, был намечен отцом в наследники великокняжеского стола и, действительно, принимал участие во всех важных событиях последних лет правления Даниила Романовича.

Однако случилось так, что по смерти князя Даниила (о последних годах его княжения известно очень немногое) великим князем стал самый младший его сын Шварн; под его властью были объединены Восточная Галичина (с центром в Галиче), Черная Русь и все Забужье (Холм, Белз и др.),

---

могша прияти» (там же, стб. 843). Т. е. в юго-западной Руси (как и в Новгороде) видели особый «знак божий» в том, что город уцелел от разгрома («Иоан» здесь, разумеется, «святой». Ср. Л. В. Черепнин. Указ. соч., стр. 252).

[1] См. ниже, стр. 289.

тогда как князь Лев Данилович должен был пока удовлетвориться Западной Галичиной (включая Львов и Перемышль); что касается брата Даниила, владимирского князя Василька Романовича и его сына Владимира, то они не только не добились старшинства, но должны были отказаться и от Луцка (Восточная Волынь), где обосновался князь Мстислав Данилович.

Для целей нашего исследования важно пока знать, что между князьями Шварном Даниловичем холмско-галицким и Львом отношения были весьма враждебные; достаточно сказать, что Лев убил литовского князя Войшелка за то, что последний передал литовское княжение Шварну Даниловичу.[1] Важно для нас и то, что у князей владимирских Василько и Владимира были весьма натянутые отношения с князем Львом; достаточно красноречивые свидетельства этому мы найдем в их летописи, неоднократно враждебно-иронически оценивающей действия князя Льва, ставшего после смерти Шварна Даниловича (около 1269 г.) великим князем в юго-западной Руси.

Все изложенное позволяет нам сделать тот бесспорный вывод, что ни Шварн Данилович, княживший ряд лет в Холме (1263—1269), ни князья Василько и Владимир, ко двору которых попала холмская летопись, не могли внести в летописный текст материалов, дружественных князю Льву Даниловичу. С другой стороны, внимательное изучение выделенного летописного текста (1247 — начало 60-х годов XIII в.) позволяет установить, что он не принадлежит и к своду 1246 г., являясь произведением следующего, более позднего этапа летописной работы.

К составу изучаемой летописи нужно, во-первых, отнести ряд новых известий о русско-венгерских отношениях, завершающихся повестью о чешском походе, который современники справедливо считали крупным событием. Тексты, относящиеся к этому походу, начинаются от слов: «Присла король Угорьскы к Данилу, прося его на помощь» и т. д. до слов: «и приде в дом свой».[2] Датируется это событие тем фактом, что «герцюк (австрийский Фридрих — погиб в 1246 г.) бо уже убьен бысть». В этом отрывке автор опирался, вероятно, на документ, подписанный князем Даниилом в «Пожьге»; здесь же летописец отметил большое впечатление, произведенное князем Даниилом на иноземных союзников татарским вооружением русского войска; князь Даниил этим демонстрировал свой «мир» с татарами, прекрасно сознавая, что венгерский король «бояше бо ся его».

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 868.
[2] Там же, стб. 813—815.

Следующим текстом, содержащим известия этого ряда, является отрывок, начинающийся словами: «По убьеньи же герьцюкове, рекомого Фридриха бився одоле (X — одолев) королеви Угорьскому» и т. д. следует описание русско-венгерских дипломатических переговоров и чешского похода, вплоть до слов, принадлежащих, видимо, самому автору летописи: «и приде во град Холм с честью и со славою в дом пречистое, падъ поклонися и прослави бога о бывшем, не бе бо некоторый князь рускый воевал земле чешьское (и видевся со братом своим и бысть в радости велице) и пребываше (X — «пребываше») в дому святого Ивана в городе Холме с веселиемь, славя бога и пречистую его матерь и святого Ивана златоуста».[1]

Сведения о чешском походе автор летописи получил, видимо, от князя Льва Даниловича, которому, судя по летописной повести, отведена в походе первенствующая роль («Данило и Лев»; «Лев же иде и воева, и виде, яко лжют вожеве и не слуша их, иде в горы лесныя и взя полон велик»; князь Даниил «сожалися» «отослав сына си Лва и вое» и т. п.).

Продолжением описания событий, связанных с чешским походом, нужно считать текст, внесенный в летопись со слов князя Романа Даниловича, поведавшего летописцу о своих похождениях в Австрии. Этот текст несомненно хронологически и по существу связан с чешским походом. Выше летописец уже указал, что король Бела IV предложил князю Даниилу участвовать в войне за австрийское наследство и что Даниил Романович принял это предложение, при том условии, что сын его, Роман, будет признан главой австрийского государства. Бела IV ответил согласием и между русской и венгерской сторонами был подписан специальный «обет» (договор),[2] который, однако, позднее уже владимирский редактор «за множество весь не списахом».

Ниже, говоря о пребывании Романа Даниловича в Австрии в то время, когда князья Даниил и Лев пытались пробиться к нему на помощь через Чехию, летописец прямо отсылает к вышеприведенному тексту: «Потом же, якоже преже рекохом, створи король обет велик и не исправи его к Роману», и т. д. до слов: «изведе Романа из града».[3] В исследуемой летописи текст о Романе читался непосредственно вслед за описанием чешского похода, но затем прерывался вставками о походах на татар и ятвягов. Следы такой перегруппировки уцелели в летописи. В старом тексте здесь читался отрывок о Войшелке, который был, однако, передвинут

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 826.
[2] Там же, стб. 821.
[3] Там же, стб. 836—837.

выше и связан с ятвяжскими походами, почему редактор, кончив переписывание повести о Романе и встретив уже выше записанный текст о Войшелке, заметил, глядя в текст: «Се же преже сказахом, яко Вышелк бе дал Новогородок Романови».[1]

Дополнил автор холмской летописи свод Кирилла и новыми воинскими повестями о походах на ятвягов. Одна повесть начинается словами: «Идущу ему на войну со сыном Лвомь» и т. д. до слов: «приде в дом свой».[2] В этой повести, как и в описании чешского похода, князь Лев, наряду с Даниилом Романовичем, является главным действующим лицом («Лвови же сосшедшу с коня одиному и бьющюся с ними крепко» и т. д.).

Следующая повесть идет от слов: «Поиде Данило на Ятвязе с братом и сыном Лвом и с Шеварном, младу сущу ему» и т. д. до слов: «сиже написахом о Романе, древле бо («бе» — Х) писати си, ныне же зде вписано в последняя (дни)».[3] И в этом походе князь Лев занимает центральное место: он выступает постоянно рядом с князем Даниилом; видимо, от него же узнал летописец о том, как один отрок неверно передал княжеский приказ дворскому Андрею; именно он мог сообщить о содержании своих разговоров с отцом («приеха к нему сын Лев один и рече ему» и т. д.;[4] или: «Лев рекы: „пошли мене“» и т. д.).[4] Словом, князь Лев рассказал о походе так, что воинскую доблесть князя Даниила прославил, при этом и себя не забыл; что касается прочих участников боев (Шварн, Роман, Глеб Волковыйский. Изяслав Свислочский), то о них в повести ничего не сказано.

Известия относительно еще одного похода на ятвягов представляют собой яркую рыцарскую повесть, начинающуюся словами: «В та же лета седе Семовит» и т. д. до специальной концовки, в которой военные дела князей Даниила и Василько рассматриваются как продолжение славных походов князя Романа: им же, как известно, «Половци дети страшаху».[6] Автором этого рассказа был, видимо, дворский Андрей,

---

[1] Там же, стб. 838; ср. стб. 831.

[2] Там же, стб. 827—828.— Эта повесть пострадала от переработок, утратив конец, где, видимо, сообщалось о строительстве князем Даниилом города на границе: «идущу ему и виде при березе гору красну и град бывши на ней преже,именемь Рай»; здесь текст оборван и следует конец: «оттуду же приде в дом свой».

[3] Там же, стб. 831—836.

[4] Там же, стб. 832.

[5] Там же, стб. 833.

[6] Там же, стб. 813.

которому посвящен специальный отрывок: «Андрееви же дворьскому сердце крепко имущю, нездравие же тело его объдерьжаше и руце (Х — «руци»); потокшу же ему во ротные (Х — «въ ротныа») копие упустити, и за мало не убьен бысть».

К руке автора нашей летописи относится и текст, говорящий об отношениях волынского князя с папой Иннокентием IV и о короновании князя Даниила в городе Дорогичине (от слов: «Присла папа послы» и т. д. до слов: «в городе Дорогычине»).[1]

Включен в летопись и ряд новых известий о русско-татарских отношениях, причем изложены они в резко антитатарском духе. Эти известия следуют от слов: «В та же лето (или преже или потом) приехаша татаре ко Бакоте» и т. д. до слов: «и предасть ю пакы татаром Бакоту».[2] В этом отрывке главной фигурой является князь Лев Данилович, захвативший баскака Милея и затем поручившийся за него. Вслед за этим помещена запись о походе Куремсы на Кременец и изгнании из Галича князем Романом Даниловичем Изяслава (от слов: «Потом же Куремса приде ко Кремянцю» и т. д. до слов: «приведе и отцю си»). Однако и в этот текст вставлено упоминание князя Льва, а именно: «Лва бо преже отрядил (Даниил) бе королеви» (т. е. в Венгрию), и ниже отмечено, что князь Лев перехватил часть посольства, отправленного князем Изяславом в Зальцбург («ко Солем», если это не испорченное «посолем»): «слышав же Лев, яко Федор послан от него (Изяслава) ко солем и поима со собою слуги своя, гна по нем; сам же утече, а людие поима».[3]

Продолжение известий о русско-татарских отношениях помещено автором ниже, и начинается словами: «По рати же Кремянецкой» и т. д.; сообщается о разорении еще уцелевших болоховских земель войсками князя Даниила («со братом си и со сыном Лвом»); здесь это известие дополнено описанием победы князей Даниила и Василько над литовскими войсками (текст идет до словъ «а Хвал убить (Х — «убит») бысть («и» — Х) инии мнозеи».[4]

Далее следует еще одно из описаний столкновения с Куремсой; оно начинается словами: «Куремса поиде на Данила и Василка», сообщается о пожаре в Холме и благополучном миновании опасности для Луцка, текст кончается словами:

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 826—827.
[2] Там же, стб. 828—829.
[3] Там же, стб. 830.
[4] Там же, стб. 840.

«и вратишася во станы своя, рекше в поле».[1] И в этом отрывке также упомянут князь Лев; сказано, что князья Даниил и Василько «посласта ко Львови, абы поехал к нимь»; видимо, Лев приехал, ибо летописец, желая подчеркнуть грандиозность пожара в городе Холме, отметил «со всее земли заре видити, якоже и со Львова зряще видити».[2] Эта запись сделана, видимо, в свое время, ибо, например, указано, что Холм загорелся «от оканьныя бабы».[3]

Последние записи изучаемой летописи связаны с нашествием Бурундая (от слов: «приде Буранда безбожный злый» и т. д. до слов: «и ныне стоить в велице чести, обеща ему Данило король украшением украсити и»).[4] Продолжается этот текст ниже от слов: «потом же Данило король, ехав взя Волковыеск» и т. д. до слов: «послаша Лва и Шварна вон (и Володимера) река им: „аще вы будете у мене, вам ездити во станы к ним, аже ли аз буду»,[5] на этом текст обрывается.

Ниже находим описание второго нападения Бурундая, начинающееся словами: «и приде весть тогда Данилови князю (и к Василкови), оже Буронда идеть» и т. д. до слов: «а из Ляхов побеже во Угры».[6] Это описание любопытно для нас еще и тем, что хранит свидетельство о возможном авторе изучаемой летописи. Князь Даниил отправил «себе место» в ставку Бурундая брата своего Василька, сына Льва и «владыку своего Холмовьского» Ивана. Владыка оставил нам свои впечатления от этой поездки. Когда князья прибыли в татарский лагерь, Бурундай «велику опалу створшу на Василка князя и на Лва», при этом «владыка стояше во ужасти величе».[7]

Последним известием, которое можно считать принадлежащим к тексту данной летописи, является сообщение о съезде князей в Тернаве (от слов: «По сем же бысть снемь» и т. д. до слов. «во свояси»).[8] На снеме князь Даниил был «со обеима сынома своима, со Лвом и со Шьварном».

Если считать составителем холмской летописи начала 60-х годов XIII в. епископа Ивана, то над ее текстом можно сделать еще несколько наблюдений.

---

[1] Там же, стб. 842.

[2] Там же, стб. 841.

[3] Там же.

[4] Там же, стб. 846—847.— Интересно, что и здесь сказано: «посла (Даниил) по Лва, сына си».

[5] Там же, стб. 848; вновь упомянут Лев: «Лвови же рекшу: „яко вои твоя голодна"» и т. д.

[6] Там же, стб. 850.

[7] Там же, стб. 849.

[8] Там же, стб. 858.

Выше указывалось, что княжеский свод митрополита Кирилла, вероятно, оканчивался краткой историей церковных дел в юго-западной Руси и описанием нового центра митрополии — города Холма. Изложение материала, предложенное Кириллом, не могло удовлетворить его преемника Ивана и еще менее подошло владимирским редакторам. Поэтому сохранились лишь остатки заключительной части свода Кирилла, к тому же помещенные в разных местах

Епископ Иван опустил часть материала своего предшественника, добавив взамен свежие данные (см. ниже), причем конец свода 1246 г., повествующий о Холме, он отнес к более позднему времени, связав его с нашествием Куремсы (около 1255 г.). Такая перестановка объясняется тем, что город Холм погорел во время набега Куремсы и епископ Иван оказался вынужденным, вставляя описание Холма, сделанное Кириллом, отмечать перемены, вызванные пожаром; разумеется, при этом епископ Иван надлежащим образом обрисовал свою деятельность по восстановлению городских святынь.

В летописи епископа Ивана рассказывалось о городе Холме непосредственно в тексте, сообщавшем о нашествии Куремсы; такое расположение материала, в свою очередь, не понравилось более позднему, владимирскому, редактору; последний, опуская здесь сведения, относившиеся к Холму, заметил: «си же потом спишемь о создании города и украшение церкви (Х — «церкве») и оного погибели мнозе».[1] К счастью сводчик слово свое сдержал: «яко же древле писахом,— говорит он несколько ниже,— во Куремсину рать о зажьженьи города Холм», и далее переписывает текст, которым начиналась повесть о Холме у Кирилла (и Ивана) и отрывок из которой сводчик между прочим однажды, значительно выше, использовал. Приведем эти тексты параллельно:

«Богу же изволившю Данил созда град именемь Холм. Создание же его иногда скажемь. Божиею же волею избран бысть и поставлен бысть Иван пискуп княземь Данилом от клироса великое церкви святой богородици Володимерьской, бе бо преже того пискуп

«Холм бо город, сиче бысть создан божиим веленьем. Данилови бо княжащу во Володимере созда город Угореск и постави во немь пискупа...» на этом летописец оборвал старый текст, сообщавший об Асафе и перешел непосредственно

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 841.

Асаф Вугровьский, иже скочи на стол митрофоличь (Х — «митрополии») и за то свержен бысть стола своего и переведена бысть пискупья во Холм».[1]

к истории Холма: «яздящу же ему (т. е. Даниилу) по полю и виде место красно»[2] и т. д.

Из сравнения приведенных отрывков напрашивается вывод, что перегруппировки текста, произведенные сперва епископом Иваном, а затем владимирским редактором, лишили нас связного описания истории церковно-политических отношений в юго-западной Руси.

Переписывая повесть о Холме, епископ Иван комментировал ее, указывая на перемены, произведенные пожаром: так, говоря об иконах, доставленных князем Даниилом из Овруча, он добавил: «яже погореша во церкви святого Ивана, один Михаил остася»;[3] сообщая о колоколах, которые князь Даниил «принесе ис Кыева, другия ту солье», он заметил: «то все огнь попали»; в другом месте записал, что «мед от огня, яко смола ползущь».[4]

Указав, таким образом, на ущерб, нанесенный городу пожаром, епископ Иван далее сообщает о мерах, принятых князем Даниилом и им, епископом Иваном, по обновлению города. Князь Даниил, «увидив же сицю пагубу граду», «обнови» церковь св. Ивана и «освяти пискупом Иваном»;[5] отмечено, что князь Даниил восстановил многие другие постройки и только вежу новую не смог соорудить: «Грады иныя зиждай противу безбожным татаром, за то не созда ея»; упомянуто, что князь Даниил построил церковь св. Марии, а «блаженый» епископ Иван соорудил в ней крестильницу.[6] Словом, ясно, что новый редактор летописи постарался поставить описание на уровень требований своего времени.

Таков состав холмской летописи епископа Ивана. Как видим, владыка Иван пополнил свод Кирилла серией известий, состоящих из воинских повестей (австрийские, чешские, ятвяжские, литовские, татарские дела). Характерным для большинства известий, внесенных в летопись епископом Иваном, является восхваление наряду с Даниилом Романовичем также его сына и преемника, князя Льва Даниловича. Владыка Иван выделял князя Льва не только при описании текущих

---

[1] Там же, стб. 740.

[2] Там же, стб. 842. Что Угровск был важным центром, видно из остатков упоминаний его в летописи (см. стб. 754, 758).

[3] Там же, стб. 844.

[4] Там же, стб. 845.

[5] Там же.

[6] Там же, стб. 846.

событий, но даже пересмотрел предшествующий летописный материал и включил в него серию известий о Льве Даниловиче; сделал он это не совсем ловко, почему упоминания князя Льва в своде 1246 г. имеют достаточно искусственный вид. Это позволяет нам также отметить наличие и текстологически нового самостоятельного в сравнении со сводом 1246 г. этапа летописной работы.

В первом упоминании князь Лев не назван по имени: сказано, что князь Даниил, уезжая из Венгрии в Польшу «оставив (Х — «остави») сына своего [во] Угрех и вьдасть (Х — «вдасть») и во (Х — «в») руце Галичаном, ведаа неверьствие их, про то его не поя с собою». [1] Ниже, после описания событий татарского нашествия, сказано: «вышедшу же Лвови из Угор с бояры Галичкыми ко отцу си и рад бысть ему отець». [2]

Второй раз князь Лев упомянут в связи с походом войск данииловых против Ростислава Михайловича, занявшего Перемышль; во главе войск шли испытанные воеводы Яков и Андрей. В этот текст епископ Иван сделал вставку о Льве Даниловиче, которая нами выделяется квадратными скобками:

«Д а н и л ж е [(«и Василко» — обычная приписка; не случайно в списке Х она повторена еще раз в начале листа) и слышавше (Х — «слышав») посласта (Х — «послаша») Льва млада суща, и яко ни во бои ему внити младу сущу] п о с л а с ы н о в ц а с в о е г о В с е в о л о д а (Александровича?), Андрея и Якова («Андрея и Якова» — в Х опущено) иныи бояре» и т. д.; сообщалось, что князь Ростислав их «одоле», а причина выставлена та, что «Всеволод не поможе им и навороти конь свой на бег». [3]

Столь же очевидна поздняя вставка о Льве Даниловиче в описании битвы под Ярославом в 1245 г.; здесь вклинены упоминания князя Льва, совершенно не относящиеся к делу: «Лвови же детьску сущу, поручи и (Даниил) Василкови храбру сущу боярину и крепку (Х — «крепко») и (опущено в Х) да стрежеть его во брани». [4] Эту вставку, неловко разрывающую летописную ткань, епископ Иван сделал не сразу. Он писал: «поидоста с тихостью на брань, сердце же ею крепко бе на брань и устремлено на брань (здесь он, нако-

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 787.

[2] Там же, стб. 789.

[3] Там же, стб. 797.— Данный отрывок подтверждает, что тексты о князе Льве включены в Холмскую летопись еще в Холме, ибо имя князя Василько внесено в текст, уже снабженный вставками, посвященными Льву Даниловичу. Не вижу оснований считать этот текст повторением описания битвы под Ярославом. Ср. Л. В. Черепнин. Указ. соч., стр. 250.

[4] Там же, стб. 802.

нец, сделал вышеуказанную вставку о Льве и затем продолжил списывание)... и видев же Ростислав» и т. д.

В описание эпизода той же битвы — борьбы князя Даниила с венгерским воеводой Фильнием — столь же нелепо вставлена фраза: «О того же Филю Лев млад сы (X — «сый») изломи копье свое».[1] В конце изложения событий ярославской битвы, когда войска князя Даниила разгромили врагов, вдруг сказано: «Лез ста на месте воиномь посреде трупья (X — «посреди труповь»), являюща победу свою».[2]

Чтобы закончить характеристику летописи владыки Ивана, заметим, что он, подобно Кириллу, рассматривал свой труд, как единое целое и превосходно знал материал, использованный его предшественником. Поэтому, описывая поход Романа Даниловича на Галич против князя Изяслава, засевшего там с венграми, летописец указывает, что осажденные укрылись «на комары церковая идеже безаконьи Угре возбегли беаху»,[3] тем самым он отсылает читателя к давно минувшим событиям войны князя Даниила с венграми.[4] Понятно, что в летописи Ивана встречаются такие хронологические определения: дом Стекинтов, разоренный князем Даниилом, и «доныне пусто стоить»;[5] церковь в городе Мельнице «и ныне стоить в велице чести»[6] — все это свидетельствует о том, что владыка Иван, как правило, не вел погодного записывания событий, а составлял свою летопись на основе известного числа сюжетно законченных текстов.

Итак, труд епископа Ивана (в его сохранившейся части) идейно основан на княжеском своде 1246 г. и в значительной мере представляет собой дополнение к нему, характеризующее государственную деятельность князя Даниила и его старшего сына Льва; поэтому мы полагаем правильным именовать его не сводом, а летописью. Последующие редакции настолько деформировали холмскую летопись владыки Ивана, что сделать еще какие-либо выводы относительно ее состава, а также датировки едва ли возможно.[7]

5. Летопись князя Василько Романовича

Давно замечено, что первая часть летописного текста XIII в., связанная с именем князя Даниила Романовича, обрывалась где-то около сообщения о съезде князей в

---

[1] Там же, стб. 804.
[2] Там же, стб. 805.
[3] Там же, стб. 830.
[4] Там же, стб. 738.
[5] Там же, стб. 828.
[6] Там же, стб. 847.
[7] Ср. Л. В. Черепнин. Указ. соч., стр. 252

Тернаве,[1] а может быть и еще ранее,[2] почему о смерти князя Даниила Романовича в ней сказано походя, в объяснение самостоятельной деятельности Василька Романовича в Литве.[3] Затем летопись продолжается до 1292 г.; последнее известие ее, касающееся пинских и степанских князей, свидетельствует об утрате конца текста.

Рассмотрение дошедшего текста нужно предварить двумя замечаниями.

Во-первых, следует признать, что городом, из которого пришла к нам данная редакция изучаемого текста, является Владимир Волынский. Это допущение вполне приемлемо для времени княжения Василька Романовича, Владимира Васильковича и Мстислава Даниловича; на описании княжения последнего текст и обрывается. Нет веских данных следовать за учеными, утверждающими, что в начале XIV в. был создан свод Юрия Львовича и что дошедший до нас текст — часть этого свода. Ниже будет показано, что характеристика, данная в летописи князю Юрию (как и отцу его Льву), не дает оснований к поддержке подобных утверждений.

Во-вторых, нужно определить место Владимиро-Волынского княжения в расстановке политических сил юго-западной Руси; для этого нужно выяснить, чем владел владимиро-волынский князь по смерти Даниила Романовича. Легче установить, чем он не владел.

«Великим» князем, применяя северо-восточную терминологию, следует признать Шварна Даниловича, он объединял своею властью Восточную Галичину, Черную Русь и все Забужье[4] (Белз, Холм, Червен, Мельник, Дорогичин), тогда как князь Лев правил в Западной Галичине, включая Перемышль и Львов. По смерти князя Шварна (около 1269 г.) Лев Данилович овладел и Восточной Галичиной и Забужьем: «А Лев нача княжити в Галиче и в Холме по брате по своем, по Шварне» — предельно кратко отметил это событие владимирский летописец.[5] Князь Лев занял не один Холм, а именно все Забужье, ибо важнейшие центры Западной Волыни (Холм, Червен, Белз, Мельник, Дорогичин) — он передал в держание своему сыну Юрию; позднее, если верить словам Юрия Львовича, отец оставил ему только Мельник и Доро-

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 858.

[2] Там же, стб. 848.

[3] Там же, стб. 862.

[4] Там же, стб. 869—870; ср. стб. 864 (Дорогичин); стб. 838—839 (Возвягль).

[5] Там же, стб. 870.

гичин.[1] Понятно, что и другие города (например, Щекарев),[2] связанные с пограничной засечной службой укрепленной лесной полосы Западной Волыни, по реке Вепрь, находились во власти Льва.

Из сказанного видно, что владимирский князь Василько Романович не имел владений в Галичине и важнейшие центры Западной Волыни также не принадлежали ему. Не удержал владимирский князь и Черной Руси, которая, по смерти князя Шварна, перешла в литовские руки; за владимирским князем осталось лишь княжество слонимское;[3] позднее, при Мстиславе Даниловиче, владимирский князь получил от Литвы Волковыйск.[4] Земли владимирского князя должны быть еще более урезаны: Восточная Волынь, с центром в Луцке, перешла со смертью Даниила Романовича к его сыну Мстиславу[5] и, таким образом, не входила под руку ни Василька Романовича, ни Владимира Васильковича.

Остается сделать довольно печальный, но необходимый вывод, что летопись, дошедшая до нас как продолжение и переработка свода 1246 г. и княжеской летописи епископа Ивана, отражает интересы княжеского двора очень небольшого княжения, границы которого не переходили на западе Буга, на севере доходили только до Берестья и Каменца, а на востоке оканчивались значительно западнее таких городов, как Пинск, Черторыйск и Луцк: на юге — они вряд ли переходили за Перемиль.

Этот бесспорный вывод облегчает анализ дошедшего до нас летописного текста, ибо, как известно, обычная трудность выяснения показаний древнего источника состоит в том, что мы не всегда стремимся понять цель написания и тему этого источника и, предъявляя к нему свои вопросы, часто забываем, что он на эти вопросы не может ответить, так как говорит о другом.

После этих предварительных замечаний можно перейти к анализу самого летописного текста.

Приходилось отмечать, что холмская летопись епископа Ивана (включая и свод Кирилла) по смерти князя Даниила попала в город Владимир и здесь, при дворе князя Василько, была переработана и продолжена с целью показать роль владимирского княжения и самого князя Василько Романовича в политической жизни юго-западной Руси.

Из каких же источников черпал материал владимирский

---

[1] Там же, стб. 911, ср. стб. 931.
[2] Там же, стб. 888.
[3] Там же, стб. 884.
[4] Там же, стб. 933.
[5] Там же, стб. 905.

редактор? Для их определения следует проанализировать текст, начинающийся с известия о первом нашествии Бурундая на юго-западную Русь и заканчивающийся сообщением о смерти «великого князя» Василько.[1] Непосредственным стыком владимирских известий с текстом холмской летописи является описание нашествия Бурундая. Текст холмской летописи оканчивался здесь словами: «обеща ему Данило король украшеньем украсити и».[2] Вслед за тем вклинен кусок владимирского текста, сообщавшего о действиях князя Василько (от слов: «Василкови же едущу по Бурундаи» и т. д. до слов: «и сына своего Володимера»);[3] после этого вновь продолжена холмская летопись (до слов: «аже ли аз буду...»).[4]

За киноварным заголовком: «Посем минувшему лету» (в Х — «минувшема двемя летома») продолжается владимирская летопись, говорящая о свадьбе во Владимире Ольги Васильковны с Андреем Всеволодовичем Черниговским; князь Даниил при этом означен, как «брат Василков»; это известие оканчивается словами: «в Володимере городе».[5]

Летописное повествование, посвященное второму нашествию Бурундая, также состоит из двух источников — холмского и владимирского. Холмский текст оканчивался словами: «а из Ляхов побеже во Угры»;[6] дальнейший же ход событий описан владимирцем; он сообщил о приходе Бурундая ко Владимиру, обеде хана во «дворе» князя Василько, разорении им городских укреплений. К перу владимирского автора относим сообщение о походе татар на Холм и спасении князем Василько города от разгрома (текст начинается словами: «и тако поиде Бурундай ко Володимерю» и т. д. до слов: «молвили паки горожане Василкови»).[7] Это сообщение должно было подчеркнуть незаконность перехода Холма под руку Шварна Даниловича.

Ниже помещена повесть о «Судомирском взятии», т. е. описание татарского похода через Люблин — Завихост на Сандомир и уничтожения ими этого города; причем повесть составлена не без учета польских преданий об этом событии. Она следует от слов: «и по семь поиде Буранда вборзе к Люблину» и т. д. до слов: «и тако бысть конець Судомирьскому взятью».[8]

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 869.
[2] Там же, стб. 847.
[3] Там же.
[4] Там же, стб. 848.
[5] Там же, стб. 849.
[6] Там же, стб. 850.
[7] Там же, стб. 852.
[8] Там же, стб. 855.

Далее находится ряд событий, записанных в свое время при княжеском владимирском дворе. Таково описание войны князя Василько и сына его Владимира против Литвы, напавшей, по приказу Миндовга на окрестности Каменца (Х — «Камена») и Мельницы; описание похода начинается словами: «Въспомяну Миндовг, оже Василко князь с богатырем воевал землю литовьскую»,— оно выполнено современником и очевидцем — указана точная дата («на канун Ивана дни»), поименованы воеводы (Желислав, Степан Медушник) и пинские князья; описание завершается блестящей победой князя Василько: (князь «поеха к Володимерю с победой и честью великою, славя и хваля бога, створшаго предивная) покоршаго ворогы под нозе («князю» — Х) Васильковиı».

Следом помещена редакторская обработка донесения Бориса, посла князя Василько, отвозившего «сайгат» князю Даниилу. Сообщается, что князь Даниил, находясь в Теличе у карпатского прохода, на пути в Венгрию, «печалуя о брате по великому и о сновце (Х — «сыновци») своемь Володимере, зане молод бяше» и описывается радость князя, при известии, что «Василко победил Литву». Князь расспрашивал о всех подробностях, «Борис же поведа здоровье обою (т. е. Василько и Владимира) и вся збывшаяся», после чего князь «Бориса же одарив, отпусти ко брату своему».[1]

К владимирской летописи следует отнести известие о браке Ольги, дочери Романа Брянского с князем Владимиром Васильковичем в 1262 г. (от слов: «В прежреченном же лете Миндовгова убитья» и т. д., кончая словами: «Михаила и бояр много»).[2] Наконец, к той же летописи относятся следующие одно за другим известия: о появлении кометы, о смерти жены князя Василько Елены и о мятеже у татар.[3]

Текущее летописание при Василько Романовиче не было оформлено в специальный свод, а по смерти князя было продолжено его сыном и преемником Владимиром. Однако работа летописца и в княжение Василько Романовича заключалась не только в том, чтобы продолжать холмскую летопись епископа Ивана. Можно думать, что по смерти Даниила Романовича при владимирском дворе Василько Романовича была начата работа по просмотру и перередактированию как холмской летописи владыки Ивана, так и самого свода 1246 г. Кирилла в духе требований владимирского княжеского двора. Завершена эта работа была уже по смер-

---

[1] Там же, стб. 857.
[2] Там же, стб. 861—862.
[3] Там же, стб. 863.

ти князя Василько Романовича составителем свода, созданного при дворе Владимира Васильковича.

Историки не раз указывали на примечательный и единственный в русском средневековье факт — дружную и единую политику братьев князей Даниила и Василько Романовичей. Не оспаривая этого факта в целом, заметим все же, что в летописи сохранились свидетельства, позволяющие по-иному осветить его.

Приведем некоторые из этих свидетельств. Например, читаем в летописи, что Михаил, князь Черниговский, прислал послов «к Данилу и Василку, река: «многократы согрешихо вам (буква «м» приписана позднее, в Х — «съгрешихове») и многократны пакости творях ти (так!), что ти обещах, того не створих, ащи коли хотях (Х — «хотех») любовь имети с тобою, невернии Галичане не вдадяхуть ми; ныне же клятвою клену ти, яко николи же вражды («вражду» — Х) с тобою не (в Х — «не» опущено) имам имети. Данил же и Василко не помянуста зла, вдаста ему сестру и приведоста его из Ляхов. Данил же свет (Х — «съвет») створи (Х — «сътвори») со (Х — «съ») братом си, обеща ему Киев (Х — «Кыевь»)».[1]

Едва ли у кого возникнет сомнение в том, что в первоначальном тексте летописи князя Даниила, равно же как и в тексте грамоты князя Михаила, вставленном в эту летопись, князь Василько не упоминался. Владимирский сводчик, проредактировав текст, приписал имя князя Василько и вставил двойственное число; он не тронул, однако, содержания грамоты, оставив, таким образом, потомкам еще одно указание на бережное отношение древних книжников к документальному материалу.

Другой пример. Князь Даниил наметил совершить поход на Возвягль; литовский князь Миндовг обещал ему («пришлю к тобе») свою помощь. Далее следует текст: «Данило же с братом идоша ко Возвяглю в силе тяжце, ждя (в Х — «жда») вести от Романа и Литвы, и стоя на Корецку днину, жда вести от них, и поиде ко Возвяглю, преже посла сына си Шварна» и т. д.[2] Ясно, что слова «с братом» — поздняя приписка.

Еще пример из более ранних времен. Сообщается, что князьями «Данилом и Василком» была попленена земля близ Белза, а далее говорится: «Мстиславу же рекшу: „Пожалуй брата Олександра", и Данил воротися в Володимерь, отиде от Белза».[3]

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 783.
[2] Там же, стб. 838.
[3] Там же, стб. 739.

Столь же ясно видна рука владимирского редактора в описании занятия Галича князем Даниилом: «Иступи Глеб Зеремеевич от королевича к Данилови, Данил же и Василко однако идоста к Галичю, стретоша и болшая половина Галича... и пришед ста на березе Днестра» и т. д.— речь идет об одном князе Данииле.[1] Или: «Приславшу же Могучееви посол свой к Данилови и Василкови, будущю има во Дороговску: „дай Галичь“».[2]

Любопытный пример редакторской правки имеем в изложении событий литовской кампании: «Данилъ же и Василко поидоста к Новугороду. Данил же и Василко, брат его, разгадав со сыном брата си (Х — «Данил с братом си Василком»), посла на Волковыескь, а сына на Услоним».[3] Вероятно первоначально текст гласил: «Данил же разгадав со сыном си Львом (возможно, Романом)»; редактор, вписав слова «Василко, брат его», не мог оставить слово «сыном» и заменил его — «сыном брата си», отчего весь текст стал менее ясным, причем имя «сына» выпало вовсе.

Подобных примеров можно было бы привести большое число,[4] почему и возникает вопрос о степени переработки первоначального текста летописи князя Даниила. Переработка была весьма существенной; приведем один особенно яркий пример, частично отмечавшийся выше, переделки текста о войне князя Даниила с венгерским королем; описание боя русских с венграми после того, как боярин Демьян вынужден был отступить, имеет такой вид: «Данил же вбоде копье свое в ратьного, изломившу же ся копью, и обнажи мечь свой (позрев же семь и семь и види стяг Василков стояще и добре борющь и Угры гонящу), обнажив мечь свой идущу ему (брату) на помощь» и[5] т. д. Текст, взятый в скобки, вставлен позднее, а в первоначальном описании князь Даниил шел на помощь вовсе не Васильку, а Демьяну, который в помощи действительно нуждался.

Как видим, владимирский редактор не ограничился бесхитростным приемом приписывания имени князя Василько к имени князя Даниила; более того, он внес несколько самостоятельных известий о князе Василько в текст летописи князя Даниила. Таково известие: «еха Василко Суждалю на свадбу шурина своего ко великому князю Юрью, поемь Мирослава со собою и ины».[6]

---

[1] Там же, стб. 771.
[2] Там же, стб. 805.
[3] Там же, стб. 816.
[4] Там же, стб. 739, 750, 751, 757—758, 762, 765, 790—791, 809 и др
[5] Там же, стб. 767—768.
[6] Там же, стб. 758.

Другая вставка более обширна. Владимирский сводчик суммировал[1] несколько литовских и ятвяжских походов, здесь же описал боевые действия князя Василько и вставил похвалу ему: «Василко бо бе возрастом середний, умом велик и дерзостью, иже иногда многажды побежаще поганые или иногда многажды посылающима има на поганыя»;[2] и далее указывает, что Скомонд ятвяжский был разбит одной из таких «посланных» ратей Василька.

Желание сводчика упомянуть князя Василько столь велико, что он включал в текст даже малозначащие факты. Например, явной вставкой, разрывающей текст летописи князя Даниила, является сообщение: «Тое же зимы Кондрат присла посол по Василка, река: «поидемь на ятвязе»; падшу снегу и серену и не могоша ити и воротишася на Нуре».[3]

Однако владимирский редактор не только обогатил текст холмской летописи вставками, но, к сожалению, и обеднил его многочисленными сокращениями, особенно относительно событий галицкой истории, которые его не интересовали; поэтому, он не размышляя опустил русско-венгерский договор, содержавший признание прав галицкого князя на Австрию; известную часть произведенных сокращений редактор оговорил,[4] а сколько сокращений им не оговорено, определить невозможно.

Последствиями перегруппировок и переработок текста явилось некоторое число остатков текстов,[5] лишенных всякой связи с изложением. Из сказанного ясно, что историку юго-западной Руси летописной поры необходимо постоянно иметь в виду время, место и цель включения того или иного известия в летописный текст.

Наконец, можно думать, что этот же редактор внес пояснения к тем словам, которые показались ему, владимирцу, малопонятными. Так появились выражения: «к о л ы м а г и... рекше с т а н ы»;[6] «Судислав же в о з л а т о п р е м е н и с я, рекше м н о г о з л а т а д а в»;[7] «в горы К а в о к а с ь с к и я (в Х — «Кавокаскыа»), рекше во У г о р ь с к ы я»;[8] «у б е д и

---

[1] Что он их суммировал, видно из фразы: «и еще бо Холму не поставлену бывшю» (стб. 799), хотя выше Холм упомянут стоящим (стб. 789).

[2] ПСРЛ, т. II, стр. 799.

[3] Там же, стб. 808.

[4] Там же, стб. 722, 724, 785, 799, 809, 821.

[5] См. там же, стб. 793 («приде к брату» и т. д.), 798 («Преже же» и т. д.), 808 («Тое же зимы» и т. д.), 836 (запись о Романе), 776 («не престашеть строя на не рать») и т. п.

[6] Там же, стб. 726, 811, 824.

[7] Там же, стб. 728.

[8] Там же, стб. 747.

и дарми многими сиречь умоли его»;[1] «послав вожьже (Х — «пожже») вся окрестьная веси, рекомая околная»;[2] «рикс... рекше король»;[3] «станы своя рекше в поле»;[4] «стюденец, рекомый кладязь».[5]

Итак, при дворе владимирского князя Василько Романовича было начато составление княжеской летописи. Ее источниками были: во-первых, холмская княжеская летопись епископа Ивана (включающая свод Кирилла), во-вторых, местная владимирская придворная хроника; в-третьих, военные и дипломатические донесения (например, донесение Бориса); в-четвертых, воинские повести (например, повесть «О судомирском взятии»).

Переработка холмской летописи, произведенная во Владимире, ясно отражает претензии Василько Романовича на руководящую роль в юго-западной Руси.

Была ли эта работа завершена при жизни князя Василько Романовича (умер около 1269 г.), и кто автор этого труда — сказать трудно. Можно лишь отметить, что по смерти князя Василько это летописание нашло свое отражение в княжеской летописи епископа Евстигнея (1289 г.).

6. Летописный свод князя Владимира Васильковича

Текст этой летописи отграничен двумя записями. Первая идет после известия о смерти «великого», «благоверного», «христолюбивого» князя Василько, сына «великого князя Романа»: «Нача княжити во его место сын его Володимерь, правдолюбьем святяся ко всей своей братьи и к бояром и ко простым людем»;[6] последняя запись: «Туто же положим конець Вълодимерову княжению».[7]

Круг источников этой летописи невелик; находясь в стороне от основного русла политики юго-западной Руси, в перечне князей в русских и иностранных письменных памятниках упоминаемый на последнем месте, после Льва Галицкого и Мстислава Луцкого, князь Владимир Василькович в своем официальном летописании оставил нам такую историю юго-западной Руси, какой она представлялась ему, князю небольшой части северо-западной Волыни. Замкнувшись в узком

---

[1] Там же, стб. 816.

[2] Там же, стб. 825; ниже редактор не пояснил слова «окрестная», ибо здесь оно противопоставлено слову «ближняя» (там же).

[3] Там же, стб. 836—837.

[4] Там же, стб. 842.

[5] Там же, стб. 844.

[6] Там же, стб. 870.

[7] Там же, стб. 927.

кругу своих небольших дел, имея внешнеполитическими объектами традиционно дружественную Руси Мазовию и занятую борьбой с немецким нашествием Литву, князь Владимир Василькович с неприязнью смотрел на широкую международную политику князя Льва, особенно на его тесные отношения с татарами, не желая считаться с тем, что галицкий князь уже в силу географического положения своих обширных владений был вынужден продолжать политику отца своего, князя Даниила; характерно, что в этом отношении князь Лев встретил гораздо больше понимания у князя Восточной Волыни Мстислава Даниловича.

Впрочем, у князя Владимира было достаточно оснований для недовольства: последствия от организовавшихся Львом с татарской помощью походов на Литву и Польшу всей тяжестью падали на пограничные владения владимирского князя.

Была и еще причина сравнительной бедности владимирской летописи этой поры. Князь Владимир военными доблестями не отличался: он был разбит поляками во время своего первого, совместного со Шварном [1] похода и с той поры старался быть в тени: так он «сам не иде» в помощь Болеславу; [2] во время же невольных походов с татарами под рукой Льва Даниловича, он намеренно держался пассивно, если не скрыто враждебно; поэтому в походе с татарами на Дорогичин Лев действовал отдельно от владимирского князя; [3] во втором походе с татарами на Литву князя Мстислав и Юрий также отделились от него; [4] в третьем походе с татарами он «назаде стоя»; [5] в венгерском походе татар он не участвовал, «зане бысть хром», [6] в следующем татарском походе на Польшу он был, кажется, действительно болен и вернулся домой от реки Сан. [7]

Зная внешнеполитические взгляды владимирского двора, мы без удивления обнаруживаем среди источников местной летописи антитатарскую обличительную повесть, которая начинается от слов: «Пришедшу оканьному и безаконьному Ногаеви и Телебузе с нимь» [8] — речь идет о походе татар на Венгрию. Князь Владимир в этом походе не участвовал, отправив войско свое с Юрием Львовичем. Начав сообщение

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 866—867.
[2] Там же, стб. 870.
[3] Там же, стб. 873.
[4] Там же, стб. 877.
[5] Там же, стб. 882.
[6] Там же, стб. 888.
[7] Там же, стб. 893.
[8] Там же, стб. 888.

о походе татар, летописец оборвал его на словах: «Тогда бо бяхуть князи русции в воли татарьской и тако поидоша вси».

Следуют другие записи княжеской летописи, и к этому тексту летописец вернулся значительно ниже: «Мы же на прежняя возвратимся» — извещает он и пишет: «Бысть идущу оканьному и безаконьному Ногаеви и Телебузе с нимь»;[1] дальнейшее описание их похода на Венгрию выдержано в ироническом плане; оказывается татарский полководец заблудился в горах и «што бяшеть переити треими деньми и ходи по л̃ дний, блудя в горах, водим гневом божиим»; большинство участников похода умерло от голода и поход закончился позорной неудачей, «оканьный же и безаконьный Телебуга выиде пешь со своею женою об одной кобыле, посрамлен от бога». Источник этой повести — рассказ участников похода: «Самовидци же тако рекоша: умерших бысть сто тысячь».[2]

Ниже автор вновь использует эту повесть. Он пишет: «Хотящу поити оканьному и безаконьному Телебузе на ляхи», собрал он «силу многу», видно забыл «казни божие, еже сбылись над ним во Угрех»; о них же «переде сказахом» — прямо отсылает автор к аналогичному тексту.[3] Перед походом Телебуга пришел к Ногаю и «бяше же межи има нелюбовье велико». Затем Телебуга приказал итти в поход всем «заднепровским» князьям и всем князьям «волынским», т. е. Льву, Мстиславу и Владимиру,— «тогда же бяху вси князи в неволе Татарьской», вновь повторяет автор.

Князья встречали Телебугу питьем и дарами; собрав всех, он сделал смотр войску на Бужьковском поле, недалеко от Владимира («перезреша свое полкы»), а затем пошел к Владимиру, и остановился на подворье в Житани, близ города. Здесь в повести видимо сообщалось, что татары заняли город, поэтому автор летописи сделал такое примечание: «Телебуга же еха обзирати города Володимеря, а друзии молъвять оже бы и в городе был, но то не ведомо», хотя в сказании фигурировала и дата происходившего («по Микулине дни») и следом сообщалось, что татары чинили городу насилия и грабили товар; затем Телебуга направился в Польшу, оставив у Владимира «кормити либывеи кони», в связи с чем бывшие при конях татары «учиниша пусту землю володимерьскую»; от этого их «остою» «изомре во городех» «божьим гневом» множество людей.

---

[1] Там же, стб. 890.
[2] Там же, стб. 891.
[3] Там же, стб. 892.

Далее сообщалось, что князь Владимир в поход на Польшу не пошел, вернулся с реки Сана и что войска Телебуги в Польше у Сандомира «не успеша ничтоже», «оже Ногай передил» их; но и Ногай, который шел отдельно от Телебуги «своей дорогой» через Перемышль на Краков, тоже «не успев у него ничтоже, якоже и Телебуга у Судомира». Использовал летописец и текст, говоривший о том, что Телебуга из Польши повернул «на Лвову землю», и пробыв в ней некоторое время «кормячесь не воююче», учинил ее «пусту». К этому летописец счел нужным добавить небольшое нравоучение, почему продолжение повести потребовало от него переходной фразы «но мы на предлежащее возвратимся»; [1] сообщив о «нелюбье» между Телебугой и Ногаем, летописец говорит, что они так и ушли ни с чем своими путями и «не снимася, зане боястася оба: сий сего, а сей сего». [2] К этому тексту примыкает, помещенное после вставки о море в Польше, сообщение о подсчете князем Львом населения. [3] Владимирский летописец, как видим, обнаружил особый интерес к случаю, когда земля самого князя Льва пострадала от татар.

Последний раз летописец вернулся к изучаемой повести несколько позднее, причем использовал лишь небольшой отрывок из нее; предпослав вступительную фразу: «Посла бог на нас мечь свой» и т. д., он записал: «идущу же Телебузе и Алгуеви с нимь», а с ними должны были итти и русские князья — Лев, Мстислав, Владимир и Юрий Львович — «тогда бяхуть вси князи Русции в воли Татарьской, покорени гневом божьиим» — встречаем опять знакомую литературную формулу; «и тако поидоша вси вкупе», причем даже не сказано, куда «поидоша». Лишь из того, что князь Владимир «сотьснувъся немощью» и вернулся домой [4] с реки Сана, можно догадаться, что поход был против Польши. На этом кончается использование летописцем антитатарской повести.

Нужно признать, что содержание этой повести вполне гармонирует с нижеследующими словами самого князя Владимира, записанными придворным летописцем. Князь Владимир выразил желание уехать в Любомль: «Хотел бых доехати до Любомля, зане досадила мне погань (т. е. татары), а человек есмь болен; ни я с ними могу повестити, а прояли ми уже и на печенех». [5]

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 894.
[2] Там же, стб. 895.
[3] Там же.
[4] Там же, стб. 897.
[5] Там же, стб. 899.

Историки не раз обращали внимание на то, что Ипатьевская летопись содержит подробные сведения по истории Литвы, но вопроса о том, из какого источника проникли эти сведения в летопись, они не ставили.

Если выбрать из летописи все упоминания о литовских князьях, то получится относительно связный текст, состоящий из жизнеописаний ряда литовских князей, составленных, вероятно, книжником одного из прославленных монастырей Литвы.

Первым является жизнеописание князя Миндовга; отметим окончание его: «во осень убит бысть великий князь литовьский Миньдовг самодержечь бысть во всей земли литовьской, и убийство же его сиче скажемь. Бысть княжащю ему в земьли Литовьской» и т. д.[1] Следует краткая характеристика его княжения, причем текст ее прерывается вставкой из жизнеописания сына Миндовга Войшелка (от слов: «Войшелк же нача княжити» и до слов: «нелюбовашеть велми»).[2]

Текст о Войшелке более позднего происхождения и здесь первоначально отсутствовал: в летописи князя Даниила Романовича не мог читаться такой текст о литовском князе, убийце сына Даниила князя Романа;[3] об этой вставке скажем ниже.

Текст о Миндовге продолжался далее от слов: «в то же время умре княгини Миндовговая» и т. д. до конца, где сообщено, что Довмонт князь Нальшанский «изогна Миндовга, ту же и уби его и оба сына его с ним уби Рукля и Репекья (вар. Репьскея), и тако бысть конечь Миндовгову убитью».[4]

Несомненно, что эта «Литовская летопись» была использована летописцем князя Даниила при описании литовской войны; это описание начиналось следующей шероховатой фразой: «В то же лето изгна Миндог сыновца своего Тевтивила и Едивида, пославшю ему на в о й н у со вуем (дядей) своим, на в о й н у со Выконтом, на Русь в о е в а т ь ко Смоленску» и т. д.[5] Текст Литовской летописи продолжается далее, прерываемый вставками, относящимися к военным и дипломатическим действиям князя Даниила; к этой летописи относится и отрывок о льстивом крещении Миндовга и языческих верованиях его.[6] Оканчивается этот кусок летописи довольно нескладной фразой: «присла Миндовг к Данилу, прося миру и хотя любви о святьстве; тогда же Тевтивил прибеже

---

[1] Там же, стб. 858.
[2] Там же, стб. 859.
[3] Там же, стб. 847.
[4] Там же, стб. 860.
[5] Там же, стб. 815.
[6] Там же, стб. 817.

к Данилу из Жемоити и Ятвязей, река, яко Миндовг убеди я серебром многим. Данилу же гнев имеющю на не».[1] Здесь сводчик на время оставил «литовский» источник и перешел к описанию австрийских дел и лишь много ниже вновь продолжил его: «Потом же Войшелк створи мир с Данилом и выда дшерь Миндогдову за Шварна, сестру свою».[2]

Следующая часть Литовской летописи была посвящена княжению Тройната; эта часть начиналась от слов: «Трената нача княжити во всей земле литовьской и в Жемоити»; далее говорилось о главных событиях его кратковременного княжения и сообщалось об убийстве Тройната на пути «до мовници» четырьмя конюхами Миндовга. Кончалось это жизнеописание традиционной фразой: «и тако бысть конець убитья Тренятина».

Третье жизнеописание, сына Миндовга Войшелка, труднее для анализа. По летописи, Войшелк в конечном итоге принял православие, правда передал княжение свое Шварну, но верховным сюзереном якобы признал князя Василько Романовича и был убит князем, тогда еще перемышльским, Львом,— естественно думать, что это дружественное ему изображение относится к руке владимирского автора.

В летописи князя Даниила Войшелк выступал как человек, принявший православие в главном центре юго-западной Руси — в *Холме, но впоследствии порвавший* с князем Даниилом и убивший сына его, Романа. Остаток этого первоначального текста уцелел во владимирской летописи, и потому об одном и том же пострижении Войшелка в монахи мы читаем теперь два разных рассказа.

По летописи князя Даниила дело происходило так: после русско-литовской войны Войшелк «приде в Холм к Данилу, оставив княжение свое и восприемь мниский чин и вдасть Романови сынови королеву Новогородък от Миндовга и от себе, и Вослоним, и Волковыеск, и все городы, а сам просися ити во святую гору, и наиде ему король путь у короля Угорьского, и не може ити святое горы и вороти в Болгарех».[3]

Как видим, это вполне светский рассказ о политически важном событии в духе летописи князя Даниила Романовича. Читался в летописи Даниила этот рассказ после сообщения о возвращении князя Романа Даниловича из Австрии. Но редактор передвинул его выше; любопытно, однако, что, продолжая переписывать летопись князя Даниила и встретив этот уже ранее списанный рассказ, летописец, как мы отме-

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 820.
[2] Там же, стб. 830.
[3] Там же, стб. 831.

чали, счел нужным заметить: «се же прежде сказахом, яко Вышелк бе дал Новогородок Романови». [1]

Об этом эпизоде жизни Войшелка имеется и другой рассказ, видимо, входивший в Литовскую летопись: «Войшелк же нача княжити в Новегородци в поганьстве будя и нача проливати крови много»; сообщается, что он ежедневно творил убийства и т. д., но затем вдруг «вниде страх божий въ сердце его», он захотел принять крещение «и крестися ту в Новегородьце» и «нача быти во крестьянстве», после этого он отправился в Галич (ср. выше «в Холм») к князьям Даниилу «и Василкови»,— здесь он крестил сына князя Льва Юрия (вставка из летописи Даниила); потом сообщается о посещении им монастыря в Полóном и постриге у игумена Григория; этот игумен, видимо, был лично знаком автору летописи, почему сказано: «Григорей же бяшеть человек свят, акого же не быс перед нимь, и ни по немь не будеть».

Ниже видим знакомое сообщение, что Войшелк «оттоле поиде во святую гору, прием благославление от Григорья», но «не може доити до святой горы, зане мятежь бысть велик тогда в тых землях, и приде опять в Новъгородок и учини собе монастырь на реце на Немне, межи Литвою и Новымъгородъком и ту живяше», терпя укоры от язычника Миндовга, которого он «нелюбовашеть велми». [2]

Этот внесенный владимирским редактором в летопись князя Даниила текст имеет и продолжение, разбитое владимирским редактором на части и поданное как доказательство важной роли владимирского князя в политике Шварна Даниловича и литовского княжества и как свидетельство значительной роли владимирской епископии в насаждении православия в Литве.

При князе Тройнате Войшелк, сообщает автор по Литовской летописи, укрылся в Пинске «и ту живяшеть»; по смерти Тройната Войшелк с ...пинянами пошел «к Новугороду и оттоле поя съ собою Новгородце и поиде в Литву княжить», причем «Литва (т. е. собственно Литва — аукстоте) же вся прияша и с радостью великою своего господичича». Далее говорилось, что Войшелк «нача княжити во всеи земли литовьской», причем, не доверяя внешней покорности вчерашних противников, он «поча вороги свое избивати», «изби их бещислемое множество, а друзии разбегошася камо кто видя».

Владимирский летописец добавил сюда сообщение о том, что был убит и Остафий Константинович, старый враг князей

---

[1] Там же, стб. 838.
[2] Там же, стб. 859.

Романовичей, о котором, как справедливо отметил автор, он «переде псахом». Оставив на время свою Литовскую летопись, редактор поместил отрывок из княжеской владимирской хроники о браке князя Владимира Васильковича с Ольгой, княжной брянской, датировав это сообщение так: «в прежерченном же лете Миндовгова убитья» (т. е. в 1262 г.).

Затем редактор вернулся к Войшелку: «Мы же на преднее возвратимся. Княжащу же Войшелкови в Литве и поча ему помогати Шварно князь». Этот текст интересен тем, что в нем ярко обнаруживается желание скрыть тот обидный для достоинства владимирского князя факт, что по смерти Даниила Романовича великим князем стал его сын Шварн, а не брат Василько. Поэтому мы лишь с большим трудом уясняем себе из дошедшей летописи картину распределения земель по смерти Даниила Романовича.

Следом сделано уверенное дополнение к цитированному тексту: «Нарекл бо бяшеть Василка отца собе и господина». [1] Сообщив здесь мимоходом, в пояснение событий, что Даниил Романович уже умер, автор продолжал начатый рассказ: «посем же Шварно поиди в помочь Войшелкови, а Василько князь», оказывается, тоже «от себе посла ему помочь всю свою рать. Войшелк же нарекл и бяшеть Василка, аки отца собе и господина»,— настойчиво внушает автор, заставляя недоверчивого читателя думать, что, по сравнению с войском холмско-галицкого князя Шварна, сила Василька была не так-то уж велика. В конце концов князь Шварн «с помочью» поддержал Войшелка, и тот разорил княжества Нальшанское и Дяволтское,— этот текст идет до слов: «и тако придоша во свояси». [2]

Оставив на время литовские дела, редактор делает вставки из княжеской летописи (о комете, о смерти княгини Елены, о мятеже среди татар) и продолжает сразу: «Княжащоу Войшелкови во Литве и Шварнови». В детали редактор не вдается, рисуя Шварна чуть ли не подручником владимирского князя, хотя ясно, что Шварн Галицкий, будучи женат на сестре Войшелка, оказав ему решающую помощь в борьбе с непокорными местными династами, получил во владение Черную Русь.

Верный себе владимирский автор, описывая и неудачный поход Шварна Даниловича совместно с Владимиром Васильковичем на Польшу, всю вину возложил на князя Шварна, который якобы «впереде идя своим полком и не помня речи

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 862.
[2] Там же, стб. 863.

стрыа своего, и не дожда полка брата своего Володимера» начал бой один, что привело к поражению.[1] Зная военные способности Владимира Васильковича, мы во всяком случае не рискнем безоговорочно осуждать князя Шварна.

Записав о результатах этого похода, владимирский летописец еще раз обратился к Войшелку: «Посем же Войшелк да княжение свое зятю своему Шварнови», а сам вновь «восхоте прияти мниский чин».

Далее сочинена трогательная история о благочестивом Войшелке, который, несмотря на уговоры князя Шварна, все-таки отказался от княжения в его пользу и ушел под Угровск в монастырь св. Даниила, где «взя на ся черничькии порты», остался жить, говоря: «се ли зде (т. е. чего же лучше), близ мене сын мой Шварно, а другый господин мой отец князь Василко». После нового и довольно неловкого упоминания игумена полонинского монастыря Григория, сообщается о том, что князь Лев убил Войшелка во время встречи с ним в монастыре св. Михаила во Владимире: «Завистью оже бяшеть дал землю Литовьскую брату его Шварнови». Князь Войшелк и похоронен был во Владимире. Автор не счел возможным резче сказать о князе Льве, ибо как-никак Войшелк — литовец и убийца брата князя Льва Романа. За всем этим следует знакомая концовка: «и тако бысть конец убитья его».

Заметим кстати, что фигура крещеного литовского князя Войшелка не раз привлекала к себе внимание русских книжников. Так, в Новгороде записали, что Войшелк принял христианство на горе Синайской, где и жил три года; таким образом, здесь не согласились с тем, что православным центром просвещения был не то Холм, не то Владимир-Волынский.[2]

Московский сводчик счел возможным составить о князе Войшелке уже такой текст: «иде в Синайскую гору и крестися и научися грамоте и бысть мних подвижен и многодобродетелен и пребысть тамо десять лет», и далее: «подвизася жестоким и многодобродетельным трудом и по многих трудех в велице старости преставися о господи».[3]

О следующем князе Литвы Шварне Даниловиче владимирский летописец не пожелал сообщить ничего существенного: «Княжащю же по Войшелце Шварнови в Литовьской земли, княжив же лет немного (!) и тако преставися и

---

[1] Там же, стб. 866.
[2] Новгор. I, лет., стр. 284.
[3] ПСРЛ, т. X, стр. 144—145.

положиша тело его во церкви святой богородице близ гроба отня».[1]

Как видим, владимирский летописец с различной степенью полноты использовал Литовскую летопись, сообщавшую о княжениях Миндовга, Тройната, Войшелка и Шварна.

По смерти Шварна Даниловича князем Литвы стал Тройден, при котором Литовское государство продолжало укрепляться. Тройден захватил почти всю Черную Русь и поддерживал союзные отношения с князем Львом Даниловичем. Естественно поэтому, что во Владимирской летописи его жизнеописанию не повезло. Летописец процитировал со своим комментарием лишь начало источника и тут же оборвал его. Текст о Тройдене читался следом за известием о смерти Шварна: «Нача княжити в Литве оканьный и беззаконьный, проклятый и немилостивый Тройден», и автор открыто признается: «его же безаконья не могохом писати срама ради», «так бо бяшеть безаконьник, яко и Антиох Сурский, Ирод Иерслимский и Нерон Римъский и ина многа злеиша того безаконья чиняше, жив же лет 12 и тако преставися безаконьник». Это все, что нашел нужным сообщить владимирский автор, писавший свой труд по смерти Тройдена и державший в руках источник, где число лет княжения его было подсчитано.

Но автор сохранил следующие сведения о братьях Тройдена: «бяхуть же в него братья Борза, Сурьпутий, Лесий, Свелкений, бяхуть же живуще во святомь крещении, сии же живяхуть в любви во крепости и во смиреньи, держаще правую веру крестьяньскую, преизлиха любяще веру и нищая; си же преставишася при животе Тройденове».[2] Эта сентиментальная запись невольно напоминает то, что писалось в Литовской летописи о православном Войшелке и чего не мог не списать ревностный христианин — владимирский книжник.

Ниже мы увидим, однако, что владимирский книжник привлек и местный владимирский материал, который несколько уточняет обстоятельства жизни и смерти праведных братьев Тройдена. Хотя летописец не пожелал сообщить о Тройдене лишних подробностей, нó поскольку Тройден был крупной фигурой тогдашнего политического мира, летописцу пришлось еще несколько раз о нем упомянуть.

Далее, после вставок из основного владимирского источника, сообщавших о смерти князя Василько, о польской войне и о войне с ятвягами, летописец написал: «Тройдену же еще княжащу в Литовьской земли»,— это напоминание стало

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 869.

[2] Там же.

необходимым, так как выше летописец сообщил о его смерти; далее говорилось, что Тройден «живяше со Львом во величе любви, шлючи многи дары межи собою, а с Володимеромь не живяше в любви (величе) про то, оже бяше отець Володимеровь, князь Василко, убил на войнах три браты Тройденови»; правда, спешит оговориться автор, воевали они «не великыми ратми», но «послав пешце татем воеваша».

Не одобряя дружбу Льва Галицкого с литовским князем, враждебным князю владимирскому, автор в дальнейшем изложении привел факты, говорившие против Льва. Случилось так, что Тройден, забыв «любви Львови», отправил отряд городнян и занял город Дорогичин, использовав измену некоего Трида. Лев Данилович, однако, сумел привлечь на помощь татар; те, кроме своих полков во главе с Менгу-Тимуром, дали ему войско князей «заднепровских», князей брянских, смоленских, пинских и туровских. Разумеется, пришлось итти в поход и князю владимирскому, ибо «бяху вси князи в воли татарской». Летописец владимирский вовсе не ставил своей целью подробно описывать этот поход, он лишь сообщил, что в походе князь Лев «лесть учини», пограбив совместно с татарами и в тайне от других князей посад Новогоро́дка, за что «князи мнози вси гневахуся на нь» и возвратились во-сво́яси. Летописец не пожелал даже сообщить, чем же кончился для Льва этот поход; хотя окончился он, видимо, вполне удачно, ибо позднее видим город Дорогичин в руках князя Льва.[1] После небольшой вставки из княжеской летописи о посещении князя Владимира его зятем Олегом Брянским, автор опять вернулся к Тройдену. «Придоша пруси ко Троиденови из своея земли неволею перед немци», и посадил их литовский князь в Городно и Слониме; последний город, как известно, признавал власть владимирского князя. Тогда «Володимер же сдумав со Львом, с братом своим» и отправили они войско и «взяста е», чтобы «не подседали» земли. Далее следует: «Посем же Тройдени послав бра́та своего Сирпутья (это единственный из упомянутых четырех братьев Тройдена, избежавший меча князя Василько Романовича) и воева около Камена», но князь Владимир «противу тому» отнял у Литвы Турийск на Немне.

Характер вышеприведенных известий не позволяет определить, в каком виде читались они в Литовской летописи, но последнее известие о Тройдене, кажется, взято из нее без переделок. Оно отделено от предыдущего двумя вставками основной княжеской летописи: о строительстве князем

---

[1] Там же, стб. 911.

Владимиром города Каменца и о походе князя Льва с татарами Ногая на Черную Русь.

Начинается это сообщение известной уже фразой: «Троидени же еще княжа в литовьской земле» и сообщается, что он «посла рать велику на ляхы и брата своего Сирпутья посла бяху бо и ятвяги тогда и воеваша около Люблина по 3 дни и взяша бещисленое множьство полона и тако придоша с честью великою домовь».[1] Трудно объяснить на основе наших источников, что заставило владимирского автора сделать исключение для этого известия и поместить его в летопись; может быть тому причиной были ухудшившиеся русско-польские отношения.

Мы рассмотрели текст, содержащий краткие жизнеописания литовских князей, и высказали предположение, что источником его является своего рода первая Литовская летопись.

Известно, что древнелитовское государство сложилось в значительной мере на русской территориальной, этнической и культурной основе: русская письменность долгое время господствовала в Литве; Черная Русь с центром в Новогородке явилась сильнейшей опорой формировавшегося литовского государства. Вот почему мы вправе думать, что именно здесь могла возникнуть первая попытка литовского летописания, но поскольку это летописание находилось в руках русских книжников (видимо, одного из монастырей), то понятно, что оно служило целям православной пропаганды. (Вспомним, что литовские божества для автора этого источника — «рекомые бесы»). Иначе мы не сможем найти причин такой отличной осведомленности о главнейших событиях литовской политической истории и такого превосходного знания языческих верований, которые обнаруживаются во Владимирской летописи. Кроме того, отрывок, повествующий о князе Войшелке, указывает довольно ясно, что когда «вниде страх божий в сердце» Войшелка, то он «и крестися ту в Новегородьце»,— трудно выразить яснее место происхождения изучаемого источника.

Думается, что именно с этой «Литовской летописью» можно поставить в связь текст, сохранившийся в так называемом Архивском сборнике о ереси Совия, текст, датируемый 1262 г. В этом тексте сообщалось, что поганская прелесть Совия вошла и «в Литовский род, и Ятвязе, и в Прусы, и в Емь, и во Ливь», и выразилась, между прочим, в том, что они «и ныне мертва телеса своя съжигають на крадах» и приносят жертвы «скверным богомь Андаеви и Перкунови, рекше грому, и Жаворуне, рекше суце, и Телявели къ кузнею, сковав-

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 878.

ше ему солнце, яко светити по земли и възвергъши ему на небо солнце».

Исследователи еще со времен М. А. Оболенского, поставили этот отрывок в связь с текстом Ипатьевской летописи. Полагаем возможным считать этот отрывок связанным с новогородской Литовской летописью.

Кроме того, при нашем толковании литовских известий Владимирской летописи отпадает вопрос о сомнительности чтения текста о ереси Совия, содержащегося в Виленском списке; этот текст читался так: «скажем поганьскыя прелести быти сицево и в Литве нашей». Последний исследователь этого вопроса А. С. Орлов, правильно отвергнув допущение В. М. Истрина о северо-восточном происхождении текста о Совии, высказал предположение, что Архивский хронограф был писан в 1262 г. в Галицко-Волынской Руси, где интересовались литовским язычеством, как это видно по сведениям 1250 г. Галицкой летописи. [1]

Изложенное выше позволяет заключить, что, во-первых, летопись, в которой дошли литовские известия, не галицкая, а владимирская; во-вторых, «интерес» к литовскому язычеству не был отвлеченным, а служил политическим целям утверждения православного христианства в Литве; в-третьих, приведенные нами отрывки с жизнеописаниями литовских князей свидетельствуют, что местом их составления могла быть русская часть Литвы, т. е. Черная Русь, для жителя которой собственно Литва (аукстоте) к этому времени стала Литвой «нашей».

Если из текста изучаемой летописи выделить обличительные антитатарские повести и новогоро́дскую Литовскую летопись, то в оставшемся тексте нетрудно обнаружить придворную княжескую летопись, которая становится особенно подробной в последние годы жизни князя Владимира Васильковича, переходя под конец в нечто близкое житию.

К этой летописи можно отнести известие о вступлении Владимира Васильковича на княжеский стол; [2] сообщение о посещении города Владимира Олегом Брянским, братом жены князя Владимира; в этом сообщении приведены слова тестя владимирского князя Романа Брянского: «Сыну мой Володимеру, не могу от рати своей ехати, се хожю в земли ратной...» и т. д. до слов: «целовавшася и тако поехаша во свояси». [3] Далее к княжеской летописи должно быть отнесено описание строительства князем Владимиром гор. Каменца

---

[1] А. С. Орлов. О галицко-волынском летописании, стр. 26.
[2] ПСРЛ, т. II, стб. 870.
[3] Там же, стб. 874.

на р. Лосне за Берестьем. Этот текст подан в приподнятых тонах, с привлечением отрывков из духовных текстов: «И посем вложи бог во сердце мысль благу князю Володимерови»... и т. д. до слов: «Зане бысть земля камена».[1] Записью княжеского же летописца можно считать известие о голоде у ятвягов, помощи, оказанной им Владимиром Васильковичем, и конфликте с Конрадом Мазовецким в связи с разграблением им зерна, посланного Владимиром ятвягам.[2] Это известие подчеркивало серьезную роль князя Владимира в жизни Судавии и его влияние в Мазовии. К княжеской летописи относится и сообщение о смерти князя Болеслава Краковского, занесенное в текст, видимо, со слов очевидцев, может быть самого князя, ездившего на похороны и знавшего, что князя Болеслава погребли в «церкви святого Франьцишка во городе Кракове».[3]

Серию подобных же записей находим ниже: о море в Польше,[4] о смерти князя Михаила, сына Юрия Львовича,[5] о наводнении у «немцев» (в Голландии);[6] сообщение, возможно полученное от самого Конрада Семовитовича, о победе его над Лешко Казимировичем,[7] о походе Литвы и жмуди на Ригу по разорении жмуди немцами,[8] наконец, сообщение о смерти Лешко Казимировича Краковского.[9] Эти разные известия, занесенные в значительной части во Владимир купцами или послами (например, о наводнении источник сообщения указан так: «начаша поведати»), редактор свел в одно место, отчего, например, сообщение о смерти Лешко Казимировича встречается ниже еще раз, но уже в составе полужитийного текста, сообщающего о последних годах жизни Владимира Васильковича.

Особенно подробно княжеская летопись ведется в последние годы жизни владимирского князя, начиная от слов: «Володимеру же князю больну сущу», за которыми следует семейная хроника и все, что связано с ней. Благодаря такой полноте записей до нас дошло описание порядка передачи своей земли одним князем другому. Владимир известил Мстислава Луцкого о своем желании передать ему свое княжество; Мстислав в ответ бил ему челом; то же сообщил князь Владимир Льву Галицкому и Юрию Холмскому, спра-

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 875—876.
[2] Там же, стб. 879—880.
[3] Там же, стб. 880.
[4] Там же, стб. 895.
[5] Там же.
[6] Там же, стб. 896.
[7] Там же.
[8] Там же, стб. 896—897.
[9] Там же, стб. 897.

шивая, нет ли у них претензий и пр. Лев в ответ признал правомерность действий Владимира Васильковича. Князь Мстислав Данилович, со своей стороны, также известил князя Льва и сына его Юрия о происходящем, и князь Лев вновь признал действия владимирского князя правильными. Все эти факты использованы летописцем не только из любви к полноте описания, но и потому, что приведенный материал служил подтверждением вероломства последующих действий Юрия Львовича и Льва Галицкого.

Летописец тщательно отмечал все речи и действия князя Владимира; так, когда князь, не желая больше иметь дело с татарами, покинул гор. Владимир, оставив в нем наместником епископа Марка,[1] автор описал поездку князя через Любомль и Берестье в Каменец; сообщил о переписке между князьями Владимиром и Мстиславом, в связи с желанием первого оформить завещание; в тексте отмечена роль в этих переговорах епископа Евстигнея и Борки Оловянца. В летописи приведены и духовные грамоты князя Владимира — результат переговоров, составленные писцом Федорцом. Автор описал, как во исполнение «ряда» князь Мстислав прибыл во Владимир, в епископию, где собрал людей, и где епископ Евстигней благословил его на княжение; но, по повелению князя Владимира, лишь по смерти его должен был Мстислав Данилович начать княжение, почему князь Мстислав уехал в свои города — «в Луческ и Дубен и во иныи, их же не псах»,[2] сообщил летописец, видимо имевший в руках документ, перечислявший владения луцкого князя.

Продолжая следить за жизнью Владимира, наш хронист повествует, как князь Владимир уехал из своего замка Рай в Любомль, где развлекался, посылая слуг своих на охоту. Пользуясь удобным случаем, автор вставил здесь похвалу князю: «Бяшеть бо и сам ловечь добр и хоробор»... и т. д. до слов: «за его добро и правду». Похвала растянулась, и для продолжения основного повествования пришлось поставить фразу: «но мы на предлежащее возвратимся».

Ниже подробно описывается передача князем Владимиром своих вассальных прав на Конрада Семовитовича новому князю Мстиславу Луцкому. Князь Конрад Мазовецкий, находясь под рукой Владимира Васильковича и будучи с ним «за одино»,[3] приехал к Владимиру просить поручить Мстиславу Луцкому принять на себя охрану мазовецкого княжения; следует описание переговоров, происходивших в связи с

---

[1] Там же, стб. 899.
[2] Там же, стб. 905.
[3] Там же, стб. 883.

этой процедурой. Интересно, что в это время князь Владимир получил известие о смерти Лешко Краковского и переданном через люблинского посла Яротака приглашении князя Конрада на княжение в Малую Польшу. Однако, поскольку поход Конрада закончился неудачей, летописец не стал описывать детали помощи, оказанной Владимиром Конраду, он даже сообщил, что Владимир не пожелал принять Конрада, прибывшего к нему просить войска; но из дальнейшего видно, что полки владимирского князя под предводительством Дуная, ходили на помощь Конраду. Весь этот эпизод, включая и описание неудачи Конрада, записанный, может быть, со слов того же Дуная, закончен общей оценкой действий польского князя: «взем себе сором велик, лепши бы не жив был».[1] Интересно, что автор не упустил случая упомянуть и Юрия Львовича, также вмешавшегося в польские дела и потерпевшего неудачу под Люблином; он высмеял его устами люблинцев, заявивших: «княже, лихо ездишь, рать с тобой мала».

Ниже в княжой летописи описывались дипломатические переговоры, ведшиеся князем Владимиром в связи с попытками галицкого князя Льва и его сына Юрия получить город Берестье. Сообщалось о посольстве Юрия Львовича к Владимиру с просьбой о пожаловании ему этого города; Владимир не только отказал Юрию Львовичу, но и отправил к Мстиславу в Луцк своего «верного» слугу Ратьшу с приказом ничего не давать холмскому князю. Летописец присутствовал при отправлении Ратьши. Больной Владимир, лежа в постели, говорил: «а ты, рци, не давай ничего же», и взем (Владимир) соломы в руку от постеля своея,— рассказывает летописец,— и рече: «хотя бы ты, рци, брат мой тот вехоть соломы дал и того не давай по моем животе никому же».[2] Не менее тщательно описан приезд к Владимиру посла от князя Льва Галицкого — епископа перемышльского Мемнона. Посол передал о желании князя Льва получить Берестье, намекая, что доход от того города пойдет якобы на помин души князя Даниила Романовича, дяди Владимира Васильковича. «Правя» свое «посольство», епископ Мемнон сказал об этом так: «Стрый твой Данило король, а мой отець, лежить в Холме у святой богородици; а сынове его, брата моя и твоя Роман и Шварно, и всих кости туто лежать. А ныне, брате, слышим твою немочь великую, а бы ты, брат мой, не изгасил свече под гробом стрыа своего и братьи

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 911.
[2] Там же, стб. 912.

своей, а бы дал город свой Берестий. То бы твоя свеща была».

Эти тексты, по мнению летописца, должны были подчеркнуть коварство Льва и Юрия, пытавшихся понудить Владимира Васильковича «двоить речью» и обмануть Мстислава Луцкого. Но Владимир не зря «бысть книжник велик и философ, акого же не бысть во всей земли, ни по немь не будеть». Он быстро понял суть этого коварного предложения, и гневный ответ его послу летописец и привел, сохраняя экспрессию речи старого, больного князя: «Брате, рци, Льве княже, и ци без ума мя творишь, оже бых не разумел сей хитрости; ци мало ти, рци, своя земля, оже Берестья хочешь. А сам,— горячась продолжал князь,— держа княжения три,— Галичкое, Перемышльское, Бельзьское, да нету ти сыти! А се пак мой, рци, отець, а твой стрый лежить во епископии у святой богородици в Володимере, а много ль если над нимь свечь поставил, что есть дал который город, а бы то свеча была. Оже, рци, просил еси живым,— намекнул князь на посольство от Юрия Львовича,— а уже пак мертвым просиши. Не дам не,— рек — города, но ни села не возьмешь у мене. Разумею я твою хитрость. Не дам!» [1]

Тот же летописец оставил особое сказание о смерти князя Владимира. За киноварным заголовком: «Князю же Володимеру Васильковичу великому лежащу в болести четыре лет[а]. Болезнь же его си скажемь», следует весьма реалистическое описание болезни князя; кроме того, сообщается о «добрых делах» его — раздаче убогим своего имущества (золота, серебра, скота); затем вновь следует обширная похвала и далее после слов: «но мы на предлежащее возвратимся» описываются последние дни князя и его вполне «праведная» смерть. [2] Инициатор этого описания может быть обнаружен из фразы, обращенной к Владимиру Васильковичу: «Ты же и церкви многи христовы поставль и служителя его ввел»; [3] таким «служителем» был, как известно, Евстигней, упомянутый в летописи в качестве лица, весьма близкого князю Владимиру.

Находим в летописи и описание перенесения тела Владимира в город Владимир, церемоний и обрядов, связанных с его кончиной, и новые похвалы ему. В основу этих описаний положена готовая литературная форма, но подстановка имен позволяет думать, что человек, писавший похвалы Владимиру Васильковичу, встал в не менее близкие отношения к его

[1] Там же, стб. 914.
[2] Там же, стб. 916—918.
[3] Там же, стб. 916.

преемнику на владимирском столе. Хваля добродетели покойного князя, летописец не забыл помянуть и князя здравствующего: «добр зело послух брат твой Мьстиславь, его же сотвори господь наместника по тобе», и т. д.[1]

Можно догадаться, что нижеследующее описание строительной деятельности Владимира Васильковича служило откликом на события современности уже в княжение Мстислава Даниловича, у которого Юрий Львович, вопреки всем договорам, захватил города Берестье, Каменец и Бельск. Поэтому мы читаем своего рода дополнение к жизнеописанию князя Владимира, где говорится, что он «многы городы зруби», так он «по отци своем зруби Берестий» и поставил в нем каменный столб;[2] построил город Каменец и в нем столб-башню; соорудил князь четыре церкви (в Берестье, Каменце, Бельске и Любомле).

Кроме того, в летописи ясно подчеркнута выдающаяся роль города Владимира и его князя в насаждении православия во всей юго-западной Руси: князь не только свои церкви снабдил «книгами»,[3] для чего приказал покупать[4] и списывать их; он не только велел расписать стены в церкви св. Дмитрия во Владимире и для ее убранства «сосуды служебные серебряные скова»;[5] но он «сам списавь» ряд «апостолов», одни из которых передал в княжеский монастырь св. Апостолов под Владимиром. Князь «сам списал» также евангелие, отправив его в перемышльскую епископию; посылал он евангелия также в епископии черниговскую и луцкую.

Из сказанного ясно видно, что если в летописи князя Даниила Романовича центр Руси считался перемещенным в юго-западную Русь во главе с городом Холмом, то в изучаемой летописи Владимира Васильковича проведена мысль, что теперь центром церковного благочиния является город Владимир-Волынский, снабжающий духовной литературой соседние епископии. То, как Владимир-Волынский изображался, вопреки всякой очевидности, и крупным политическим центром, мы уже видели выше. Не случайно летописец записал такой текст: «граду твоему, иже всякою красотою украси: златом и сребром и каменьем драгим и сосуды честными, яже церкви дивна и славна всем окружным странам, яко же ина не обрящеться во всей полунощии земли

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 920—922, ср. стб. 610; см. А. А. Шахматов. Исследование о Радзивиловской летописи, стр. 74.
[2] Там же, стб. 927.
[3] Там же, стб. 925.
[4] Там же, стб. 926.
[5] Там же, стб. 925.

от востока и до запада и славный город твой Володимирь величеством аки венчемь обложен, преда люди твои и город святей, славней и скорей на помощь хрестяном».[1]

Использование при этом автором Владимирской летописи формы киевского литературного источника лишь подчеркивает его полную уверенность в том, что теперь достоинства старого стольного города перешли на новый стольный град; притом и форма не взята автором слепо, без раздумий, а переработана, применительно к текущим политическим задачам, в нее добавлено немало своего, нового, отвечающего интересам момента.

Можно допустить, между прочим, что местные правящие круги даже подумывали о канонизации Владимира Васильковича, ибо после фразы: «Туто ж положем конець Володимерову княжению» следовало описание чудесного сохранения тела князя нетленным. Он, оказывается, пролежал в гробу с апреля до декабря, но когда, по просьбе жены его Ольги, в присутствии епископа Евстигнея был открыт гроб его, то «видеша тело его цело бело и благоухание от гроба бысть».[2] Может быть поэтому автор и использовал выше форму похвалы Илариона Владимиру I. На этом, однако, оканчивается повествование, связанное с именем князя Владимира Васильковича, и тот же автор кладет «начало княжения великого князя Мстислава в Володимере».[3] Но прежде чем рассмотреть сохранившийся отрывок придворной летописи Мстислава Даниловича, считаем нужным отметить еще некоторые детали состава княжой летописи Владимира Васильковича.

В этой летописи можно выделить две записи — повествующие о доблести воинских слуг княжеских. Одна о боевых делах воеводы берестейского Тита, который был «везде словый мужьством на ратех и на ловех» и успешно отбил набег поляков,[4] — эта воинская повесть четко выделяется переходной фразой: «мы же на прежняя возвратимся». Другая воинская повесть посвящена «любимому слуге» князя — «сыну боярскому» Раху Михайловичу, погибшему во время польского похода; после слов «убийство же его сице скажемь» летописец описывает его гибель, считая, что Рах и бывшие с ним «створиста дело достойно памяти».[5]

Кроме того, в летописи находим повести, связанные с походами на Польшу и на Литву; в них также господствует

---

[1] Там же, стб. 922—923.
[2] Там же, стб. 927.
[3] Там же, стб. 927—928.
[4] Там же, стб. 890.
[5] Там же, стб. 887.

отмеченное нами смешение перспективы, ибо главным деятелем выставлен князь Владимир.[1]

Приходилось отмечать враждебное отношение владимирского князя к походам на Польшу и Литву, организованным Львом Галицким с помощью татар. Пример этому находим и в следующем известии: «Присла оканьний и безаконьний Ногай послы своя с грамотами»; затем следует перечень послов, списанный, вероятно, с грамоты татарской. В грамоте говорилось: «всегда ми жалуете на Литву, осе же вам дал есмь рать и воеводу с ними Мамъшея, поидете же с ним на вороги свое». По этому распоряжению в поход отправились князья Мстислав, Владимир и от князя Льва Юрий Львович. Так как татары шли впереди и пограбили окрестности Новогородка, русские князья двинулись к Городну. Но, по словам летописца, князья Мстислав и Юрий «утаившеся Володимера», предприняли набег на Волковыйск, но потерпели поражение; естественно, что «печална быста о сем велми Мьстиславь и Юрьи за свое безумье, а Володимерови (не любо) бысть на нею». Правда, великодушный князь Владимир помог незадачливым своим союзникам вернуть пленных, но поход по их вине не принес участникам выгод.[2] Так как параллельных текстов у нас нет, то проверить достоверность этой истории не представляется возможным.

Как относился владимирский князь к широкой польской политике князя Льва, видно из описания попытки галицкого князя по смерти Болеслава утвердиться на краковском столе или хотя бы занять «города на Въкраини», т. е. западные земли за р. Вепрь. В этом случае Лев вновь прибегнул к татарской помощи: он поехал к «оканьному проклятому» Ногаю «помочи собе прося». Ногай дал ему помощь, приказав, видимо, остальным юго-западным князьям следовать со Львом.

Во Владимирской летописи перечислены имена татарских воевод; мы узнаем из нее также, что князь Лев «рад поиде с татары»; напротив того, Мстислав, Владимир и сын последнего Даниил пошли «неволею Татарьскою». Войска направились к Сандомиру, оттуда Лев «с гордостью великою» решил наступать на Краков. Благоразумный Владимир Василькович, который, «назаде стоя», не одобрил этого и, разорив богатый польский «осек» в лесу, должно быть вернулся домой. Князь

---

[1] Уцелевшие в тексте фразы: «умиришася с ляхы с Болеславом князем» (ПСРЛ, т. II, стб. 870) и «про то не иде сам, заратил бо ся бяше со ятвязи» (там же, стб. 870—871), считаем следами неловкой авторской правки.

[2] ПСРЛ, т. II, стб. 878.

Лев, «якоже переде писахом», двинулся к Кракову, но потерпел поражение «и тако возвратися... назад с великым бещестьем»; [1] далее говорилось, что князь Лешко Черный Краковский пограбил город князя Льва Переворееск.

Ниже следовал поучительный пример участия в польских делах самого князя Владимира Васильковича. Когда поссорились между собой два брата Семо́витовичи — союзник Владимира Конрад и союзник Лешко Краковского Болеслав,— то второй не только разорил у первого гор. Ездов, но учинил ему «соромоту велику». Конрад обратился за помощью к владимирскому князю, который «сжаливси и расплакався», а затем отправил свои полки на помощь пострадавшему; в этом походе участвовали, впрочем, и силы Юрия Львовича Холмского. Поход прошел успешно, русско-польские войска разорили город Гостиный, «милое место», как сообщил очевидец похода летописцу, и, таким образом, князь Конрад «сложив с себе соромоту помочью брата своего Володимера...» [2]

Что касается Болеслава Семовитовича, то он, «гордяся своим безумьем», пытался дважды нападать на Русь, но благодаря войскам владимирского князя и «верной» ему Литвы («Володимере, добрый княже, правдивый, можем за тя головы свое сложити, коли ти любо осе есмы готовы») эти набеги кончились неудачей. [3] Достойно внимания, что воевода Оловянец, [4] выше отмеченный нами как человек близкий к князю и епископу Евстигнею, упомянут среди руководителей одного из польских походов; это позволяет с некоторой долей вероятности говорить о нем как о лице, доставившем летописцу сведения, относящиеся к польскому походу.

Подведем некоторые итоги.

В составе юго-западной летописи удается установить, путем внутреннего анализа текста, княжеский летописный свод владимирского князя Владимира Васильковича. Свод этот был закончен вскоре после его смерти, т. е. около 1290 г.

Из источников этой летописи можно выделить следующие: а) придворную княжескую летопись, ведшуюся духовным лицом, близким епископу владимирскому Евстигнею; б) Новогородскую летопись о литовских князьях (Литовскую летопись); в) обличительные антитатарские повести; г) героические повести (о Рахе Михайловиче и Тите Берестьян-

---

[1] Там же, стб. 882.
[2] Там же, стб. 886.
[3] Там же, стб. 888—890. 891.
[4] Там же, стб. 889.

ском); д) описания походов на Польшу и Литву, составленные духовным лицом на основании свидетельств очевидцев (предположительно, воевод владимирских Дуная и Борки Оловянца); е) документы княжеского архива (русские, татарские и польские грамоты); ж) духовная литература.

Из содержания изучаемого свода летописи можно заключить, что целью его составителей было: а) восхваление правительственной и церковно-просветительной деятельности князя Владимира Васильковича, в связи с чем свод обнаруживает открыто враждебное отношение к крупнейшему князю юго-западной Руси Льву Даниловичу Галицкому, особенно резко осуждая его татарскую политику; б) обоснование мысли, что центр владимирской епископии — город Владимир-Волынский — являлся основным православным центром просвещения для всей юго-западной Руси.

7. Некоторые замечания о летописании времен князя Мстислава Даниловича

Поскольку от времени княжения Мстислава Даниловича Владимирская летопись дошла до нас лишь в небольшом отрывке, то понятно, что и суждения о характере ее могут быть лишь предположительными.

Выше отмечалось, что летописец, трудившийся над завершением княжеской летописи Владимира Васильковича, несомненно находился в близких отношениях и с его преемником. Поэтому, естественно, что после киноварного заголовка: «Начало княжения великого князя Мстислава в Володимире»,[1] следует текст княжеской летописи, составленный тем же духовным лицом. Текст этой летописи, как и летописи Владимира Васильковича, пострадал от последующей переработки, но конструктивно напоминает предшествующий материал. В основе его лежит придворная княжеская летопись; ее началом нужно считать известие о вокняжении Мстислава Даниловича: «Князь же Мьстислав седе на столе брата своего Володимера на самый великь день, месяца априля в і͂ день, и нача княжити по брате своемь правдолюбием святяся ко всей братии своей» и т. д. до слов: «а семо по Ляхы и по Литву».[2]

В настоящем своем виде княжеская летопись начинается весьма сдержанным упоминанием о том, что князь Мстислав не поспел во Владимир на похороны своего двоюродного

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 928.
[2] Там же, стб. 932—933.

брата, но, прибыв позднее, плакал над его гробом. Затем сообщается, что князь Мстислав, «утолив же ся от плача», приступил к делам управления. И здесь говорится о том, что князь Юрий Львович, вопреки всем обязательствам отца его, отмеченным выше, захватил своими «засадами» города Берестье, Каменец и Бельск, т. е. именно те города, о материальном и духовном внимании к которым князя Владимира Васильковича повествовал летописец. И в этой летописи четко выступает враждебное отношение ее автора к Юрию Львовичу, совершившему незаконный акт «по совету безумных своих бояр молодых и коромольников берестьян».[1] Что берестьяне, тесно связанные с торговой линией Львов — Дорогичин — Торунь, поддерживали князя Юрия Львовича, видно, впрочем, и из того, что «началнице коромоле» бежали позднее в Дорогичин.

Князь Мстислав Данилович объединил значительную часть Волыни, и политика его в отношении и татар и князя Льва Галицкого существенно отличалась от политики его предшественника. Во всяком случае, пригрозив князьям Льву Галицкому и сыну его Юрию обращением за помощью к татарам, князь Мстислав Данилович вернул свои владения: Лев Данилович «убявся того велми», ибо ему еще «не сошла оскомина Телебужины рати»; по приказу отца Юрий Львович «с великим соромомь»[2] должен был очистить захваченные города. Любопытно, что летописец, прежде осуждавший Льва Галицкого за связи с татарами, теперь от души одобряет аналогичные шаги своего князя, считая, что он так поступает потому, что «легосерд». В связи с подчинением Берестья и наказанием его жителей новой повинностью в пользу князя, в летопись попала уставная грамота князя Мстислава; придворный автор включил ее в свой труд, подчеркнув тем самым его официальный характер: «а вопсал есмь в летописець коромолу их»[3] — заявил он по этому поводу.

Текст «княжой» летописи далее прерывается двумя вставками — о вокняжении Мстислава, упомянутом не на месте, и о передаче Мстиславу города Волковыйска литовскими князьями «абы с ними мир держал».[4] Далее следует основной текст, говорящий о прибытии князя из Берестья во Владимир. Ниже сообщается о приезде Конрада Семовитовича, о помощи, оказанной ему Мстиславом, благодаря чему «седе

---

[1] Там же, стб. 928.
[2] Там же, стб. 931.
[3] Там же, стб. 932.
[4] Там же, стб. 933.

Конрат князь в Судомире княземь Мьстиславом, сыном королевым и его помощью».[1]

Перемену в отношении нового владимирского князя ко Льву Галицкому можно усмотреть из следующих фактов. Летописец, например, счел нужным сообщить, что «Лев князь, брат Мстиславль, сын королев, внук Романов» успешно действовал в Польше, помогая Болеславу Семовитовичу против Генриха IV Вроцлавского. Летописец даже поместил похвалу галицкому князю: «бысть Лев князь думен («мудрий» — Х) и хоробор и крепок на рати, не мало бо́ показа мужества во многих ратех». Видимо, в походе Льва участвовал кто-либо из владимирцев, доставивший сведения об этом походе. По этим сведениям выходило, что хотя князь Лев «у города же у Кракова не успеша ничтоже», но победно воевал в другом месте и заключил союз с чешским королем Вацлавом II, а потому «поиде... во свояси с честью великою...»[2] Но благожелательные князю Льву записи не позволяют все же говорить о наличии здесь остатков летописи князя Льва, само определение Льва — «брат Мстиславль» — противоречит подобному предположению.

После вставки о польских делах, в которых владимирский князь был заинтересован, поддерживая Конрада Семовитовича, следует текущая запись княжой летописи: о создании Мстиславом гробницы над прахом «бабы» (т. е. бабки) своей «Романовой», видимо Анны, жены Романа Мстиславича, и о строительстве каменного столба в Черторийске.[3]

Поскольку границы владимирского княжения при Мстиславе Даниловиче продвинулись далеко на восток, в летописи вновь появились, исчезнувшие по смерти князя Даниила Романовича, известия о пинских, а также и степанских князьях. На этих известиях и обрывается летопись князя Мстислава Даниловича.

Из приведенного выше можно заключить, что внешнеполитические горизонты владимирского летописания, продолжавшего оставаться княжеским, стали значительно шире. Среди источников этого летописания можно выделить придворную княжескую летопись, документы княжеского архива, сообщения очевидцев о военных и дипломатических мероприятиях, затрагивавших интересы Волыни.

Нужно заметить, что хотя летописный текст носит явные следы перегруппировки как следствия возможной попытки составить последовательное изложение из ряда разнохарак-

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 933.
[2] Там же, стб. 937.
[3] Там же, стб. 938.

терных текстов, в нем не удается обнаружить редакторской деятельности летописцев Льва Даниловича или сына его князя Юрия. Поэтому предположение М. Д. Приселкова о том, что в составе Ипатьевской летописи до нас дошли остатки свода начала XIV в., предназначенного доказать права князей Льва или Юрия[1] на получение от Византии самостоятельной митрополии, не находит подкрепления в исследованном материале, стремящемся подчеркнуть приоритет владимирского княжения и его епископии во всей юго-западной Руси.

Что касается князя Льва, то следы специального внимания летописца к его деятельности можно обнаружить, как мы видели, лишь в более раннем, холмском летописании.

---

[1] М. Д. Приселков. История русского летописания, стр. 55—57. Ср. История летописания Западной Украины и Белоруссии, стр. 16.

ОЧЕРК ИСТОРИИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ

1. Социально-экономические отношения в юго-западной Руси

Древнерусское киевское государство распалось на множество самостоятельных феодальных «полугосударств» потому, что Киев не мог удовлетворить новые потребности, не был в состоянии содействовать росту отдельных княжеств. Требуя с этих княжеств дань и людей, Киев задерживал их рост. В новгородской, полоцкой, галицкой, волынской и других землях сложилась феодальная экономика; киевские дружинники и местная знать, давно перешедшие от сбора дани с подвластного крестьянского населения к захвату крестьянских общинных земель, построили в этих землях свои замки-крепости, принудили работать на себя значительную часть прежде свободного крестьянства, т. е. стали феодалами. Чтобы сделать это принуждение постоянным и относительно прочным, они создали на местах свой государственный аппарат (управление, армия, суд, тюрьмы и т. п.), способный осуществлять власть над народом — с одной стороны, и защищать захваченные феодалами земли от внешних врагов — с другой.

В новых условиях Киев, который сам оскудел «от рати и от продажь», не имел необходимых экономических и военных сил, чтобы помочь множившимся и крепнувшим феодалам держать в узде подчиненное им крестьянство. Не имел он средств удержать и самих этих феодалов в повиновении своей власти. Крестьянские и городские восстания 1024, 1068—1071, 1113 гг., направленные против «творимых вир» и «продаж», а равно же учащавшиеся феодальные войны — ясное тому свидетельство.

Попытки класса землевладельцев разрешить внутри- и внешнеполитические затруднения путем организации феодальных съездов не имели успеха. Отдельные земли высвободились из-под власти Киева, местная знать провозгласила самостоятельность «своих» князей. Князья таких вновь воз-

никших княжеств проводили свою политику, теснее связывая свои интересы с местной знатью, стремясь увеличить земельные владения путем захвата соседних земель (в том числе земель соседних русских князей) и повысить их доходность за счет феодального угнетения крестьян-смердов.

Государственный строй приобрел расчлененную форму, типичную для европейских государств изучаемого периода. Реальная государственная власть перешла к феодальному сословию отдельных «полугосударств»; правители крупнейших из них (размерами не уступавших иным западноевропейским государствам), с течением времени, все настойчивее выступают претендентами на объединение Руси на новой феодальной основе, объявляя себя «великими князьями» всей Руси, стремясь использовать в своих целях и захват киевского «великого княжения».

В новой структуре государственной организации общерусская власть «великого князя» Киевского свелась к минимуму: о ней вспоминали (вплоть до татаро-монгольского разорения) лишь при решении некоторых дел, интересовавших правителей большинства «полугосударств» (охрана южных торговых путей, оборона от степняков-кочевников, вопросы церковного управления, некоторые общерусские дипломатические вопросы и т. п.).

Из источников мы видим, что господствующий класс крупных землевладельцев — князья, бояре, духовные феодалы — прочно обосновались на народной земле.

«Во всех странах Европы,— отмечает К. Маркс,— феодальное производство характеризуется разделением земли между возможно большим количеством леннозависимых крестьян. Могущество феодальных господ, как и всяких вообще суверенов, определялось не размерами их ренты, а числом их подданных, а это последнее зависит от числа крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство».[1] То же было и на Руси. Понятно, что в этих условиях первостепенное значение, и экономическое и политическое, получала земельная собственность, т. е. прежде всего земля, обрабатываемая крестьянами; особую важность поэтому приобретала борьба за эту землю и за крестьян.

В XII—XIII вв. земля энергично осваивалась князьями и феодальной знатью. Этот период характеризуется бурным ростом крупного землевладения. Бояре «грабят землю», о чем сообщают княжеские летописи Галича, Владимира-на-Клязьме, Киева и Великого Новгорода; от бояр не отстают и князья, которые были не только носителями верховной власти, но и собственниками своих доменов — имений, и в

---

[1] К. Маркс. Капитал, Госполитиздат, 1949, т. I, стр. 722.

отношении к своей домениальной земле и сидящему на ней населению ничем принципиально от бояр не отличались.

Но князь имел прерогативу и верховного сюзерена государственной территории, с той поры еще, как освоил ее своими мужами, полюдьем, данями и, наконец, «вирами» и «продажами». Никем не занятая земля считалась собственностью государства, и занятие ее кем-либо требовало пожалования. Великий князь, действительно, был главой земли: ему принадлежала вся полнота государственной власти: власть управления и суда, власть законодательная, военная и даже церковная. Ему принадлежало право сбора налогов и распоряжения казной.

Князья стали владельцами крупных доменов, оставив в этом отношении далеко позади первых киевских князей. Об этом, хотя и редко, но вполне определенно, свидетельствуют летописи. Так, например, князю галицкому Владимирку принадлежал «двор» под Перемышлем, и «ту бе товар в нем мног», почему на него-то в первую очередь «наринуша» венгерские захватчики.[1] Что собою представляли княжеские «дворы», мы знаем по данным летописей, относящимся, правда, к другим княжениям. В начале XII в. черниговские князья Игорь и Святослав Ольговичи (дружинник их отца Олега Святославича участвовал в составлении «Правды» Владимира Мономаха) предстают в источниках как крупные феодалы: только в одном «добре» устроенном «сельце» князя Игоря мы видим княжеский «двор» и «бе же ту готовизны много, в бретьяничах (амбарах) и в погребех вина и медове»; здесь же много «тяжкого товара всякого», железа и меди; на княжеском гумне сложено 900 стогов хлеба.[2]

Еще более богат двор князя Святослава в Путивле: здесь и «скотнице, и бретьянице, и товар»; в погребах, например, оказалось 500 берковцев меду и 80 корчаг вина. Известно нам и чьим трудом созданы эти богатства: во время набега на Путивль противник захватил здесь 700 человек зависимых от князя крестьян и холопов («челяди»). Наличие значительных запасов железа и меди свидетельствует о развитии местного княжеского ремесла.

То же видим во Владимиро-Суздальской Руси, где после измены княжеской дружины — «милостьников» — и убийства князя Андрея Боголюбского его «дворяне» «разграбиша дом княж и делатели, иже бяху пришли к делу: злато и сребро, порты и паволокы, и именье ему же не бы числа»;[3] о земельных владениях этого князя может дать представление размер

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 449.
[2] Там же, стб. 333.
[3] ПСРЛ, т. I, в. 2, стб. 369.

пожалования, сделанного им владимирской патрональной церкви; князь «дая» ей «много имения и слободы купленыя, и с даньми, и села лепшая».[1]

В Галицко-Волынской Руси крупные княжеские домены производили в изобилии все необходимые сельскохозяйственные продукты. Например, когда князь Михаил Всеволодович Черниговский временно обосновался во владениях галицко-волынских князей, то Даниил Романович предоставил ему «ходити по земле своей», дав «пшенице много, и меду, и говяд, и овець доволе».[2]

Основным продуктом сельскохозяйственного производства был хлеб. В юго-западной Руси господствовало интенсивное пашенное земледелие. Ценный материал по этому вопросу находим в раскопках Райковецкого городища, входившего в район болоховских земель и уничтоженного войсками князя Даниила (50-е годы XIII в.). Раскопки открывают картину жизни и гибели этого городища.[3] Мы видим полный ассортимент сельскохозяйственных орудий: лемехи разных типов, серпы, косы; находим здесь большое разнообразие хлебных злаков: просо, пшено, рожь, овес, коноплю, горох; встречаем различных домашних животных: коров, лошадей, свиней, овец, собак; домашних птиц: кур, гусей.

Татаро-монголы, разорив Киевщину и двинувшись через юго-западную Русь в глубь Европы, решили именно в этих краях создать одну из своих баз снабжения хлебом. Для этого они вступили в соглашение с местным болоховским мелким «княжьем» и боярством: «оставили бо их татарове, да им орють пшеницю и проса».[4]

Скотом юго-западная Русь была богаче северной; кроме того, она могла приобретать скот у кочевников. Князья владели многочисленными стадами, например в летописи под 1087 г. упомянуты стада («скот») князя Ярополка Изяславича Волынского;[5] князь Василько Романович во время похода по земле белзской и червенской захватил «многи плены, стада коньска и кобылья».[6] Князь Владимир Василькович после татарского разорения «стада рóздая убогымь людемь».[7]

Холмский летописный свод, составленный после успешного

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 491.

[2] Там же, стб. 783.

[3] См. статью Ф. Н. Молчановского в журнале «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1934, № 5, стр. 83 и др.; равно см. более подробную работу того же автора в журнале «Наукові записки Інст. історії матер. культуры», кн. 5—6, ВУАН, К., 1935, стр. 125—172.

[4] ПСРЛ, т. II, стб. 792.

[5] Там же, стб. 198.

[6] Там же, стб. 746.

[7] Там же, стб. 914.

для великокняжеской власти окончания феодальной войны, содержит и некоторый материал, характеризующий положение великого князя как государя.

Великий князь владел замками, таковы города-замки Даниила Романовича — Холм, Данилов, Угровск и др., Владимира Васильковича — Любомль, Рай,[1] Мстислава Даниловича — Гай[2] и т. п. Естественно, что князь располагал обширным штатом «слуг дворных», сопровождавших князя при дальних поездках[3] и несущих службу по замку; из числа таких слуг летописью упомянуты: дядька,[4] кормилица,[5] придворный поп.[6]

Великий князь имел и обширный государственный аппарат, отдельные сотрудники которого, согласно данным летописи, выполняли ответственные военно-административные поручения; из числа лиц, занятых в этом аппарате, летопись сохранила материал о дворском (дворецком), печатнике (канцлере), стольнике, седельничем, а также о назначавшихся князем в крупные города тысяцких,[7] воеводах,[8] и в мелкие города — тиунах.[9] Аппарат был достаточно разветвлен и организован, ибо князь Лев Данилович нашел средства и возможности подсчитать, сколько погибло в его княжестве народа от татарских войск, прошедших через Галичину, и сосчитал довольно точно, судя по летописной цифре — 12 000 человек.[10]

Князь являлся верховным собственником государственной территории: Мстислав Луцкий говорил Владимиру Васильковичу: «Господине, брате, земля божья и твоя и городы твои».[11] Князь поэтому имел право распоряжаться всею землею как государь, в частности завещать ее по установленной юридической форме,[12] кому пожелает, даже минуя родных сыновей: Лев Данилович заявлял своему сыну Юрию с угрозой: «По своемь животе даю землю свою всю брату своему Мьстиславу, а тобе не дам, оже не слушаешь отца своего»;[13] Мстислав Немой завещал свое княжество князю Даниилу;[14]

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 901.
[2] Там же, стб. 908.
[3] Там же, стб. 899, ср. стб. 919
[4] Там же, стб. 718.
[5] Там же, стб. 719.
[6] Там же.
[7] Там же, стб. 748, 793.
[8] Там же, стб. 782, 765.
[9] Там же, стб. 838.
[10] Там же, стб. 895.
[11] Там же, стб. 900.
[12] Там же, стб. 898.
[13] Там же, стб. 931.
[14] Там же, стб. 750.

Мстислав Удалой якобы хотел «поручити дом свой и дети в руце Даниила» [1] и т. п.

Для князя вся земля «отчина», а Галичина поэтому «полуотчина»; [2] и княгиня Анна говорила, что Александр Белзский «всю землю нашу и отчину држьт». [3]

На бояр и других князей юго-западной Руси великий князь смотрел как на своих слуг, мало при этом отличая вотчину от феода или бенефиция; с другой стороны, боярство и мелкое «княжье» стремились рассматривать свои «держания» как «отечествия», [4] и на практике многие боярские держания стали наследственными, превратились в вотчины. Когда же встал вопрос о пересмотре прав их владельцев, о новом «уставлении» земли, то боярство с оружием в руках яростно отстаивало свои «отечествия».

По определению летописца, все бояре и мелкие князья «служат» великому князю и «держат» полученные от него города и волости. Так, заняв Галич, князь Даниил «разда (т. е. пожаловал) городы боярам и воеводам и бяше корма у них много»; [5] получавшие земли в держание именовались «держателями» [6] и обязаны были великому князю службой: «служащие же князи (князю) Данилови и людье (князя) Василькови». [7] Среди «служащих князей» находим Глеба Волковыйского, Изяслава Свислочского, [8] прибывших после татаро-монгольского нашествия неместных князей — Константина Рязанского (служил Ростиславу Михайловичу), [9] его сына Остафия Констаниновича (служил Миндовгу); [10] находим здесь черниговских бояр, которым давал «волости» севший княжить в Галичине боярин Доброслав; [11] видим боярина-воеводу Андрея Путивлича (служил князю Льву); [12] у Владимира Васильковича «служащими князьями» были Василько Слонимский, [13], Юрий Пороский, [14] польский князь Конрад

---

[1] Там же, стб. 752.
[2] Там же, стб. 806.
[3] Там же, стб. 721.
[4] Там же, стб. 724.— Та же тенденция наблюдалась и в северо-восточной Руси, где «кийждо бо от боляр в уме своем дръжаше, яко сам хощет самодержец быти». См. «Повесть о Петре и Февронии», изд. М. О. Скрипиль. Труды Отдела древнерусской лит-ры, Институт литературы АН СССР, т. VII, М.— Л., 1949, стр. 239.
[5] Там же, стб. 771.
[6] Там же, стб. 788.
[7] Там же, стб. 839.
[8] Там же, стб. 831.
[9] Там же, стб. 793.
[10] Там же, стб. 855.
[11] Там же, стб. 789.
[12] Там же, стб. 870.
[13] Там же, стб. 884.
[14] Там же, стб. 930.

Мазовецкий; [1] по утверждению (впрочем, ненадежному) летописца, для Войшелка, князя литовского, Василько Романович был «господином». [2]

Служба носила феодальный характер, как и во всей тогдашней Европе. Прежде всего — это была обязанность участвовать в военных мероприятиях сюзерена. Все упоминания «служащих князей» в нашем источнике связаны с несением ими военной службы сюзерену: например, Василько Слонимский поспешил из польского похода принести своему «господину» князю Владимиру «весь годну» и добычу. [3] Очевидно, вассал всегда посылал часть добычи сюзерену: князь Василько во время литовского похода торопился отправить «сайгат» Даниилу Романовичу, [4] а став татаро-монгольским вассалом, сделал то же по отношению к Бурундаю. [5]

Прижизненная передача князем-сюзереном своему преемнику по столу прав на вассала оформлялась установленной процедурой, которая была тем торжественнее, чем важнее был объект передачи; летопись сохранила описание передачи князем Владимиром Васильковичем своих прав сюзерена в отношении Конрада Мазовецкого луцкому князю Мстиславу. [6] Установление вассальной зависимости на Руси сопровождалось инвеститурой — вручением меча в золотых ножнах; об этом ясно свидетельствуют миниатюры. [7]

Формально сюзерен мог в любой момент лишить вассала его «держания»: галицкие бояре склоняли Мстислава Удалого дать Галич не князю Даниилу, а венгерскому королевичу Андрею, не имевшему связей с горожанами; их довод был «аже даси королевичю, когда восхощеши, можеши взяти под нимь, даси ли Данилови, в векы не твой будет Галичь»; [8] и Мстислав согласился с боярами. Или, князь Юрий Львович держал часть территории Западной Волыни, который «бы ему дал» отец; позднее князь Лев «отнимал» у Юрия одни города, «веля быти» ему в других. [9]

Кстати, факт вассальной службы венгерского королевича русскому князю, свидетельствующий о единообразии феодальных институтов стран Европы, вовсе не исключение: сандо-

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 906.
[2] Там же, стб. 863.
[3] Там же, стб. 886.
[4] Там же, стб. 857.
[5] Там же, стб. 847.
[6] Там же, стб. 806.
[7] А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры, стр. 34—35.
[8] ПСРЛ, т. II, стб. 750.
[9] Там же, стб. 911.

мирский воевода Пакослав, сын Лассота,[1] служил при владимирском дворе;[2] с другой стороны, галицкий боярин Володислав («Ladislao Rutheno») получил в пожалование от венгерского короля Андрея II виноградники («vineas»);[3] князь Ростислав Михайлович стал баном в Венгрии и т. п. Наконец, служили юго-западным князьям и половцы как до татаро-монгольского нашествия, так и после него.[4]

При переходе юго-западной Руси под власть татаро-монголов все феодальные институты остались неизменными, с той лишь разницей, что князья русские должны были считать татаро-монгольского хана «в отня место» и сносить со стороны ханов наименование «дети наше».[5] Понятно, что все акты государственного значения также должны были совершаться либо при «царех», либо при их «рядцах»,[6] не говоря уже о том, что сами князья, став татарскими вассалами, были обязаны платить им «татарщину»[7] (по-московски «выход») и по требованию ханов служить им своими вооруженными силами;[8] все эти обязательства тяжелым бременем пали на народ.

Добавим, наконец, что обычной государственной прерогативой великокняжеской власти являлось право внешнеполитических сношений с главами других феодальных государств, русских и иноземных. Этой цели служил специально оформленный посольский церемониал.[9] Поэтому, когда однажды старый княжеский боярин Мирослав, будучи воеводой во Владимире, заключил мир с венгерским королем Андреем II «без совета княжя», летописец объяснил этот факт тем, что воевода «смутися, умом».[10] Кроме других государственных

---

[1] Там же, стб. 730—731. «Лестько же посла посла своего Лесътича и Пакослава».— А. В. Лонгинов. Родственные отношения русских князей с венгерским королевским домом (Труды Виленск. предварит. комитета по устройству в Вильне IX Археологического съезда, Вильно, 1893, стр. 321), правильно указал, что «и» здесь — позднейшая вставка; в польских источниках известен при дворе Гремиславы: «Pacoslaus, filins Lassote».

[2] Kodeks Diplomatyczny Malopolski, ed. F. Piekosinski, t. II, Kraków, 1886, № 401, ср. № 395.

[3] CDH, t. III, 1, p. 257. См. L. Droba. Stosunki Leszka Białego Rusią i Węgrami. Rozprawy Wydziału historyczno-filozoficznego Akad. Umiejętności, t. XIII, Kraków, 1881, str. 393.

[4] ПСРЛ, т. II, стб. 761, 794, 801, 811, 817, 818.

[5] Там же, стб. 872.

[6] Там же, стб. 898.

[7] Там же, стб. 904.

[8] Там же, стб. 893, 897 и др.

[9] Д. С. Лихачев. Русский посольский обычай XI—XIII вв.— Исторические записки АН СССР, т. 18, стр. 42—55.

[10] ПСРЛ, т. II, стб. 765.

прав — командования армией, верховного суда,[1] великий князь имел также право выпуска монеты.[2]

Источники отмечают одновременно значительное развитие боярского землевладения и рост политического значения боярства. Галицкое боярство до XIII в. проделало длительную эволюцию: это предки галицких бояр в качестве «княжих мужей» фигурируют в источниках до XII в., в течение же XII в. они все чаще именуются «мужами галицкими»,[3] уже отличающимися от «княжих мужей»,[4] и, наконец, в XIII в. выступают в источниках в качестве «бояр галицких» — «сатрапов» — польского историка Кадлубка, «баронов» по мнению венгерских королей; причем и ранее (в XII в.) в числе «княжих мужей» находились также «мужи переднии».[5]

И в XII в. отдельные представители этих бояр долгие годы выполняли важнейшие функции в государственном управлении: например, боярин Константин Сероелавич упоминается дважды — в 1157[6] и 1173[7] гг., воевода Тудор Елцич — в 1160[8] и 1180[9] гг. Уже в течение XII в. «мужи же галицкие» часто «не бяхуть все во одиной мысли»[10] и неоднократно выступали против княжеской власти, ослабленной подавлением городских движений.

Галицкие бояре не отличались от бояр владимиро-суздальских, тех, что «учахуть» князей «на многое именье»,[11] тех «сильных» бояр, которых владимирский летописец осуждает как «обидящих менших, и роботящих сироты, и насилье творящим».[12]

В XIII в. с развитием феодальной экономики края, ростом городов, которые строились и в XII в.,— например, Ярослав Осмомысл «ростроил землю свою»,[13] — постепенно возрастало значение княжеской власти.

В начале XIII в. княжеская власть принимает суровые меры по ограничению боярского самовластья — таковы массовые казни и высылки бояр из страны, проведенные Романом Мстиславичем; те же цели преследовала политика кня-

---

[1] ПСРЛ, т. II, стр. 790.
[2] Там же, стб. 914.
[3] Там же, стб. 664, 666.
[4] Там же, стб. 320, 657.
[5] Там же, стб. 524.
[6] Там же, стб. 488.
[7] Там же, стб. 564.
[8] Там же, стб. 507.
[9] Там же, стб. 616.
[10] Там же, стб. 664; ср. стб. 657.
[11] ПСРЛ, т. I, в. 2, стб. 376.
[12] Там же, стб. 437.
[13] ПСРЛ, т. II, стб. 656.

зей Игоревичей, истребивших около пятисот одних «велицих бояр», в том числе таких видных, как Юрий Витанович, Илья Степанович и др.[1] Игоревичи, по словам боярина Володислава, захватили «отечествия» (т. е. вотчины) убитых и передали их (вероятно, в держание) пришедшим с ними северским боярам («отечествия вашими владеша инии пришелци»).[2]

Лишь часть «великих» бояр смогла укрыться за границей («инии разбегошася»), в их числе признанные боярские вожаки: Володислав Кормиличич (возглавлял венгерскую партию галицких бояр до 1211 г.),[3] Судислав Бернатович (возглавлял ту же партию после смерти Володислава — до 1234 г.; затем руководство перешло к другому Володиславу, убитому по приказу князя Даниила) и Филипп (один из виднейших организаторов антикняжеского заговора 1231 г.).

Летопись не оставляет сомнений в том, что бояре имели крупные вотчинные владения, которые дополнялись княжескими держаниями.

Например, Судислав Бернатович имел свой замок («двор») близ Галича. Он, вероятно, был значительных размеров, ибо когда князь Даниил занял («взя») его, то нашел здесь «вино, и овоща, и корма, и копии, и стрел пристранно видети».[4] Судислав Бернатович пользовался огромным влиянием не только в Галичине, но имел большой вес при венгерском дворе, в качестве тестя венгерского воеводы Фильния.[5] В Городке находились «Судиславли люди»,[6] своим человеком был он для бояр Перемышля и Звенигорода, а в Ярославе пребывала кормильчья Нездиловая — теща местного воеводы Давида Вышатича, она «бяше верна Судиславу»,[7] и это имело немалое значение, так как она принудила другого воеводу — Василия Гавриловича, служившего князю Даниилу, сдать Ярослав без боя венгерским войскам, которые привел боярин Судислав Бернатович.[8]

В правление в Галичине и Мстислава Удалого, и королевичей венгерских Коломана и Андрея фактическая власть была сосредоточена в руках боярина Судислава, что не раз подчеркивал в своих донесениях князю Даниилу дипломат-тысяцкий Демьян.

---

[1] Там же, стб. 723—724.
[2] Там же, стб. 724.
[3] Любопытно, что на него возлагалась вина за вражду Романа Мстиславича с Лешко Краковским (там же, стб. 719).
[4] Там же, стб. 758.
[6] Там же, стб. 733.
[7] Там же, стб. 765.
[8] Там же.

Боярин Филипп имел свой замок Вишню (между Звенигородом и Перемышлем), и тоже, вероятно, немалый, так как сюда приглашал он самого князя.[1] Боярин галицкий Климята, изменивший князю Даниилу, имел владение Голые Горы (восточнее Звенигорода).[2] Семья бояр Арбузовичей держала укрепленный[3] город Плеснеск до тех пор, пока князь Василько по приказу Даниила Романовича не разгромил это гнездо, причем он «велик плен прия».[4]

Другая семья бояр — Молибоговичей, имела владения по Володрисе; бояре этой семьи участвовали в заговоре против Даниила, организованном боярином Филиппом;[5] они были среди виновных в поражении войск князя Даниила в Киевщине и пленении половцами князя Владимира и воеводы Мирослава;[6] это гнездо было разгромлено князем Василько, захватившим в плен 28 человек из бояр Молибоговичей.[7]

Видимо, одну семью составляли бояре Домажиричи, унаследовавшие это прозвище с тех времен, когда, вероятно, несколько представителей их семьи выполняли важные административные функции при княжеском дворе (так же, как и Кормиличичи). Это семейство также имело свой замок — Печера Домажира,[8] который без боя «вдашася» боярину Володиславу, союзнику венгров и черниговских князей.

Бояре Домажиричи, так же, как и Володислав Кормиличич, со своей родней были изгнаны Романом Мстиславичем и в качестве «выгонцев» галицких обосновались где-то в Понизье. Представители семейства Домажиричей и Кормиличичей (Юрий Домажирич и Держикрай Володиславич)[9] возглавляли войско галицких выгонцев, участвовавшее в битве на Калке в качестве союзного киевскому князю Мстиславу Романовичу.

Не сомневаемся, что и приближенные князя Даниила — бояре имели крупные личные владения: таков, например, город Андреев,[10] который можно связать с именем крупнейшего воеводы княжеского Андрея дворского; таков, вероятно, и город Дядков,[11] принадлежавший известному кормильцу —

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 762.
[2] Там же, стб. 765, ср. стб. 745 («Лысая Гора»).
[3] Ср. там же, стб. 662.
[4] Там же, стб. 770.
[5] Там же, стб. 762.
[6] Там же, стб. 774.
[7] Там же, стб. 763.
[8] Там же, стб. 793.
[9] «Держикрай» вполне может быть именем, ср. имя «Держислав» (там же, стб. 739).
[10] Там же, стб. 796.
[11] Там же, стб. 792.

«дядьке» княжескому Мирославу,[1] повидимому, отцу Семена Дядковича, служившего позднее князю Льву.[2]

В непрерывных феодальных распрях эти бояре и их «отечествия» оставались непрерывно возрастающей экономической силой; боярские вотчины не дробились, так как завещались и по женской линии. Бояре-землевладельцы имели и свой административный аппарат: так, например, в 1150 г. князь волынский Изяслав послал своих бояр и тиунов княжеских разыскивать имущество, захваченное Юрием Долгоруким; бояре («мужи» княжеские) сами не поехали, а послали своих тиунов.[3]

Личные богатства этих бояр были весьма значительны. Боярин Судислав Бернатович, чтобы выкупиться из венгерского плена, внес огромную сумму, буквально, говорит летописец, «во злато пременися»;[4] чтобы заполучить пленных Игоревичей, бояре внесли за них венграм должно быть не малый выкуп[5] («великие дары»). У боярина Михаила Скулы, убитого под Городком, венгры «главу его сосекоша, трои чепи сняша золотые и принесоша главу его Коломанови».[6] Может быть, подобным же образом попала и часть золотых поясов в княжескую владимирскую казну.[7]

Нужно добавить, что бояре представляли собой реальную военную силу. В начале феодальной войны волынские бояре являлись главной военной опорой князя Даниила: «бе бо вои Даниловъ болши и креплейши, бяху бояре велиции отца его вси у него»;[8] в поход на Галич князь посылал «бояры свои все».[9] Городовые же полки упоминались на втором месте: так, за князя Василько, севшего в Белзе, стояли «бояре мнозе и вои от Белза».[10] О черниговских князьях, бывших в Галичине, и говорить нечего — их опора — боярские полки и конная дружина: Ростислав Михайлович отправился из Галича в поход на Литву «со всими бояры и снузники».[11]

Бояре сами предводительствовали войсками и были одеты в доспехи.[12] Они же составляли военный совет князя: под

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 718.

[2] Там же, стб. 930.

[3] Там же, стб. 393.

[4] Там же, стб. 728.

[5] Там же, стб. 727.

[6] Там же, стб. 733, ср. там же, стб. 120, ср. Патерик Печерский, указ. изд., стр. 63.

[7] Там же, стб. 914.

[8] Там же, стб. 730.

[9] Там же, стб. 830.

[10] Там же, стб. 725.

[11] Там же, стб. 777.

[12] Там же, стб. 853, 877.

Краковом, прежде чем принять решение, Лев Данилович «думав много с бояры своими».[1] Мнение бояр, однако, не было обязательным для князя: Даниил Романович ездил на моление в Жидичинский монастырь, и бояре советовали ему захватить город Луцк неожиданным ударом («реша ему бояре его: „Приими Луческ, зде ими князя их“»,[2] но князь предпочел открытую войну.

Если князь ставил новый город, то на место ехал «с бояры и слугами»;[3] принимать духовную от Владимира Васильковича луцкий князь Мстислав ехал «со своими бояры и со слугами»,[4] с ними же встречал он прибывшего Конрада Мазовецкого;[5] бояре же сопровождали князей при официальных поездках — например, на свадьбу («бояр много»).[6] Знал летописец и термин «сын боярский» — у князя Владимира пал в бою «любимый сын боярский Рах Михаилович»;[7] этот сын боярский служил, видимо, не в дружине, а в полку, ибо ниже о дружине князя сказано, что она «вся цела».

При всем том бояре в глазах князя — слуги. Вспомним обращение князя Василька к воеводам Холма: «Константине, холопе, и ты и другий холопе Лука Иванович»,[8] или тот факт, что бояр, захвативших княжескую собственность, летописец называет людьми «от племени смердья».[9]

С другой стороны, и бояре обязаны оказывать князю знаки высшего достоинства; в случае неудач, опасаясь княжеского гнева, бояре «пришедше, падше на ногу его, просяще милости».[10] Тот же Судислав, боясь опалы, «обуимая нозе его (Даниила), обещаяся работе быти».[11] Это и понятно, ибо измена порой грозила потерей имущества: так, боярин Жирослав, изменивший князю, «погуби отчину свою»,[12] о нем книжник Тимофей записал: «да будет двор его пуст, и в селе его не будет живущего»,[13] о боярине Володиславе сказано, что после его смерти «все бо князи не призряху детей его».[14]

Летописец сознает важное место бояр в общественной жизни. Грубо говоря, в его глазах общество делится на

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 936.
[2] Там же, стб. 751.
[3] Там же, стб. 876.
[4] Там же, стб. 901.
[5] Там же, стб. 908.
[6] Там же, стб. 862.
[7] Там же, стб. 887.
[8] Там же, стб. 851.
[9] Там же, стб. 790.
[10] Там же, стб. 778.
[11] Там же, стб. 738.
[12] Там же, стб. 737.
[13] Там же, стб. 747—748.
[14] Там же, стб. 731.

«бояр» и на «простых людей». Он пишет, что в бою пало много «от бояр и от простых людей».[1] Говоря о подвиге одного польского воина, летописец замечает, что это был «не боярин доброго роду, но простый человек».[2]

Бояре служат князю и по наследству переходят к его преемнику, если считают, что он того стоит. Так, Мстиславу Даниловичу служили «бояре его и братнии (т. е. Владимира) бояре».[3]

Самому же Владимиру служили бояре отца его Василько, например, Желислав.[4] То же видим и при Данииле: «бяху бояре велиции отца его вси у него».[5]

Бояре подразделялись на «старых» и «молодых». На похороны князя Владимира Васильковича «весь город (Владимир) соидеся и бояре вси, старые и молодые».[6] Когда Мстислав занял место покойного Владимира, то к нему съехались «бояре его старые и молодии». Это совершенно определенное различие: когда князь Юрий Львович захватил Берестье у владимирского князя, интересы которого отражает летописец, он это, оказывается, сделал «по совету безумных своих бояр молодых и коромолников берестьян».[7]

Боярство, разумеется, было вполне оформившимся сословием, таким же как и в Польше или Венгрии: социально-экономические отношения в государствах были одинаковыми. Поэтому мы видим, что польский воевода Пакослав одно время служит при дворе Даниила Романовича, а русский боярин Володислав получает в Венгрии земельные пожалования от короля.[8]

Сломить экономическую и политическую силу боярской знати, уничтожить ее или же заставить служить великокняжеской власти — не просто. Роман Мстиславич одолел владимирских бояр: подчиненное им владимирское боярство в качестве княжеских «великих» бояр продолжает служить его сыну Даниилу. Но галицких бояр Роман лишь ослабил. Князья Игоревичи за свое выступление против «великих» галицких бояр были повешены.

Успешная борьба Даниила Романовича с той боярской знатью, которая отказалась ему служить, составила целую эпоху в жизни юго-западной Руси; татаро-монгольское нашествие усложнило эту борьбу.

---

1 Там же, стб. 867.
2 Там же, стб. 853.
3 Там же, стб. 928.
4 Там же, стб. 870, ср. стб. 855.
5 Там же, стб. 730.
6 Там же, стб. 919.
7 Там же, стб. 928.
8 См. выше, стр. 141.

К сожалению, характер нашего источника (волынского по происхождению) не позволяет определить, насколько волынское боярство было втянуто в антикняжескую борьбу после татаро-монгольского нашествия, хотя, видимо, и здесь не все шло гладко. Например, «держатель» Дорогичина отказался признать власть князя Даниила и последний выбивал его из города «копьем»,[1] почему город позднее пришлось «обновлять». Но зато о «мятеже» галицких бояр летописец оставил достаточно красноречивые сведения.

После татаро-монгольского нашествия к власти из среды боярства выдвинулись новые люди, впрочем, и прежде бывшие враждебными князю Даниилу. Таков боярин Григорий Васильевич, в прошлом связанный с Молибоговичами, позднее — бывший галицким дворским, близким черниговским князьям Михаилу и Ростиславу[2] и епископу галицкому Артемию — врагу Даниила Романовича.[3] Этот боярин теперь засел в Перемышле и «собе горную страну Перемышльскую (т. е. Западную Галичину) мышляше одержати».[4]

Роль Перемышля, этого старинного крупного политического центра юго-западной Руси в исторической науке изучена недостаточно. Историки мало считались с тем, что дошедшая до нас холмско-владимирская летопись — источник хотя и яркий, но весьма тенденциозный, широко применявший самое страшное для исследователя средство — умолчание.

Боярский центр Перемышль занимал какое-то особое положение, особенно с 40-х годов XII в., когда Владимирко Володаревич (подобно тому, как покидали старые боярские центры князья северо-восточной Руси) оставил его и перенес столицу в новый город — Галич. Затем, по смерти Ярослава Осмомысла (1187) вследствие различных политических неурядиц, Перемышль еще более обособился, часто становясь центром независимой политики.

Горная «страна Перемышльская» к началу XIII в. всецело находилась в руках старого родовитого боярства и местного владыки. Бояре пользовались преобладающим влиянием в таких центрах, как Ярослав, Звенигород, Городок; здесь же были расположены боярские замки — Вишня, Голые Горы и др. Перемышльское боярство имело, хотя и «за горами», но всего лишь в трех днях пути[5] всегда готовую к вмешательству в русские дела Венгрию. Думаем, что в начале XIII в.

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 788.
[2] Там же, стб. 777—778.
[3] Там же, стб. 793.
[4] Там же, стб. 789.
[5] Там же, стб. 890.

Перемышль самостоятельно призывал на княжение князей: слишком часто они тут сменялись.

По смерти Романа Мстиславича видим тут Святослава Игоревича, зятя Рюрика Киевского.[1] Король венгерский Андрей II, захватив Святослава Игоревича, уступил Перемышль по договору в Спиши польскому князю Лешко Краковскому,[2] но позднее нарушил соглашение и отнял у него город.[3]

Мстислав Удалой, утвердившись в Галичине, овладел и Перемышлем, где владыкой сделался его ставленник, бывший новгородский боярин Добрыня Ядрейкович — Антоний, а тысячу держал старый его дружинник, известный по Новгороду, Ярун,[4] но и при Мстиславе Перемышль продолжал оставаться оплотом боярства.[5] При недальновидном правлении Мстислава Перемышль стал настолько отрезанным ломтем, что около 1225 г. Удалой передал его в держание своему зятю венгерскому королевичу Андрею, который, с помощью местного боярства, проводил политику, враждебную Мстиславу.[6]

Позднее здесь оказался белзский князь Александр Всеволодович, бежавший «в Перемышль к советникам своим»[7] после провала антикняжеского заговора. Затем сюда был призван Ростислав Михайлович Черниговский, который продержался в Перемышле с перерывами до татаро-монгольского нашествия. В 1240 г. всей горной «страной Перемышльской» завладел, как мы видели, боярин Григорий Васильевич.

Через некоторое время город вновь попал в руки к Ростиславу Михайловичу, при котором здесь сидел подручником князь Константин Рязанский, впоследствии бежавший в Венгрию, а сына своего Остафия отправивший в Литву. Местный владыка со своим двором вел политику, враждебную волынским князьям, ориентируясь, как и епископ галицкий Артемий, на князей черниговских. За свою политику этот владыка, которого холмская летопись именует «владыкою коромолующим», поплатился головой.

В центральной Галичине после татаро-монгольского нашествия «вокняжилъся» боярин Доброслав Судьич из новых бояр, ибо внимательный к родовитости летописец отметил, что он «попов внук»; кроме Галича, этот боярин занял Бакоту, и, таким образом, «все Понизье прия».[8]

Это был наивысший размах антикняжеского боярского

---

[1] Там же, стб. 723.
[2] Там же, стб. 731.
[3] Там же.
[4] Там же, стб. 733.
[5] Там же, стб. 747.
[6] Там же, стб. 748.
[7] Там же, стб. 763.
[8] Там же, стб. 789.

движения; именно к этому времени, и только к нему, относятся слова летописца, что «бояре же галичьстии Данила княземь собе называху, а сами всю землю держаху»; имеется в виду, что «держаху», «без княжа повеления».

Обособились и земли так наз. «болоховцев», «болоховских князей». Литература по вопросу о болоховцах весьма обширна.[1] Среди многочисленных догадок о происхождении болоховцев выделяется мнение украинского историка — буржуазного националиста М. С. Грушевского, который находит возможным видеть в болоховских князьях народные обескняженные общины во главе с выборными земскими князьями. М. С. Грушевский полагает, что эти общинники, борясь за сохранение своей автономии и своих общинных порядков, переходят под эгиду татар, пашут для них просо и пшеницу и ведут борьбу с Галичем. На основе немногочисленных фактов, относящихся к болоховским землям, Грушевский позволил себе сделать вывод о том, что вся Киевщина, благодаря татарам, приобрела общинный строй, обескняжилась. Такая точка зрения получила полное оформление в писаниях украинских «историков»-националистов, врагов народа, считавших, что антифеодальные «крестьянско-казацкие» общественные движения на Украине были поддержаны татарами-завоевателями, помогавшими низам бить бояр и князей. Фальсификаторы истории нагло утверждали, что татаро-монгольское завоевание было «спасением» сельского населения от феодалов и причиной того, что на Украине, якобы, отсутствовали классы и классовая борьба, привнесенные туда московскими порядками. Мало чем отличаются от этих мнений взгляды, высказанные Ф. Молчановским, усматривающим в болоховцах движение крестьян и ремесленников против власти «верховных феодалов», направленное на признание татарского ига как «меньшего зла».[2] Там же утверждается, что болоховские князья возглавили это антикняжеское протатарское движение трудящихся. Подобные выводы противоречат фактам. Пример Новгорода и народные восстания 1262 г. опрокидывают эти утверждения. Б. Д. Греков подверг критике взгляды Грушевского, отметив, что тот допускает насилие над источниками и притом расходится с широкоизвестными фактами: татары нигде не меняли общественного строя завоеванных земель.[3]

---

[1] Нет надобности давать обзор всей литературы, так как сравнительно недавно это сделано в работе В. В. Мавродина «Некоторые моменты из истории разложения родового строя на территории древней Руси» (Ученые записки Ин-та им. Герцена, № 5, Л., 1939).

[2] Наукові записки Інст. істор. мат. культури, кн. 5—6, ВУАН, Київ, 1935, стр. 165—171.

[3] Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая орда и ее падение, М.— Л., 1950, стр. 230.

В. В. Мавродин, привлекая материал раскопок Райковецкого городища, который с несомненностью говорит о наличии феодализма в районе болоховских земель, справедливо отвергает характеристику «болоховских князей» как выборных старост и атаманов. Тот же автор считает их феодалами, быть может еще неокончательно трансформировавшимися в таковых из общинной полуварварской верхушки «лучших людей», древлянских, и указывает, что им присуща тенденция сохранения самостоятельности и независимости.

Произведенный пересмотр источников не позволяет нам согласиться с заключительным предположением В. В. Мавродина. Болоховские земли были расположены в экономически развитой части Руси: с запада к ним примыкали галицкие владения, с северо-запада — волынские, с северо-востока — киевские. Поэтому нет основания предполагать здесь социально-экономическую отсталость.

Представляется, что в болоховских землях господствовало боярство; это подтверждается данными раскопок, свидетельствующими о большой имущественной дифференциации. Думаем, правильна догадка А. Е. Преснякова, что эти бояре попали в «князья» путем «поручения им заведывания населением болоховской земли от имени хана». [1]

Ниже мы увидим, что великокняжеская власть нашла пути и средства покончить с этой оппозицией части боярской знати Галичины. Однако политика князя Даниила Романовича лишь на время консолидировала единую государственную власть.

Экономическое развитие нового боярства, окрепшего на княжеских земельных раздачах, в условиях дробления великокняжеской власти после смерти Даниила Романовича, дробления, освященного верховным сюзеренитетом Золотой орды,— все это вновь привело к усилению экономически и политически влиятельного боярского сословия.

Последующее объединение галицко-волынских земель не ослабило этого сословия, которое сыграло роковую роль во время наступления Венгрии, Польши и Литвы на юго-западную Русь в XIV в.

В феодальных государствах, независимо от особенностей каждого из них, господствующий класс представлял иерархическую организацию сеньериата и вассалитета, так наз. феодальную лестницу, каждый член которой был вассалом по

---

[1] А. Е. Пресняков. Лекции, т. II, в. 1, стр. 20, 38.— Это боярство, как увидим, борясь против великокняжеской власти, меняло свою ориентацию с русских князей, враждебных Даниилу Романовичу, на венгерского короля, затем вступило в соглашение с черниговскими князьями, и, наконец, нашло себе союзника в золотоордынском татарском хане, с которым князю Даниилу справиться было не под силу.

отношению к своему сеньеру и сеньером по отношению к своим вассалам. Во главе этой иерархии стоял носитель верховной власти. В основании ее находилась масса крестьянства, подчиненная либо только верховной власти, либо верховной власти и феодалу-землевладельцу, либо только этому последнему, если государь уступал феодалу свои права в пределах данной сеньерии.

При этих отношениях понятие собственности на землю очень усложнено; собственность имела расчлененный вид. Рядом с собственником земли — феодалом, выступал ее владелец — непосредственный производитель — крестьянин. Привилегированный собственник земли являлся в той или иной мере носителем политической власти. Во главе этой сложной системы общественно-политических отношений находились короли или князья, отнюдь не нейтральные и не бездействующие. Степень их активного участия зависела от конкретных условий.

Боярское землевладение выступало в двух главных формах: а) земельные владения, находившиеся в полной собственности владельцев (аллод), и б) земельные владения, обусловленные службой (бенефиций и феод). Для XII—XIII вв. характерен факт превращения временных пожизненных держаний в наследственные вотчины, т. е. тенденция к слиянию этих двух форм землевладения и превращение феода в землю аллодиальную. [1]

Судьба сельского населения находится в самой непосредственной связи с историей класса землевладельцев. Несомненно, это две стороны одного и того же процесса. По мере роста крупного землевладения, по мере экономического и правового усиления землевладельца в связи с переменами, происходившими в экономике всей Европы, судьба крестьян изменялась в двух направлениях: а) сокращалось количество свободных крестьян-общинников, б) изменялось экономическое и правовое положение зависимого населения. В этом двустороннем процессе и выражается основная линия эволюции общественных отношений и феодальный период истории европейских государств. В Галицкой Руси как во время ее политической независимости, так и после включения ее в состав Польского государства этот процесс развивался интенсивнее, чем где-либо в других частях Руси, на что были свои причины (значительный рост населения, тучный чернозем, привлекший аппетиты землевладельцев, и благоприятная политическая обстановка).

Вместе с ростом крупного землевладения община попадает под власть землевладельцев и прежде свободные члены об-

---

[1] См С. В. Юшков. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси, М., 1939, стр. 154 и сл.

щины делаются их подданными. В Русской Правде этот процесс был отражен в той стадии, когда часть общин (миров, вервей, погостов, подзамковых общин — сотен) и свободного крестьянского населения уже попали под власть или князя, или боярина, или церкви, а другая часть оставалась пока свободной — это те смерды начала XII в., которые сами «платять князю продажю». И дальнейшая эволюция крестьянства заключалась в разрастании первой категории за счет второй.[1]

В XII—XIII вв. основная масса сельского населения на Руси — смерды (сироты); так они назывались независимо от их правового положения: и свободные и зависимые. Летописи это подтверждают совершенно бесспорно, когда, например, под 1219 г. писывают факт истребления в Галичине венгерских захватчиков, которые «смерды избьени быша», т. е. в широком смысле слова крестьянством, ибо в Галичине оно, конечно, в большей части сидело уже на землях, давно освоенных боярством. О том же свидетельствует и состав военных ополчений, в которых «смерды-пешци» являлись основным родом войск.

Каково было положение крестьян XIII в. по документам? Данные двух духовных и одной уставной грамоты конца XIII в.,[2] происходящих из Западной Волыни, позволяют наблюдать существование значительного княжеского домена, часть которого, включающая город, княжеский монастырь, несколько сел, передается князем Владимиром Васильковичем своей жене, Ольге Романовне; остальную (основную часть) домена князь передал своему преемнику луцкому князю Мстиславу Даниловичу. Последний наделил из полученных земель своих восточно-волынских бояр («город Всеволож и села раздавает»).

Домениальные земли эти населены крестьянами, которые к этому времени находятся на оброке. По уставной грамоте князя Мстислава Даниловича городу Берестью было определено, что «берестьяне», т. е. и горожане и сельские жители, живущие в городе и на земле, административно с ним связанной, несут оброк. Горожане платят «ловчее» деньгами, сельчане — натурой: медом, овцами, льном, хлебами, овсом, рожью и курами.

О том же характере эксплоатации крестьянства свидетельствует и духовная грамота Владимира Васильковича: он дал княгине из домена город Кобрин «с людьми и с данью» и распорядился, чтобы крестьяне «како при мне даяли, тако и

---

[1] Подробнее см. Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси. М., 1946, стр. 250—525.

[2] ПСРЛ, т. II, стб. 903—904, 932.

по мне ать дають княгини моей»; что касается населения села Городел, то оно должно было «страдать» на княгиню (нести «тягло» — в списках Х), т. е. нести подымную подать.

В связи с тем, что по смерти князя Владимира домен княгини и государственная власть попадали к разным лицам, завещатель определил и государственные повинности крестьян княгининого села: крестьяне освобождены Владимиром только от городовой («аже будет князю город рубити, и ни к городу») повинности, но прочие сохранены: «а побором и татарщиною ко князю».

Таким образом государственные повинности крестьян села Городел предполагают их тяглоспособность и владение своим крестьянским участком. Село Городел принадлежит княгине «с людьми и с данью», т. е. крестьяне-данники. Итак, крестьянство попало в зависимость от крупных землевладельцев, а кроме того, продолжало выполнять свои обязанности и по отношению к государству. Тяглые люди — основные плательщики государственных податей и (если они находились и под властью господина) господской докапиталистической ренты. Превращение свободных крестьян в зависимых было достигнуто прежде всего путем внеэкономического принуждения.

Те же явления наблюдаем мы и в северо-западной Руси, где старые нормы Русской Правды отражены в Новгородско-немецком договоре 1195 г., Смоленском договоре 1229 г. Об аналогичной эволюции социально-экономических отношений говорят и грамоты о купле-продаже земли (купчая Антония Римлянина, его же духовная 1147 г.), о вкладах земель в монастыри (данные грамоты: две Юрьеву монастырю (1125—1137), Пантелеймонову монастырю (1147), Хутынскому монастырю (1192).

Передача светскими лицами монастырям в виде вкладов и пожалований «земель, и огородов, и ловищ рыбных, и гоголиных, и пожен», сел и волостей «с данью, и с вирами, и с продажами» — распространенное явление. Оно столь же характерно для этого времени, как и раздача великокняжеской властью населенных земель в руки частных владельцев, за обязанность «службы», с наделением их правами сеньера.

Такие раздачи широко практиковались в отношении к «служащим боярам», «дворянам» — владимирскими князьями Андреем Боголюбским и его братом Всеволодом, то же делали и галицкие князья Роман Мстиславич и его сын Даниил, которые, ликвидируя в ходе феодальной войны непокорную сеньериальную знать, раздавали конфискованные, а также домениальные земли «молодому» «служащему» боярству, которое, впрочем, довольно скоро заступило место «старого» и «коромолующего».

Но, как бы то ни было, над смердьей собственностью воздвиглась надстройка, появился второй привилегированный собственник. За нарушение присвоенных себе феодалами «прав» крестьянина попрежнему ожидали денежные штрафы — «виры и продажи», а за протест в виде «татьбы» или «разбоя» — тюрьма — «погреб» и лишение всех гражданских прав — «поток и разграбление».

Вотчина — сеньерия XIII—XIV вв. отличается от старой вотчины киевской поры, во-первых, своими размерами: разрослись и боярский двор и хозяйственные постройки, былая барская челядь стала людьми дворовыми — «людьми под дворским»; земельные владения выросли весьма значительно и подчас разбросаны в разных местах; во-вторых, и это главное, основой материальной жизни стал труд крестьян, сидящих на оброке. Это новое крестьянство, которым удалось овладеть землевладельцу; оно продолжало сидеть на своих старых местах и вести собственное хозяйство. Перемена в их судьбе, однако, произошла.

Местная государственная власть, созданная феодалами, порвавшими с Киевом, наделила привилегированного землевладельца правом пользоваться прибавочным трудом своих подданных и судить их. Землевладелец же являлся ответственным перед государством за выполнение его подданными государственных повинностей, прежде всего податных. Он становился «государем» в своих владениях, опасным для самой великокняжеской власти. Крестьянин стал самостоятельным хозяином и подчинялся господину уже в силу закона.

Перемены в положении массы крестьянства, а именно перевод его с примитивной барщины на оброк, означали, как указывал В. И. Ленин, первое расширение самостоятельности зависимых крестьян,[1] и были результатом, с одной стороны, экономической потребности, порожденной ростом крупного землевладения, а с другой — политической необходимости, в связи с острыми вспышками классовой борьбы русского крестьянства. Можно думать, что поскольку княжеское землевладение росло быстрее боярского, то на домениальных землях переход к оброку совершился быстрее, чем, может быть, и объясняются отмечаемые источниками XIII в. факты побега крестьян с боярских земель на княжеские.

Положение великокняжеской власти было в разных землях различно, но бесспорно, что XII—XIII вв. характеризуются одновременно и ростом политического значения землевладельческой знати и развитием борьбы с ней великокняжеской власти, что экономически означало борьбу за перераспре-

---

[1] См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 143.

деление ренты. В некоторых землях, например, в новгородской, землевладельческая знать одержала полную победу, оформленную в постановлении Новгородской феодальной республики от 1136 г.: никто не может владеть землей на частном праве внутри республики, не будучи гражданином Новгорода, никто не может приобретать землю на новгородской территории без «пожалования» новгородской государственной власти. Нуждаясь в княжеской власти только как в военной силе для обороны новгородских земель от внешних врагов, местное боярство, приглашая князей на новгородский стол, тщательно регламентировало их права специальным «рядом», своего рода коллективным договором о защите боярских иммунитетных прав (по земле, суду, поборам и т. п.). Все усиливающиеся попытки владимиро-суздальских князей сломать условия «ряда» приносили им лишь кратковременные успехи. В других землях борьба великокняжеской власти с боярством также продолжалась, все нарастая. К XIII в. местное галицко-волынское боярство, как мы видели, отличалось значительным политическим весом.

Понятно, что в условиях борьбы с такого рода боярством великокняжеская власть должна была особенно озаботиться созданием крупных вооруженных сил, способных обеспечить осуществление внутренней политики, угодной великокняжеской власти и связанным с нею группам господствующего класса. Источники свидетельствуют, что великокняжеская власть, сложившаяся, например, в юго-западной или северо-восточной Руси после распада Киевского государства, ведя борьбу против растущей мощи сеньериального боярства, широко использовала служилый феодалитет — «дворян».

Этот феодалитет выступает под разными наименованиями — в галицко-волынской летописи он именуется «служащими боярами и людьми», в число которых включены и «дети боярские», владимирская летопись именует его «дворянами», новгородская и киевская — «дворянами» и «милостниками» (ср. слова Даниила Заточника о том, что «всякому дворянину иметь честь и милость у князя»). И по летописи «двор» — это, прежде всего, совокупность военных слуг.[1]

Слуги вольные, дети боярские, дворяне — это обычно военные люди, младшие члены княжеских и боярских дружин. Они владеют землей, некоторые условно, пока служат, являясь военной опорой великого князя, в частности поставляя ему значительные массы войск, укомплектованные из их «подданных» феодально-зависимых «смердов-пещцев».

Ведя борьбу с крупным сеньериальным боярством и осу-

---

[1] Подробнее см. Б. Д. Греков. Указ. соч., стр. 526 и сл.

ществляя внешние завоевания, великокняжеская власть значительно расширяет категорию «дворян», «служащих бояр», с чем связаны перемены в судьбах княжеских домениальных земель, которые раздаются младшей дружине на правах бенефиция, а затем и лена. «Дворяне», «служащие бояре» — в первую очередь населяют домениальные земли, неся службу на великого князя и являясь сюзеренами по отношению к массе населяющих домен крестьян.

Нужно указать, что великокняжеской власти пришлось столкнуться и с крупной церковной знатью, которая, как и ее светские собратья, основывала свое могущество на грабеже крестьянских земель. Эта борьба ярко выступает в источниках, относящихся к северо-восточной Руси. Характеризуя хозяйственную деятельность ростовского епископа Федора, летописец говорит, что он «у многих бо сущих под властью его села и домы отнимая, насилием и заточением»,[1] что от него многие «работы добыша»; церковный летописец добавляет, что особенно плох был этот епископ тем, что грабил «не токмо простьцем (т. е. мирян), но мнихом, игуменом, иереем»,[2] т. е. своих духовных собратьев.

Правда, епископу Федору не повезло: он пал жертвой борьбы великокняжеской власти против чрезмерного усиления духовной знати; причина конфликта коренилась, в обычном для средних веков стремлении великокняжеской власти экономически и политически контролировать церковь. Князь Андрей Боголюбский, прогнавший после долгой «тяжи» в 1159 г. предшественника Федора епископа ростовского Леона, «зане умножил бяше церковь, грабяй попы», а кроме того «не по правде поставися Суждалю»,[3] не ужился и с его преемником.

Епископ Федор, в конце концов, отлучил Андрея Боголюбского от церкви; он «церкви вси Володимери затвори и ключе церковные взя и не бысть звонения, ни пенья по всему городу».[4] Сообщив о казни Федора, княжеский летописец сделал вывод, приемлемый для князя: «да не скакают неции на святительский сан».

Этот епископ действовал во второй половине XII в. Но богатства духовной знати неуклонно возрастали, и о ростовском епископе начала XIII в. Кирилле летопись дает еще более колоритные сведения: он еще богаче, чем его недавний предшественник, он «богат зело кунами, и селы, и всем товаром, и книгами, и просто рещи тако бе богат, яко ни

[1] ПСРЛ, т. VII, стб. 85.
[2] ПСРЛ, т. II, стб. 552.
[3] ПСРЛ, т. I, в. 2, стб. 349.
[4] Там же, стб. 355.

един тако преже бывших епископов в ростовьстей земли». Правда, судьба и этого епископа сложилась неудачно, он также пострадал от великокняжеской власти. Князь Ярослав Всеволодович нашел повод и средства секуляризировать все его имущество в пользу государственной власти: «и все богатство отьяся от него (Кирилла) некакою тяжею, судившю Ярославлю тако». Лишенный собственности епископ был пострижен в монахи.

Нужно заметить, что владимиро-суздальские князья в борьбе с духовной знатью до времени татаро-монгольского нашествия добились значительного успеха: как правило, в местные епископы назначались ставленники князей.

Ту же картину мы можем наблюдать и в Галицко-Волынской Руси, где волынский князь Роман Мстиславич враждовал с владимирским епископом, а его сын Даниил Романович, в ходе феодальной войны, только, по данным летописи, лишил сана трех епископов — галицкого Артемия, перемышльского и, наконец, угровского Асафа, который, подобно ростовскому Федору, «скочи» на епископский стол.

Нужно добавить, что великокняжеская власть вполне отдавала себе отчет в важности церкви как орудия идеологического воздействия на массы населения; об этом свидетельствует широкое строительство церквей, а также монастырей.

Перечислим некоторые монастыри, существовавшие в юго-западной Руси: монастырь св. Даниила в Угровске (видимо, основан князем Даниилом),[1] монастырь св. Григория в Полоном (основан игуменом Григорием при князе Василько),[2] монастырь на р. Немне (основан литовским князем Войшелком, принявшим православие);[3] монастырь св. апостолов близ города Владимира (основан князем Василько, передавшим монастырю свое село Березовичи);[4] монастырь св. Федора (в нем жила сестра князя Даниила Феодора);[5] монастырь св. Михаила во Владимире;[6] монастырь в Лелесове;[7] монастырь св. горы во Владимире[8] (основан в честь Афона, упомянут впервые в конце XI в.);[9] монастырь богородицы Синеводский;[10] монастырь Спаса на реке Рте;[11] монастырь

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 867; ср. стб. 842.
[2] Там же, стб. 859; ср. стб. 867.
[3] Там же, стб. 859.
[4] Там же, стб. 904.
[5] Там же, стб. 844.
[6] Там же, стб. 868.
[7] Там же, стб. 729.
[8] Там же, стб. 740.
[9] См. Патерик Печерский, указ. изд., стр. 32.
[10] ПСРЛ, т. II, стб. 787.
[11] ПСРЛ, т. XXI, Степенная книга, ч. 1, житие св. Петра, стр. 323.

св. Николая Жидичинский;[1] монастырь в Галиче при церкви св. Ивана.[2]

Как видим, большинство монастырей было связано с великокняжеской властью. Исходя из вышеприведенного анализа взаимоотношений церкви и государства в юго-западной Руси, можно допустить, что митрополит Кирилл позднее с большой охотой покинул Галич и перебрался ко двору князя Александра Невского, где положение церкви стало несколько иным.

Большое число монастырей свидетельствует о бурном росте крупного церковного землевладения, а также о насаждении княжеской властью церковного просвещения и угодного этой власти направления церковной идеологии, призванной освятить господство великокняжеской государственности, ибо «верховное господство богословия во всех областях умственной деятельности было в то же время необходимым следствием того, что церковь являлась наивысшим обобщением и санкцией существующего феодального строя».[3]

Князья имели связи и с центральными русскими монастырями: князь Даниил Романович — с Выдубецким монастырем,[4] а князь Владимир Василькович — с Печерским;[5] последний монастырь имел экономические интересы и в Восточной Волыни, где еще от Ярополка Изяславича получил какие-то земли близ Луцка — «волость Лучьскую».[6]

Заботились князья и о светском просвещении, чему свидетельством является холмская летопись, проникнутая рыцарским духом, а также и тот факт, что князь Даниил приглашал к своему двору «служити» поэтов, вроде известного Митуса.[7]

Что все эти явления были свойственны не только владимиро-суздальской и галицко-волынской земле, можем заключить из уставной грамоты смоленского князя Ростислава Мстиславича местной епископии (1150); князь жертвует ей ряд земель, в том числе «село Дросенское со изгои и с землею», и «село Ясенское и с бортником и с землею и с изгои». В той же грамоте встречаем упоминание особой категории феодально-зависимых крестьян — «прощенников», стоявших в

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 751.

[2] Там же, стб. 665.

[3] Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 128.

[4] ПСРЛ, т. II, стб. 806.

[5] Там же, стб. 919.

[6] Там же, стб. 492.

[7] Там же, стб. 794. Рыцарские турниры были хорошо известны на Руси — см. там же, стб. 801 («игры»), ср. стб. 762 (князь Василько обнажил меч, «играя»).

зависимости от местного епископа, который брал с них и оброк — медом и кунами — и имел над ними право суда.

Можно отметить, что в послании ставленника волынского князя — митрополита Климента (1147—1156) к смоленскому попу Фоме говорится о развитии богатого боярства, как «славы хотящих, иже прилагают дом к дому, и села к селам, изгои ж и сябры (зависимые крестьяне), и борти и пожни, ляда ж и старины», т. е. как о ненасытных феодалах, захватывающих разного рода земли, населенные крестьянами.

Борьба за землю и феодальную собственность приводила к постоянным столкновениям отдельных групп господствующего класса, к непрерывным феодальным войнам; так, поводом к одной из войн было то, что у киевского князя Мстислава в 1170 г. два других князя украли коней и попятнали их своим тавром: «холопи ею покрали коне Мстиславли у стаде и пятны свое восклале разнаменываюче».[1]

Князья начинали друг с другом войны не только из-за спорного города или слободы, а даже из-за погоста. Так, в 1179 г. киевский князь Мстислав Ростиславич вместе с новгородцами предпринял поход на своего зятя полоцкого князя Всеслава по тому поводу, что «ходил бо бяше дед его (Всеслава) на Новгород», «и погост один завел за Полтеск».[2] Обычной причиной бессмысленных феодальных войн, когда князья друг с другом «татем (т. е. по-воровски) воевахуть», были споры из-за земли.

Что эти войны разоряли крестьянство, подрывали торговлю и ремесло, едва ли нуждается в доказательствах. Приведем два примера. В 1169 г. новгородское боярское правительство отправило своих даньщиков за Волок, однако встретило сопротивление со стороны владимиро-суздальского князя Андрея. В этом случае новгородские бояре сумели отстоять свои земли, они «опять воротивъшеся възяша всю дань» с крестьян подвластных им земель, а заодно «и на суждальских смердех другую».[3]

Что князья и феодалы не упускали случая нанести ущерб городам противника, подтверждают летописи. Города зачастую подвергались ограблению: например, в 1150 г. князь Владимирко Галицкий, возвращаясь после неудачного похода от Киевщины, ограбил встретившиеся ему города, начиная от Мическа, жителям которого он заявил: «Дайте ми серебро, что вы я хочу, пакы ли я возму вы на щит». По словам киевского летописца, у мичан не хватило средств для упла-

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 541.
[2] Там же, стб. 608.
[3] Новгор. I лет., стр. 149.

ты, поэтому «они же емлюче серебро изо ушью и с ший, сливаюче же серебро даяхуть Володимеру», а он «поиде тако же емля серебро по всим градом, оли и до своей земли».[1]

Понятно, что при таких условиях горожане и особенно городская торгово-ремесленная верхушка стремились освободить город из-под власти крупных бояр или мелкого княжья и включить его под юрисдикцию какого-либо крупного князя. Действуя так, города получали известные гарантии на случай феодальных войн и добивались при этом от великих князей сохранения по «ряду» — договору — городских привилегий, охранявших в первую очередь права бюргерства — «местичей». М. Н. Тихомиров справедливо отметил несомненное усиление политической роли городов в XII—XIII вв.[2]

Город был в эту пору феодальным административным центром для тянущейся к нему волости, сборным пунктом ее военных сил, ее финансово-административным центром. Территориальный округ, прилегавший к городу, был так тесно с ним связан, что когда говорили о передаче города, то это означало передачу всей городской округи.

Русские города XII—XIII вв. переживали несомненно бурный экономический расцвет. Исследование Б. А. Рыбакова ясно доказало, что примерно с середины XII в. наступает расцвет городского ремесла, продолжающийся вплоть до самого татаро-монгольского нашествия. Культура русских княжеств этой поры, по словам исследователя, «предстает перед нами высокоразвитой, полнокровной, блещущей изобретательской мыслью», совершенствующей свою технику. Даже в небольших городских центрах имелись сложные домницы для варки железа, несколько систем гончарных горнов; усиливалось стремление к массовости производства, ремесленники переходили к работе на рынок.

Княжеские, крупно-боярские и монастырские дворы — средоточие княжеской челяди, арсеналы оружия, склады различных изделий, изготовленных ремесленниками и принесенных крестьянами, были, как свидетельствует археология, вполне обеспечены собственными ремесленниками разных специальностей (кузнецами, гончарами, бондарями, косторезами, ювелирами, литейщиками, древоделами, кожевниками и др.).[2] Письменные источники дают для этого времени упоминание 22 видов ремесленной специальности; археологиче-

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 417.
[2] М. Н. Тихомиров. Древнерусские города, стр. 191.
[3] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, М.— Л., 1948, стр. 496.

ский материал позволяет расширить, отнюдь не исчерпав, их число до 60.[1]

Летописи и другие письменные источники рисуют русские города крупными торгово-ремесленными центрами. Например, во Владимире-на-Клязьме в 1192 г. был подвергнут капитальному ремонту Рождественский собор, для чего были привлечены крупные местные ремесленные силы: «И покрыта бысть оловом от верху до комар и до притворов... не ища мастерев от Немець, но налезе мастеры от клеврет святое богородицы и от своих: иных олову льяти, иных крыти, иных известью белити». Таким образом, для выполнения сложных работ были привлечены, с одной стороны, зависимые ремесленники двора владимирского епископа, а с другой — «свои», свободные владимирцы.

То же наблюдаем мы и в Галицко-Волынской Руси, где ремесленное производство достигло к XIII в. очень высокого уровня развития. Мы позволим себе привести некоторые материалы, характеризующие состояние галицко-волынского ремесла и торговли этой поры.

Район Райковецкого городища отнюдь не центр галицко-волынского ремесленного производства XIII в., однако мы находим здесь ряд мастерских: железоделательные, две кузнечные, плавильно-литейную, ювелирную, мастерскую по обработке кости и гончарную.

Б. А. Рыбаков, анализируя материалы раскопок, приходит к выводу, что обнаруженная здесь домница, имевшая внешний диаметр 180 см, снабженная восемью каналами для стекания разжиженного шлака в специальные гнезда и устройством для нагнетания воздуха мехами, принадлежит к категории высоких печей, известных и западному средневековью,[2] и свидетельствует о значительных технических достижениях в области варки железа. Железо добывалось тут же вблизи по берегам Гнилопяти и Тетерева. Часть руды, а также свинец Галичина получала из рудников городка Родно на границе Трансильвании.[3]

В городище найдено огромное количество орудий производства, свидетельствующих о развитии ремесел и их дифференциации: железные наральники, лопаты, серпы, замки, гвозди, путы для лошадей, масса предметов вооружения: мечей, копий, стрел, ножей; наконец, «чушек» — полуфабриката до пяти килограммов весом. Большое количество цилиндрических замков свидетельствует о том, что мы имеем дело

[1] Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 501, 509.
[2] Там же, стр. 208.
[3] М. Д. Хмыров. Металлы в древней Руси, М., 1875, стр. 71.

с обществом, где весьма развит институт частной собственности с его спутниками — имущественным неравенством и специфическими преступлениями.[1]

Видя здесь довольно развитое металлическое производство, мы вправе ожидать, что в крупных городах оно было еще более солидным. Летопись не оставляет по этому поводу сомнений. Князь Даниил отливал в городе Холме колокола;[2] техника их отливки достаточно сложна[3] и требует устойчивых профессиональных навыков. В церкви св. Ивана в городе Холме «помост бе слит от меди и от олова чиста».[4]

Князь Владимир Василькович в городе Любомле производил не менее серьезные работы: «двери солия медяные»,[5] а для разных церквей «съсуды служебные сребряные скова»; здесь же выделывались золотые и серебряные оклады на иконы, кресты, кадила и тонкие эмалевые изделия, отправлявшиеся в Киев и Чернигов.

Ювелирное производство в Галицко-Волынской Руси отличалось особенной тонкостью. В Райковецком городище найдены наковальни, молоточки, матрицы для производства украшений — изделия из серебра, меди, золота, янтаря, стекла, кости, морских и речных раковин, камня и других материалов. Дифференциация в металлическом производстве здесь несомненна. То же мы встречаем и в летописи, отмечающей в Холме «кузнецов железу, меди, серебру».[6] Производилась и листовая медь, шедшая на покрытие куполов церквей. Так, золоченой медью обивались маковицы церковных куполов; летопись говорит, что во время пожара церкви в Холме «медь от огня яко смола ползущь».[7]

Татаро-монголы в покоренных странах забирали ремесленников[8] и даже реквизировали топоры и металл.[9] Князья, как известно хотя бы из Пространной Правды, дорожили ремесленниками, дорожили и городами, население которых,

---

[1] Б. Д. Греков. Феодальные отношения в Киевском государстве, М.—Л., 1936, стр. 45.

[2] ПСРЛ, т. II, стб. 844.

[3] См. А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры, как исторический источник, М., 1944, рис. 25; ср. Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 606 и сл.

[4] ПСРЛ, т. II, стб. 843—844.

[5] Там же, стб. 927.

[6] Там же, стб. 843. Установлено также, что матрицы княжеских и боярских печатей нач. XIV в. отличного качества. (См. А. Лаппо-Данилевский. Печати последних галичско-владимирских князей и их советников.) Сб. «Болеслав — Юрий II», СПб., 1907, стр. 306.

[7] ПСРЛ, т. II, стб. 844—845.

[8] Карпини. Указ. соч., стр. 36.

[9] Рубрук. Указ. соч., стр. 67.

как свидетельствует археология,[1] почти сплошь состояло из ремесленников. И в источниках и в актах города оговариваются специально: «земля и городы»; «дал ти есть землю свою всю и городы по своем животе»,— говорил Владимир Василькович князю Мстиславу.[2]

Князь Даниил проводил сознательную политику строительства городов (той же политики держался Ярослав Осмомысл, который «ростроил землю свою»)[3] и увеличения ремесленного люда. Он еще во время поездки к Батыю в Орду жалел «зане не утвердил бе земле своея городы»,[4] а позднее строил их много (Холм, Львов, Угровеск,[5] Данилов[6]) наново, обновлял старые (Дорогичин)[7] и летописец, объясняя, почему князь Даниил не поставил более высокой вежи у Холма, записал: «бе бо грады иныя зиждай противу безбожным татаром, зато не созда ея»;[8] и один из преемников его, князь Владимир Василькович, «многи городы зруби», в том числе Каменец, укрепил он также Берестье, соорудив в нем башню.[9]

Строя города, князь Даниил спешил населить их именно ремесленниками; он широко привлекал местных ремесленников, а также «нача призывати прихожае (пришлых) Немце (иноземцев) и Русь, иноязычники (не славяне) и Ляхы» и достиг положительных результатов: «идяху день в день, и уноты (подмастерья) и мастере всяции,— бежаху ис Татар: седелници, и лучници, и тулницы (делавшие колчаны), и кузнецы железу, меди и сребру; и бе жизнь и наполниша дворы окрест града, поле и села».[10]

Понятно, что при этом большое развитие получила специальность городовиков, строителей городских укреплений; таким городовиком был «муж хитрый» Олекса, который при князе Василько Романовиче «многи городы рубя»; работал он и при сыне Василько князе Владимире.[11] Большого совершенства достигло строительное ремесло. Так, архитектор, сооружавший по заданию князя Даниила церковь Ивана в

---

[1] Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 205.
[2] ПСРЛ, т. II, стб. 900.
[3] Там же, стб. 656.
[4] Там же, стб. 805.
[5] Там же, стб. 842. В продовольственном отношении города зависели от окружавших их сел: когда татаро-монголы отрезали на коротткий срок города Владимир и Львов от близлежащих сел, не давая горожанам «из города вылести в зажитие», то много горожан умерло «во остою» (ПСРЛ, т. II, стб. 893—894).
[6] Там же, стб. 786.
[7] Там же, стб. 788.
[8] Там же, стб. 845.
[9] Там же, стб. 927.
[10] Там же, стб. 843.
[11] Там же, стб. 876.

Холме, утвердил наружные своды — «комары» на четырех основах, изваянных в виде человеческих голов.[1]

Обработка камня — ремесло камнерезанья было хорошо развито: в той же церкви Ивана в Холме у входа в алтарь «стояста два столпа от цела камени»;[2] близ Холма находился столп каменный высотой в десять локтей, «а на нем орел камен изваян».[3] Каменное строительство отмечено в ряде городов (Галич, Холм, Владимир, Туров, Городно).

Эти замечательные сооружения художественно отделывались белым галицким и зеленым холмским камнем. Летописью отмечен один из мастеров резного орнамента — «хытречь» Авдей.[4] Археологический материал показывает, что уже в X—XII вв. было и кирпичное производство (отмечено в Галиче, Луцке, Владимире, Турове, Овруче, Городно);[5] применялись поливные плитки для мощения полов и декорирования стен (Городно).[6] При окраске употреблялась полихромия.[7] Строительного материала, особенно камня, было много. Из него строились церкви, вежи, башни. На обилие камня указывают и названия городов: Каменец, Закамень, Кременец и т. п.

В Райковецком городище были открыты материалы по выработке ткани, по рыболовству, охоте, обработке кожи. Летопись также говорит о развитии кожевенного ремесла: колчаны («тулы»), а также личины и кояры лошадей делались из кожи.[8]

Как видим, разные виды ремесла были развиты в юго-западной Руси и, конечно, часть продуктов, известный «излишек производства над потреблением»[9] шел в продажу на внутренние и иноземные рынки, т. е. можно уже говорить о работе на рынок. Интересные данные по этому вопросу находим у Б. А. Рыбакова относительно производства пряслиц из красного шифера в районе Овруча на Волыни; мастерские, производившие пряслица, тянулись в поселениях на 20 км;[10]

---

[1] Там же, стб 843. См. М. К. Каргер. Зодчество галицко-волынской земли в XII—XIII вв. Краткие сообщения ИИМК, в. III, 1940, стр. 14 и сл.

[2] ПСРЛ, т. II, стб. 843.

[3] Там же, стб. 845.

[4] Там же, стб. 844.

[5] Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 358.

[6] Там же, стр. 359.

[7] Б. Алексеев. Из истории искусства Западной Украины. Журн. «Творчество», 1939, № 9, стр. 6.

[8] ПСРЛ, т. II, стб. 814.

[9] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 301.

[10] Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 191.

здесь было расположено несколько деревень одного района, вполне обеспечивавшего производство сырьем.

Производство однотипных предметов было до известной степени механизировано, оно предполагало наличие таких инструментов, как пила, тиски или зажимы, сверло, резец, токарный станок, лучковый привод. Производство было рассчитано на широкий сбыт. Археологи установили, что овручские пряслица шли не только в близлежащие русские земли, но и в Польшу и в Великую Болгарию.[1] Таким образом, это был древнерусский кустарный деревенский промысел, связанный с широким рынком. Овруч — не единственный центр крупных сфер сбыта; полагают, что Туров был центром производства медных бус из проволочного каркаса, с голубой зернью, имевших широкую область распространения.[2]

Все изложенное лишний раз свидетельствует, что Галицко-Волынское княжество было передовым европейским феодальным государством своего времени.

К этому нужно добавить, что в юго-западной Руси имелось много городов, в том числе — крупнейшие города того времени: Владимир, Холм, Львов, Галич, Луцк, Перемышль, Новогородок (в других русских княжествах крупных городов отмечено меньше). Много находим в ней, хотя и не столь крупных, как указанные, но все же значительных центров, оставивших след в истории: Бакота, Дорогичин, Ярослав, Белз, Пинск, Берестье, Звенигород, Угровеск и др.; кроме того, в летописи можно насчитать около семидесяти городов, уж во всяком случае не уступавших значением болоховским городам, таких, как Полоный, Шумск, Туров, Каменец, Торчский, Кучельмин, Перемиль, Тихомль, Теребовль, Дорогобуж, Пересопница, Турийск, Червен, Ушица, Случск и др.

Следовательно, историк вправе надеяться выявить в материале политической истории роль этих городов и их жителей — масс горожан и «мужей градских», «местичей» — ремесленной и купеческой верхушки, тем более что лишь немногие из этих городов попали в руки бояр, да и то впоследствии были отобраны у них князьями.

Для пополнения характеристики уровня экономического развития юго-западной Руси приведем данные, касающиеся ее торговых связей и торговых путей. Можно полагать, что Галицко-Волынская Русь представляла собой одно из важнейших звеньев общеевропейской торговой системы того времени. Через территорию этого княжества проходила значительная часть второго пути «из варяг в греки»: Балтийское

---

[1] Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 466 и сл.

[2] Там же, стр. 342.

море — Висла — Западный Буг — Днестр — Черное море; вдоль этого пути расположились крупные города: Галич, Владимир, Берестье, Дорогичин и др. В этих городах (как видно на примере Владимира) [1] имелись «увозы», т. е. оборудованные места причала и выгрузки судов.

Ряд установившихся торговых путей связывал юго-западную Русь с соседями. Новейшие исследователи вопроса приходят к выводу, что торговая дорога, соединявшая Русь с Польшей, отмеченная еще Галлом-Анонимом (предположительно: Киев — Луцк — Владимир — Завихост — Краков — Бытом — Ополе — Вроцлав), имела наибольшее значение из всех дорог Польши до XIV в. Эта старинная дорога была вольной, и лишь Казимир закрыл ее в 1353 г. для купцов шлезских, торговавших на Руси; он же пытался закрыть ее для купцов орденских, но так как последние искали (и видимо находили) обходные пути через Литву, то в 1364 г. дорога была для них вновь открыта. [2]

Во второй половине XIII в. быстро возросло значение Львова, из которого в Польшу имелись две дороги: «via nova et via antiqua»; последняя шла по «полям белзским» через Городок — Любачев — Сандомир — Опатов — Радом; тогда же установились торговые связи Львова с Краковом. [3] В XIII в. возросло значение владимиро-торунской дороги (город Торунь возник в 1231 г.), которая проходила через следующие населенные пункты: Владимир — село Городел — по Вепрю — Холм — Люблин — Казимиж — Шеченев — по Висле — Вышеград — Плоцк — Бобровники. [4] Из духовной грамоты князя Владимира Васильковича мы знаем, что в селе Городел было мыто; [5] было мыто и в городах: из грамоты князя Андрея Юрьевича (1320 г.) торунским и краковским купцам видно, что с них во Владимире брали по 3 гроша со скотины (коня, вола). Та же грамота запрещала мытникам брать от купцов ткани и другие товары.

Немалую роль в экономике княжества играло Берестье, ведшее через Дорогичин торговлю с Прибалтикой и находившееся до середины XII в. под контролем киевских князей, [6] а затем перешедшее к князьям волынским. По этой

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 287; изображение увоза на миниатюре см. А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры, стр. 27.

[2] St. Weymann. Cła i drogi handlowe w Polsce Piastowskiej Poznańskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk. Prace Komisji Historycznej, t. XIII, zesz. 1, Poznań, 1938, str. 3, 25—27.

[3] Ibidem, str. 101.

[4] Ibidem, str. 102.

[5] ПСРЛ, т. II, стб. 903.

[6] Б. А. Рыбаков. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси. «Советская археология», 1940, № 6, стр. 245.

дороге шла вероятно торговля с немецким орденом, о существовании которой можно догадываться на основании одной из папских булл.[1]

В Русь по этому пути поступали сукна (фландрские и французские), а также шерсть, кожи и меха. Летопись отмечает, что при княжеском дворе ценилось французское сукно — скарлат. Любопытно, что французский эпос и карты хорошо знают придунайскую Русь, куда лежит путь через Германию и Венгрию.[2] Из Руси этим путем вывозились товары, воск и транзитом шелк. В XIII в. путь из Берестья проходил Побужьем к Торуни (Берестье — Дорогичин — Нескужин — Брок — Вышков — Широцк — Помнихов — до устья Буга — далее Плоньск — Рыпинь — Добжинь — Торунь) и имел ответвления в Мазовию и в Литву.[3]

В свете приведенных данных становится понятным и стремление галицких князей, державших во второй половине XIII в. Львов и Дорогичин, овладеть Берестьем, бывшим в руках владимирского князя. Естественны также непрерывные усилия волынских князей расчистить эти пути от литовцев и особенно от ятвягов; не случайно летописец оценивал эти действия против ятвягов столь же высоко, как известные походы Романа Мстиславича против половцев. Эти торговые связи юго-западной Руси с Польшей, отнюдь не прекратились и после татаро-монгольского нашествия.

На юге русские торговые ладьи плавали от устья Днестра к Дунаю в город Галац (Малый Галич) и другие «подунайские города». Так, например, в 1159 г. князь Иван Ростиславич «Берладник», обосновавшийся здесь, захватил морские суда, принадлежавшие, вероятно, самому князю Ярославу Осмомыслу: «изби две кубаре («кубарь» — морское судно, с которого товары в дальнейшем перегружались на ладьи)[4] и взя товара много».[5] Широкая русская колонизация прибрежий рек Днестра, Прута и Серета (с выходом к устью Дуная и в Черное море) создала тут многие русские города: Дрествин, Черн, Белгород, Романовторг и др.[6]

---

[1] Папа просит князя Даниила о появлении татар сообщать «delectis filiis fratribus de domo Theotonica in Russiae partibus commorantibus» (HRM, t. I, N 77).

[2] G. Lozinsky. Op. cit., p. 73—76.

[3] St. Weymann. Op. cit., str. 102.

[4] См. Новгор. I лет., стр. 56, ср. П. П. Мельгунов. Очерки по истории русской торговли XI—XV вв., М., 1905, стр. 38.

[5] ПСРЛ, т. II, стб. 497.

[6] Н. Житецкий. Смена народностей в южной России.— «Киевская старина», 1883, т. VI, июль, стр. 433.

Галицкое Понизье — «поле» — вовсе не пустынно,— сказались последствия энергичной половецкой политики князя Романа Мстиславича. Здесь стояли города — Плав, Кучельмин и др., шли возы с продуктами к Плаву, ладьи из киевского морского порта Олешья[1] с рыбой, вином и другими товарами. Понизовские суда из Днестра морем, через Днепр, ходили в Киев.[2] Население составляли русские или «свои поганые» — половцы, торки и др. Там же, видимо, находились и владения галицких бояр, бежавших от княжеского двора,— так наз. «выгонцев». Таким образом, побережье Черного моря от Олешья до Галаца (на левом берегу Дуная) было под властью галицко-волынских князей. Татаро-монголы, заняв Черноморское побережье до Дуная,[3] нарушили эти связи.

Население в Понизье было немалое и оставило след в истории XIII в., когда на смену «подунайцам»[4] XII в., среди которых «суды рядил» Ярослав Осмомысл, «затворив Дунаю ворота»,[5] приходили новые массы поселенцев. Среди них мы встречаем в XIII в. галицких «выгонцев», союзников киевского князя в 1223 г., пришедших к нему из Поднестровья морем через Днепр в тысяче ладей.[6] Под именем «русских беглецов» они встречаются и в истории Болгарии, где отмечены Георгием Акрополитом, греческим историком и дипломатом, посещавшим Болгарию в 1250 г., как союзники болгарского царя Ивана-Асеня II (1218—1241), вернувшего с их помощью престол.[7]

В северном Причерноморье, вдали от рук властных князей, бояре чувствовали себя хозяевами положения, имели связи с местной вольницей и половцами. Понятно, что отношения с половцами в юго-западной Руси были тесными и в XIII в. сравнительно дружественными. Образованные люди при галицком дворе знали половецкий язык, а половецкая устная традиция отразилась в местном летописании, что тонко подмечено М. Д. Приселковым.[8]

Экономические связи Руси с Подунавьем отразились и в летописании и в документальном материале.

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 735.
[2] Там же, стб. 742.
[3] Там же, стб. 787; Рубрук. Указ. соч., стр. 67.
[4] Там же, стб. 670.
[5] Слово о полку Игореве под ред. А. С. Орлова, М.— Л., 1946, стр. 72.
[6] ПСРЛ, т. II, стб. 742.
[7] Akropolitae Georgii Historia, ed. Heisenberg. Biblioteka scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana, Lipsiae, 1903, p. 33, 3—7; ср. М. Н. Тихомиров. Исторические связи русского народа с южными славянами. Славянский сборник, М., 1947, стр. 161.
[8] М. Д. Приселков. Летописание Западной Украины и Белоруссии, стр. 10—11.

Первый документ, говорящий об этих связях,— Раффельштеттенский таможенный устав. Устав этот был составлен в особом совещании при маркграфе Восточной марки Арибо, в правление императора Людвига в 906 г. и отражал отношения еще IX в. В уставе, между прочим, читалось следующее постановление, регламентирующее сбор пошлин с купцов на верхнем Дунае: «что касается славян, которые приходят из Ругов или из Богемов ради торговли, то они могут торговать везде подле дунайского берега, а также везде в Рётеле и Ридмархе, но обязаны платить пошлину; если они привозят воск, то платят с одного вьюка две меры воска, ценностью каждая в один скоти, с ноши одного человека — одну меру той же цены. Если они привозят рабов или лошадей, то платят с одной рабыни по тремиссе, с одного жеребца столько же, с каждого раба по сайге и столько же с каждой кобылы». [1]

Таким образом, мы видим здесь вывоз, характерный для русского дофеодального государства (рабы, лошади, воск); к тому же нам известно, что при Святославе Русь получала на Дунае «сребро и комони». О тех же связях говорит и Ибрагим Ибн-Якуб (965 или 973 гг.), который пишет, что «город Фрага (Прага) — значительнейший из торговых городов» и «приходят к нему из города Кракова русы и славяне с товарами». [2] С этим, естественно, связывается известие Галла-Анонима: «Страна поляков отдалена от дорог путешественников и, кроме проходящих на Русь ради торга,— мало кому известна» [3]

Русь не прекратила торговых связей с Регенсбургом и позднее: в XI в. источники отметили караван еврейских регенсбургских купцов, возвращавшийся из Руси домой через Венгрию. Ю. Бруцкус свидетельствует, что в еврейской литературе X—XII вв., в раввинских распонсах этой поры, еврейские купцы, ездившие целыми караванами на Русь, нашли обозначение «Holchei russia», подобно их летописному наименованию «ruzarii».[4]

В конце XI в. находим регенсбургских купцов в Киеве, откуда они отправили транспорт мехов в Регенсбург. [5] О «plaustris in Ruziam vel de Ruzia tendentis» говорилось в

[1] MGH, Leges, I, p. 480. Доказательство того, что «Rugi» — русские см. Th. Ediger. Russlands älteste Beziehungen zu Deutschland, Frankreich und der römischen Kurie, Halle, 1911, S. 17, Anm. 1.

[2] Известия Аль-Бекри и других авторов о Руси и славянах, изд. А. Куник и В. Розен, ч. 1, СПб., 1878, стр. 49.

[3] MPH, t. I, Lwów, 1864, p. 394.

[4] См. А. В. Флоровский. Указ. соч., стр. 187, 189 и сл.

[5] М. Э. Шайтан. Ирландские эмигранты в средние века.— Сб. «Средневековый быт», Л., 1925.

постановлении штирийского герцога Оттокара для купцов городов Энса, Регенсбурга и др. (1191 г.).[1] В 1180 г. Фридрих Саксонский освободил от пошлин в числе других и русских купцов. Как в данном случае, так и в грамоте Леопольда Австрийского (1190) о взаимной торговле русских и немцев скорее всего следует подразумевать купцов из юго-западной Руси.

О прочности русских позиций на Дунае говорит грамота 1134 г. князя Ивана Берладника (достоверность которой признали Н. Дашкевич, П. Мутафчиев, М. С. Грушевский и из советских исследователей — В. В. Мавродин), в которой читаем: «а на исъвозъ разным товаром тутошным, и оугрьськым, и руським, и чесь(кым), а то да платет николижь, развс оу Малом оу Галичи».[2]

Смысл установления в том, что Галац (Малый Галич) — место сбора мыта в пользу русского князя с товаров местных, венгерских, русских и чешских, привозимых к низовьям Дуная; одновременно для купцов месамврийских устанавливается привилегия платить мыто при распродаже товаров по городам — в Берладе, Текучем и др. Очевидно, князь Иван владел в XII в. областью вокруг Берлада (между течениями Серета и Прута), распространявшейся до нижнего течения Дуная.

Устойчивая торговля со многими странами продолжалась и в XIII в. Свидетельством тому является Остригомский таможенный устав 1288 г. Здесь, в Остригоме, важном торговом центре, встречались купцы из разных славянских и неславянских стран: «Mercator de Ruscya veniens («et similiter hi qui pellas deferunt caras»)» облагаются по этому уставу наравне с купцами польскими, баварскими, чешскими, австрийскими и др.

Изучавший этот устав В. Халоупецкий пришел к выводу, что отдельные постановления тарифа восходят к давности устава Раффельштеттенского.[3] Равно же в XIII в. продолжались торговые отношения и с немецкими землями. Так, немецкий поэт Гартманн из Ауе (Ouwe) (умер в 1210 г.) писал о серых мехах: «лучших никто не мог найти ни на Руси,

---

[1] A. Meiller. Oesterreichische Stadtrechte und Satzungen aus der Zeit der Babenberger. Archiv f. Kunde d. Oster. Geschichtsquellen, Bd. X, Wien, 1853; ср. М. Э. Шайтан. Германия и Киев в XI в. Лет. занят. пост. истор. Археогр. комис., в. 1 (34), Л., 1927, стр. 4.

[2] См. Н. П. Дашкевич. Грамота князя Ивана Ростиславича Берладника 1134 г. Сборник статей по истории права, посвящ. М. Ф. Владимирскому-Буданову, К., 1904.

[3] V. Chalaupecký. Staré Slovensko (= Spisy filos. faculty Univ. Komenského v. Bratislavě, č. III), Bratislava, 1923, 112—113, 247, пр. 961.

ни в Польше».[1] Естественно, что и в синодике монастыря бенедиктинцев св. Петра в Эрфурте читается запись: «Romanus, rex Ruthenorum dedit nobis XXX marcas»[2] (Эрфурт — крупный торговый центр на пути между северной и южной Германией). Вполне понятно, что в Галиче летописью упомянуты «немецкие» ворота.[3]

Среди русских предметов торговли, находивших сбыт в соседних странах уже в XIII в., находим «русские» замки (в Чехии),[4] овручские пряслица (в Польше),[5] т. е. изделия ремесла, что свидетельствует о широком развитии и высоком качестве последнего. В чешском археологическом материале прослеживаются русские влияния.[6]

Не может быть сомнения в том, что уже с конца XII в., когда Киев, этот «aemula Constantinopolis», как называл его Адам Бременский, город, в который, по словам Никоновской летописи, «от всех дальних многих царств стицахуся всяко человеци и купцы»,[7] пришел в упадок, то отмеченные выше торговые связи были удержаны и закреплены Галицко-Волынской Русью.

Торговые связи с Византией, с которой Галичина имела общую границу на Дунае, стали ослабевать лишь в начале XIII в. С Черного моря поступали рыба, вина, шелка, пряности и другие греческие товары, ценившиеся в высших слоях общества. Из летописи мы знаем, что князь Даниил носил кожух греческого оловира[8] (оловир — шелковая, тканная золотом материя), что сапоги у него были из «хза зеленого»[9] («хза» — обработанная козья кожа, сафьян). Из Руси в Византию шли меха (в частности, заячьи), изделия из кости и др.[10]

Рубруквис (середина XIII в.) отмечал, что из Руси в Турцию ехали купцы и везли «горностаев, белок и другие драгоценные меха»;[11] эти купцы были русские, ибо в другом месте тот же автор говорит, что в Солдае (Судаке) можно было

---

[1] A. Kraus. Slované v literatuře staroněmecké do roku 1500. Slovanský sborník, red. E. Yelínek, Ročník V, 1886, Praha, str. 225.

[2] М. С. Грушевський. Історія України — Руси, т. II, стр. 485.

[3] ПСРЛ, т. II, стб. 778.

[4] А. Ясинский. Чешское свидетельство о русском металлическом производстве. Сб. Уч. литер. об-ва при Юрьевском ун-те, т. I, 1898, стр. 54; ср. Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 478.

[5] Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 466 и сл.

[6] Там же, стр. 475 и сл.

[7] ПСРЛ, т. X, стр. 146.

[8] ПСРЛ, т. II, стб. 814.

[9] Там же.

[10] В. Г. Василевский. Древняя торговля Киева с Регенсбургом. ЖМНП, 1888, июль, стр. 188 и сл.

[11] Рубрук. Указ. соч., стр. 66.

купить крытые повозки, в которых русские перевозят свои меха.[1] Выходя в море, русские купцы направлялись либо в Византию, либо в Судак и Херсон, а с уменьшением роли последнего — в Чембалу (Балаклаву), Каламиту (Инкерман), Феодоро (Манчун). Торговля с Судаком, в котором русское и половецкое влияние было весьма значительно, продолжалась и в конце XIII в. Не случайно гости-сурожане, вместе с евреями и немцами, оплакивали кончину князя Владимира Васильковича.[2] Ввозили они главным образом шелковые товары.[3]

Налаженные пути через горные проходы связывали юго-западную Русь с Венгрией через Карпатскую Русь. В западной ее части один путь лежал: от Перемышля через Дуклу и Свидник — на Бардуев — и верховьями реки Топлы — через Прешо́в — долиной реки Торычи на Кошице; из Галичины и от Львова шли пути к Бескыду — на Верецкы — через Воловец — к Мукачеву, откуда через Ужгород — Собранец — Велке Михайловце — к Кошице.

Этим путем бежал из Руси в 1015 г. сын Владимира I Святослав; он был настигнут здесь братом Святополком и убит в горах, возможно, у м. Скопле, где об этом сохранилась легенда. Эту же дорогу упоминает Рогериус, сообщая о приходе Бату через porta Russiae в Венгрию;[4] русские, в свою очередь, именовали западный проход «воротами угорскими». Был еще путь на Василев через Буковину, где упоминается «Барсуков дол»[5] (может быть на верхнем Черемоше, где позднее был «русский дол») и «баня Родна», позднее — проход Родна, из долины верхней Быстрицы в долину Самоша. Ю. В. Готье полагал, что во второй половине XIII в. пути из Руси на Балканы переместились к западу и вели из Галича через Семиградье и Венгрию прямо в современную Валахию.

Из Венгрии еще в X в. вывозились кони и серебро, которые упоминал князь Святослав. Русские купцы посещали не только Буду, но и Остригом. В жалованной грамоте короля Эмерика (конец XII в.) остригомскому монастырю на первом месте упомянуты купцы из Руси. И позднее венгерские кони («фари») известны на Руси наряду с половецкими «актаза-

---

[1] Там же, стр. 67.

[2] ПСРЛ, т. II, стб. 920.

[3] В. Г. Василевский. Труды, т. III, Пгр., 1915, стр. CLXXXVII, ср. стр. CLXIX.

[4] Материал о путях из юго-западной Руси в Венгрию см. E. Perfeckij. Sociálně-hospodářské poměry Podkarpatské Rusi ve století XII—XIV, Bratislava, 1924, str. 79 и др.

[5] ПСРЛ, т. II,, стб. 778.

ми».[1] Из Венгрии же поступали стекло и мрамор. Так, князь Даниил привез оттуда чашу «мрамора багряна, изваяну мудростью чюдну и змееви главы беша округ ея».[2]

Продолжало ввозиться вероятно и золото и серебро. Не случайно одна древняя «козмография» заключает сказание словами: «страна Угорская и Чешьское королевство, изо многих лет крали были самовластные, нарицаются златые отоци, что златые руды куплють множеством и златые угорския идут во все земли».[3]

Наконец, от половцев поступали «кони, и вельбуды, и буйволы, и девки».[4]

Юго-западная Русь вела и торговлю хлебом, так как в 1279 г. князь Владимир Василькович отправил на судах хлеб (рожь) ятвягам с «добрыми» людьми «кому веря».[5]

Широко была развернута и торговля солью: еще в XI в. киевский князь Святополк Изяславич «не пустиша гостей из Галича, ни людей з Перемышля, и не бысть соли въ всей руской земли».[6] О размерах соляной торговли говорит и тот факт, что в 1164 г. во время разлива Днестра вода потопила «человек боле 300, иже беху пошли с солью из Удеча».[7] Триста человек — большой купеческий караван. Соль добывалась, следовательно, у Перемышля, в Удече и Коломые. Соляная торговля приносила большие доходы. Князь Даниил владел соляными разработками в Коломые (он их «отлучил» «на себя»), доход с которых использовал на содержание своего войска — «оружников».[8]

Приведенные материалы, относящиеся к торговым связям, несмотря на их немногочисленность, вполне гармонируют с теми данными об уровне техники и производства, которые были суммированы ранее. Есть, таким образом, все основания утверждать, что среди населения юго-западных городов был значительный слой людей, связанных с торговлей,— купцов — «добрых людей», ведших торговлю хлебом, солью, ме-

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 746 («акта» по-тюркски мерин).

[2] Там же, стб. 845—846.

[3] «Книга, глаголемая козмография» — см. Временник Об-ва истор. и древн. росс., М., 1853, кн. 16, Смесь, стр. 3.

[4] Новгор. I лет., стр. 216 (в Холмском своде этот текст киевского источника опущен — ПСРЛ, т. II, стб. 740). Ср. «Сказание о пленном половчине».— Памятники старинной русской литературы, в. 1, СПб., 1860, стр. 73.

[5] ПСРЛ, т. II, стб. 879.

[6] Патерик Печерский, см. Памятники старинной русской письменности, изд. Археографич. комиссии, СПб., 1911, т. II, стр. 108.

[7] ПСРЛ, т. II, стб. 524.

[8] Там же, стб. 789. «Оружники» — не ремесленники, а воины, см. ПСРЛ, т. II, стб. 765.

хами, произведениями ремесла как в русских землях,[1] так и в соседних странах — Венгрии, Чехии, немецких землях, а следовательно, и в Польше.[2]

Наблюдая большие успехи русского ремесла и торговли, советские исследователи справедливо указывают и на возрастающее значение городского, торгово-ремесленного населения в политической жизни того времени.

Поскольку «феодальной структуре земельной собственности соответствовала в *городах* корпоративная собственность, феодальная организация ремесла»,[3] постольку источники отмечают «улицы», «ряды», «сотни» и «братчины», как формы корпоративной организации ремесленников; в городах или на улицах были патрональные церкви в честь того или иного покровителя ремесла, собирались цеховые пирушки, корпорации имели своих старост, свою казну, стремились получить, и небезуспешно (как, например, во Пскове), собственную юрисдикцию. Ремесленные братчины выступают в источниках (как, например, в Полоцке в 1159 г.) в качестве силы, отстаивающей городские «вольности».

Как купеческие объединения (штетиници, гречники, чудинцы и др.),[4] сотни (Ивановская и др.), так и ремесленные братчины находились в руках торгово-ремесленной верхушки, которая резко противостояла городским низам — «меньшим» людям, держа их в подчинении, формируя в случае нужды из них городовые полки. Наличие полков «гражан-пешцев» делало правящую знать городов («мужей градских») серьезной силой, которую и стремились использовать в своих интересах великие князья, борясь против непокорного сеньериального боярства и мелкого княжья.

Уже Владимир Мономах первый оценил значение политической силы горожан и в частности купечества и постарался в своей Правде охранить его деятельность от потерь, связанных с феодальными войнами; он же и в «Поучении» рекомендовал сыновьям держать связь с купечеством: «боле же чтите гость, откуду же к вам придеть, или прост, или добр, или сол, аще не можете даром, бращном и питьем, ти бо

---

[1] Экономические связи с Киевщиной видны из материалов археологических раскопок (см. Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 455, 465 и др.); даже с Новгородом были деловые отношения: новгородцы (вероятно, купцы) оплакивали смерть князя Владимира Васильковича (ПСРЛ, т. II, стб. 920).

[2] «Слово о полку Игореве» в связи с волынскими князьями упоминает «Златыи шеломы и сулицы Ляцкии и щиты» (см. «Слово о полку Игореве», указ. изд., стр. 73).

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 14.

[4] О них см. М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 154 и сл.

мимоходячи прославят человека по всем землям, любо добрым, любо злым».[1]

Городская знать — «мужи градские» — купечество и бюргерство — в это время вполне определенно враждебно противостоит городской бедноте. В одном поучении XII в. дано яркое противопоставление городского богача «хышьника», который «сироты облупи», бедняку: «Ты же яси тетеря, гуси, ряби, куры, голуби, и прочее брашьно различьно, а убогый хлеба не имать чим чрево насытити; ты же облачишися, и ходиши в паволоце и в кунах, а убогый руба не имать на телеси; ты же жи в дому, повалуши испьсав, а убогый не имать къде главы подъклонити».[2]

В XII—XIII вв. можно наблюдать неоднократно и самостоятельные выступления городских масс, что имеет, кроме общих причин (наступление землевладельческой знати на города, внутренняя дифференциация в городах и т. п.), специальное объяснение: «Процесс долгового закабаления городских мастеров, падающий на XII—XIII вв., совпадает во времени с переходом городских ремесленников к работе на рынок, с выработкой новой техники, приноровленной к массовому выпуску продукции. Возможно, что обзаведение новыми дорогостоящими орудиями производства, необходимость заранее приобретать дорогостоящее сырье и, наконец, зависимость от скупщика, каким мог быть и боярин и монастырь (ведшие торговлю через своих тиунов) — вся эта цепь явлений, характерных для XII—XIII вв., приводила ремесленников к долговой зависимости».[3]

С расчленением Киевского государства положение великокняжеской государственной власти в отдельных княжествах оказалось неодинаковым. В Новгороде после событий 1136 г. сложился строй городской феодальной республики и власть князей свелась почти к нулю; во владимирско-суздальской земле благодаря своеобразию классовых отношений эта власть оставалась в большой силе; в галицко-волынской земле шла жестокая борьба между сильным боярством и княжеской властью, борьба, на разных ее этапах склонявшаяся в пользу то той, то другой стороны.

Бесспорно, что на ход борьбы оказывало решающее влияние состояние отношений великокняжеской власти с городами — «мужами градскими», с одной стороны, и со «служащим боярством» (дворянством, детьми боярскими, «милостниками»), с другой.

---

[1] ПСРЛ, т. I, в. 1, стб. 246.
[2] М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 252.
[3] См. Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 517.

Поэтому, думается, и при изучении истории юго-западной Руси в XIII в. необходимо учитывать экономическое и политическое значение галицко-волынских городов и их торгово-ремесленной верхушки — «мужей градских», «местичей».[1]

Приводимый нами материал вполне определенно свидетельствует, что эти слои населения сыграли весьма важную роль в ходе феодальной войны 1205—1245 гг., которая принесла победу великокняжеской власти. Тем самым еще раз подтверждается справедливость известного указания Ф. Энгельса относительно роли в истории средних веков тех элементов, «которые прежде всего желали, чтобы был положен конец бесконечным бессмысленным войнам, чтобы прекращены были раздоры феодалов, приводившие к тому, что внутри страны шла непрерывная война даже и в том случае, когда внешний враг был в стране, чтобы прекратилось это состояние непрерывного и совершенно бесцельного опустошения, которое неизменно продолжало существовать в течение всего средневековья. Будучи сами по себе еще слишком слабыми, чтобы осуществить свое желание на деле, элементы эти находили сильную поддержку в главе всего феодального порядка — короле».[2]

Нужно заметить, что экономическое развитие Галицко-Волынской Руси еще не достигло того уровня, который позволил бы преодолеть феодальную раздробленность, почему самые энергичные карательные действия великокняжеской власти времен Романа Мстиславича, князей Игоревичей и, наконец, Даниила и Василько Романовичей, направленные против непокорных «великих» бояр, приносили лишь кратковременные успехи.

Смерть князей неуклонно приводила к восстановлению прежней раздробленности, осуществляемой растущей землевладельческой знатью и местным «княжьем». Тому немало способствовало неблагоприятное внешнеполитическое окружение Галицко-Волынской Руси — Венгрия, Польша, Литва, позднее Золотая и Ногайская орды.

Все это не должно, однако, мешать правильной оценке политической роли городов в те периоды, когда обострялась борьба против крупнейшего сеньериального боярства и мелкого «княжья», против феодальной раздробленности.

Среди населения городов конечно шла постоянная борьба между низами городского населения — городским плебсом, и их верхами — торгово-ремесленными «мужами градскими» и землевладельческой знатью. Последняя не раз, по мере своего

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 905.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т XVI, ч. 1, стр. 443.

усиления, пыталась прибрать к рукам аппарат власти в городах (например, в Перемышле, Звенигороде, Галиче, Городке и некоторых других).

В ходе изучаемой феодальной войны великокняжеская власть в союзе с «мужами градскими» сумела оружием и подкупом подорвать силу крупного боярства в городах и посадить в них свои «засады».

При этом «мужи градские» оказались способными выставить в помощь великокняжеской власти значительные вооруженные силы «воев» из «гражан-пешцев», т. е. городских масс; эти силы сыграли видную роль в феодальной войне.

Эта борьба групп внутри господствующего класса особенно интересна тем, что позволяет, хотя бы в ничтожной степени, уловить в источниках и борьбу крестьянства и городской бедноты против господствующих сословий. Народные движения различной силы засвидетельствованы источниками для изучаемого периода неоднократно.

Один их перечень достаточно показателен: они имели место в 1136 (Новгород), 1144 (Галич), 1146 (Киев), 1157 (Киев), 1175—1176 (Владимир на-Клязьме), 1189 (Галич), 1209 (Новгород), 1228 (Новгород), 1241 (Галичина); наконец, в связи с установлением татаро-монгольского владычества эти антифеодальные движения продолжались, приняв и антитатарский характер: 1259 (новгородская земля), 1262 (восстание в северо-восточной Руси). Не все эти движения одинаковы.

Например, события во Владимиро-Суздальской земле 1175—1176 гг. явственно обнаруживают две линии: одна — это измена княжеской дружины дворян[1] — «милостников»,[2] сопровождавшаяся убийством князя его слугами и разграблением его «двора» дружинниками и боголюбскими «горожанами».

Но источники здесь же отметили и другую линию движения — выступление крестьянства против государственной власти: «и много зла створися в волости его (князя Андрея.— *В. П.*): посадник его, и тиунов его домы пограбиша, а самех избиша, детьцкые и мечникы избиша, а домы их пограбиша, не ведуче глаголемого: идеже закон, ту и обид много».[3] Понятно, что княжескую администрацию не могли уничтожать «дворяне», из числа которых, в известной мере, и состояли посадники, тиуны, детские и мечники; она истреблялась крестьянами. «Дворян» интересовало другое, что и отметил оче-

[1] ПСРЛ, т. I, в. 2, стб. 369.
[2] Новгор. I лет., стр. 152.
[3] ПСРЛ, т. I, в. 2, стб. 370.

видец событий — купец Кузмище Киянин,— они устремились на княжеское добро, на «любимое имение», они «воскладоше [его] на милостные коне [и] послаше до света прочь»; а затем руководители антикняжеского мятежа, «воземъше на ся оружья княже милостное, почаша совокуплевати дружину кь собе». Цель руководителей мятежа, которые при князе разбогатели и, подобно упомянутому в летописи ключнику Амбалу, мало чем отличались от бояр, была захватить земли и богатства и удержать их при новом князе. Это им, надо думать, не удалось, ибо владимирские «мужи» отказались их поддержать, заявив: «кто с вами в думе, той буди вам, а нам не надобе», а князь Всеволод позднее жестоко покарал и бояр, пытавшихся ослабить княжескую власть, и верхушку дружины, сомкнувшуюся с боярством. За владимирский княжеский стол он боролся, опираясь на горожан, дружину свою «и что бяше бояр осталося у него».[1]

Владимирские события интересны еще и тем, что в них борьба великокняжеской власти против боярства переплелась с борьбой городов за свои «вольности». До событий 1175—1177 гг. во Владимиро-Суздальской земле, как говорит летописец, был тот же порядок, что и в других землях, например: «Новгородци бо изначала, и смолняне и кыяне, и полочане и вся власти яко же на думу на веча сходятся, на что же старейшие сдумають, на том же и пригороды станут»; этот порядок сам по себе не плох, но беда, по мнению летописца, в том, что после смерти князя Андрея, который дал владимирским «мужам» по «ряду» некоторые льготы, вновь подняло голову ростовское боярство, которое опять заявило, что «Володимер е пригород наш».

Однако события сложились так, что хотя ростовское и суздальское боярство призвало новых князей, а само начало править «творяшеся старейшии», победу все же одержали «людье мизинии володимерьстии», а также других княжеских городов — Переяславля, Дмитрова, Юрьева и др., поднятые «мужами градскими» против новых князей и ненасытных бояр, которые «многу тяготу людем створиша продажами и вирами». Победа великокняжеской власти, в лице Всеволода, разбившего противников в 1177 г., сопровождалась тем, что князь и его союзники, т. е. дружина, «сёла боярские взяша, и кони, и скот»,[2] а «мужи городские» Владимира, Ростова, Суздаля и некоторых других городов получили от великого князя «весь поряд»,[3] т. е право на городские привилегии.

---

[1] Там же, стб. 380.
[2] Там же, стб. 382.
[3] Там же, стб. 379.

Что владимирский летописец правильно упомянул Киев в числе городов, имевших в то время вечевое управление, находившееся в руках городских «мужей», свидетельствует Киевская летопись, говоря о событиях 1146—1147 гг. В 1146 г. киевский князь Всеволод Ольгович, умирая, пытался передать Киев по наследству своему брату Игорю. Однако городская знать «от киян мужи»,[1] подняв против княжеской администрации (тиунов) «народ», который начал дворы тиунов «грабить и на мечьники»,[2] добилась от князя каких-то новых городских привилегий, ибо представитель князя обещал киевскому вечу: «не будеть вы насилья никоторого же, а если вам и тивун, а по вашей воли».[3]

Однако этих льгот оказалось недостаточно и киевская знать решила сменить ориентацию с князей Ольговичей на волынского князя Изяслава Мстиславича, который, вероятно как князь-сюзерен, сулил этой знати больше выгод. Склонив на свою сторону местных воевод, киевские «мужи» лишили власти князя Игоря и захватили его имение: «разъграбиша кияне с Изяславом дружины Игоревы и Всеволоже, и села, и скоты, взяша именья много в домех и в монастырех»;[4] захватили они и бояр княжеских, отпустив их «на искупе».

И в этом движении была плебейская струя, с которой связан разгром княжеской администрации — тиунов, мечников, а затем и убийство захваченного в плен князя Игоря; но, как видим, городской черный люд используется «мужами» лишь для того, чтобы заключить с более сильным князем выгодный «ряд».

Наконец, аналогичные процессы наблюдаем мы и в юго-западной Руси. Например, во время войны 1144 г. галицкого князя Владимирко против киевского князя Всеволода Ольговича из-за Волыни, основную часть которой цепко держали киевские князья, рассматривая ее потерю как окончательный подрыв своей политической власти. Князь Владимирко терпел неудачи (он потерял города Ушицу и Микулин), что, видимо, не замедлило отразиться на отношении к нему городов, опасавшихся попасть под удар киевского князя.

Князь Владимирко с галицкими полками был обойден противником и отрезан от Галича. Здесь выяснилось, что «галичане» не слишком стойки. По сведениям киевского летописца, они говорили: «Мы зде стоимы, а онамо жены наша возмуть», — этим подчеркивалась непрочность, слабость власти Владимирко. В конце концов князь Владимирко должен

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 323.
[2] Там же, стб. 322.
[3] Там же.
[4] Там же, стб. 328.

был пойти на мир, «много» уплатив Всеволоду «за труд» — 1400 гривен, которые, вероятно, взыскал в значительной части и с Галича, где он сам обосновался сравнительно недавно (в 1141 г.).

Все это привело к столкновению города с князем: в том же году, воспользовавшись отъездом Володимерка на охоту, «галичане» «въведоша» к себе звенигородского князя Ивана Ростиславича, видимо полностью принявшего условия горожан.

Князь Владимирко Володаревич с дружиной три недели осаждал город; Иван Ростиславич, «выездяче» из города, отбивал его приступы; но однажды он был отрезан от города и должен был бежать. Он «пробеже сквозе полк (Владимирки) к Дунаю», а оттуда «полем» пробрался в Киев. Интересно, что и после этого галичане держались целую неделю, но потом «нужею отворишася». Их выступление было жестоко подавлено князем, который «многи люди исече, а иния показни казнью злою».

В этом плане характерен и следующий эпизод. Князь Всеволод в 1145 г. осадил Звенигород, в котором в засаде находился воевода Владимирки Ивач Халдеев. Когда киевский князь «пожог» острог у города, то звенигородцы, недавно попавшие под власть Владимирки, «вечь створше» и решили предаться Всеволоду. Но воевода Ивач, «иже бе ту с ними в осаде», подавил сопротивление горожан, он «изнимал у них 3 мужи, иже беша началници вечю тому», и расправился с ними — «сверже [их] с города». Результатом было то, что «звенигородци убояшася того и начашася ся битися крепко, без лести».

Таким образом, в юго-западной Руси отношения великокняжеской власти с городами сложились несколько иначе, чем в северо-восточной. Несомненно, в частности, что подавление городских движений во времена Владимирки и Ярослава Осмомысла сыграло немалую роль в последующем ослаблении великокняжеской власти в Галицко-Волынской Руси. Несомненно также, что успехи великокняжеской власти в той же юго-западной Руси в XIII в. связаны и с тем, что князь Роман Мстиславич «свободил бяшеть» «мужей градских» «от всех обид», а его сын князь Даниил Романович поддерживал с ними тесный контакт.

В условиях феодальной войны за единство юго-западной Руси, при неоднократных столкновениях с иноземными государствами (Венгрия, Польша, Литва, Орден), стремившимися использовать эту войну в своих интересах, большое значение должны были получить вооруженные силы — войско. Наличие сильного войска должно было не только обеспечить расширение территории господствующего сословия, но в условиях

острой социальной борьбы — выполнение основной функции государства, внутренней (главной) — «держать эксплоатируемое большинство в узде».[1]

Позволим себе сделать небольшое отступление для характеристики вооруженных сил «великого князя» Даниила Романовича, ибо это даст нам возможность извлечь некоторые дополнительные сведения для характеристики социальных отношений.

Источники свидетельствуют, что великокняжеской властью были созданы вооруженные силы, обеспечившие победу и над оппозиционным княжьем и боярством и над внешними врагами. Большую роль здесь сыграла не только техника вооружения (хотя и она была вполне современной), но и характер комплектования, состав войска. Основу войска составляла не профессиональная дружина, а большие массы пехоты — «пешцев» — смердов и горожан.

О массовом характере войска можно сделать вывод на основании некоторых косвенных, но, думается, вполне убедительных данных. По свидетельству Карпини, татаро-монгольский воевода Куремса (Коренца) являлся «господином всех, которые поставлены на заставе против всех народов Запада, чтобы те случайно не ринулись на них неожиданно врасплох»; этот воевода, по сведениям Карпини, имел под своею властью 60 тысяч вооруженных людей.[2] Сопоставим с этим тот факт, что попытка наступления Куремсы на юго-западную Русь была отражена войсками князя Даниила Романовича, который «держаше рать с Куремсою и николи же не бояся Куремьсы: не бе бо могл (Куремса) зла ему створити».[3]

С другой стороны, по сведениям Рубруквиса, венгерский король имел, «самое большее, не свыше 30 тысяч воинов».[4] Сопоставим это с известием летописи, что король Бела IV «бояше бо ся его (Даниила), яко... победою победи Ростислава и Угры его».[5]

Получаем достаточные основания для утверждения, что войско галицко-волынского князя насчитывало несколько десятков тысяч человек. Это, конечно, не дружина, а пехота — «вои» от городов и «смерды-пешци».

Правильно ли это утверждение?

Ф. Энгельс, касаясь организации вооруженных сил средневековья, очень невысоко оценивал пехоту. «Средневековая пе-

---

[1] См. И. В. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11, ОГИЗ, 1946, стр. 604.

[2] Карпини. Указ. соч., стр. 47.

[3] ПСРЛ, т. II, стб. 846.

[4] Рубрук. Указ. соч., стр. 177.

[5] ПСРЛ, т. II, стб. 809.

хота,— писал он,— комплектовавшаяся из феодальной челяди и частью из крестьянства, состояла главным образом из копейщиков и большею частью ни на что не годилась».[1] И далее: «В средние века «кавалерия оставалась главным родом войск»,[2] притом в течение всего средневековья кавалерия являлась тяжелым, медленно движущимся родом войск, тогда как вся легкая служба и быстрые движения выполнялись пехотой. Наконец,— «возможность поддерживать существование солидной пехоты имелась у городов».[3] Исключение Ф. Энгельс делал лишь для английской пехоты, вооруженной луками.[4]

Следовательно, причины слабости средневековой пехоты Ф. Энгельс видел, с одной стороны, в ее социальном составе (дворовая челядь феодала) и, с другой — в низком качестве ее вооружения (одни копья, отсутствие луков). Следует отметить также оговорку Ф. Энгельса, что средневековая пехота была плоха лишь «большею частью». Специально о Руси Ф. Энгельс ничего не говорит.

Положения Ф. Энгельса относительно места пехоты в вооруженных силах средневековья безусловно правильны относительно Западной Европы, правильны они и относительно Руси в тех случаях, когда русские феодалы «татем воевахуть», т. е. совершали небольшие набеги на владения друг друга. Но положения Ф. Энгельса неприменимы при анализе крупных русских сражений XIII в.

М. Д. Приселков вполне ясно доказал, что уже в Киевском государстве основной военной силой княжеской власти были «вои» от городов, с помощью которых, в частности, русские князья держали в повиновении наемные дружины, в том числе и варяжские.[5]

Значение пехоты в юго-западной Руси продолжало сохраняться и позднее. «Полк» князя Ярослава Осмомысла, его основная вооруженная сила, был «пешь».[6] Источники с полной ясностью говорят, что в юго-западной Руси периода феодальной войны, переплетавшейся с борьбой против иноземных захватчиков, с неоднократными восстаниями горожан и смердов против иноземного владычества, основным родом войск великого князя была пехота.

---

[1] Ф. Энгельс. Избранные военные произведения, т. I, М., 1937, стр. 160); ср. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 447 («До тех пор, пока продолжался расцвет феодализма, до конца XIII в., рыцарство вело и решало все сражения»). (Курсив наш.— *В. П.*).

[2] Там же, стр. 224.

[3] Там же, стр. 198.

[4] Там же, стр. 225.

[5] М. Д Приселков. Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам. Ученые записки Лен. гос. ун-та, № 73, Л., 1941, стр. 194; ср. стр. 233, 245 и сл.

Вот описание войска князя Даниила на походе: «И воем всем соседшим, вооружившимся пешьцем ис стана», «мнози стрелчем (т. е. лучники) же обаполы идущим и держащим в руках рожанци (т. е. самострелы) свои и наложившим на не стрелы своя противу ратным; Данилови же на коне седящю и вои рядяшоу».[2] Другое описание похода: «Данил же изрядив полкы и кому полком ходити, сам изииде наперед... и стрелче же пусти наперед, а другия обаполы дорогы, дворьскому же повеле за собою ходити, сам же ехав мале отрок оружных».[1] Оба эти описания сделаны участниками походов, крупными полководцами, первое — дворским Андреем, второе — князем Львом Даниловичем. Из описаний явствует, что главную силу княжеских «полков» составляли «пешьци», в том числе «мнози стрелцы».

Известно далее, что князь Даниил держал Коломыю, употребляя доход с нее на раздачу «оружникам».[2] Кто такие оружники? Все та же пехота: оружники стоят на стенах осажденного Владимира;[3] характеризуя венгерское войско, летописец делит его на «оружников и фаревников»,[4] т. е. на пехоту и конницу; так же и литовское войско составляли «пешци и снузничи».[5] Относительно «отроков» следует заметить, что по крайней мере часть из них не принимала участия в боях: во время одного из сражений князь Даниил подъехал к стоявшему отряду «и никого не виде в них воиника, но отроки держаще коне»,[6] т. е. «отроки» здесь слуги, а «воиники» — это те, которых князь Лев, говоря о чешском походе, называл «вои воевальные»[7]. Термин «вои» в XIII в. заменил прежнее слово «полк»; такое же изменение терминологии отмечено и в памятниках северо-восточной Руси.[8]

Полк всегда был пешим, чем, между прочим, и отличался от дружины: «Полк его и дружина его у меня»,— говорил Ярослав Осмомысл.[9] Это уважение на Руси к полку, к пехоте, к воям, т. е. к массовым армиям, издавна определялось историческими условиями: именно «вои» позволили князьям держать в повиновении наемников, именно «вои» несли на себе трудности тревожной обороны русских земель с юга и

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 831—832.
[2] Там же, стб. 790.
[3] Там же, стб. 765.
[4] Там же, стб. 761.
[5] Там же, стб. 811.
[6] Там же, стб. 769.
[7] Там же, стб. 823.
[8] М. Д. Приселков. История русского летописания, стр. 86.
[9] ПСРЛ, т. II, стб. 464.

востока от кочевников. Порой эти «вои», особенно если они выставлялись крупными и богатыми городами, могли бывать и конными.

Посмотрим, каковы свидетельства летописи об участии пеших войск в боевых операциях. В литовский поход князь Даниил «посласта многи своя пешьце и коньникы»,[1] печатник Кирилл, действовавший по поручению князя против бояр и князя Ростислава Михайловича в Понизье (1241),— «изииде на ня со пешци»;[2] тот же Кирилл пришел на помощь князю «со треими тысящами пешець и трьими сты коньник»[3] — эти цифры заслуживают доверия: Кирилл их сам назвал, когда составлял холмский летописный свод.

Другие факты говорят о том же. Когда Ростислав, с помощью неизвестных нам мер «собравше смерды многи пешьце» и выйдя с ними из Перемышля, разбил наступавшие на него войска дворского Андрея и стольника Якова, то последние дали этому делу следующее объяснение перед князем Даниилом: «одоле Ростислав, многи бо име пешьце»[4] — трудно выразиться яснее. Князь Даниил с полным вниманием отнесся к этому сообщению и принял надлежащие меры, а именно «собрав вои многии пешьце»,[5] направил их против Ростислава Михайловича и добился победы.

Следовательно, основным, решающим родом войск в изучаемое время в юго-западной Руси была пехота, комплектовавшаяся главным образом из крестьян — смердов, населявших земли либо княжеского домена, либо земли того нового «служащего» боярства, что было создано великокняжеской властью в ходе феодальной войны.

Нужно заметить, что князь Даниил учитывал и характер предстоящих операций: если ожидалась битва, где на стороне противника выступали большие силы рыцарей, то к пехоте придавалась конница; так, в поход под Ярослав шли князья «с коньники и пешьци»,[6] равно же и в далекий чешский поход были двинуты «коньники и пешьцы».[7] В операциях против литовцев, которые сами (особенно ятвяги) выставляли большие массы пеших воинов, князь увеличивал пешую часть войска. В сражениях с ятвягами доходило до рукопашных схваток, когда воины «изручь бодяхуся»;[8] тогда

---

[1] Там же, стб. 819.
[2] Там же, стб. 791.
[3] Там же, стб. 792.
[4] Там же, стб. 797.
[5] Там же.
[6] Там же, стб. 802.
[7] Там же, стб. 822.
[8] Там же, стб. 811.

даже русские полководцы покидали коней и бились в пешем строю. Так поступал князь Лев: «Лвови же съседшу с коня одиному и бьющюся с ними крепко».[1]

Но не только смерды пополняли княжеское войско, входили в него и горожане. Во время осады Галича князь Даниил, «собрав землю галичкую, ста на четыре части окрест его, и собра от Боброкы доже (Х — «даже») и до рекы Ушице и Прута».[2] Итак, князь Даниил в борьбе против бояр и интервентов собирал «землю», а на ней были не только села, но и города. Летопись сохранила сведения об участии горожан в военных действиях.

Мы видим вскоре после смерти Романа Мстиславича галицких горожан-пешцев, отбивающих половецкий налет на город;[3] в другой раз горожане галицкие, стремясь помочь князю Мстиславу Удалому, осаждавшему город, восстали против венгров, окружили их у храма богородицы и «фаре (коней) их поимаша», а венгры в ответ «стреляющим и камение мещющим на гражаны».[4] Другой пример из описания, внесенного в летопись со слов участника дела — тысяцкого Демьяна. Демьян держал оборону Галича; город пытался осаждать венгерский король Андрей II, но потерпел неудачу, так как «нападшим на не гражаном мнозим», которые опрокинули венгерское войско в Днестр.[5]

Рассмотрим еще пример. «Гражане пешци» выбили войско Куремсы из владимирского посада: «изиидоша на не гражане пешьци и бившимся с ними крепко и выбегоша (татары) из града».[6] Городов в юго-западной Руси было много, князья старались увеличить их число; в городах были свои городовые полки, пешие, а иногда и конные. По летописи — это «вои» «от города».

После смерти Романа Мстиславича и раздробления территории его княжества, города защищались от врагов именно с помощью таких «воев». Тогда в поход против венгров отправлялась дружина князя Василько, и «вои от Белза»; «от Пересопницы» «вои» вел Мстислав Немой; «со многими вои» «от Володимера» шел Александр Всеволодович; «со многими вои» «из Лучска» и «из Дорогобужа» выступал сын князя Ингвара и т. д.[7] Эти «вои» городов (с областями, конечно) были главной военной силой в начале феодальной

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 827.
[2] Там же, стб. 759.
[3] Там же, стб. 717.
[4] Там же, стб. 738.
[5] Там же, стб. 761.
[6] Там же, стб. 840.
[7] Там же, стб. 725.

войны, когда великокняжеская власть фактически отсутствовала.

Позднее, по мере объединения великим князем территории юго-западной Руси и включения им под свою власть отдельных городов, «вои» шли уже не от отдельных городов, а от всей «земли», контролируемой князем, который «уряжал» города, ставил в них своих тысяцких.[1] Понятно, что великий князь очень дорожил своими отношениями с городами, с их правящей зажиточной верхушкой — «мужами градскими», которые обеспечивали ему не только экономические преимущества над врагом, но и поставляли военную силу.

Поэтому летописец уделил этому вопросу должное внимание. В отношениях с городами князь Даниил продолжал политику своего отца Романа, а последний своими успехами, видимо, в немалой степени был обязан городам, торгово-ремесленной верхушке которых давал различные льготы и защищал ее от напора боярства. Не случайно «лепшие мужи» города Владимира еще и в конце XIII в. помнили Романа Мстиславича, который их «свободил бяшеть от всих обид».[2]

Горожане поддерживали князя Даниила, и эта поддержка подчас имела решающее значение; так, однажды при его приближении к столице «сретоша и болшаа половина (т. е. посад) Галича»,[3] что определило успех похода; в другой раз «мужи градстии» в решающий момент открыли князю ворота города.[4] Ход и исход борьбы за Галичину, вся политика великокняжеской власти, позволяют верить летописцу, утверждавшему, что «галичаном бо хотящим Данила».[5] О широком участии горожан и смердов в феодальной войне свидетельствует и обобщающая формулировка летописца, что тогда «боярин боярина пленившю, смерд смерда, град града, якоже не остатися ни единой веси не плененей».[6]

Мы не располагаем иностранными источниками, относящимися к характеристике состава войск юго-западной Руси, кроме одного косвенного свидетельства. Анонимный нотарий короля Белы, писавший свой труд в XIII в., видимо, не без учета современного состояния дел, рассказывал, что когда в древности венгры проходили в Паннонию и шли через silva Houos с русской стороны Карпат, то местный галицкий князь для сопровождения их через лес «duo milia sagittatorum et

[1] Там же, стб. 748, 793, 841.
[2] Там же, стб. 920.
[3] Там же, стб. 771.
[4] Там же, стб. 777.
[5] Там же, стб. 750.
[6] Там же, стб. 739.

tria milia rusticorum anteire precepit, qui eis... viam prepararent».[1]

Были на службе у князя Даниила и наемные войска, главным образом половцы,[2] но в небольшом числе, в гораздо меньшем, чем у Мстислава Удалого, боярский характер политики которого лишал его вооруженных сил, укомплектованных из горожан и смердов, принуждая пользоваться половцами в качестве основной военной силы.[3] Кроме того, наемничество требовало больших средств. Вспомним, что Святослав Ольгович в 1147 г. уплатил Ивану Берладнику, служившему у него с полком, 200 гривен серебром и 12 гривен золотом. Ярослав уплатил полякам за участие в походе на Луцк 3000 гривен и т. п.

К тому же наемные войска были ненадежны, как показали походы с литовской «помощью» на болоховскую землю или союзные походы с поляками в Чехию и Литву. С половцами, правда, союз был прочнее, скрепленный родством и традицией; любопытно, что половцы подчинялись определенной дисциплине, действуя лишь на основании «повеления княжа».[4]

Вооружение армии было вполне на уровне того времени: воины были вооружены копьями, луками, самострелами, одеты в «ярыцы»,[5] дружинники носили доспехи,[6] мечи, которые имели постоянно[7] при себе, при осадах крепости употреблялись баллисты — под Черниговым из них метали камни, которые лишь «можаху 3 мужи силнии подъяти»;[8] кони были в кожаных «личинах и коярех».[9]

Столкнувшись с таким врагом, как татаро-монголы, князь Даниил Романович сумел использовать то из их военного снаряжения, что, по его мнению, лучше подходило к борьбе с неприятелем, и сделал это быстро; уже во время одного заграничного похода князь Даниил умышленно снабдил свой полк татарским вооружением: «немци же дивяшеся оружью татарьскому»;[10] видимо, здесь пригодились князю именно те ремесленники, что бежали к нему «ис татар».

Князь Даниил уделял внимание и моральной подготовке

---

[1] Scriptores Rerum Hungaricarum, ed. E. Szentpétery, Budapestini, 1937, t. I, p. 50.
[2] ПСРЛ, т. II, стб. 802.
[3] Там же, стб. 735, 752.
[4] Там же, стб. 802.
[5] Там же, стб. 814.
[6] Там же, стб. 853, 877.
[7] Там же, стб. 762.
[8] Там же, стб. 772. О применении «пращи» — см. там же, стб. 796.
[9] Там же, стб. 814.
[10] Там же.

войска. Посылая войска в поход и предвидя возможность встречи его с татарами, князь призывал воинов не бояться татар: «аще сами будуть татарове, да не внидеть ужас во сердце ваше».[1] В борьбе с литовцами (ятвягами) князь изыскивал свои тактические приемы. Зная тактику литовцев — заманивать противника в тесные засеки и уничтожать его по частям, князь поучал войско: «крестьяном (т. е. христианам) пространство есть крепость, поганым же есть (крепость) — теснота».[2]

Князя окружали весьма одаренные полководцы, такие как Демьян, Андрей, Мирослав и др. Оставленное Мирославом описание осады города Калиша свидетельствует о точном анализе обстановки боя.[3] Сам князь Даниил Романович был знатоком «воинского чина», которому «на ратях обычай... есть».[4]

И действительно, источники рисуют князя умело ведущим военную и политическую борьбу, принесшую полную победу Галицко-Волынской Руси над врагами внешними (вооруженными силами Венгрии, Ордена, Польши и Литвы) и внутренними (светской и духовной знатью).

Успешные битвы за Галич, Луцк, Дорогичин и другие города, рейды в болоховскую землю, поход через Польшу в Чехию (до Опавы), походы в Литву, поход в Польшу (до Калиша), наконец, блестящая победа над венгерскими захватчиками под Ярославом — все это достигнуто благодаря высоким боевым качествам русских войск, умелой политике великокняжеской власти, наличию храбрых полководцев.

Оборонительные сооружения юго-западной Руси были по своему времени первоклассными. Тот факт, что татары не смогли взять городов Данилова, Кременца, а позднее (Бурундай) Холма,— достаточно убедительное тому свидетельство. Крепость Холм была построена по последнему слову техники, вооружена осадными машинами — пороками, самострелами и т. п., в центре города возвышалась каменная башня в 15 локтей высотой.[5] Не смогли татары (Куремсы) взять и другой город — столицу Восточной Волыни — Луцк, хотя он в ту пору был «не утвержден и не уряжен», т. е. не имел княжеской «засады». Горожане обрубили подвесной мост, ведший в замок, и татары потерпели неудачу.[6] В Каменце была построена из кирпича башня высотою в 30 локтей; диаметр ее

---

[1] Там же, стб. 830.
[2] Там же, стб. 812.
[3] Там же, стб. 755.
[4] Там же, стб. 831.
[5] Там же, стб. 845.
[6] Там же, стб. 842.

был около 13 метров, толщина стен — полтора метра. Из летописи мы знаем о большом военном значении этих башен.[1] Баллисты были установлены не только в Холме, но во всех крупных крепостях, в том числе в Ярославе,[2] Луцке и других городах.

Большое внимание уделялось обороне границ. В науке было высказано и достаточно обстоятельно аргументировано мнение, что юго-западная русско-польская граница была весьма устойчива благодаря существованию широкой полосы густых лесов, тянувшихся от Карпат по обеим сторонам реки Вислока и низовьев Сана.[3]

Поэтому, очевидно, все русско-польские походы и происходили севернее, направлялись через Люблинщину и Судомирщину (поход Романа Мстиславича к Завихосту, князя Даниила — к Калишу, татаро-монгол — под Краков, Романовичей — в Малую Польшу, Бурундая — в Польшу). Поэтому вопрос об «украине» в западной Волыни стоял в центре внимания князей, умевших «стеречь Владимир».[4] Именно потому и был основан Холм, возглавлявший цепь городов к северу и югу вдоль пограничья.

Была здесь, конечно, и организованная пограничная служба, с целью охраны засек, твердей, завалов, просек (по-русски «ворота», по-польски «bгony»). Эта охрана была возложена на местное население русско-польского пограничья, что подтверждается номенклатурным материалом (например, село Воин и т. п.). Нужно было хорошо знать эти места, чтобы избежать военных неудач: в таких «воротах» потерпели поражение Шварн Данилович и Владимир Василькович от войск Болеслава Стыдливого 19 июня 1266 г.;[5] не зря русские военные специалисты считали, что «ворота — место твердо»,— требует осторожности.

Пограничье с Венгрией также имело постоянную оборону. Этой цели служили половецкие поселения у Перемышля, охранявшие Лупковский и Ужокский перевалы; то же было юго-восточнее, на верховье Днестра, где половцы охраняли Яблоницкий (Татарский) перевал; существовали их поселения

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 878.

[2] М. С. Грушевский. Указ. соч., т. III, стр. 50, пр. 1.

[3] М. Кордуба. Західне пограниче Галицької держави між Карпатами та долішним Сяном. ЗНТШ, тт. 138—140, Львів, 1925, стр. 236.

[4] ПСРЛ, т. II, стб. 774.

[5] Там же, стб. 866, то же см. MPH, t. III, p. 48 (Rocznik franciszkański Krakowski, ad 1266: «Eodem anno Poloni Russiam spoliantes in festo sanctorum Gervasii cum eisdem confligentes in metis Polonie, que porta dicitur, in die sabbati multa milia occiderunt».

и на Буге.[1] Поэтому в дружине юго-западных князей встречаем имена кочевников: у Давыда Игоревича находились среди мужей — Туряк,[2] среди отроков — Улан и Колча;[3] у князя Василько Ростиславича Теребовльского среди мужей встречаем Кульмея.[4] Мстислав Удалой был женат на дочери половецкого хана Котяна [5] и имел с ним постоянный союз; этот союз возобновил князь Даниил Романович, при дворе которого также встречаем половецких выходцев, например Актая.[6] Таковы наши сведения о состоянии вооруженных сил юго-западной Руси XIII в.

Итак, в XII—XIII вв. история феодальных княжеств, возникших в юго-западной Руси в результате распада Киевского государства, характеризуется их дальнейшим социально-экономическим, политическим и культурным развитием, выражающемся, во-первых, в росте крупного землевладения, возобладании вотчины-сеньерии, основанной на труде оброчного крестьянина; этот процесс сопровождается вспышками открытой классовой борьбы крестьянства; во-вторых,— в развитии ремесла, торговли, росте новых городов и усилении их борьбы за городские «вольности», что сопровождалось вспышками открытой классовой борьбы городского «черного» люда; наконец,— в усилении великокняжеской государственности в юго-западной Руси, строящей свою власть на крупных земельных владениях, в союзе со «служащим» боярством и «мужами градскими».

2. *Феодальная война в юго-западной Руси*

§ 1. Борьба за объединение Волыни (1205—1228)

В 1205 г. на берегу Вислы пал в битве с поляками галицко-волынский князь Роман Мстиславич, державший в руках огромное княжение, простиравшееся от Днепра до Закарпатья. Сын волынского князя Мстислава Изяславича и польской княжны Агнессы, дочери Болеслава Кривоустого,[7] Роман Мстиславич оставил заметный след в истории и народной традиции как юго-западной Руси, так и Польши.[8]

Во время княжения своего отца, Мстислава Изяславича Волынского, ведшего борьбу с владимиро-суздальскими

---

[1] Д. Расовский. Указ. соч., стр. 51—53.
[2] ПСРЛ, т. II, стб. 242.
[3] Там же, стб. 236.
[4] Там же, стб 240.
[5] Новгор. I лет., стр. 216.
[6] ПСРЛ, т. II, стб. 794.
[7] N. Baumgarten. Op. cit., table V, p. 22—23, Nr. 36.
[8] J. Dlugossii, t. II, lib. VI, p. 175.

князьями за верховенство на Руси, князь Роман имел возможность хорошо изучить политическое положение русских земель, включая даже Новгородскую боярскую республику, где он находился в 1168 г., когда его отец правил в Киеве (1167—1169). По смерти Мстислава Изяславича, оставившего Киев в пользу Андрея Боголюбского, Роман стал княжить на Волыни.

Добиваясь усиления княжеской власти, Роман Мстиславич стремился ограничить права светской и, вероятно, духовной феодальной знати[1] и проводил политику союза с городскими верхами («лепшими мужами»), которых он, по словам владимирского автора второй половины XIII в., «свободил бяшеть от всих обид».[2] Опираясь на вассальное боярство и на поддержку городов, Роман не только достиг укрепления княжеской власти на Волыни, но и вступил в борьбу за галицкий стол.

Война за Галичину окончилась успешно для Романа Мстиславича, хотя ему пришлось преодолеть противодействие Польши и владимиро-суздальских князей. Владимиро-суздальский князь Всеволод поддерживал против Романа Мстиславича галицкого князя Владимира Ярославича,[3] так как правильно предвидел, что объединение юго-западной Руси Романом создаст угрозу интересам владимиро-суздальских князей в Киевщине. Однако в 1199 г. Роман Мстиславич занял галицкий стол. Следуя своей антибоярской политике, князь Роман рядом карательных мер ослабил позиции местной земельной аристократии — боярства: он истребил часть знатных бояр,[4] а других «неверы ради» принудил к бегству из стольного города, «загнал»[5] их в причерноморское Понизье и в Венгрию; за счет их земель он укрепил галицкий княжеский домен.

Как и следовало ожидать, по объединении Галичины и Волыни, князь Роман предъявил свои права на Киев, номинальную столицу Руси, продолжавшую сохранять значение крупного торгово-ремесленного города, а также главного центра дипломатических связей с половецкой степью и с Византией и бывшую местом пребывания главы русской церкви — митрополита. В 1202 г. князь Роман отнял Киев у князя Рюрика Ростиславича и посадил на место последнего своего

---

[1] См. о конфликте князя Романа с владимирским епископом — J. Dlugossii, t. II, lib. VI, p. 172—176.

[2] ПСРЛ, т. II, стб. 920.

[3] Там же, стб. 667; ПСРЛ, т. I, в. 2, стб. 418.

[4] J. Dlugossii, Ibid., p. 154—155.

[5] ПСРЛ, т. II, стб. 718.

подручника, князя Восточной Волыни — Ингвара Ярославича Луцкого.

Став твердой ногой в Киеве, князь Роман принял в свое ведение русско-половецкие отношения, вступил в борьбу со степью, восстановив при этом традиционный союз Галичины с Византией (1200). Успешной борьбой с половцами (1202) он не только упрочил положение Галицко-Волынской Руси в причерноморском Понизье, но и подчеркнул свои права на Киев. Роман Мстиславич стал «великим князем», что было признано не только в Галичине,[1] но и в Новгороде[2] и Византии. В последней Романа Мстиславича именовали князем («igemon»), тогда как его противника Рюрика Ростиславича — лишь правителем («diepon») Киева.[3] Попытки Рюрика Ростиславича продолжать борьбу за Киев с помощью половцев и черниговских князей привели к тому, что князь Роман отправил против него своего воеводу Вячеслава, который занял Киев, а Рюрика постриг в монахи. Галицко-волынский князь фактически завладел Киевщиной (1203).[4]

Не менее энергичную политику проводил князь на западе. Он продвигал русское влияние в Литве, стремясь колонизовать литовские и ятвяжские земли;[5] большим влиянием пользовался князь в Польше, с Венгрией имел договор о мире.

Более того, князь вмешался в борьбу вельфов с Гогенштауфенами и, поддерживая последних, предпринял в 1205 г. большой поход на союзника вельфов малопольского короля Лешко Краковского, имея целью разбить его и продвинуться далее в Саксонию.[6] Гибель Романа Мстиславича у Завихоста не только помешала осуществлению этих широких политических замыслов, но и привела к разрушению всего созданного при нем политического объединения юго-западной Руси.

В юго-западной Руси восстановилась феодальная раздробленность: власть в городах и землях перешла к отдельным князьям и боярам, прежде «державшим» их с санкции великого князя. Первый этап изучаемого нами периода борьбы за объединение Волыни, охватывает время фактического

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 715.

[2] Сказание архиепископа новгородского Антония (1200), Палестинский сборник, т. 51, СПб., 1899, стр. 15.

[3] М. Д. Приселков. История русского летописания, стр. 9.

[4] Новгор. I лет., стр. 179; ПСРЛ, т. I, в. 2, стб. 418.

[5] М. С. Грушевский. Історія України-Руси, т. III, стр. 10; см. также «Слово о полку Игореве», ук. изд., стр. 72—73; см. А. В. Соловьев. Политический кругозор автора «Слова о полку Игореве», Исторические записки АН СССР, т. 25, сс. 100—103. ПСРЛ, т. II, стр. 702.

[6] MGH, t. XXIII, Hannoverae, Chronic. Aberici Trium fontium, 1205, p. 885.

отсутствия великокняжеской власти, всеобщей феодальной войны, в ходе которой лишь постепенно выкристаллизовались силы, поддерживавшие княжескую власть.

Повесть о княгине Анне, жене Романа Мстиславича, вышедшей из кругов волынского боярства, позволяет установить, что княгиня стала опекуншей своих малолетних сыновей — Даниила и Василько; права княгини были de jure признаны венгерским королем Андреем II, князем Лешко Краковским, а позднее и литовскими князьями. Княгиня Анна, опираясь на ту часть волынского боярства, которая была обязана своим обогащением покойному князю, а также на сочувствие городских верхов, повела энергичную политику с целью удержания своих прав на всю «отчину».

Вначале княгиня оставалась в Галиче, но это длилось недолго. Киевский князь Рюрик Ростиславич сбросил монашескую рясу и, в союзе с половцами и черниговскими князьями, вторгся в Галичину. Войска юго-западной Руси в это время возглавлялись виднейшими боярами галицкими и, может быть, владимирскими. Князь Рюрик потеснил галицко-волынские полки на Серете, прошел до Галича, но под стенами города встретил отпор городового войска: «пешцы галицкие» опрокинули половецкие силы, и киевский князь вынужден был оставить Галичину.[1]

В следующем, 1206 г. князья черниговские собрали «снем» в Чернигове и предприняли новый поход на Галичину. В нем участвовали, кроме Всеволода Святославича Чермного, также Мстислав Романович Смоленский, киевский Рюрик Ростиславич с берендеями и северские князья Игоревичи (Владимир, Роман, Святослав, Ростислав). Положение для Галичины создалось трудное, тем более, что с запада выступил польский князь Лешко Краковский.

Княгиня Анна и те галицкие бояре, которые были близки ей, послали за помощью в Венгрию. Военная помощь союзнику в данном случае сулила кроме официальной платы еще и территориальные приобретения, поэтому король Андрей II охотно «вмешивается в ссору русских великих князей».[2] Король поставил свой гарнизон в Галиче, а также «омирил» поляков, не пустив их на Волынь; кроме того, он, в духе прошлого венгерско-суздальского союза, завязал сношения с Ярославом Всеволодовичем Переяславским, приглашая его в Галич. Ярослав Всеволодович спешно отправился в Галичину. Таким образом владимиро-суздальские князья пытались обосноваться в юго-западной Руси.

---

[1] См. ПСРЛ, т. II, стб. 717, 721, 735.
[2] Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. V, 1938, стр. 224.

Пока венгерский гарнизон находился в Галиче, местное боярство держалось в тени, «не смеша галичане ничто же створити», но едва король увел свой гарнизон, как галицкое боярство, предводимое вернувшимся из эмиграции боярином Володиславом Кормиличичем, не желая принимать суздальского князя, решило призвать на княжение собственных ставленников из мелких князей, не имевших солидной экономической и военной опоры ни в своих, ни в местных землях. Бояре пригласили северских князей Игоревичей. Ярослав Всеволодович, узнав об этом, воротился в Переяславль. Действия боярства заставили княгиню Анну бежать из Галича во Владимир, а затем, под угрозой владимирских бояр (предводимых Мьстибогом, Мончюком и Микифором), готовых предать свою «господу», она «дырою градною» оставила город Владимир и прибыла с сыновьями в Краков.

Князь Владимир Игоревич занял Галич, в Звенигороде сел его брат князь Роман, а во Владимире — «светом галицких бояр» — Святослав;[1] ряд крупных центров с прилежащими землями перешел под власть князей, бывших подручников Романа Мстиславича: в Восточной Волыни (Луцк, Дорогобуж, Шумск) сидел Ингвар Ярославич, в Белзе — Александр Всеволодович, в Пересопнице — Мстислав Немой, в Турове и Пинске — Владимир и Ростислав Святополчичи,[2] по другим городам — бояре-держатели. Отдельные князья пытались внешними союзами упрочить свое положение; так, Ингвар Ярославич Луцкий выдал свою дочь за Лешко Краковского (1207) и был в союзе с ним: «бе бо Ингвар с Ляхы и (его брат) Мстислав (Пересопницкий)»,— говорит летопись. Фактически, юго-западная Русь находилась в руках крупнейших бояр, которые принялись восстанавливать свои владения и права в городах и селах, ограниченные или отнятые Романом Мстиславичем. Князь Владимир Игоревич, опасаясь недовольства короля Андрея II тем, что он опередил Ярослава Всеволодовича, а равно же боясь выступления Лешко Краковского в пользу княгини Анны, «посла» им «многи дары».

Князь Краковский охотно предоставил у себя убежище княгине Анне, понимая, что, прикрываясь защитой ее интересов, ему легче будет обосноваться на Волыни. Зная, что одному ему эту задачу не решить, Лешко (после поражения, нанесенного Андреем II польским войскам) предложил венгерскому королю военный союз для борьбы за юго-западную Русь; свое посольство в Венгрию польский князь подкрепил отправкой к венгерскому двору княжича Даниила.

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 718.

[2] ПСРЛ, т. I, в. 2, стб. 429.

Однако король Андрей II предпочитал пока не связывать себя союзами. В 1208 г. он поддержал князя Романа Игоревича, который захватил Галич, принудив Владимира Игоревича к бегству в Путивль.[1] Характер наших источников — «Повесть» о княгине Анне и отрывки из Киевской летописи 1238 г. не позволяют вскрыть причины выступления короля Андрея; ясно одно, что князь Роман Игоревич с помощью венгров занял Галич, хотя сидел в нем непрочно (в 1210 г. был изгоняем киевским Ростиславом Рюриковичем)[2] и недолго, ибо в 1210 г. венгерский король отправил в Галич войско под командованием палатина Бенедикта Бора, который с помощью партии провенгерских бояр (Володислав Кормиличич, Илья Щепанович и др.) захватил князя Романа «в бани мыющася» и овладел Галичем.

Режим открытой военной оккупации венгерских захватчиков отражен в словах проповеди киевского книжника Тимофея, находившегося в ту пору в Галиче. Тимофей именовал палатина антихристом, ибо он «бе томитель бояром и гражданом и блуд творя, и оскверняху жены же и черници и попадьи». Своими выступлениями против венгров Тимофей вызвал гнев Бенедикта, и «бегаше бо Тимофей от лица его». Таково положение было в Галичине.

На Волынь в 1209 г. двинулись польские войска князей Лешко Краковского и Конрада Мазовецкого, приглашенные Александром Белзским; в союзе с ними были луцкий и пересопницкий князья. Заняв город Владимир, поляки захватили в нем князя Святослава Игоревича, которого отправили в Польшу. Город перешел под власть белзского князя Александра.

Уже в это время мы наблюдаем первое заметное выступление горожан, когда послы крупного торгового города Берестья прибыли к князю Лешко с просьбой отпустить к ним на княжение княгиню Анну и ее сына. Так началось объединение княжеской «полуотчины» — Волыни.

Политическая жизнь на Волыни под польской властью шла не гладко: сталкивались интересы князя Восточной Волыни Ингвара Ярославича Луцкого и белзского князя Александра, владевшего Владимиром (Восточная Волынь); однако Ингвар Ярославич, связанный со смоленскими князьями, не имел доверия во Владимире. Пользуясь борьбой между этими князьями, княгиня Анна отправила в Краков боярина Мирослава и добилась получения еще одной части княжеских владений — города Белза.

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 720; ПСРЛ, т. VII, стр. 116.
[2] ПСРЛ, т. VII, стр. 116—117.

Режим венгерской оккупации в Галиче породил недовольство среди всех слоев горожан и части боярства, поэтому бояре — сторонники Игоревичей, предприняли попытку призвать Мстислава Пересопницкого. Последний пришел к городу с малыми силами, но связанные с венграми бояре узнали о его намерениях. Прибывшего князя встретил боярин Илья Щепанович, который повел его на холм близ города, называвшийся «галицкой могилой». Здесь он заявил: «„Княже, уже еси на Галицине могыле поседел, тако и в Галиче княжил еси",— смеяху бо ся ему»,— поясняет летописец. Мстислав Немой ни с чем вернулся в Пересопницу.

Но, видимо, антивенгерские силы крепли. Узнав о положении дел в городе, князь Роман Игоревич оставил Венгрию и бежал в Путивль, где находился его брат Владимир, а также брат Святослав, прибывший из Польши. Вскоре сюда пришли послы из Галича, заявившие от имени бояр, перешедших было в провенгерскую группировку: «сгрешихом к вам, избави ны томителя сего Бенедикта». Князья Игоревичи «поидоша ратью» и без труда заняли Галич, население которого ненавидело венгерских захватчиков. Итак, в половине 1211 г. Игоревичи вновь оказались во главе юго-западной Руси, с той лишь разницей, что Святослав Игоревич получил Перемышль, взамен утраченного Владимира; сын Владимира Игоревича, Изяслав, занял Теребовль. Учтя неудачный опыт управления Галичиной, князья Игоревичи изменили свою политику. Правда в Венгрию они и на этот раз отправили «дары», но и внутри страны приняли меры к упрочению своей власти, меры в духе тех, что применял некогда Роман Мстиславич. Игоревичи истребили одних «великих» бояр свыше пятисот, а «иниии разбегошася». Среди спасшихся вновь оказался Володислав Кормиличич; бежали в Венгрию также бояре Судислав и Филипп. Имущество бояр было захвачено князьями и роздано ими своим сторонникам, о чем прямо говорил боярин Володислав, стоя под стенами Перемышля: «отечествиями» убитых бояр, указывал он,— «владеша иниии пришелци», которые «имения» прежних владельцев «разграбиша».[1]

Бежавшие в Венгрию бояре решили использовать в своих целях популярность, которую имел в Галиче князь Роман Мстиславич, и можно поверить информации волынского боярина Вячеслава, со слов которого внесено это известие в летопись, что уцелевшие бояре заявили королю Андрею II: «Дай нам отчича Галичю — Данила, ат с ним приимемь и от

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 724.

Игоревичев». Таким образом популярность политики Романа перешла на его сыновей, и была важным фактором в феодальной войне, особенно после неудачи политики открытой оккупации.

Король Андрей II поддержал предложение бояр и отправил в Галичину «воя в силе тяжце», которыми командовали палатин Пот и боярин Володислав; с ними был послан и десятилетний князь Даниил Романович. Неприятель овладел городом Перемышлем, который с этой поры стал центром боярской оппозиции; князь Святослав вновь попал в плен; был осажден Звенигород. Местные горожане «люте борюшимся» и не подпускали венгров не только к городу, но даже к острожным воротам; на помощь осажденным Изяслав Владимирович (сын Владимира Игоревича) привел половцев; в сражении венгры потеряли одну хоругвь.[1] Князь Роман Игоревич оставил город, пытаясь пробраться в Киевщину за подмогой, но попал в плен, после чего звенигородцы прекратили сопротивление.[2]

Затем был занят и Галич; князья Владимир Игоревич и его сын Изяслав бежали. После этого «бояре галичкыи... и воеводы угорьстии» торжественно посадили князя Даниила на стол в Галиче (1211); тогда же в Галич прибыла княгиня Анна.

Провенгерские бояре за большую сумму выкупили из венгерского плена князей Романа и Святослава Игоревичей и повесили их «мьсти ради».[3] Этот необычный в русской истории факт свидетельствует о большой силе галицкого боярства и об ожесточенности социальной борьбы групп внутри господствующего класса в юго-западной Руси.

Бояре, достигнув своей цели, собирались править в Галичине по своему усмотрению при малолетнем князе, с сохранением номинальной зависимости от Венгрии. Но тут они столкнулись с княгиней Анной, которая, оказывается «хотяща бо княжити сама».[4] Предприимчивая княгиня в борьбе с боярством не пренебрегала венгерским вмешательством: она обратилась за поддержкой к Андрею II, прося помощи против боярского самоуправства, вдохновляемого боярином Володиславом, решившим «княжиться» в Галичине.

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 726.

[2] Позднейшую вставку об участии в этих событиях князя Василька — см. там же, стб. 725—726.

[3] Повешены были два князя — см. там же, стб. 727, сноска «а»: «Ростиславичи»; ср. Новгор. I лет.: Всеволод Святославич Чермный говорит: «брата моя есте 2 князя повесили вы в Галици» (стр. 195); в Воскресенской лет. «Игоревичи 3» (ПСРЛ, т. VII, стр. 117) неправильно понят древний текст.

[4] ПСРЛ, т. II, стб. 727.

Вновь были присланы венгерские войска; кроме того, под Галич пришли также полки владимирских бояр, князя Ингвара Луцкого и др. Галич был занят, а сторонники боярского правления — Володислав, Судислав и Филипп схвачены, часть их имущества конфискована; боярин Володислав был увезен в Венгрию, боярин Судислав сумел откупиться за большую сумму («во злато пременися»). Однако княгиня не смогла удержать города, где фактическая власть принадлежала боярам; княгиня с Даниилом уехала в Венгрию, а боярин Мирослав отвез Василька в Белз. В Галич был приглашен Мстислав Пересопницкий (1212).

Вскоре стало известно, что король готовит еще один поход на Галичину; во главе войска стоял сам Андрей II, с ним ехал боярин Володислав, вероятно обещавший впредь держаться венгерской политики. Боярин Володислав находился в авангарде венгерских войск «со всеми галичаны», т. е. дружинами бояр — сторонников венгров. По дороге король неожиданно получил известие о мятеже придворной знати и о смерти своей многогрешной супруги Гертруды и воротился в Венгрию.

Боярские войска продолжали поход без него, при этом боярин Володислав «воеха в Галичь, вокняжися и седе на столе» (1213) — факт для средневековья довольно необычный. Пример единственного в русской истории княжения боярина вновь свидетельствует о большой силе галицких бояр. Но скорое падение Володислава одновременно говорит о том, что боярство не могло править самостоятельно; раздираемое внутренними противоречиями, оно не имело прочной социальной базы, так что переоценивать силу его не приходится.

Между тем, на Волыни действовал польский князь Лешко; обладая меньшими силами, чем венгерский король, польский князь постоянно заботился о союзниках среди волынских бояр и мелких русских князей. Но опыт прошедших лет показал местному боярству, продолжавшему в основной части служить Романовичам, что князь Лешко своей политикой усиливает неопределенность положения, ведущего к войнам и хозяйственному упадку; следствием этого явился отход местных бояр от союза с польским князем.

Поэтому, когда князь Лешко, придерживаясь союза с белзским князем, решил вернуть ему Белз, прежде данный Васильку, то, говорит летописец, «бояре не изневеришася, но идоша вси со княземь Василком в Каменець»; [1] сюда же приехала из Венгрии и княгиня Анна с Даниилом Романовичем.

---

[1] Там же, стб. 728—729.

Любопытно, что в это время Романовичи пользовались поддержкой со стороны киевского князя Всеволода Святославича Чермного.[1] Рост влияния и политического веса князя Даниила на Волыни летописец объясняет тем, что были «вои Данилова болши и креплейши, бяху бояре велиции отца его вси у него».[2]

Что касается Лешко Краковского, то попытка его самостоятельно проникнуть в Галичину кончилась неудачей («не можаше прияти Галича»); тогда же княгиня Анна добилась у него передачи своим сыновьям городов Тихомля и Перемиля, бывших прежде в обладании белзского князя Александра.

В 1214 г. венгерский король вновь тронулся в поход на Галичину, обладание которой считал одной из важнейших задач своей внешней политики.[3] Краковский князь еще раз предложил Венгрии свой союз: «не есть лепо боярину княжити в Галичи,— писал он королю,— но поими дщерь мою за сына своего Коломана и посади и в Галичи».

В том же году король и Лешко встретились в городе Спиши и договорились о следующем: трехлетняя дочь князя Лешко Саломея должна быть обручена с пятилетним Коломаном; последний, с титулом короля, займет Галич. Западная Галичина, с городом Перемышлем отойдет под власть малопольского князя. О Волыни договор умалчивал, хотя известно, что там польский князь захватил забужские земли (с городами Берестье, Угровск, Верещин, Столпье, Комов и «всей Украиной»).[4] Договор в Спиши — свидетельство перехода венгерского и польского правителей от политики замаскированных вторжений к открытому дележу страны.

Венгерско-польские войска заняли Галич, Коломан был провозглашен королем, в городе был оставлен венгерский гарнизон под командованием уже известного нам палатина Бенедикта Бора. В то же время княгиня Анна, пользуясь своими связями при краковском дворе, в частности содействием кастеляна Пакослава, добилась получения от Лешко города Владимира. Этот факт, разумеется, нельзя недооценивать. Нужно заметить, что договор в Спиши оказался непрочным: в том же году король Андрей, решив владеть всей Галичиной, отобрал у польского князя Западную Галичину (с Перемышлем и Любачевым).

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 729.
[2] Там же, стб. 730.
[3] M. Wertner. Die Regierung Bela's des Vierten, Ungar. Revue, Wien, 1893, S. 141.
[4] ПСРЛ, т. II, стб. 732.

Именно в это время были сделаны попытки венгерского короля закрепить свою власть в Галичине при помощи унии. Поддержанный римской курией, венгерский король зимой 1215—1216 гг. добился коронования Коломана и с помощью папских эмиссаров начал гонения против православного духовенства в Галичине. Однако поднявшиеся к тому времени в стране народные движения сорвали всю эту затею с унией (подробнее смотри ниже) и поставили под угрозу власть венгерских оккупантов. Встревоженный восстаниями в Галичине, король Андрей II даже обратился к папе Иннокентию III с просьбой побудить краковского князя помочь венграм.[1] Разумеется, князь Лешко не двинулся на помощь королю, отнявшему у него Западную Галичину.

Более того, не рискуя самоличным выступлением против Андрея II краковский князь отправил послов в Великий Новгород, приглашая тамошнего князя Мстислава Удалого воспользоваться удобным случаем для занятия Галича («брат ми еси, поиди и сяди в Галиче»). Лешко рассчитывал, что даже в случае успеха Удалой, человек новый, будет искать опоры в нем, в Лешко, и, противостоя Венгрии, в то же время позволит Польше удержать захваченные ею волынские земли. Занятый новгородскими делами, Мстислав Удалой всерьез вмешался в галицкие события лишь около 1219 г.[2]

В 1219 г. венгерскому засилью пришел конец: войска князя Удалого, выступавшего в союзе с киевским князем Владимиром Рюриковичем, вторглись в Галичину[3] и вскоре заняли ее столицу; венгерский гарнизон во главе с Бенедиктом Лысым и боярином Судиславом, бежал в Венгрию.[4] Король Андрей II не мог помочь своим войскам, так как в 1217—1218 гг. был занят в крестовом походе в Палестине.

В годы княжения в Галичине Мстислава Мстиславича Удалого (1219—1228) волынским князьям пришлось временно забыть о своих правах на нее, сосредоточившись главным образом на объединении волынских земель. Мстислав Удалой был сильным русским князем; естественно, что сидевший во Владимире князь Даниил Романович должен был с ним считаться и искать сближения: в 1219 г. князь Даниил женился на дочери Мстислава Анне. В это же время князь Даниил стал самостоятельно княжить на Волыни, а «княгиня Романовая восприимши мниский чин».

---

[1] Monumenta Poloniae Vaticana, ed. Y. Ptaśnik, t. III, Cracoviae, 1914, N 3.

[2] Следы его действий в 1214 г. см. ПСРЛ, т. VII, стр. 119.

[3] Там же, стр. 126.

[4] Там же, т. II, стб. 731—732.

Княжение Мстислава Удалого изложено в летописи на основании донесений дипломата — тысяцкого Демьяна, из которых ясно видно, что князь Мстислав Мстиславич не отличался государственными дарованиями, проводил близорукую политику сотрудничества с боярством и свои расчеты строил на применении вооруженной силы, главной составной частью которой были половцы; половецкий хан Котян доводился ему тестем.

Интересно, что Мстислав Удалой, несмотря на родственные связи с Даниилом Романовичем, все же не способствовал его усилиям сделаться князем всей Волыни. Например, когда вскоре после свадьбы Даниил Романович порвал с краковским князем, начал с ним войну и попросил помощи у Мстислава Удалого, то последний ответил: «Сыну, за первую любовь (договор) не могу на нь востати, а налези собе други»,[1] хотя отлично знал, что ни белзский, ни луцкий князья Даниилу не помогут. Во всяком случае это был нейтралитет, что уже много значило для волынских Романовичей.

Краковский князь таким образом не ошибся в Мстиславе Удалом, но он не учел возросших сил владимирского князя; войска князя Даниила перешли Буг и освободили от поляков Берестейщину, забужские земли (Угровск, Верещин, Столпье, Комов) и всю «Украину» и вытеснили польские войска за р. Вепрь.

Краковский князь, полагая, что Даниил Романович действовал «Мьстиславлим светом», пришел к решению возобновить польско-венгерский союз, даже ценою отказа Польши от западных галицких земель, без того находившихся под властью Мстислава Удалого. Лешко передал через послов королю Андрею II: «Не хочю части в Галичи, но дай его зятю моему».[2] Выступление венгерско-польских сил против Галичины обнаружило, что власть Мстислава Удалого была здесь номинальной, что особенно правильно относительно Западной Галичины — «горной страны Перемышльской», где власть находилась у боярства.

Противник вступил в Перемышль, откуда «избеже» княжеский тысяцкий Ярун; под городом Городок, в котором сидели «люди» боярина Судислава, произошло сражение, неудачное для Мстислава. Удалой, несмотря на наличие помощи «русских и черниговских» князей, а также Даниила Романовича, оборонявшего по его поручению Галич, отступил в Понизье, велел очистить Даниилу Галич, и когда волынский князь пришел к нему вдоль Днестра в Кучельмин, то Мсти-

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 732.
[2] Там же, стб. 733.

слав приказал ему возвращаться на Волынь, а «яз,— сказал он,— пойду в половци, мьстиве сорома своего».[1]

Так, в том же 1219 г. Галич вновь попал в руки венгров, стол его занял Коломан, венгерским гарнизоном командовал воевода Фильний, которого летописец именует «прегордым» за его стремление завоевать Русь, что также невозможно, как «объяти землю, потребити море». Воевода Фильний считал первоочередной задачей завоевание Волыни. Убежденный, что «острый мечю, борзый коню — многая Руси», он отправился в поход вместе с полком своего тестя боярина Судислава и полками других провенгерских бояр. Интересно, что часть боярства отказалась от участия в походе; это ее имеет в виду летописец, говоря: «а инии разбегошася, загордебося бе»;[2] Коломан с небольшим гарнизоном был оставлен в Галиче.

Но в это время Мстислав Удалой, собрав половецкие силы, вступил в Галичину, разбил венгров, занял Галич и захватил в плен венгерского королевича Коломана.

Победе Удалого помогли горожане Галича, с оружием выступившие против венгров, которые «стреляющим и камение мещющим на гражаны».[3] Восстали против венгров не только галицкие горожане, но и крестьянство поднялось по всей Галичине, истребляя отступавших захватчиков; летопись ясно говорит, что «другии же (венгры) смерды избьени быша и никому же (Х — «от них») утекши».[4]

Следовательно, уж в 1219—1220 гг. мы наблюдаем, что внутрифеодальные войны сочетаются с вторжениями иноземных захватчиков, несут разорение русским землям и вызывают массовые народные движения горожан и смердов; эти движения используются русской княжеской властью и приводят к поголовному истреблению вторгшихся на Русь венгерских войск, которые грозили экономическому существованию русских людей, а таже стремились истребить русскую веру и обычаи.

Холмский летописец князя Даниила осуждает Мстислава Удалого, показывая, что этот князь, обязанный своим столом поддержке горожан, продолжал проводить политику союза с крупным боярством, даже не покарав его за связь с врагом: летописец с неудовольствием отметил, что бывший ставленник венгров боярин Судислав получил от Мстислава в держание Звенигород. Такой тон холмской летописи

---

[1] Там же, т. II, стб. 735.
[2] Там же, стб. 736.
[3] Там же, стб. 738.
[4] Там же.

вполне понятен: сам князь Даниил, как увидим, умело пользовался авторитетом у горожан и тем, что бояре отца его, дорожа своими «имениями», поддерживали его, побуждаемые к тому прочными экономическими позициями волынского князя.

Мстислав Удалой в 1221 г. восстановил свою власть в Галичине; пленный Коломан был отправлен в Торческ и после долгих переговоров выдан Венгрии.

Сам венгерский король в это время не мог проводить активной внешней политики, будучи занят борьбой со знатью, которой он в 1222 г., наконец, даровал «Золотую привилегию», серьезно ослабившую королевскую власть в Венгрии. К. Маркс так объяснял причины слабости королевской власти в Венгрии. В «Золотой привилегии», писал Маркс, «не уделено ни малейшего внимания *горожанам* и *крестьянам*..., венгерская знать основывает свое могущество *на угнетении этого класса;* вольности горожан со временем были стеснены, а *крестьяне были доведены до рабского положения»*.[1] Внутренняя слабость королевской власти в Венгрии и в дальнейшем не способствовала твердости ее внешней политики и росту военного потенциала.

Во время войны Мстислава Удалого за Галичину союзник венгров князь Лешко Краковский предпринял наступление на Волынь. Но эта попытка дорого стоила польскому князю. Союзные Даниилу Романовичу литовские князья опустошили Польшу. Папа Гонорий III в 1221 г. даже освободил князя Лешко от участия в крестовом походе.[2] Краковский князь поспешно «створи мир» с владимирским князем (1222), отказавшись при этом от поддержки белзского князя Александра Всеволодовича.[3]

К миру краковского князя усиленно склонял его брат Конрад, князь мазовецкий и куявский, владения которого в первую очередь страдали от набегов Литвы. Любопытно, что уже в это время закладываются основы союза владимирских князей с Мазовией: мы видим князя Конрада предупреждающим Даниила Романовича о «лести», готовившейся краковским князем; следовательно, феодальная раздробленность в Польше учитывалась русским князем, извлекавшим из нее соответствующие дипломатические выгоды.

Именно этими переменами во внешнеполитическом положении Волыни объясняется предпринятая князем Даниилом

---

[1] Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. V, стр. 225.
[2] Vetera Monumenta Poloniae et Lithuaniae, ed. A. Theiner, t. I, Romae, 1860, N 21 (в дальнейшем — VMPL).
[3] ПСРЛ, т. II, стб. 739.

в 1223 г. попытка подчинить себе белзскую землю. Но вмешался Мстислав Удалой, продолжавший традиционную политику галицких князей, не желавших усиления Волыни; по распоряжению Удалого («пожалуй брата Олександра») князь Даниил покинул белзскую землю.

В 1223 г.[1] на Русь пришли татаро-монголы. «Галичане и волынцы кийждо со своими князи» активно участвовали в походе против татар и в битве с ними, в которой феодальные распри князей и неустойчивость половцев привели к печальному для русских исходу. Русские «*понесли поражение на реке Калке*, так что монголам был открыт весь юг России. Но те доходят только до *Чернигова*; затем наступает затишье в течение нескольких лет, потому что... *смерть Джучи и отступление Чингиз-хана из Хорезма* заставили монголов отложить *военный поход* на Запад».[2]

В 1224 г. антиволынская политика Удалого проявилась еще определеннее: он открыто выступил против Даниила Романовича в союзе с Александром, князем белзским, а также привлек половцев хана Котяна и войска Владимира Рюриковича Киевского. Этому наступлению волынский князь противопоставил свой союз с Лешко Краковским и в 1225 г. на свидании в городе Перемиле добился мира с Удалым.

Однако за время конфликта Мстислав Удалой, бывший, по меткому определению М. С. Грушевского, «безрадним знарядэм» в руках галицкого боярства,[3] вступил в переговоры с Венгрией и дал согласие на то, что после его смерти Галич перейдет в руки Андрея, третьего сына венгерского короля Андрея II; при том, однако, условии, что при жизни Мстислава ни король Андрей II, ни его сын Коломан не будут вмешиваться в дела Галичины. Это соглашение скреплялось браком королевича Андрея с дочерью Мстислава Марией. Тогда же королевич получил в «держание» город Перемышль — крупный центр боярского управления.

Неправильный политический шаг князя привел к тяжелым для Руси последствиям. Уже в следующем, 1226 году тот же королевич Андрей, собрав в Венгрии большое войско, а также полки ряда галицких бояр и союзного ему смоленского князя Изяслава Мстиславича, приславшего свое войско с боярином

---

[1] Относительно даты битвы на Калке позволим себе обратить внимание исследователей на ряд до сих пор не учтенных фактов: в год смерти Романа Мстиславича (1205) князю Даниилу было 4 года (ПСРЛ, т. II, стб. 717), в год битвы на Калке — 18 лет (там же, стб. 744); игумен Петр Акерович, выступая на Лионском соборе (1245), заявил, что впервые татары опустошили Русь 26 лет назад.

[2] Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. V, стр. 223.

[3] М. С. Грушевський. Історія України-Руси, т. III, стр. 41.

Жирославом, выступил против Удалого. Венгерские войска, пройдя Перемышль, вступили в Звенигород, вероятно любезно предоставленный им боярином Судиславом, и направились к Галичу. Галич им занять не удалось. Дождавшись подкрепления из Польши, приведенного кастеляном Пакославом, захватчики овладели Теребовлем и Тихомлем. Осада Кременца кончилась для них неудачей; при отступлении к Звенигороду венгерско-польские войска были наголову разбиты Мстиславом Удалым; по насмешливому замечанию летописца, венгерский полководец «смятеся умом и поиде из земле борзо».[1]

Таков итог еще одной, подготовленной галицкими боярами венгерской интервенции. Народ был враждебен интервентам, и там, где бояре не предавали его (например, в Кременце), сражался и побеждал. Действия и симпатии народа облегчали военные победы Мстислава. Но социальная политика его не менялась. И на этот раз уступая давлению бояр и их нового руководителя — Судислава, князь отказался от преследования и полного уничтожения отступавших врагов.

Прошло немного времени и то же боярство потребовало в 1227 г. у князя: «Княже, дай дщерь свою обрученную за королевича и дай ему Галичь; не можеши бо држати сам, а бояре не хотят тебе».[2] Из этой тирады, которой впору звучать в Великом Новгороде, видно, кому принадлежала власть в Галиче. Интересна и аргументация, приведенная боярами: «еже даси королевичю, когда восхощеши, можеши взяти под нимь, даси ли Данилови — в векы не твой будеть Галичь: галичаном бо хотящим Данила».[3] Мстислав должен был согласиться с этими доводами и в 1227 г., передав и Галич и дочь королевичу Андрею, уехал на Понизье в Торческ. Таким образом центральная и западная Галичина перешла целиком в руки боярства, имевшего на престоле послушную фигуру — венгерского королевича.

В то же время на Волыни события развивались благоприятно для Романовичей, из которых Даниил находился во Владимире, а Василько — в Берестье. По завещанию Мстислава Ярославича Немого (умершего в 1225 г.), княжество Луцкое (Восточная Волынь) поступало после его смерти, вместе с преемником князя — малолетним княжичем Иваном, под опеку Даниила Романовича;[4] однако, когда умер Иван Мстиславич (1227), то Восточную Волынь захватили, с одной стороны, Ярослав Ингварович (взял Луцк), продолжавший

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 749.

[2] Там же, стб. 750.

[3] Этому факту можно верить, судя по упоминаниям в двух разных контекстах. ПСРЛ, т. II, стб. 750, 744.

[4] Там же, стб. 752.

по отношению к Романовичам враждебную политику своего отца, с другой стороны «пиняне» — пинские князья завладели Черторыйском.

В Холмской летописи князя Даниила читается текст, согласно которому князь Мстислав Удалой якобы признал права князя Даниила не только на Восточную Волынь, но и на самую Галичину.[1] Как бы то ни было, князь Даниил, вместе с воеводами Мирославом и Демьяном, занял в 1227 г. Луцк, и должно быть без большого труда, так как «предашася лучане».[2] Посадив пленного Ярослава Ингваровича своим подручником в Перемиль, а затем — в Межибожье, владимирский князь в 1228 г. отобрал Черторыйск у пинских князей, захватив их самих (Владимира и Михаила Ростиславичей) в плен.[3] Город Пересопница отошел под власть Василька Романовича.[4]

В 1228 г. на пути в Киев умер Мстислав Удалой, служивший своим мечом не укреплению княжеской власти, а боярской феодальной реакции (Новгород, Галич). Так закончился первый этап феодальной войны; он принес несомненные успехи великокняжеской власти. Владимирский князь объединил почти всю Волынь и при этом имел урегулированные дипломатические отношения с Литвой, Мазовией и Малой Польшей.

Начинался новый этап борьбы — освобождение и объединение Галичины. Холмский летописец очень четко обозначил его: «начнем же сказати бесчисленныя рати и великыя труды, и частыя войны и многия крамолы, и частая восстания и многия мятежи».[5]

§ 2. Борьба за объединение Галичины

Второй этап феодальной войны характеризуется следующими явлениями: укреплением княжеской власти путем проведения карательных мероприятий против крупного оппозиционного боярства в условиях развития крестьянского антифеодального движения; ростом и укреплением пешего войска, формируемого «мужами градскими» и тем боярством, которое в ходе феодальных войн оказалось под рукой Даниила Романовича; полным очищением русских земель от венгерских захватчиков; расширением внешнеполитических горизонтов

[1] Там же.
[2] Там же, стб. 751.
[3] Там же, стб. 753.
[4] Там же, стб. 751.
[5] Там же, стб. 750.

волынских князей, которые вступают в борьбу с черниговскими и суздальскими князьями за первенство во всей юго-западной Руси, включая Киевщину, а также активизируют свою политику в Литве, Польше, Венгрии и других странах. Татаро-монгольское нашествие усложнило все эти проблемы.

Укрепление власти волынских князей породило тревогу прежде всего при черниговском и киевском княжеских дворах. С этого времени собственно начинается длительная (продолжавшаяся около 15 лет) борьба черниговских князей с волынскими за власть над юго-западной Русью. В 1229 г. князья Михаил Всеволодович Черниговский и Владимир Рюрикович Киевский предприняли поход на Волынь; в походе участвовали связанные с ними князья и держатели — из «курян», «пинян», «новгородцев», «туровцев» и, кроме того, их поддерживали половцы хана Котяна. Королевич венгерский Андрей и правивший за него в Галиче боярин Судислав находились в мире с наступавшими.

Волынский князь Даниил сумел перекупить половцев Котяна, которые уклонились от похода, а затем князь вместе с польским войском воеводы Пакослава и белзскими силами двинулся прямо на Киев. Это привело к заключению мира. В ходе войны Даниил Романович встретил поддержку в Киеве у митрополита Кирилла, стремившегося склонить князей к миру.[1] Влияние волынского князя в Пинске увеличилось — местный князь Владимир выступает в роли его подручника.[2] Как видим, Даниил Романович умело использовал союз с Польшей.

Дальнейшие отношения с Польшей сложились еще более благоприятно для Волыни. Мы видели, что союз Волыни с Малой Польшей и ее князем Лешко оформился не сразу, что этому способствовал контрсоюз русского князя с Литвой; укреплению этого союза могли служить и сношения Даниила Романовича с князем Святополком Поморским.

Во всяком случае волынский летописец знал, что князь краковский Лешко Белый, погибший 24 ноября 1227 г. «на сонме убьен бысть Святополком, Одовичем Володиславом, съветом бояр неверных»;[3] краковский князь был убит Святополком Поморским и его союзником Владиславом Одоновичем, у которого Лешко пытался отнять город Накло. Как отнесся князь Даниил к факту убийства Лешко, мы не знаем, но в следующем году союз его с Святополком Поморским

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 753. Митрополит опасался, что Венгрия лишит его одной из богатейших епископий (ср. там же, стб. 663).

[2] Там же, стб. 754.

[3] Там же.

был закреплен браком последнего с сестрою волынского князя Саломеей.[1]

Понятно, что при этих условиях мазовецкий князь Конрад, имея соседями Волынь и союзные ей Поморское княжество и Литву, должен был искать дружбы владимирского князя. Еще при жизни брата Лешко, мазовецкий князь старался примирить его с Русью. Когда однажды Лешко готовился предательски убить Даниила Романовича, то Конрад «познавшу... лесть Лесткову и не веле князю Данилу ехати ко Лестьку»; когда Лешко действовал в союзе с Венгрией, Конрад хранил нейтралитет. Конрад Мазовецкий и лично был связан с Русью, как сын русской княгини Елены, дочери Ростислава Киевского, и как муж княжны Агафьи, дочери Святослава Игоревича, повешенного галицкими боярами.

После смерти Лешко в Польше началась борьба за краковский великокняжеский стол; в этой борьбе союз Мазовии с Волынью еще более окреп.[2] Лешко оставил свою жену, княгиню Гремиславу Интваровну, в качестве опекунши Болеслава Стыдливого; по договору, он дал опеку над ним и Владиславу Ласконогому, чьим соперником был племянник Владислав Одонович. В борьбу за права на Краков вмешался Конрад.

Однако Гремислава Ингваровна, перебравшись в Сандомир, защищала права сына на Краков, используя помощь Генриха Бородатого. Она продолжала сохранять союз с Даниилом Романовичем даже и после того, как князь Даниил, опираясь на завещание Мстислава Немого, занял Луцк и пленил ее брата Ярослава Ингваровича. Когда князь Даниил, воюя с черниговским и киевским князьями, обратился к ней за помощью, княгиня отправила на Волынь отряд воеводы Пакослава. Можно думать, что именно поэтому Ярослав Ингварович был освобожден князем Даниилом из плена и получил в держание город Перемиль.

Конрад Мазовецкий, правильно считая, что, как брат покойного Лешко, он имеет на Краков прав во всяком случае больше, чем Генрих Бородатый, захватил последнего в плен (1229);[3] но победой воспользовался Владислав Ласконогий (Великая Польша), который, разбив Владислава Одоновича, сел княжить в Кракове.

---

[1] N. Baumgarten. Op. cit., table XI, p. 47, Nr. 3.

[2] B. Włodarski. Rola Konrada Mazowieckiego w stosunkach polsko-ruskich (Arch. Tow-wa Nauk we Lwowie. Dział II, tom XIX, zeszyt, 2), Lwów, 1936, str. 1—53.

[3] Monumenta Poloniae Historica, t. II, Lwów, 1872, ed. A. Bielowski (Rocznik Kapitulny Krakowski), p. 803.

Тогда Конрад обратился за содействием на Волынь.[1] Даниил Романович, собрав войско, выступил ему на помощь. Поход закончился, очевидно, в 1230 г., ибо известно, что по возвращении из похода князь Василько Романович отправился в Суздаль на свадьбу Всеволода Юрьевича, женившегося на Марине, дочери Владимира Рюриковича Киевского.[2] Польский поход протекал успешно: в северной Сандомирщине русские войска князей Даниила и Василько встретились с воеводой Сандомирским Пакославом и кастеляном вислицким Мстивоем. Союзные войска перешли Варту и Просну и осадили Калиш, разоряя окрестности вплоть до Старгорода; в Шлезске разорили Милич и окрестности Вроцлава.

Город Калиш капитулировал перед русскими войсками, дав выкуп князю Даниилу за пленных, так как русские войска «полониле многу челядь и боярыне».[3] Тогда же был подписан русско-польский договор о взаимном «невоевании» челяди в случае вооруженных конфликтов. К прекращению войны князя Даниила склоняли паны сандомирские во главе с Пакославом; не случайно позднее Конрад, заняв Сандомирскую область, принудил Пакослава и его сторонников к бегству, причем Пакослав уехал ко двору Романовичей.

В итоге этой войны Конрад Мазовецкий принудил Гремиславу уступить сыну его Болеславу княжество Сандомирское, вытеснив княгиню в Вислицу, чему не мог помешать Владислав Ласконогий.[4] Позднее, в 1234 г., Конрад признал права Болеслава Стыдливого на Краков, оставив за собой лишь часть Сандомирщины. Затем о русско-польских отношениях в летописи известий нет; видимо, отношения были мирными.

Бесспорно одно, что этот поход надолго обеспечил волынскому князю спокойный тыл со стороны Польши. Интересно, что современники, как составитель холмской летописи, так и описавший этот поход воевода Мирослав, правильно оценивали его большое значение: «Внидоста со славою в землю свою; иный бо князь не входил в землю лядьску толь глубоко, проче Володимера великого, иже бе землю крестил».[5]

Не упустил летописец случая отметить и превосходство русских войск над польскими: во время осады русскими Калиша князь Конрад, который любил «русский бой», тщетно пытался двинуть в битву и свои полки — «понужающу ляхы свое, онем же однако не хотящим».[6]

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 754.
[2] Там же, стб. 758, ср. ПСРЛ, т. VII, стр. 136.
[3] ПСРЛ, т. II, стб. 757.
[4] B. Włodarski. Op. cit., str. 16.
[5] ПСРЛ, т. II, стб. 758.
[6] Там же, стб. 755.

Интересно, что участие русских сил в феодальной борьбе за польский великокняжеский стол не укрылось от внимания римской курии,[1] которая поспешила издать ряд распоряжений с целью посеять рознь между Польшей и Русью (см. ниже).

По возвращении из польского похода, князь Даниил готовился начать борьбу за Галич. Несомненно, что при этом он имел прочные связи с городскими верхами и частью галицкого боярства, ибо в 1230 г. он получил тайное извещение от своих сторонников в Галиче: «Судислав шел есть во Понизье,— писали галичане,— а королевич в Галичи остал; а поиди борже». Возможно, что боярин Судислав, правивший от имени королевича Андрея, владел Понизьем, не случайно позднее Понизье «прия» боярин Доброслав Судьич.[2]

Князь Даниил немедленно выступил в поход и через три дня был под Галичем, воеводу Мирослава он отрядил в Понизье против Судислава. Князь захватил близлежащий замок Судислава, а затем окружил город Галич и занял его (1230). Успеху этого предприятия способствовало большое войско, которое князь собрал с территории, простиравшейся «от Боброки, даже и до рекы Ушице и Прута», т. е. помощь он получил и из Понизья, где воевода Мирослав разгромил силы Судислава; положительную роль сыграло и расслоение в лагере противника — на сторону князя Даниила перешла часть галицкого боярства во главе с Володиславом Юрьевичем. Боязнь за свои «имения», непрочность позиций в городе — вот что принуждало этих бояр менять стяг.

Королевич Андрей был отпущен князем Даниилом в Венгрию, с ним решил уйти и боярин Судислав. Отношение горожан к событиям видно из того, что они бросали в боярина каменья и кричали: «Изыде из града, мятежниче земли!» Поддержка горожан не только обеспечила князю Даниилу первый успех — занятие Галича, но и позволила воеводе Демьяну в том же году отбить наступление, предпринятое на Галич соправителем короля Андрея II будущим королем Белой IV.

Получив отпор в Галиче, венгерские войска Белы отступали, среди них появилась эпидемия. Венгерский полководец, отступая, оставлял «люди за собою оружники многи и фаревники (т. е. пехотинцев и конницу)»; этим разрозненным отрядам не удалось добраться до Карпатских проходов: «нападшим на не (Х — «ня») гражаном мнозим»; остатки захват-

---

[1] См буллу папы Григория IX архиепископу гнезненскому от 27 февраля 1233 г. VMPL, t. I, N 46.

[2] ПСРЛ, т. II, стб. 789.

чиков были ликвидированы.[1] Описание этого события по библейским образцам не меняет существа его, внесенного в летопись со слов тысяцкого Демьяна.

Следовательно, политика Даниила Романовича, направленная на преодоление феодальной раздробленности и бессмысленных феодальных войн, подрывавших ремесло и торговлю, находила сочувствие в достаточно широких кругах городского населения, зажиточные верхи которого выставляли в помощь волынскому князю значительные военные силы. Официальный характер летописи не может подорвать правильности этого вывода, ибо итоги, достигнутые в ходе борьбы, очевидны и доступны проверке по другим источникам.

Победа, добытая на этот раз, была лишь началом войны за Галичину. Своему повествованию о дальнейших событиях летописец не случайно счел нужным предпослать киноварный заголовок: «Посем скажем многий мятеж (Х — «многия мятежи и великы»), великая льсти и бещисленные рати»,— такими записями летописец довольно точно отмечал этапы политической деятельности волынского княжеского двора.

Галицкое боярство понимало, что занятие столицы князем Даниилом грозит существованию боярского управления на всей Галичине. Борьба неминуемо должна была обостриться. Отдельные антикняжеские группировки боярства объединяются. К провенгерскому боярству присоединяется значительная часть бояр, которые прежде ориентировались на вмешательство в галицкие дела князей соседних русских княжеств.

Боярство пыталось действовать против князя не только открытой войной, но и путем организации заговоров. Так возник заговор, организованный крупными боярами из семьи Молибоговичей, при участии белзского князя Александра Всеволодовича, бояр перемышльских и боярина Филиппа, который должен был завлечь князя Даниила в свой замок Вишня.

Когда с помощью боярина Демьяна заговор был раскрыт, то князь Даниил предпринял первые карательные меры: семья Молибоговичей была арестована и у нее отняты земли на Володрисе; князь Александр лишился Белза и бежал в Перемышль «ко светником своим»; видимо, пострадал и боярин Филипп.[2] Часть бояр, опасаясь репрессий, «не хотяще видити» князя и «везяхуся инуда».[3]

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 761.
[2] Там же, стб. 763.
[3] Там же.

Князь Даниил собрал свое войско, предводимое воеводой Мирославом, а также ополчение галицких горожан, среди руководителей которых выделялся сотский Микула, отчетливо выразивший отношение «городских мужей» к боярству словами: «Господине, не погнетши пчел, меду не едать». Это войско князь отправил к Перемышлю. Напуганный наступлением княжеских войск, князь Александр Всеволодович оставил Перемышль и бежал в Венгрию. Однако боярин Володислав Юрьевич, отряженный в погоню за Александром, сам скрылся за «воротами угорскими», потеряв вследствие этого «все имение свое», перешедшее к Даниилу Романовичу. Итак, можно наблюдать определенный успех в действиях волынского князя, который, как видим, появился уже в западной Галичине, у центра боярской оппозиции — Перемышля (1231).

Но новое вмешательство Венгрии изменило положение. По инициативе князя Александра Всеволодовича и боярина Судислава, пребывавших в Буде, король Андрей II, совместно с сыновьями Белой и Андреем, предпринял еще одну попытку завоевать Галичину. Успеху их наступления способствовали боярские измены. Так, например, агенты боярина Судислава сдали врагу крепость Ярослав,[1] жители которой успешно оборонялись и нанесли большой урон наступавшим. Когда венгерские войска подступили к Галичу, то вслед за боярином Климятой с Голых гор «вси бояре галичьскеи предашася» королю, который вступил в Галич, посадив здесь князем королевича Андрея. Продвинувшись на Волынь, король Андрей принудил боярина Мирослава, оборонявшего Владимир, уступить «по ряду» города Белз и Червен князю Александру Всеволодовичу. Таким образом, из-за массовых измен бояр, к 1232 г. восстановилось прежнее положение — Галичина попала в руки венгерских захватчиков.

В следующем году мы видим волынского князя участвующим в киевских делах, но уже на стороне киевского князя Владимира Рюриковича. Можно думать, что поворот киевского князя в сторону союза с Волынью и разрыв его с владимиро-суздальским и черниговским князьями, был вызван активизацией политики черниговского князя Михаила Всеволодовича. Черниговский князь после оставления Новгорода и примирения в 1230 г. с владимиро-суздальскими князьями[2] обратился к юго-западной Руси.

Участие в киевских делах (он участвовал в примирении

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 765.
[2] ПСРЛ, т. I, в. 2, стб. 455 и 457.

киевского князя с черниговским) позволило князю Даниилу сделать приобретение в «русской земле», где он получил город Торческ — «центр и оплот черных клобуков Поросья», к югу от Киева,[1] выморочный удел Мстислава Удалого, вероятно, отнятый киевским князем у местного боярства.

В том же году королевич Андрей, действуя, видимо, в контакте с черниговским князем, попытался напасть на восточную Волынь. Возвращавшийся из Киевщины князь Даниил заставил его отступить и настиг королевича уже у Шумска. Весьма показателен состав войска венгерского королевича: венгерский гарнизон, войско князя Александра Белзского, боярин Глеб Зеремеевич «и инии князи болоховьсции», т. е. мелкое болоховское княжье и вокняжившееся боярство, имевшее владения в районе между Галичиной, Волынью и Киевщиной, а также в Понизье.[2]

Бой у Шумска, где князь Даниил выступал только с конной дружиной, которую водил в Киев, обнаружил, что с помощью одного этого рода войск сложных задач решить нельзя. В разгар сражения «наворотися дружина Данилова на бег».[3] Правда, отступая, князь отрядил войско и отнял у семьи бояр Арбузовичей город Плеснеск,[4] но в целом исход операции был мало удачным.

Война продолжалась, ибо положение, при котором половина юго-западной Руси контролировалась Венгрией и связанными с ней боярами, причем последние имели еще ряд позиций и на Волыни, — не могло быть прочным. Летом 1233 г. «королевич и Судислав» (примечательно это упоминание боярского предводителя рядом с венгерским наместником) организовали новый поход на Волынь.

Князь волынский заручился поддержкой киевского князя Владимира Рюриковича, половецкого хана Котяна и пытался привлечь на свою сторону Изяслава Мстиславича Смоленского, в прошлом бывшего в союзе с венграми. Однако последний изменил князю Даниилу и, захватив город Тихомль, соединился с венграми. Нужно отметить, что права феодала менять сеньера широко применялись во время изучаемой феодальной войны: так неоднократно переходили из лагеря в лагерь князь Александр Всеволодович,[5] боярин Глеб Зере-

---

[1] Д. Расовский. Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии. Seminarium Kondakovianum, Praha, 1933, VI, стр. 54, ср. стр. 56, пр. 363.

[2] Подробнее о болоховцах см. В. Пашуто. Указ. соч., стр. 52, пр. 1 и стр. 68—70.

[3] ПСРЛ, т. II, стб. 769.

[4] Там же, стб. 770.

[5] Там же, стб. 770 и др.

меевич,[1] боярин Судислав[2] и другие. Как правило, такие переходы считались нормальными и обе враждующие стороны охотно принимали на службу вчерашних противников. Так случилось и на этот раз. После боя под Шумском войска, собранные князем Даниилом, через Бужск подошли к Галичу.

Черниговский князь Михаил, в союзе с венграми, заставил киевского князя Владимира Рюриковича с половцами возвратиться в Киевщину. Но князь Даниил не отказался от своих намерений, так как, видимо, поддерживал связи с галицким посадом. Он подступил к Галичу и «стретоша и болшая половина Галича», т. е. посад, а также часть бояр — Доброслав Судьич, Глеб Зеремеевич и «инии бояре мнози».

Это были новые руководители боярства, решившие, как показали события, изменить открыто провенгерскую политику, проводником которой был Судислав Бернатович. Всех перешедших в его лагерь бояр князь Даниил принял на службу. Таким образом он «прия землю галичьскую и разда городы бояром и воеводам, и беаше корма у них много».[3]

Но галицкая крепость еще находилась в руках королевича Андрея и венгерского гарнизона, возглавлявшегося воеводой венгерским Дионисием и боярином Судиславом. Король венгерский был занят войной с австрийским герцогом, так что помощи ждать было неоткуда.[4] Правда, боярин Судислав сумел переманить на свою сторону князя Александра Белзского, примкнувшего было к Даниилу, но это не могло спасти положения. Осада затянулась.

Дело кончилось тем, что королевич Андрей умер в Галиче, боярин Судислав «иде» в Венгрию, а крепость сдалась княжеским войскам. Одним из результатов этой победы явилось полное подчинение князю Даниилу Белзского княжества. Князь Александр пытался бежать в Киев к Владимиру Рюриковичу, но Даниил Романович в течение трех дней преследовал его и, наконец, «яша» Александра у Полоного.

Союз с Киевом от этого не пострадал: Владимир Рюрикович прислал в Галич своего сына Ростислава и «прия» с волынским князем «братьство и любовь велику».[5]

В 1234—1235 гг. волынский князь столкнулся с необходимостью отстаивать свои права на Галичину от покушений черниговского князя Михаила Всеволодовича и связанных с ним Изяслава Мстиславича Смоленского и черниговского

---

[1] Там же, стб. 767, 771.
[2] Там же, стб. 738 и др.
[3] Там же, стб. 771.
[4] Хотя он и думал о помощи сыну (CDH, t. III, 2, p. 324, 326).
[5] ПСРЛ, т. II, стб. 772.

князя Мстислава Глебовича.[1] В холмской летописи мы находим особое и весьма тенденциозное повествование о черниговских князьях. К счастью, события этой войны поддаются проверке по северным источникам.

Выясняется, что эта кампания закончилась полным поражением войск волынского и киевского князей в Черниговщине и под Торческом, где союзник Даниила князь Владимир Рюрикович Киевский и воевода владимирский Мирослав вследствие измены уже известных бояр Молибоговичей попали в плен к половцам, занявшим Торческ.

Неудачный результат кампании не замедлил отразиться на внутреннем положении юго-западной Руси, привел к потере князем Галича. Когда князь Даниил «прибегшу к Галичу», местные бояре во главе с Доброславом и др., видимо, через Молибоговичей связанные с черниговским князем, постарались освободиться от Даниила Романовича. Сперва они путем обмана заставили его отправить войско на Волынь, а затем устами боярина Судислава Ильича откровенно предложили князю: «Княже, льстив глагол имеють галичане; не погуби собе, поиди прочь». Даниил Романович покинул Галичину и уехал в Венгрию.

В это время Михаил Черниговский отнял Киев у возвратившегося из плена Владимира Рюриковича, посадив на его место Изяслава Мстиславича Смоленского, а следом — вступил в Галич, оставив в нем княжить своего сына. При этом Михаил Всеволодович опирался на поддержку галицких бояр, болоховских «князей», половцев, а также привлек к союзу Конрада Мазовецкого и венгерского короля Белу IV.

Что касается половцев, то князь Даниил, должно быть, опять перекупил их, так как они «не восхотеша ити» против волынского князя.[2] Болоховцы были разбиты Владимиром Рюриковичем и часть их «князей» взята в плен. Польский князь Конрад Мазовецкий, пользуясь неудачами волынского князя в Галичине, сделал попытку в эти годы переменить внешнеполитическую ориентацию, порвать с Русью и заключить союз с прусскими крестоносцами, которые должны были защищать его владения от нападений литовцев. Позднее (1237) по условиям этого союза князь Конрад, наряду с некоторыми своими землями, уступил добжынским рыцарям русский город Дорогичин.[3] Однако войска князя Даниила

---

[1] Отметим династические связи Михаила Всеволодовича. Его сестра Агафья была женой Юрия Всеволодовича Владимирского (ПСРЛ, т. I, в. 2, стб. 435), сам он был женат на сестре Даниила Романовича Волынского (ПСРЛ, т. II, стб. 783).

[2] ПСРЛ, т. II, стб. 775.

[3] Codex Dipl. Mas., ed. Kochanowski, Nr. 336.

разбили немцев, взяли в плен магистра Бруно и освободили Дорогичин.[1] Тогда же князь Даниил направил против Мазовии литовского князя Миндовга и новогородского князя Изяслава[2] и таким путем заставил Конрада восстановить дружественные отношения с Русью. Но пока что князь Конрад Мазовецкий был в числе врагов Волыни: он предпринял нападение на Червен, откуда был выбит волынскими войсками.[3]

Князь же Даниил находился в Венгрии (1235).[4] Он решил воспрепятствовать вмешательству нового венгерского короля Белы IV в галицкие дела. Вероятно, с этой же целью он завязал сношения с австрийским герцогом Фридрихом II, враждебным Венгрии. Узнав об этих переговорах, венгерский король предложил русским князьям Даниилу и Васильку какое-то соглашение, которое, видимо, и состоялось во время поездки князей в Венгрию «на честь».[5] Во всяком случае вплоть до татаро-монгольского нашествия венгерский король не вмешивался в галицкие дела.[6]

Между тем, черниговский князь распространил свою власть на всю Галичину, включая Перемышль.[7] Более того, его сын Ростислав Михайлович организовал поход против союзной волынскому князю Литвы. Но этот поход привел черниговского князя к потере Галича.

Князь Даниил Романович обошел противника и подступил к Галичу (1238). Связи с горожанами вновь принесли свои плоды: «мужи градьстии», вопреки воле дворского Григория Васильевича[8] и епископа галицкого Артемия, служивших черниговскому князю, открыли городские ворота Даниилу Романовичу. Ростислав Михайлович, узнав про «приятье градьское», скрылся в Венгрию.[9] Таким образом волынский князь опять восстановил свою власть над Галичиной.

Итак, мы видели, во-первых, что феодальная война в юго-западной Руси на отдельных ее этапах приобретала международное значение, затрагивая Литву, Венгрию, Польшу, Орден и даже Австрию; во-вторых, что решающими успехами в ходе этой войны волынский князь был обязан под-

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 776.

[2] Там же.

[3] Там же, стб. 775.

[4] Scriptores Rerum Hungaricarum, ed. E. Szentpétery, Budapestini, 1937—1938, tt. 1—2; t. 1, p. 467; cp. t. 2, p. 42 (Chronicon Posoniense).

[5] ПСРЛ, т. II, стб. 776.

[6] Хотя до этого венгерские наемники служили Михаилу Черниговскому. Там же, стб. 776.

[7] Там же, стб. 777.

[8] Там же.

[9] Там же, стб. 778.

держке «мужей градских», «лепших мужей», которые выставляли ему в помощь крупные военные силы. Противодействие этих сил, включавших значительные массы городского и сельского населения, опрокидывало, приводило к краху попытки галицкого боярства бесконтрольно хозяйничать в стране с помощью венгерских королей и союзных им негалицких князей.

Следует добавить, что волынский князь в это же время продвинул свое влияние на восток и занял Киевщину, присоединив ее к своим владениям. В связи с тем, что по вопросу об исторических судьбах Киевщины первой половины XIII в. в литературе нет ясности, попытаемся собрать относящийся к данной теме материал; это важно сделать и для уяснения политического положения юго-западной Руси.

По смерти Романа Мстиславича (1205) Рюрик Ростиславич занял Киев и держал его с перерывами до 1207 г., а может быть, и до 1210 г. Непрочность положения в Киеве определилась борьбой между черниговским и киевским князьями. В 1206 г. в Чернигове состоялся «снем» черниговских князей во главе со Всеволодом Святославичем Чермным; на снеме присутствовали также северские князья Владимир, Роман, Святослав и Ростислав Игоревичи и смоленский князь Мстислав Романович. Все эти князья в союзе с киевским князем Рюриком Ростиславичем действовали против Галичины.

Владимиро-суздальские князья не могли допустить перехода юго-западной Руси в руки черниговского князя, и мы видим Ярослава Всеволодовича Переяславского спешащим занять Галич с ведома венгерского короля Андрея II. Но переяславский князь опоздал, местные бояре передали стол северским князьям, таким образом, расколов антигалицкую коалицию.

Среди союзников усилилась борьба: черниговский князь Всеволод Святославич изгнал в 1206 г. Рюрика Ростиславича из Киева, а также Ярослава Всеволодовича Суздальского из Переяславля («Галича не ищи под моею братьею!»). Правда, в том же году Рюрик Ростиславич сумел вернуть Киев.

Борьба за Киев, однако, продолжалась. В 1207 г. на Киев вновь двинулся Всеволод Святославич Черниговский вместе с Владимиром и Ростиславом Святополчичами Туровопинскими, из Галича их поддерживал Владимир Игоревич. На стороне киевского князя выступали Мстислав Романович Смоленский (правил в Белгороде) и Мстислав Удалой (правил в Торческе). Черниговский князь победил противников, занял Киев в 1207 г., но вскоре почему-то очистил его в пользу Рюрика Ростиславича.

Что было далее — не знаем, но думаем, что Рюрик Рости-

славич просидел в Киеве до 1210 г., ибо еще в этом году его старший сын Ростислав (умер в 1218 г.)[1] промелькнул в Галиче.[2] Но в том же году, как видно из владимирского свода, Киев вновь перешел к Всеволоду Святославичу Черниговскому,[3] а Рюрик Ростиславич попал в Чернигов (где и умер в 1215 г.).[4]

Находясь в Киеве, Всеволод Святославич добился примирения с владимиро-суздальскими князьями, выдав свою дочь за Юрия Всеволодовича;[5] кроме того, Всеволод находился в дружественных отношениях с волынскими Романовичами[6] и северскими Игоревичами, правившими в Галичине. Но он был враждебен смоленским князьям. В 1212 г. он «изгони из Руси» Мстислава Романовича Смоленского и Владимира Рюриковича (эти «внуки Ростиславли» — вероятно, «держали» от его имени города в Поросье), обвинив их в причастности к казни Игоревичей в Галиче.[7]

Тогда в поход на Киевщину отправились смоленские князья Ростиславичи — Мстислав Романович из Смоленска, Мстислав Мстиславич Удалой — из Новгорода и Владимир Рюрикович, а также Константин и Мстислав Давыдовичи и союзный Удалому Ингвар Ярославич Луцкий. Князь черниговский был изгнан из Киева и там сел было Ингвар Ярославич Луцкий. Но по уходе Мстислава Удалого из Киева, другие князья сочли нецелесообразным объединять Киевщину и восточную Волынь в одних руках и передали Киев Мстиславу Романовичу Смоленскому, вопреки воле Удалого.[8]

Мстислав Романович Смоленский пробыл в Киеве с 1212 по 1223 г. Хотя он и поддерживал Мстислава Удалого в галицких делах[9] (1216), но отношения между ними оставались натянутыми, что пагубно отразилось на положении русского войска во время битвы на Калке.

После Калки киевский стол занял Владимир Рюрикович, союзный Мстиславу Удалому, в ту пору князю галицкому, а позднее — Даниилу Романовичу Волынскому. Владимир Рюрикович пробыл в Киеве до 1235 г., когда был изгнан черниговским князем Михаилом Всеволодовичем, передавшим Киев своему ставленнику Изяславу Мстиславичу Смоленско-

---

[1] ПСРЛ, т. VII, стр. 125.
[2] Там же, стр. 116—117.
[3] Там же, т. I, в 2, стб. 435.
[4] Там же, т. VII, стр. 119.
[5] Там же, т. I, в. 2, стб. 435.
[6] Там же, т. II, стб. 729.
[7] Новгор. I лет., стр. 195.
[8] См. Новгор. I лет., стр. 197; ср. ПСРЛ, т. VII, стр. 118.
[9] Там же, стр. 128.

му.[1] Но в том же году Владимир Рюрикович вернулся в Киев, ибо вновь вмешавшийся в борьбу за юго-западную Русь Ярослав Всеволодович Суздальский в 1235 г. «взя Киев под Володимером».[2]

Суздальский князь «не мога» удержать Киев, вытесненный из него Михаилом Черниговским[3] (1236). Но и Михаил недолго удержался здесь — в 1238 г. он бежал «перед татары».[4] В этом году в Киев пришел Владимир Рюрикович, но вскоре умер.[5] Его сменил Ростислав Мстиславич Смоленский, но последнего изгнал Даниил Романович Галицко-волынский, посадивший здесь своего наместника боярина Дмитра (1238).[6]

Приведенный материал ясно показывает, что в XIII в. Киевское княжество не могло представлять собою серьезной политической силы и являлось одним из объектов феодальной борьбы между владимиро-суздальскими, галицко-волынскими, а также черниговскими и смоленскими князьями.

§ 3. Татаро-монгольское нашествие и его последствия

Татаро-монгольское нашествие, нанесшее суровый удар экономическому процветанию юго-западной Руси, чрезвычайно осложнило также процесс ее политической эволюции; разорение крупных экономических центров, расстройство системы административного управления, ослабление вооруженных сил — все это подорвало социально-экономическую основу княжеской власти и привело к восстановлению, столь выгодному боярству, феодального дробления.

В 1236—1238 гг. татаро-монголы с кровопролитными боями опустошили земли рязанские, владимирские, суздальские, а также разбили половцев. В условиях, когда «ни един от князей друг другу не поиде на помощь», русские города, защищаемые горожанами, а также крестьянами из окрестных сел, геройски гибли в одиночку, изматывали силы татаро-монголов, наносили им огромный урон и задержали их в пределах Руси на несколько лет (1236—1240). К началу 1240 г. после героического сопротивления пали Козельск, Чернигов[7] и Переяславль; на очереди стоял Киев. Черниговские князья

---

[1] ПСРЛ, т. VII, стр. 138.
[2] Там же; ПСРЛ, т. II, стб. 777.
[3] Там же.
[4] Там же, стб. 782.
[5] Псковские летописи, в. 1, ред. А. Н. Насонов, М.— Л., 1941, стр. 12.
[6] ПСРЛ, т. II, стб. 782.
[7] Чернигов пал 18 октября 1239 г.— Псковские летописи, указ. изд., т. I, стр. 12.

Михаил Всеволодович и его сын Ростислав бежали в Венгрию, надеясь там, у своего союзника Белы IV, найти помощь против восточного врага; черниговский князь предполагал закрепить договор о помощи браком Ростислава Михайловича с дочерью короля. Однако Бела IV отказал в помощи и «не вдасть девкы своей Ростиславу».[1]

Не добившись помощи и от Польши, черниговские князья, если верить холмской летописи, обосновались при дворе князя Даниила Романовича, который дал им в держание город Луцк. В свою очередь князь Даниил Романович с сыном Львом также поехал в Венгрию пытаться заключить оборонительный союз, скрепив его браком Льва Даниловича с дочерью короля.

В это время татаро-монголы уже подступили к Киеву, который они, после ожесточенной осады, заняли и разорили (1240).

Черниговские князья, вместе с волынским двором, укрылись в Польшу, где Болеслав, сын Конрада, передал город Вышеград волынским князьям, но отсюда Михаил Всеволодович поехал «в землю воротьславскую», вероятно, в надежде найти союзников по борьбе с татаро-монголами. Но там он достиг еще меньшего, чем в Венгрии: в Силезии, на пути из Вроцлава в Лигниц, у летописного города «Середа» (польское — Środa), он был ограблен немецкими горожанами, которые при этом убили его «людей», а также «унуку». Это, между прочим, послужило поводом к созданию в Чехии повести об убиении татарской царевны.[2]

Из Киева татаро-монгольские войска Бату двинулись на юго-западную Русь. Татары обманом заняли город Колодяжен, а также Каменец, но города Данилов и Кременец выдержали их осаду. Затем «копьем» (т. е. с боем) были заняты Владимир и Галич и «инии грады мнoгы, им же несть числа».[3]

На исходе был 1240 г. Таким образом, для завоевания Руси (без ее северо-западной части) татаро-монголы потратили 1236—1240 гг., понесли значительные потери в людях и вооружении и вышли на западные рубежи русской земли значительно ослабленными. Героическая оборона русским народом родной земли, родных городов явилась решающей причиной срыва плана татаро-монгольских захватчиков по завоеванию всей Европы.

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 783.
[2] См. А. В. Флоровский. Указ. соч., стр. 207—208.
[3] ПСРЛ, т. II, стб. 786.

Далее татаро-монголы направились против Польши и Венгрии. Болеслав Стыдливый Сандомирский, хотя и получил помощь из Мазовии, не мог противостоять татарам и был разбит у Ополья (между Люблином и Сандомиром); татары заняли и разорили Люблин, Завихост, Сандомир. От Сандомира часть войска двинулась в Великую Польшу (Серадзь, Ленчица, Куявия), а другая — в Малую Польшу — на Краков и Вроцлав. Краков был разорен, а во Вроцлаве уцелела только цитадель.

Впереди татар ожидала крупная битва. Большое польское войско под командованием Генриха Благочестивого (правил в Кракове в 1238—1241 гг.), подкрепленное «союзными» прусскими крестоносцами во главе с магистром Поппо фон Остерна, рыцарями из Силезии и отрядами из Моравии — собралось у Лигница. Эта армия была наголову разбита татаро-монголами (9 апреля 1241 г.), которые, по преданию, отправили в Монголию девять мешков с правыми ушами убитых, как наглядное свидетельство мощи своего оружия. Завоевание Руси и Польши татаро-монголами, разгром ими союзных войск под Лигницем, вызвали большой страх в Европе; лихорадочно готовились к отпору даже такие отдаленные центры, как Любек,[1] Нюрнберг[2] и ландграфство Тюрингское.[3]

12 апреля 1241 г. другая армия татаро-монгол беспощадно разгромила 60-тысячное войско короля Белы IV при Сайо, в долине Моги, окруженной холмами Токая. Бела IV через Нитру и Братиславу бежал сперва ко двору Фридриха II австрийского, затем перебрался в Загреб. Отсюда он обратился с призывом о помощи к папской курии и германскому императору Фридриху II.[4] Кроме армии Бату, действовавшей в Венгрии, и армии Бурундая, воевавшей севернее, третья армия, предводимая Субэдеем и Киданем, прошла через Валахию в Трансильванию.

В это время богемский король Вацлав I деятельно готовился к обороне. Были укреплены Прага, Оломуц, Брно, и другие крепости, а также монастыри, сделаны запасы продовольствия. Понесшие большие потери в течение четырехлетней войны на Руси, ослабленные в дальнейших сражениях татаро-монголы не рискнули итти на Богемию, что, между

---

[1] Detmar, ad. 1241 см. F. H. Grantoff. Die lübeckischen Chroniken in niederdeutscher Sprache. Hamburg, 1829, S. 119.

[2] P. Y. Boehmer. Regesta Imperii neu hsg. v. Y. Ficker und E. Winkelmann, Innsbruck, 1881, NN 4437, 4438.

[3] MGH, SS, XXVIII, p. 206.

[4] Король Бела IV даже обещал Фридриху II стать его вассалом (P. Y. Boehmer-Ficker J. Regesta Imperii, N 3211).

прочим, позволило еще Ф. Палацкому утверждать, будто «татарское наступление на Западную Европу было предотвращено Вацлавом I Богемским».[1] Как видим, это не совсем так.

Татаро-монголы пошли через Кладско мимо Опавы в Моравию. Из Венгрии татаро-монголы не предприняли похода на Австрию, не желая встречаться с объединенными силами короля Вацлава I, герцога австрийского, патриарха аквилейского, герцога каринтийского и маркграфа баденского. Хан Бату перенес свое внимание на юг.

В начале февраля 1242 г., когда замерз Дунай, татарские силы разделились на две части: одна, под командованием Бату, разоряла венгерскую территорию, а другая часть, под командованием Киданя, пересекла Драву и вступила в Хорватию. Так был опустошен Загреб. Король Бела IV бежал на далматинское побережье, где его вооруженные силы разместились в прибрежных крепостях Трогире, Силита, Клиса и на близлежащих островах.

В конце марта 1242 г. татары узнали о смерти Угэдея и приняли решение о возвращении в Монголию. Возвращались — одна часть войска по маршруту: Босния — Сербия — Болгария — южная Русь, другая — разграбила окрестности Дубровника (Рагуза), сожгла Котор (Катарро), ряд пунктов близ Скутари и затем, через Болгарию, вышла к низовьям Дуная, где встретилась с Бату, прошедшим через Трансильванию и Молдавию.

Таким образом, татаро-монголы пробыли на западе, за пределами Руси, около двух лет; следовательно, летописец дает неточное сообщение, говоря, что татаро-монголы преследовали венгров «до реке Дуная» и провели на Балканах после победы три года.[2]

Что же происходило в это время в юго-западной Руси?

Дипломатическая поездка галицко-волынского князя Даниила в Венгрию не увенчалась успехом: венгерский король не собирался помогать Руси: он, узнав в конце 1240 г. о приближении татар,[3] отправил палатина Дионисия закрыть Карпатские проходы и думал, что гроза минует его, хотя, как известно, Бату еще в 1238 г. (и не впервые) писал ему, требуя подчинения.[4] Итак, русско-венгерские переговоры не дали

---

[1] F. Palacký Dějiny národu Českého v Cechāch a v Moravě, Praha, 1894, s. 309 и сл.

[2] ПСРЛ, т. II, стб. 787. Впрочем, то же и в венгерских источниках. SRH, t. I, p 212 (Chronica Zagrabiense). Ср. p. 468.

[3] MGH, SS, t. XXIX (Rogerii Miserabile Carmen super destructione Hungariae). Hannoverae, 1892, p. 553.

[4] С. А. Аннинский. Известия венгерских миссионеров, указ. изд., стр. 88.

результатов («не бы любови межи има»), и князь Даниил уехал в Польшу, так как на Волыни уже распоряжались татары. В Польше княжеский двор находился до получения известия о том, что татары «сошли суть из земли руское»; после этого князья Даниил и Василько возвратились на Волынь.

Последующие действия княжеской власти заставляют думать, будто русское общество было убеждено, что татаро-монголы навсегда ушли на Балканы, как это не раз бывало в истории Руси, пережившей не одно нашествие восточных кочевников. О том, что возвращения татаро-монголов не ожидали, свидетельствует широта внутриполитических и экономических мероприятий, проводившихся в эти годы. Эти мероприятия были вызваны тяжелыми последствиями татаро-монгольского нашествия.

Объединение юго-западной Руси приходилось начинать чуть ли не сначала; административный и хозяйственный аппарат государственной власти был серьезно дезорганизован; как увидим, местное, особенно галицкое боярство, пользуясь положением, фактически захватило в свои руки всю политическую и экономическую власть; ослаблению княжеской власти способствовало разорение ряда крупных городов, торгово-ремесленная верхушка которых наряду с «двором», «служащим боярством» составляли социальную опору князя; наконец, все усиливающаяся эксплоатация и постоянные разорения, вследствие феодальных войн, вызвали широкое крестьянское антифеодальное движение, заставившее все группы феодального сословия на время сплотиться вокруг великокняжеской власти.

Все происшедшее, как увидим, привело к существенным переменам в формах феодальной войны. Княжеская власть осуществляет значительно активнее карательную политику в отношении враждебных ей светских и духовных феодалов, широко организует новое «уставление» всех земель и статей доходов, проводя как пересмотр повинностей крестьянства, так и перераспределение земельных владений и держаний боярства; развертывается широкое восстановление пострадавших от татарского разорения городов, а также строительство новых замков; спешно формируется новое войско, в составе которого массы «смердов-пешцев» играют важнейшую роль; последнее обстоятельство свидетельствует о том, что княжеской власти удалось создать значительные кадры нового служилого, в основном среднего, боярства, использовав для этого земли, отобранные у оппозиционных крупных бояр.

Напомним, кстати, что аналогичным образом, хотя и в меньшем масштабе и при иных условиях, действовали князья северо-восточной Руси. Так Ярослав Всеволодович, по возвращении во Владимир, «поча ряды рядити, якоже пророк глаголет божье суд свой церкви дажь и правду твою сынови церкви: «судити людем твоим в правду, а нищим твоим в суд»,[1] т. е. восстанавливал светские и духовные законы. Александр Невский после нашествия Неврюя «церкви въздвиже, град исполни, люди разбегшая собрал в домы своя».[2] К сожалению, характер источников по северо-восточной Руси не позволяет раскрыть хода этих мероприятий. Тем драгоценнее для нас свидетельства холмского летописного свода.

Воспользовавшись ослаблением великокняжеской власти, вызванным татаро-монгольским нашествием, галицкое боярство захватило в свои руки все земли и фактическую власть.

Так, крупнейший боярин Григорий Васильевич, старый враг волынских князей, засел в Перемышле и «собе горную страну Перемышльскую (т. е. Западную Галичину) мышляше одержати».[3]

Князь Даниил Романович направил в Галич своего стольника Якова, чтобы на месте выяснить обстановку. Стольник Яков увидел, что и здесь захвативший власть боярин Доброслав беззастенчиво раздает княжеские земли и доходы представителям все тех же, издавна враждебных князю Даниилу, боярских родов — Молибоговичей, Домажировичей и др. Так, доход от соляных промыслов Коломыи, предназначенный князем для оплаты формируемого войска, боярин дал на откуп Ивору Молибожичу и Лазарю Домажировичу.

Кроме того, Доброслав широко раздавал «волости», т. е. земли, черниговским боярам, бежавшим в Галичину из своего разоренного края. Это было тем более неприятно князю Даниилу, что он привел из венгерской эмиграции часть верных себе галицких бояр, которые находились в это время на Водаве,[4] и предназначал эти волости для них. Прибыв из Галича во Владимир, стольник Яков «вся си сказа князю».[5]

Но боярское правление не могло быть прочным в таком княжестве, как Галичина, бояре которой нуждались в княже-

---

[1] ПСРЛ, т. I, в. 2, стб. 467.
[2] Новгор. I лет., стр. 272.
[3] ПСРЛ, т. II, стб. 789.
[4] Там же.
[5] Там же, стб. 790.

ской власти, которая одна была в состоянии защищать их от внешнего врага и друг от друга; должно быть и князь нашел средства ускорить события. Вскоре бояре Доброслав Судьич и Григорий Васильевич «свадившеся сами», причем Доброслав, стремясь устранить Григория из Перемышля с помощью князя и завладеть всей Галичиной, отправил посла в Холм с жалобой на соперника: «яко не верен ти есть».

Бояре решили явиться на третейский суд к князю; при этом Доброслав ехал по Холму «во единой сорочьце» верхом, а «галичаном же текущим у стремени его».[1] Воспользовавшись удобным случаем, Даниил Романович велел «изоимати» обоих боярских предводителей.

Вернув таким образом Галич, князь Даниил Романович поспешил принять срочные меры к ликвидации боярского сопротивления в галицком Понизье и в западной Галичине.

Что касается Понизья, то в его главный центр — Бакоту — был направлен княжеский печатник Кирилл с войском. Ему было приказано «исписати грабительства нечестивых бояр и утишити землю», в которой, вероятно, поднялось антифеодальное крестьянское восстание. Опираясь на пешее войско, Кирилл утвердился в Бакоте и отбил наступление, предпринятое на нее Ростиславом Михайловичем Черниговским, пытавшимся с помощью болоховского боярства и «княжья» обосноваться в Понизье. Печатник Кирилл «изииде на ня со пешти» и заставил Ростислава Михайловича уйти за Днепр.

Используя военные силы и одновременно, вероятно, пересматривая нормы крестьянских повинностей, т. е. действуя, как писал сам Кирилл, «мудростью и крепостью», он «утиши землю».[2] Позднее князь Даниил сам «еха до Бакоты и Калиуса», с целью «уставити землю»,[3] но, кажется, ему помешали возвращавшиеся с запада татаро-монголы. Позднее в в Бакоту был назначен татарский баскак Милей, и Понизье ушло из рук волынского князя.[4]

Особое внимание княжеская власть уделила землям болоховских «князей». Болоховские князья в значительной части состояли из местных бояр, вроде Бориса Межибожского и др. Эти «князья» не были разорены татаро-монголами, напротив, они добровольно признали их власть, согласившись поставлять своим новым сюзеренам продовольствие для войска.

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 790.
[2] Там же, стб. 791.
[3] Там же, стб. 793.
[4] Там же, стб. 829.

Князь Даниил, полагая, что татары навсегда «сошли суть из земли русское»,[1] предпринял поход на земли болоховских бояр, расположенные на восточной границе Галичины, у стыка земель галицкой, волынской и киевской; он «грады их огневи предасть и гребля их раскопаша».[2] Были уничтожены города: Деревич, Губин, Кобуд, Кудингородец, Божский, Дядьков. Возвратившиеся татаро-монголы восстановили здесь свою власть; но Даниил Романович не хотел с этим считаться.

Когда татаро-монголы около 1252 г. придвинули к границам Галичины войска Куремсы, и князь Даниил отбил его наступление, то он прежде всего ударил по болоховским землям, отрезавшим от него Киевщину. Болоховский край был подвергнут еще большему разорению, в ходе которого галицко-волынские войска уничтожили города: Межибожье, Болохов, Побожье «с людьми татарскими», Городок, Семоч, Городеск, Жедечев и Возвягль;[3] видимо, тогда же князь Даниил завладел Кременцем.[4]

Археологические раскопки говорят об исключительно жестоком уничтожении болоховских городов; о том же свидетельствует и летопись: подошедшие к разоренному Возвяглю литовцы «не видеша ништо же, токмо головне ти пси течюще по городищу».[5] Так был разгромлен крупнейший очаг боярского сопротивления.

Решительные меры были приняты и против боярства западной Галичины. Сюда был направлен с войском дворский Андрей. Последний занял Перемышль, где «удоси» местного владыку и разорил его владения; при этом «слуги его разъграби гордые и тулы их бобровые раздра и прилбице волчье и барсуковые раздрани быша», т. е. двор тут был богатый и многолюдный. При этом дворе находились и свои поэты, вроде «славутного» Митуса, не пожелавшего служить князю Даниилу и нашедшего здесь покровительство.

Холмский летописец занес известие о разгроме перемышльского боярско-владычного центра с удовлетворением, снабдив его даже притчею: «Яко же рече приточник: буесть дому твоего сокрушитися, бобр и волк и язвець снедятся».[6] После этого удара местное боярство и владыка долго не могли оправиться; во всяком случае мы позднее встречаем

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 788.
[2] Там же, стб. 792.
[3] Там же, стб. 838.
[4] Там же, стб. 829.
[5] Там же, стб. 839.
[6] Там же, стб. 794.

перемышльского владыку Мемнона в роли дипломата при князе Льве Даниловиче.[1]

Перемышльский владыка — не единственный духовный феодал, поплатившийся за выступление против великокняжеской власти. Факты показывают, что взаимоотношения церкви и государства в юго-западной Руси сыграли в ходе феодальной войны не последнюю роль.

Галицкий епископ Артемий — крупнейший духовный феодал, управлявший еще, может быть, и молдавской церковью,[2] также примкнул к боярской партии, возглавляемой боярином Григорием Васильевичем, и был изгнан из Галичины князем Даниилом.[3]

Еще один епископ — угровский Асаф,— пользуясь положением, создавшимся после татаро-монгольского нашествия, решился на смелый шаг и (вероятно, с помощью боярства) «скачи на стол митрополии». Князем Даниилом Асаф был «свержен» с митрополичьего стола, угровская епископия была закрыта и переведена в княжеский город Холм.[4]

Владимирская епископия находилась в полном подчинении великого князя; здесь епископами сидели либо выходцы из святогорского монастыря св. Даниила, либо люди, вроде слуги князя Василько — Микифора Стенило.[5] Впрочем, отметим, что эти владимирские епископы были довольно известными людьми на Руси.

Например, один из них — епископ Асаф,[6] был известен в Новгороде, где после болезни владыки Антония, видимо, знавшего Асафа в бытность свою в юго-западной Руси, фигурировал в числе кандидатов на новгородский владычный стол.[7]

Неизвестна лишь судьба луцкой епископской кафедры, но так как сам Луцк был подчинен князем Даниилом вооруженной рукой, то можно думать, что местного епископа постигла участь всех прочих.

Следовательно все епископские кафедры юго-западной Руси в ходе феодальной войны были подчинены великокняжеской власти. Наконец, в 1246 г. великий князь назначил своего «печатника» Кирилла митрополитом.[8] Эти факты лиш-

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 912.

[2] См. Н. Д. Тихомиров. Галицкая митрополия, СПб, 1895, стр. 122.

[3] ПСРЛ, т. II, стб. 777, 793.

[4] Там же, стб. 740.

[5] Там же.

[6] Там же, стб. 739—740.

[7] Новгор. I лет., стр. 231.

[8] ПСРЛ, т. II, стб. 809. В Византии знали, что «Галицкий (епископ) нередко был возводим в достоинство митрополита, но потом опять воз-

ний раз свидетельствуют о широком характере феодальной войны.

О том, как при князе Данииле восстанавливались города, пополнялось ремесленное население и пр., мы уже говорили выше. Исследователи отмечают (М. В. Владимирский-Буданов, М. С. Грушевский, А. Е. Пресняков и из советских ученых Б. Д. Греков), что юго-западная Русь сравнительно с северо-восточной пострадала гораздо меньше.

Источники, правда, говорят, что в ростово-суздальской земле татаро-монголы «взяша городов 14, опроче слобод и погостов» в течение февраля 1238 г., т. е. до битвы на Сити,[1] тогда как холмский автор выражается менее четко: «копьем» были взяты Галич, Владимир и «инии грады многы, им же несть числа».[2] Но, во-первых, ряд городов татары, как мы отмечали, вообще взять не смогли, а во-вторых, и занятые ими города, видимо, не были полностью разрушены.

Например, город Владимир был взят «копьем» и в нем Бату «изби» население «не щадя»; но при этом уцелела церковь богородицы, а также и другие церкви, ибо летописец говорит, что и «иные церкви наполнены быша трупия».[3] Уцелела и в Галиче церковь богородицы, на крыше которой в свое время укрывались венгерские захватчики.[4]

Что касается населения, то значительная часть его успела заблаговременно укрыться: князь Даниил, находясь у Синеводского монастыря, «виде множство бежащих от безбожных татар».[5]

Поэтому естественно, что сразу же после возвращения татаро-монголов за Днепр мы находим в юго-западной Руси многочисленное население, например, у Перемышля «тъземьльце многи»,[6] или Литва берет «велик плен»[7] и т. п.; к тому же надо добавить значительный приток населения из восточных русских земель, включая такие отдаленные центры, как Путивль, Рязань и др. (см. ниже). Кроме того, княжеская власть проводила сознательную политику привлечения в

вращался в положение простого епископа властью митрополита». (Н. Д. Тихомиров. Указ. соч., стр. 58). Нет нужды говорить, что борьба за получение собственной митрополии была вопросом текущего политического интереса, достаточно вспомнить о большом реальном значении митрополичьей власти на Руси. (См. например, ПСРЛ, т. VII, стр. 170, 186, 201 и др.).

[1] ПСРЛ, т. VII, стр. 141.

[2] Там же, т. II, стб. 786.

[3] Там же, стб. 788.

[4] Там же, стб. 830, ср. стб. 738

[5] Там же, стб. 787.

[6] Там же, стб. 800.

[7] Там же, стб. 798.

княжество населения (особенно ремесленного). В напряженном труде эксплоатируемого крестьянства и в работе ремесленников заключается основная причина сравнительно быстрого восстановления экономики Галицко-Волынской Руси.

Таким образом тяжелые экономические последствия татаро-монгольского нашествия были преодолены сравнительно быстро. Отметим также, что обратный путь татар был значительно менее грозным: летопись отмечает лишь, что Бату направил против Волыни два отряда (Манъмана и Балая), которые проникли до Володавы на Буге, севернее Угровска.

После ухода татаро-монгол на восток наступил последний, заключительный этап феодальной войны волынского князя против галицкого боярства, связанного с черниговскими князьями, а также с Венгрией и Малой Польшей.

Ростислав Михайлович Черниговский в конце 1242 г. вновь отправился в Венгрию, где на этот раз был принят иначе, чем до татаро-монгольского нашествия: вскоре черниговский князь женился на дочери короля Белы IV, что закрепило возобновление черниговско-венгерского союза против галицко-волынского князя. В 1243—1244 гг. князь Ростислав сделал попытку обосноваться в Перемышле, но потерпел неудачу. [1]

Тогда с помощью короля Белы IV Ростислав Михайлович подготовил генеральный поход на Галичину; к этому походу было решено привлечь также польские силы. Но это удалось лишь отчасти. Король Бела IV был отлично осведомлен о русско-мазовецком союзе, и когда, после ряда перемен в 1241 г. на краковском столе, появился было Конрад Мазовецкий, то Бела IV не замедлил поддержать против него Болеслава Стыдливого, который к середине 1243 г. и соединил в своих руках Малую Польшу.

Конрад Мазовецкий организовал тогда налеты на Краков, а волынские князья — поход на Люблин (1244). Русские войска действовали на значительной территории: полки князя Даниила сражались под Люблиным, князь Василько был в бассейне реки Лады (приток Танвы) и доходил до Вислы и Сана; дворский Андрей воевал близ Сандомира; воевода Вышата действовал в Подгорье. [2] Может быть, этот поход был подкреплен набегом литовцев на южную Сандомирщину. [3] Конрад Мазовецкий в итоге борьбы с Болеславом удержал землю Клецкую. Болеслав Стыдливый в ответ на поход

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 797.
[2] Там же, стб. 795, 796.
[3] J. Dlugossii, t. II, lib. VII, p. 297.

русских князей совершил набег на Волынь, где доходил до Андреева (на Буге, севернее Холма).[1]

На это выступление князь Даниил Романович ответил новым походом на Люблин; город должен был принять условия, выставленные русским князем, и таким образом, люблинская земля выбыла из состава сил малопольского князя. Об этом ясно говорят и польские источники: «1244. Ruteni per diversos insultus Lublin devastant...»;[2] другой источник добавляет: «et castrum pro se edificare ceperunt et turim muratam fecerunt». В том же источнике после слова «Lublin» добавлено: «et totum territorium».[3]

При этом галицко-волынский князь сумел сохранить связи и при краковском дворе, что и обнаружилось во время венгерско-польского выступления против Галичины. Ростислав Михайлович, наступая на Галичину, прошел с венгерскими полками через владения Болеслава Стыдливого, который, как мы показали, был враждебен галицко-волынскому князю и готов предоставить помощь Ростиславу Михайловичу. В Кракове Ростислав Михайлович оставил свою жену Анну, дочь короля Белы IV и сестру Кинги — жены Болеслава Стыдливого.

Весьма любопытно, однако, что часть малопольских панов во главе с Флорианом Войцеховичем Авданцем выступила против антигалицкой политики Болеслава Стыдливого; дошло до того, что «инии ляхове избегли бяху из земли, хотяще ити к Данилови».[4] Правда, сам Флориан Войцехович примирился с Болеславом Стыдливым и принял участие в походе, но попал в плен к русским.[5]

Развертывавшееся наступление венгерских, польских, а также боярских войск, связанных с Ростиславом Михайловичем Черниговским, грозило большой опасностью юго-западной Руси. Это была попытка правителей Венгрии и Польши покончить с существованием юго-западной Руси, которая, как они рассчитывали, была ослаблена татаро-монгольским нашествием. Однако их надежды не оправдались, и в битве под Ярославом (Западная Галичина) им был нанесен сокрушительный удар.

Современники глубоко поняли выдающееся значение битвы под Ярославом для исторических судеб юго-западной

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 796.

[2] Rocznik Kapitulny Krakowski, MPH, t. II, p. 804.

[3] PMH, t. III (Rocznik Świętokrzyski), p. 72, ср. p. 307; ср. также ПСРЛ, т. II, стб. 796 и Приложение (Ермолаевский список, стр. 81). Ср. J. Dlugossii, t. II, lib. VII, p. 299 (под 1244 г.).

[4] ПСРЛ, т. II, стб. 800.

[5] См. Br. Włodarski, Op. cit., str. 39—40.

Руси, а дворский Андрей оставил о ней свое повествование, вошедшее в состав холмского свода. Советские историки (гражданские и военные) незаслуженно забыли об этой битве. Попробуем описать ее на основании тех данных, которые сохранились в летописи.[1]

Летом 1245 г. по приказу короля Белы IV рыцарское венгерское войско, руководимое зятем короля Ростиславом Михайловичем и старым венгерским воеводой баном[2] Фильнием, в сопровождении польских дружин, возглавляемых Флорианом Войцеховичем («Творьян») двинулись в Галичину,— предмет давнишних вожделений венгерской и польской знати.

Войска легко заняли Перемышль и направились к Ярославу. То был «крепок град» и жители его дали врагу «бой велик перед градом», а затем укрылись в стенах города. Бан Фильний, не ожидавший такого сопротивления, отправил отряд в Перемышль, поручив ему привезти «сосуды ратные и градные и пороки». Началась планомерная осада города. Горожане метали со стен камни и стрелы.

Враг был уверен в победе и не спешил со штурмом. Под стенами города осаждавшие даже устраивали рыцарские турниры. В одном из таких турниров («игре») принял участие и Ростислав Михайлович; он сразился с рыцарем Воршем, но неудачно: в разгар турнира черниговский князь упал с коня.

Пока враги стояли, задержанные сопротивлением Ярослава, галицко-волынский князь, узнав про «ратное пришествие», стал собирать дружину и ополчение и «скоро собраше вои» свои, а также отряды половцев. К союзным Волыни — мазовецкому князю Конраду и литовскому великому князю Миндовгу были отправлены послы с просьбой о присылке вспомогательных войск; и польский и литовский князья обещали прислать подмогу.

Когда войско было готово к походу, то наперед был выслан дозорный отряд дворского Андрея с заданием разведать силы врага, а также известить ярославцев о близкой помощи [«да их (т. е. войска противника) видить и укрепить град, яко уже близ есть спасение их»].

Сам же князь Даниил Романович повел войско из Холма следом за дворским Андреем к реке Сану. Не доходя реки, русские полки остановились; из обоза было извлечено оружие и роздано воинам. Верный традиции летописец повест-

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 800—805.
[2] Что он бан, см. CDH, t. IV, 2, pp. 65, 66.

вует, что над русским войском пролетел орел — предвестник победы. Узнав от дворского Андрея о силах противника и их расположении, князь наметил переправу. Брод был глубок.

Первым переправился отряд половцев и подтвердилось то, что докладывал Андрей: «не бе бо стражь их (т. е. венгров) у реки». Следом за половцами и все русское войско «не умедлиста, но скоро преидоста реку». На другом берегу Сана князь Даниил «исполчивша же коньники и пешьци» и войска двинулись на врагов «с тихостью», но «сердца же ею крепко бе... устремлено на брань».

Получив известие о том, что русские уже перешли Сан, Фильний, Ростислав и Флориан, оставив пешее войско у «врат» Ярослава, чтобы горожане не могли оказать поддержки войскам князя Даниила, с рыцарскими дружинами выступили навстречу русским.

Князь Даниил расположил свой главный полк на левом фланге, центр приказал держать «малой дружине» дворского Андрея; на правом фланге против польских войск Флориана — был поставлен полк князя Василько Романовича. Это было 17 августа 1245 г.

Начался бой. Войска обстреляли друг друга, а затем князь Ростислав с главными силами атаковал дружину дворского Андрея. Она приняла венгерских воинов в копья, «копьем же изломившимся, яко от грома тресновение бысть». Битва была ожесточенной, с обеих сторон «мнози падше с коний и умроша», а «инии уязвени быша от крепости ударения копейного».

В то же время польская рать Флориана «крепко идуща» на полк князя Василька с криком: «Поженемь на великыи бороды!»— и «силен глас ревуще в полку их» — насмешливо заметил очевидец (вероятно, князь Василько). И здесь завязалось жаркое сражение.

Между тем воины дворского Андрея упорно сдерживали натиск противника и «крепко борящеся» медленно отходили к Сану. Князь Даниил, заинтересованный в том, чтобы большая часть сил противника была связана дворским Андреем, отрядил ему в помощь небольшое подкрепление: Василия Глебовича, Всеволода Александровича, Мстислава и других, всего «20 муж избранных».

Сам же князь Даниил, с основными силами, через «дебрь глубокую» вышел в тыл наступавшим. Здесь стоял «задний полк» бана Фильния; его рыцари должны были завершить битву победой. Развернув свои силы, князь Даниил выехал вперед «ис полку» и, имея под рукой рати стольника Якова Марковича и Шелва, он стремительно обрушился на венгерские войска, смял, опрокинул их и принялся истреблять.

Сам князь пробился к центру венгерского войска, где стояла хоругвь Фильния; Даниил Романович сорвал ее и в ярости изорвал в клочья. Покинув поле боя, венгры поспешно бежали. Тогда дрогнули дружины и Ростислава и Флориана,— они также «наворотишася на бег». Дворский Андрей и Василько преследовали их: воевода Флориан попал в плен; бан Фильний пытался скрыться, но был захвачен дворским Андреем; только Ростислав успел бежать в Краков.

Войска и освобожденные жители Ярослава торжествовали победу: «Угри же... мнози избьени быша и яти быша». Князь Даниил распорядился казнить бана Фильния, в прошлом жестоко угнетавшего Галичину «и инии угре мнози избьени быша за гнев» русских; был казнен и ряд пленных бояр, в том числе боярский предводитель Володислав и др. [1] Осадные сооружения у Ярослава были сожжены.

С наступлением ночи войско расположилось на ночлег. Отряды, преследовавшие венгров, постепенно возвращались в лагерь; они приводили новых пленных и «корысть многу». Воины разыскивали однополчан, и «всее нощи клику не переста ищущим друг друга». Наутро «с колодныки многи» русские полки отправились в обратный путь. Им повстречались польские и литовские отряды, спешившие на помощь, но в них уже не было нужды.

В битве под Ярославом проявились высокие боевые качества русских пеших полков и конных дружин, а также незаурядное полководческое дарование князя Даниила и его воевод. Эта битва — крупнейшая веха в истории юго-западной Руси. Подготовленная длительными мероприятиями княжеской власти — разорением боярских центров, «уставлением» земель, реорганизацией войска, эта битва явилась победоносным итогом сорокалетней феодальной войны против боярской оппозиции; она была мощным ударом по этой оппозиции, военным разгромом ее полков и полков ее венгерско-польских союзников. Эта битва принесла победу (хотя и временную) великокняжеской власти, опиравшейся на поддержку «служащего» боярства и «мужей градских».

3. *Международное положение юго-западной Руси в половине XIII в.*

Галицко-Волынская Русь в половине XIII в. выступает как политическая сила, с которой приходилось серьезно считать-

[1] Ср. CDH, t. IV, 2, p. 66. Противник поступал так же: князь Ростислав приказал снести голову на месте пленному галицкому боярину.

ся не только ее ближайшим соседям, но и татаро-монгольским великим ханам и римской курии.

К 1245 г. татаро-монголы начали добиваться владычества над Русью. С этой целью они признали великим князем на Руси Ярослава Всеволодовича Суздальского, передав под его руку также Киев, который тот и «обдержал» своим наместником бояриной Дмитром Ейковичем. Вне сферы татаро-монгольского владычества продолжали оставаться северо-западные и юго-западные русские земли, однако татаро-монголы искали путей к их подчинению.

В 1245 г. хан Золотой орды Бату через посредство одного из своих воевод Мауци («Могучий») обратился к Даниилу Романовичу с требованием: «Дай Галич». Нам представляется, что в этот период (вплоть до 1257 г.) отношения Галицко-Волынской Руси с татаро-монголами протекали в несколько иных формах, чем отношения с ними северо-восточной Руси. Уже само географическое положение юго-западной Руси заставляло ордынских политиков соблюдать известную осторожность: они не могли не видеть в Галицко-Волынской Руси форпоста тех государств, которые оставались вне татаро-монгольского контроля.

Поэтому мы видим, что татаро-монголы потребовали у Даниила Романовича только Галич; они не упоминали пока о Волыни. Прав был А. Е. Пресняков, когда писал, что татаро-монголы «по значительной отдаленности центров своей силы и вследствие рано начавшегося процесса разложения этой силы в судорожных смутах Золотой орды играют роль значительной, но второстепенной силы, надвигающейся по временам грозно, но неспособной организовать прочно свое властвование над южной Русью». [1]

Вспомним далее, что писал Карпини, характеризуя политику татаро-монголов. Они,— сообщает Карпини,— «берут дань также с тех народов, которые находятся далеко от них и смежны с другими народами, которых до известной степени они боятся и которые им не подчинены, и поступают с ними, так сказать, участливо, чтобы те не привели на них войска, или так же, чтобы другие не страшились предаться им». [2]

Поездка Даниила Романовича в Золотую орду, конечно, не первая его дипломатическая встреча с татаро-монголами. Даниил Романович не был столь легкомыслен, чтобы безрассудно подвергать себя риску. От Карпини мы знаем, что Василько Романович «посылал туда своих послов, которые

---

[1] А. Е. Пресняков. Лекции по русской истории, ч. II, в. 1, стр. 52; ср. А. Н. Насонов. Монголы и Русь, стр. 7, 25, 26, сн. 6.

[2] Карпини. Указ. соч., стр. 35.

вернулись к нему и брату его Даниилу с охранной грамотой для проезда к Батыю для господина Даниила».[1]

Князь несомненно имел определенные связи и в Золотой орде и в Монголии, где проживало много русских. Карпини видел там «многих русских и венгров, знающих по-латыни и по-французски»;[2] понятно поэтому, что Карпини и его спутники, прибыв во Владимир, «полнее узнали о настроении татар». О связях Даниила Романовича с татаро-монголами говорят и венгерские источники.[3] Князь Василько дал Карпини «служителя», благодаря которому папские послы «были в безопасности» со стороны «самих русских», находившихся на территории, занятой татаро-монголами.[4]

Итак, в 1245 г. князь Даниил «со всеми воинами и людьми»[5] отправился в ставку Бату. Летопись не сохранила содержания переговоров Даниила Романовича с ханом Бату (вспомним, что и северо-восточные источники неохотно писали о дипломатической деятельности Александра Невского), но определенно известно, что татаро-монголы признали князя Даниила Романовича своим «мирником»,[6] за что князю пришлось, вероятно, порядочно уплатить, почему летопись и упомянула, что татары «дани хотять».[7]

Следует отметить также, что со стороны Бату князю Даниилу были оказаны знаки высшего внимания: хан лично угощал Даниила Романовича кумысом, а от Рубруквиса мы узнаем, что пить кумыс у хана — великая честь;[8] хотя он же добавляет, что русские и греки не пили кумыса, так как считали, что, выпив кумыс, потеряют свою веру.[9]

Поэтому летописец следующим образом изложил весь эпизод с кумысом. Когда князь Даниил «измолвя слова своя», то Бату спросил его: «Пьеши ли черное молоко, наше питье, кобылий кумуз?». Даниил Романович вежливо ответил: «Доселе есмь не пил, ныне же ты велишь — пью». На что Бату сказал: «Ты уже наш же, татарин, пий наше питье»,— и князь Даниил «испив». Впрочем позднее Бату прислал князю вина, сказав: «Не обыкли пити молока, пий

[1] Карпини. Указ. соч., стр. 44.
[2] Там же, стр. 57, ср. стр. 19, 26.
[3] Codex Diplomat. Arpad. Contin., ed. G. Wenzel, t. VII (1235—1260), Pest, 1869, p. 164 (1244).
[4] Карпини. Указ. соч., стр. 45.
[5] Там же, стр. 61.
[6] ПСРЛ, т. II, стб. 484; ср. стб. 864; ср. так наз. Новгор IV лет., СПб., 1879, стр. 35.
[7] Там же, стб. 808.
[8] Рубрук. Указ. соч., стр. 99.
[9] Там же, стр. 83.

вино». Летописец вставил этот эпизод, но в глазах церковника это была, конечно, «злая честь».[1]

В итоге переговоров князь Даниил Романович встал в номинальную зависимость от Золотой орды: «поручена бысть земля его ему, иже бяху с нимь»,[2] но до полного подчинения юго-западной Руси татаро-монголам было еще далеко. Победа в феодальной войне, разгром венгерско-польской интервенции, установление определенного modus vivendi с татаро-монголами вызвали в галицко-волынском князе желание предъявить свои права на руководящее положение во всех русских землях, включая Киевщину, которой под властью Золотой Орды владел владимирско-суздальский князь Ярослав Всеволодович.

Князь Даниил подчеркнул свои права на Русь тем, что назначил печатника Кирилла общерусским митрополитом и в 1246 г. отправил его на утверждение к патриарху в Никею.[3] К этому же времени в Холме был изготовлен летописный свод, провозглашавший галицко-волынского князя преемником власти киевских князей. Следовательно, борьба между юго-западной и северо-восточной Русью за руководство всеми русскими землями продолжалась в новых условиях, при наличии над ними верховного сюзерена в лице ханов Золотой орды и монгольского великого хана (подробнее см. ниже).

Современники считали успешной поездку князя Даниила Романовича в Орду: «Бысть же ведомо странам приход его всим ис татар, яко бог спасл есть его».[4] Князь Даниил Романович сумел использовать внешнеполитические выгоды, открывшиеся в результате соглашения с татаро-монголами.

Отношения с Венгрией требовали урегулирования в первую очередь. На этот раз король Бела IV сам обратился к галицко-волынскому князю с предложением союза. Холмский летописец осведомлен о причинах, вызвавших этот шаг: король,— говорит летописец,— «убоя бо ся его (т. е. князя Даниила), яко был бе в Татарех [и] победою победи Ростислава и Угры его».[5]

Этого не отрицал и сам король: в письме к папе Иннокентию IV он объяснял, что выдал своих дочерей за русских князей, «ut per ipsos et amicos nostros alios, qui sunt ex parte orientis sciremus nova... de Tartaris, ut sic eorumdem conati-

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 807.
[2] Там же, стб. 808.
[3] Там же, стб. 809.
[4] Там же, т. II, стб. 808, 809.
[5] Там же, стб. 809.

bus et fraudelentibus ingeniis utcunque commodius resistere valeamus». [1]

Союз с Венгрией был оформлен при посредничестве митрополита Кирилла и закреплен браком Льва Даниловича с дочерью короля Констанцией. Следствием этого союза явилось окончание политической карьеры в юго-западной Руси князя Ростислава Михайловича, который полностью перешел на венгерскую службу, сделавшись баном Мачвы (земли между реками Дунаем, Савой и Дравой).

Весьма важным событием международной истории явились начавшиеся в это время переговоры холмского княжеского двора с римской курией. Существующая по этому вопросу точка зрения нуждается в пересмотре, поэтому рассмотрим эту проблему с должной полнотой, тем более, что правильное решение ее может пролить дополнительный свет на отношения всей Руси с татаро-монголами.

Вопрос о характере политических взаимоотношений между Русью и папской курией в русской дореволюционной историографии не ставился; отдельные суждения об этих отношениях, высказанные в связи с изучением частных вопросов русской истории данного периода (например, в работах С. М. Соловьева, Н. П. Дашкевича, Е. Е. Голубинского, М. С. Грушевского и др.), также не могут удовлетворить современного исследователя. Между тем в зарубежной буржуазной историографии, посвященной церковно-политической истории Руси, а также истории Литвы и Прибалтики, за последнее время появился ряд работ, затрагивающих этот вопрос. [2]

Общим для авторов этих работ является мнение, что в XIII в., когда Русь и ряд других стран восточной Европы подверглись татаро-монгольскому нашествию, папская курия принимала энергичные меры к собиранию европейских сил для организации крестового похода против татар и что только отсутствие единства среди правителей европейских стран и нежелание русских князей сотрудничать с курией в рамках церковно-политической унии привели к срыву этого плана.

Взгляд на курию как на организатора антитатарской борь-

---

[1] CDH, IV, 2, p. 220, 221; чешский король позднее, в 1260 г., настолько опасался татаро-монголов, что не стал разорять побежденную Венгрию, стремясь противопоставить ее татарам. Он сам писал об этом папе Александру IV. (См. MGH, SS, t. IX, Annales Ottokariani, p. 185).

[2] М. Чубатий. Західна Україна і Рим у XIII віці у своїх змаганнях до церковної унії (ЗНТШ, т. 123—124, Львів, 1917). Ст. Томашівський. Предтеча Ісидора Петро Акерович, незнаний митрополит руський (1241—1245). Ук. изд. H. Łowmiański. Studja nad początkami społeczeństwa i państwa Litewskiego, t. I—II, Wilno, 1931—1932.

бы особенно четко сформулирован И. Уминским. Касаясь взаимоотношений римской курии и князя юго-западной Руси Даниила Романовича, он писал, что папа Иннокентий IV «делал все, чтобы помочь Даниилу,— писал еще раз татарам, пытался использовать для этого дела рыцарей-меченосцев и крестоносцев, прекращал чешско-венгерские споры, крестил и короновал Миндовга Литовского, завязал переписку с Александром Невским Суздальским, проектировал крестовый поход из Чехии, Моравии, земель полабских, Поморья и Польши, назначил специального легата для проповеди крестового похода».[1]

В том же духе высказывались и другие авторы. Среди них особенно примечателен иезуит А. М. Амманн, имя которого широко известно в буржуазной историографии. В отличие от И. Уминского он интересуется главным образом церковно-политическими отношениями в северо-восточной Руси и в Литве. Работа Амманна основана на утонченной фальсификации источников и проникнута воинствующим католическим духом. Основная мысль автора сводится к тому, что никакого завоевания восточной Прибалтики не было, ибо в основе деятельности крестоносцев и папских эмиссаров-епископов лежал великий принцип «мира христова» и лишь «по слабости человеческой проливалась кровь».[2] «Это „завоевание" страны, кажется мне,— пишет Амманн,— в гораздо большей степени было явлением, трагически сопровождавшим деятельность епископа Альберта».[3] Искажению истории крестоносного разбоя и политики папской агентуры в Прибалтике посвящена значительная часть книги.[4] Эта фальсификация предпринята с целью доказательства той мысли, что князь Александр Ярославич Невский совершил ошибку, когда после русских побед на Неве и Чудском озере отверг союз с папством, подчинился власти татаро-монголов и про-

---

[1] J. Umiński. Niebezpieczeństwo tatarskie w poł. XIII w. a papież Innocenty IV (Rozprawy Historyczne Tow-wa Naukowego Warszawskiego, t. I, zesz. 4, 9, 1921—1922), str. 42.

[2] A. Ammann. Kirchenpolitische Wandlungen im Ostbaltikum bis zum Tode Alexander Newski's. Studien zum Werden der russischen Orthodoxie. Orientalia Christiana Analecta, S. 142, Roma, 1936.

[3] A. Ammann. Указ. соч., стр. 126, 141. О том, что местное население было «жестоким и хищническим», см. стр. 125, 136, 185; мнение об епископе Альберте как о «бескорыстном» служителе бога см. стр. 140, 141, 181—188. Не останавливаемся специально на норманистских взглядах Амманна: они традиционны в «трудах» подобного рода.

[4] Не напрасно немецкая критика отмечала, что «научное значение» работы Амманна «основано прежде всего на показе истории восточно-балтийских стран» (см. рецензию G. B. Stadtmüller. «Byzantinische Zeitschrift», Bd. 37, S. 442, 1937).

должал борьбу с крестоносной опасностью, шедшей с Запада,— от немецких и шведских захватчиков.

Неприязненное отношение А. М. Амманна ко всему русскому ярко выступает, когда он говорит о Руси; ему не хочется признать, что события той эпохи на Руси имели всемирно-историческое значение. Но при всем своем невежественном высокомерии автор вынужден заявить, что «позиция, занимаемая Александром Суздальским, имела существенное значение для всего Запада, даже для весьма обширной части земли и ее населения». В чем же было ее значение? Эта позиция «положила предел западному культурному влиянию (так именует автор грабительское продвижение крестоносцев.— *В. П.*) на многие десятилетия. Она создала действенную преграду работе (так!) римского папства».[1] Автор выражает сожаление по этому поводу.

Исказив картину истребительного похода крестоносцев в Прибалтику, Амманн пишет, что на борьбу против папства князя Александра будто бы толкало «полное отвращение к Западу»; что Александр «предпочитал лучше в рабах татарских быть русским, чем в неверной свободе (?!) быть связанным с западным жизненным пространством».[2] Итак, если верить Амманну, князь Александр, как и все русские, не понял благодетельного значения «западного культурного влияния», которое так успешно распространялось в Прибалтике. Он ответил ударами на Неве и на Чудском озере.

А. М. Амманн вынужден сознаться, что «исход немецкого выступления был жалок».[3] Он ханжески пишет: «Запад можно было одолеть; это показали Нева и Чудское озеро. Восток же был неодолим; это показали развалины Переяславля и Киева (о развалинах Герцыке, Куконойска, Юрьева и других русских городов в Прибалтике Амманн предпочитает молчать!— *В. П.*). Запад просил смиренно о мире (чтобы, собрав новые силы, двинуться на Русь.— *В. П.*), Восток же высокомерно требовал подчинения».[4]

Чтобы разоблачить фальсификацию Амманна, достаточно напомнить, что крестоносцы вели свои войны в восточной Прибалтике, как перед тем на Эльбе,[5] с целью полного истребления местного населения, что их жестокость привела к исчезновению ряда племен (куронов, пруссов и др.). Достаточно сопоставить эти факты с фактом успешной ликвидации татарского ига русским народом, чтобы восстановить

---

[1] А. Amman n. Указ. соч., стр. 210.
[2] Там же, стр. 211; ср. стр. 27.
[3] Там же, стр. 229.
[4] Там же, стр. 232.
[5] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 444.

правильную историческую перспективу. Чувствуя, что решения Лионского собора (1245), в которых нет речи об активной борьбе против татар, плохо вяжутся с легендой о папе — организаторе антитатарской борьбы, А. М. Амманн утверждает, что собор потому и не принял постановления о крестовом походе, что, в сущности, некуда было итти, нечего завоевывать; поэтому собор-де и ограничился решением «укрепить подступы к христианскому миру».[1] Именно с этого времени «папская политика по отношению к России поневоле (!) вступила в новую стадию».[2]

А. М. Амманн признает, что папа «ни в коей мере не намеревался ставить под сомнение завоевания восточного христианского государства (т. е. ордена.— *В. П.*)», и полагает, что ему «хотелось объединить на борьбу против татар всех христиан Европы — безразлично, какого бы религиозного обряда они ни были. Только татарская угроза (буквально «нужда») вынудила его уделить свое особое внимание европейскому Востоку, как делу всего христианства».[3]

О борьбе против татар мы скажем ниже, сейчас же приведем еще одно замечание А. М. Амманна: «Россия стала предпольем европейской крепости в оборонительном сражении с татарами», поэтому «не могли быть более целью церковные стремления — приобрести, хотя бы и силой русские области для Запада и латинства», ибо это значило «сделать себя врагами остальной, большей части православного мира».[4] Предпочтительнее была дружба. Однако «дружба» с Русью никак не получалась. Папа предполагал, говорит Амманн, «включить в оборонительный фронт всю Россию», а когда это не удалось, то Иннокентий IV призвал ливонские власти и всех тех, на кого он имел влияние, к борьбе с татарами и их «союзниками», т. е. с русскими.[5] Этот взгляд А. М. Амманна не нов — он стал традиционным.

Но если папа так горел желанием организовать свой поход и свой «оборонительный фронт», почему же ему не удалось это сделать? Неужели по вине тогдашних русских и нерусских правителей? Ответа А. М. Амманн не дает, он лишь утверждает, что активная деятельность курии привела в 1250—1260 гг. «к унии с Римом Литву, с ее западнорусскими землями, и галицко-волынскую страну»;[6] а затем внезапно произошел разрыв. «Да,— пишет автор,— в трагиче-

---

[1] A. Ammann. Указ. соч., стр. 251.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 261.
[4] Там же, стр. 251.
[5] Там же, стр. 26.
[6] Там же, стр. 255.

ской (он любит это слово, хорошо скрывающее смысл.— *В. П.*) путанице обстоятельств произошел ответный удар враждебному Риму Востока; этот удар хотя и не изгнал латинские западные страны с почвы русской и литовской (в книге ошибочно «латинской».— *В. П.*) сферы влияния, но он, однако... предопределил в религиозном отношении судьбу северной России и с нею всех земель, которые она впоследствии будет „собирать“». [1]

Вот и все, что нашел нужным сказать А. М. Амманн, а ведь он имел доступ в ватиканский архив, где еще многие документы по этому вопросу ждут своего опубликования. Но даже и изданные материалы позволяют немного приподнять завесу над сущностью папской дипломатии на Востоке, завесу, которую А. М. Амманн постарался задернуть как можно плотнее.

Не случайно, разумеется, А. М. Амманну были предоставлены страницы крупного католического исторического издания в Риме; его книга является образцом профашистской, антиславянской католической пропаганды; в ней фальсифицирована как история папства, так и история Руси, Литвы и Прибалтики.

Проблема взаимоотношений Руси с римской курией в XIII в. может быть правильно поставлена и освещена лишь в широком международном плане.

XIII в. в Западной Европе — это период расцвета политического могущества папства, которое вело ожесточенную борьбу с империей, стремясь утвердить свою власть в Европе. В то же время, преследуя интересы политики и фиска, римская курия развернула широкое наступление под флагом воинствующего католицизма на славянские и языческие земли восточной Европы с целью их захвата и ограбления. Особое внимание курии, нашедшей в этом полную поддержку со стороны немецких феодалов, привлекала Русь — крупнейшая европейская страна, имевшая устойчивые позиции в языческой Прибалтике (земли ливов, лэттов, эстов), Карелии, земле финнов (емь), Литве и даже в Польше (Мазовия).

Нужно признать, что курия и ее союзники добились в этой политике известных результатов. В 1201 г. немецкие крестоносцы, направляемые папским эмиссаром епископом Альбертом, утвердились в Риге, на берегах Двины и развернули кровавую войну за захват земель ливов, эстов, куронов и ряда литовских племен с целью создания здесь своих феодальных колоний.

Тогда же в другой части восточной Европы произошли

[1] A. Ammann. Указ. соч., стр. 255.

не менее значительные события: в 1204 г. пал захваченный католическими крестоносцами Константинополь, на развалинах которого крестоносные феодалы создали так называемую Латинскую империю; византийское правительство и патриарх перебрались в Никею, где возникла так называемая Никейская империя. При этом римская курия, ссылаясь на то, что центр православной церкви пал,[1] прилагала все усилия для вовлечения юго-западной и северо-западной Руси в церковную унию с целью латинизации русских земель, что должно было облегчить последующее завоевание их крестоносцами. Однако русские князья, видимо, хорошо представляли себе значение крестоносного католицизма, поэтому они решительно отклоняли домогательства курии, считая политически более целесообразным поддерживать церковно-политические отношения с византийским (никейским) патриархом. Курия не оставляла своих планов и пользовалась рядом попыток завоевания Руси со стороны венгров, немцев, шведов, датчан для проникновения на Русь.

Татаро-монгольское нашествие лишь усложнило эту политику, но отнюдь не отменило ее. Татаро-монгольское владычество над Русью, татарская угроза странам восточной Европы, признававшим церковную власть папы (Венгрия, Польша, Чехия, отчасти Прибалтика), возможность сближения с татарами врагов курии — Никейской империи и германских императоров, участие татар в войне с сарацинами (турками-сельджуками) на Ближнем Востоке, где последние грозили приобретениям, сделанным католическими крестоносцами в «святой земле»,— все это определило исключительную заинтересованность папской курии в урегулировании отношений с татаро-монголами. Таков в самых общих чертах тот историческои фон, на котором вырисовываются взаимоотношения Руси с римской курией.

В восточной Прибалтике римская курия, поддерживая крестоносцев, должна была серьезно считаться с двумя противниками: северо-западной Русью и Литвой.

В течение всего XIII в. борьба складывающегося Великого княжества Литовского против немецких крестоносцев была тесно связана с борьбой против них русских княжеств; Литва наряду с Русью являлась одним из основных противников крестоносцев. Об этом ясно говорят источники;[2] это видно и из хода борьбы. В восточной Прибалтике крестоносцы продвигались сравнительно быстро до 1224 г., когда пал Юрьев.

---

[1] Historica Russiae Monumenta, ed. A. J. Turgenev. СПб., 1841 (в дальнейшем — HRM), т. 1, № 3 (1207).

[2] Гл. XIII. 4. Livländische Reimchronik, ed. L. Meyer, Paderborn, 1876 (в дальнейшем — LR), S. 8.

Но их попытки проникнуть далее в русские земли, а также подчинить племена, тесно связанные с Литвой (куроны, семигаллы), и литовское племя пруссов принесли им серьезные разочарования. Наступление на Литву привело к разгрому при Шавлях (1236), проникновению в юго-западную Русь[1] — к поражению в Дорогичине (1237),[2] но особенно жестокие удары были нанесены немецким и шведским крестоносцам северо-западной Русью. Победы русских войск над немецкими крестоносцами сыграли решающую роль в успешной борьбе Великого княжества Литовского за независимость.

Римская курия добивалась установления полной торговой блокады Литвы[3] и Руси, включая блокаду с севера (со стороны Карелии и Швеции),[4] и препятствовала мирным соглашениям с русскими;[5] она долго подготовляла вторжение на Русь шведских крестоносцев[6] и оказывала постоянную помощь немецким крестоносцам,[7] тем не менее развернутое вскоре после татаро-монгольского нашествия наступление на Русь с севера и с запада поставило политику папской курии в восточной Прибалтике на грань полного краха.

---

[1] Preussisches Urkundenbuch (в дальнейшем — PU), (Politische Abteilung, ed. Philipi, Bd. I, 1, Königsberg, 1882; Bd. I, 2, ed. Seraphim, Königsberg, 1909), I, 1, № 126.

[2] ПСРЛ, т. II, стб. 776.

[3] В. Пашуто. Хозяйство и техника средневековой Литвы. «Вопросы истории», № 8 за 1947 г., стр. 79.

[4] Diplomatarium Suecanum (Svenkst Diplomatarium), ed. J. Liljegren, Stockholm, 1829 (в дальнейшем — DS), t. I, N 206 (1221), 250, 253 (1229), 254 (1230); ср. Regesta Pontificum Romanorum, ed. I. Potthast, t. I—II. Berlin, 1874—1875 (в дальнейшем — RPR), N 6482, 8327, 8340.

[5] HRM, I, N 28 (1231).

[6] Liv-Est- und Kurländisches Urkundenbuch, ed. F. Bunge, t. I, Reval, 1853 (в дальнейшем — LU), N 128 (1232); DS, t. I, N 298; RPR, N 10486 (1237).

[7] Из источников хорошо известно, что между епископом рижским Альбертом (а позднее его преемниками) и орденом шла ожесточенная борьба за земли. Известно, далее, что и епископ и орден, нуждаясь в пополнении своих вооруженных сил, вступали в соглашение с германскими императорами, враждебными курии, и признавали себя их ленниками; так, епископ рижский Альберт в 1207 г. (ГЛ, X, 17; XI, 3), епископ дерптский и леальский Генрих в 1224 г. (LU, VI, № 64, Reg. p. 4 ad 74, 77, 78) стали фактически князьями империи; с другой стороны, и орден получал от германских императоров устойчивое покровительство в тех же формах (LU, I, № 19, 1222 — Оттон IV признал права ордена на земли вне Ливонии; PU, I, № 52 — в 1224 г. Фридрих II взял под защиту всех «вновь обращенных» в Ливонии, Эстонии, Самбии, Пруссии, Семигаллии; LU, I, № 185 — в 1245 г. Фридрих II «дал» ордену Куронию, Литву (!), Семигаллию). Папство, в свою очередь, постоянно, начиная с 1210 г. (LU, I, № 16, 17 — папа признал права ордена на одну треть Ливонии), регулировало споры епископов и ордена из-за земли. Борьба между епископом Альбертом и магистром Волквином осложнялась вмешательством датских феодалов, которые обосновались в Эстонии, где после ожесточенной борьбы их права на часть земель были признаны орденом по договору

Руководимые князем Александром Ярославичем русские войска разбили шведов на Неве в 1240 г.;[1] в 1241 г. вспыхнуло восстание на острове Сааремаа (Эзель);[2] в 1242 г. на льду Чудского озера произошло одно из крупнейших сражений средневековья; в этом сражении ливонские рыцари подверглись сокрушительному разгрому — 400 рыцарей были убиты, а 50 взяты в плен.[3] Впервые в международной истории был положен предел немецкому продвижению на Восток.

В Куронию, где к этому времени немцы сумели продвинуться, построив и заняв ряд замков (Гольдинген, Амботен, Виндава, Ангермюнде и др.) и создав угрозу южной Жмуди, по призыву местного населения пришел «der Littowen künic rich» Миндовг с 30-тысячным войском, который развернул операции в районе Амботена. Миндовг, говорит немецкий хронист, «очень ненавидел крестоносцев»;[4] война затянулась надолго.

Тогда же, в 1242 г. славянский князь Святополк Поморский, женатый на сестре галицко-волынского князя Даниила,[5] поднял восстание среди пруссов; он получил помощь от Миндовга[6] и вторгся в Кульмскую область. Начатая им война продолжалась до середины 50-х годов XIII в., когда крестоносцам с помощью Пшемысла II Чешского удалось подавить восстание и заложить крепость Кролевец (Кенигсберг).

Так, решающий удар, нанесенный крестоносцам войсками Александра Невского, отозвался по всей Прибалтике, потрясая до основания и Ливонский и Прусский ордена.

Папу весьма тревожили дела в Прибалтике; он собирал силы для Ливонии и Пруссии;[7] обязал местных епископов помогать ордену «советом и делом»;[8] тщательно укреплял здесь свою церковную администрацию. В 1245 г. он отправил в Пруссию легата Опизо, аббата из Месаны;[9] в следующем

в Стенби (1238) (LU, I, № 160). Доходило до того, что в Ервене, например, язычников, крещенных рижским епископом, датские феодалы перекрещивали от имени своей власти (ГЛ, XXIV, 2), требуя и своей доли местных земель и доходов. Так как продолжалась борьба империи с папством, то враждовавшие между собой епископы и магистры искали помощи у обеих сторон.

[1] Новгор. I лет., стр. 252—258, СПб., 1888.

[2] Hermanni Wartberge. Chronicon Livoniae — помещена в Scriptores Rerum Prussicarum, t. II, Lpz. 1863, p. 38.

[3] Новгор. I лет., стр. 261.

[4] См. LR, S. 57.

[5] См. N. Baumgarten. Op. cit., table XI, p. 47, N 3.

[6] PU, I, I, N 160—162.

[7] PU, I, I, N 146 (1243); LU, I, N 174 (1243).

[8] LU, I, N 184 (1245).

[9] PU, I, I, N 171.

году сюда был прислан Альберт Суербер, ближайший сподвижник папы, «муж, близкий нашему сердцу», как называл его Иннокентий IV; он получил назначение архиепископом Пруссии, Ливонии, Эстонии, Семигаллии и Куронии;[1] кроме того, Альберту были присвоены права легата — «in partibus Russiae».[2]

В 1247 г., чтобы разгрузить епископа от прусских дел, папа Иннокентий IV послал в Пруссию специального легата архидиакона Якова из Люттиха, будущего папу Александра IV.[3] После смерти епископа рижского Николая (1253) папа решил еще прочнее подчинить себе местную церковь и сделал в 1255 г. того же Альберта архиепископом рижским.[4]

Папская курия предпринимала энергичные дипломатические действия в северо-западной Руси,[5] но потерпела неудачу: князь Александр Ярославич, понимая, что надо поддерживать мир с золотоордынскими ханами, бороться с которыми в тогдашних условиях было невозможно, понимая агрессивную сущность дипломатических маневров курии, отказался от сближения с нею.

Этот шаг был следствием сознательной политики князя Александра, а не его «отвращения к Западу», как пытается утверждать А. М. Амманн.[6] Александр Ярославич вовсе не порвал связей с католическими странами: так, после событий 1240—1242 гг. он заключил договор с Норвегией,[7] собирался женить своего сына Василия на Христине, дочери норвежского короля Хокона,[8] оформлял договоры с немцами,[9] принимал посольства, шедшие с севера и запада, и отвечал на папские послания к нему.[10]

Между тем, в конце 40-х годов XIII в. великий князь литовский Миндовг пришел к мысли воспользоваться ослаблением немецкого натиска и сделать территориальные приобретения за счет Руси. Он нарушил мирный договор 1219 г., заключенный союзом литовских князей[11] с Волынью, хотя

---

[1] LU, I, N 188 (1246).

[2] LU, I, N 191 (1246).

[3] PU, I, I, N 195.

[4] LU, I, N 279.

[5] HRM, I, N 78 (1248). Новгор. I лет., стр. 272, под 1252 г.

[6] A. Ammann. Указ. соч., стр. 211; ср. стр. 27.

[7] И. П. Шаскольский. Договоры Новгорода с Норвегией. «Исторические записки» АН СССР, т. 14 за 1945 г., стр. 60.

[8] И. Шаскольский. Посольство Александра Невского в Норвегию. «Вопросы истории», № 1 за 1945 г., стр. 112—116.

[9] Грамоты Великого Новгорода и Пскова, изд. С. Н. Валк, М.— Л., 1949, № 29.

[10] Новгор. I лет., стр. 273 («списа к нему»).

[11] А не полоцкими литовско-русскими князьями, как утверждает А. М. Амманн. Указ. соч., стр. 263.

этот договор в течение длительного времени обеспечивал литовскому князю спокойный тыл в борьбе с крестоносцами, а волынским князьям — в их борьбе за Галичину. На это князь Даниил ответил союзом с Ригой,[1] вторгся в Черную Русь, поднял против Миндовга жмудских князей, нанес литовскому князю ряд поражений и принудил его к миру, получив при этом Черную Русь[2] и одну треть Судавии (земли ятвягов).[3]

В ходе войны Миндовг попал в весьма трудное положение. Но он учел, что соглашение галицко-волынского князя Даниила с епископом рижским Николаем и бюргерством не может быть приятно ордену.[4] Литовский князь связался с магистром Андреем Стирландом, предлагая ему свое согласие на принятие унии, следствием чего явился бы выход Риги из войны. Миндовг подкупил магистра: «Убеди и дарми многыми».[5] Чтобы придать сделке официальный характер, магистр настоял на отправке литовских послов к папе. Вскоре[6] Андрей Стирланд при содействии епископа Генриха Хельминского короновал Миндовга изготовленной в Риге короной. Это соглашение, достигнутое без участия рижского капитула и архиепископа Альберта, хотя и было утверждено папой, вызвало скандал и окончилось изгнанием магистра Андрея.[7]

Из изложенного видно, что происшедшее не имело ничего общего с помощью папской курии князю Даниилу Романовичу, как то утверждал И. Уминский.

И была ли это уния? Нет, это был дипломатический маневр со стороны Миндовга, о чем прекрасно знали в Холме: «Крещение же его льстиво бысть».[8] Папская курия, конечно, стремилась сделать унию реальной. В 1251 г. папа взял под опеку св. Петра Миндовга с владениями, которые тот имеет или приобретет (война с юго-западной Русью ведь продолжалась);[9] поручил его заботам почти всех своих прибалтийских епископов.[10]

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 816.

[2] Там же, стб. 838.

[3] Его право на эту землю признал и орден (вице-ландмейстер Пруссии Бургард фон Горнгузен) — Codex Diplomaticus Poloniae, t. III, N 30, p. 63, 64, Varsaviae, 1858.

[4] См. А. Е. Пресняков. Лекции по русской истории, т. II, в. 1, М., 1939, стр. 50.

[5] ПСРЛ, т. II, стб. 816, 817.

[6] См. HRM, I, № 84—87 (1251).

[7] ПСРЛ, т. II, стб. 817.

[8] Там же.

[9] HRM, I, № 82 (1251).

[10] Кульмского (HRM, I, № 84—85), рижского, дерптского, эзельского (LU, I, № 226) (1251), курляндского (LU, I, № 225).

Как долго длилась эта «уния»? Формально до 1260 г., когда после блестящей победы над ливонскими, прусскими и датскими крестоносцами при озере Дурбе[1] князь Миндовг отрекся «от христианской язвы».[2] По существу же, Миндовг не прекращал борьбы: он, например, оказывал помощь жмудинам в их войне с орденом.[3] Папа стремился союзом с Литвой воздействовать на политику Руси; поэтому в 1255 г. папа Александр IV утвердил за Миндовгом все завоеванные последним русские земли, так как, по мнению папы, «завоеванием этих земель он (Миндовг.— *В. П.*) служил святой вере».[4]

Можно думать, что татаро-монгольское вторжение в Литву в 1258 г.[5] ускорило разрыв Миндовга с курией. В 1260 г. литовский князь полностью порвал с ней: он возглавил борьбу восставшей Жмуди,[6] перебил или пленил католиков, бывших при его дворе.[7] За событиями в Литве, видимо, внимательно следил князь Александр Невский. Владимиро-суздальский князь прислал посольство к Миндовгу и обещал ему большую помощь.[8] Князья Александр и Миндовг наметили провести большой совместный поход в восточную Прибалтику; ливонскому ордену грозил полный разгром. Но по вине жмудского князя Тройната литовские войска выступили преждевременно, и русские полки, хотя и «очень спешили»,[9] пришли уже после отхода литовских войск. Поэтому оба похода не дали желаемых результатов. В дальнейшем в течение всего XIII в. Великое княжество Литовское продолжало напряженную и успешную борьбу с ливонским и прусским орденами, которые в 80-х годах утвердились в землях семигаллов, пруссов и ятвягов. Следовательно, то, что А. М. Амманн именует унией, было не более чем дипломатическим приемом, который дал Миндовгу известные внешнеполитические преимущества, но не оставил никаких прочных следов в истории Литвы той поры.

Во второй половине XIII в. борьба Великого княжества Литовского с немецкими крестоносцами продолжалась; при этом последние не раз терпели жестокие поражения, например при Карузене (1269), при Ашерадене (1279) и т. п.

---

[1] LR, S. 129.
[2] Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, V, 1938, стр. 344.
[3] LR, S. 113; ср. S. 146, 147.
[4] A. Theiner, Vetera Monumenta Poloniae et Lithuaniae Gentiumque Finitimarum Historiam Illustrantia, t. I, Romae, 1860, N 123.
[5] Новгор. I лет., стр. 279 (под 1258 г.).
[6] LR, S. 146.
[7] Ibid., S. 148.
[8] LR, S. 148; ср. Новгор. I лет., стр. 281 (под 1262 г.).
[9] LR, S. 152.

В этих битвах пало много (до тысячи) рыцарей.[1] Доходило до того, что назначаемые магистры (например, Конрад Фейхтванген, Куно Гаццигенштейн) отказывались ехать в Ливонию,[2] где им не давали долго заживаться.

Тем более неверным представляется утверждение Г. Ловмянского, что именно в эти годы «унии» «немецкие силы» создали прочное литовское государство.[3] Нет нужды говорить о том, что работа Г. Ловмянского была одобрена А. М. Амманном, который называет ее «весьма достойной работой».[4] Не говоря уже о том, что возникновение государства есть результат внутреннего социально-экономического процесса, как могли эти «силы» создать то, что уже существовало и достаточно ясно заявило о своем существовании договором 1219 г., битвой при Шавлях 1236 г., коронованием великого князя Миндовга 1251 г.

Древнелитовское относительно единое дофеодальное государство сложилось при Миндовге, который, имея опору в русских землях и большой дружине, подчинял местных князей (нальшанских, дьяволтских, жмудских и др.), обеспечивая феодализирующейся знати власть над народом и одновременно возглавляя борьбу литовских племен против крестоносцев.

В юго-западной Руси курия старалась для укрепления своих позиций использовать военные мероприятия венгерских королей. Одна из таких попыток отражена в источниках. Когда венгерский король Андрей II, пользуясь поддержкой части галицкого боярства, на время захватил Галичину и посадил в Галиче своего сына Коломана королем, то решил упрочить его весьма шаткое положение коронацией. С этой целью Андрей II обратился к папе Иннокентию III с просьбой поручить остригомскому архиепископу Иоанну короновать Коломана, суля папе проведение унии.[5] «Надлежит знать, ваша святость,— не смущаясь писал Андрей II,— что вельможи и народ (principes et populus) Галиции, подчиненный нашей власти, покорно нас просили, чтобы мы поставили им королем нашего сына Коломана, что желают на будущее (впредь) оставаться в единении и послушании у святой римской церкви, притом, однако, что будет им позволено не покидать своего собственного (греческого) обряда».[6] Зимой 1215 г. Коломан был коронован.

---

[1] LU, I, N 314; ср. LU, VI, N 407-а.

[2] LR, S. 249; ср. S. 196.

[3] H. Łowmiański. Указ. соч., т. II, стр. 282.

[4] A. Ammann. Указ. соч., стр. 267, прим. 2.

[5] Об унии в юго-западной Руси папа мечтал еще в 1207 г. (см. RPR, № 3195, 3196).

[6] Vetera Monumenta Historica Hungariam Sacram Illustrantia, ed. A. Theiner, t. I, N I, Romae, 1859.

Захватчики чинили жестокий грабеж в стране и преследовали русскую веру, как записано в Киевской летописи: «Король угорский посади сына своего в Галиче, а епископа и попы изгна из церкви, а свои попы приведе латинские на службу».[1] Но уже в 1215 г. в стране началось народное восстание против преступной политики бояр и грабежа захватчиков; оно приняло такой размах, что король Андрей не рискнул отпустить в Галич легата, присланного папой, и вернул его к папе.

Сам Андрей II, двигаясь с войском к Галичу, писал с пути папе, что «галицкий народ не только выступил против своего короля, нарушил присягу, но и, собрав войско от соседних русских, обложил галицкий замок, где пребывал наш сын с малым гарнизоном».[2] Дело кончилось полным разгромом венгерских войск и занятием Галича князем Мстиславом Удалым.[3]

Нужно иметь очень пылкую фантазию, чтобы этот эпизод венгерской оккупационной политики именовать унией. Даже М. Чубатый писал, что «перша церковна уния в Галичині була історичною ефемеридою» и добавлял, что ее «уродженє і смерть припадают май же на той самый день»; правда, униатский пыл заставил его все же утверждать, что уния «була в сім часї фактом».[4] Но ведь признание такого «факта» хуже, чем отрицание всякого факта.

Дипломатические связи папства с юго-западной Русью нам известны лучше благодаря работам украинских буржуазных историков Н. П. Дашкевича[5] и М. С. Грушевского.[6] Папская курия стремилась не только проникнуть в юго-западную Русь с помощью венгерских войск: она также старалась изолировать ее от стран на Западе; особенно была она заинтересована в ослаблении русского влияния в Мазовии и Куявии, союзных Волыни и соседних немецким крестоносцам.

Курия запрещала полякам браки с русскими,[7] приглашение русских князей на помощь,[8] следила за эмиграцией

---

[1] ПСРЛ, т. VII, стр. 119.

[2] Monumenta Poloniae Vaticana, ed. J. Ptasnik, t. III, N 3, Cracoviae, 1914.

[3] ПСРЛ, т. II, стб. 732.

[4] М. Чубатий. Указ. соч., стр. 25.

[5] Н. Дашкевич. Переговоры пап с Даниилом Галицким об унии Руси с католичеством. «Известия» Киевского ун-та, № 8 за 1884 г., стр. 136—181 (см. стр. 137: «Нельзя обвинять папу. Он, видимо, старался возбудить поход против татар»).

[6] М. Грушевський. Істория Украіни-Руси, т. III, стр. 68—73

[7] HRM, I, N 34 (1231).

[8] HRM, I, N 36 (1232).

из Польши в Русь,[1] наблюдала за тем, чтобы латиняне, проживавшие в русских землях (а такие имелись, особенно на русско-польской забужской «Украине»), не утрачивали католической веры[2] и т. д.

В эти годы курия активизировала деятельность своих эмиссаров и во внутренней Руси, что, однако, вызвало отпор со стороны русских князей. Так, киевский князь Владимир Рюрикович изгнал около 1233 г. папских агентов из Киева,[3] где они сосредоточивались в монастыре Марии, в Копыревском конце; в ответ на это папа выслал охранительную грамоту ольдермену латинских купцов в Киеве Ульриху и поручил опеку над католиками, проживавшими в Киеве, Сандомирскому капитулу.[4] Несколько позднее, владимирский князь Юрий Всеволодович изгнал из своего княжества венгерских доминиканцев, ведших проповедь среди язычников-угров.[5]

Не приходится удивляться тому, что после татаро-монгольского нашествия, когда князь Даниил Романович стал «мирником» татар[6] Золотой орды, чем очень обеспокоил венгерского короля Белу IV,[7] римская курия возобновила свои происки в юго-западной Руси. Удобный случай представился во время миссии францисканца Иоанна де Плано-Карпини, отправленного папой Иннокентием IV к татаро-монголам после Лионского собора.[8] Проезжая осенью 1245 г. эти края, Карпини установил связь с владимирским княжеским двором, ознакомив князя Василько с содержанием папской буллы от 25 марта 1245 г.,[9] призывавшей всех государей укрепляться на случай нового наступления татар. Видимо, тогда же Карпини послал папе извещение об открывшихся переговорах с местными князьями.

На пути в Золотую орду, между Днепром и Доном, Карпини встретился с князем Даниилом Романовичем, возвра-

---

[1] HRM, I, N 35 (1232).

[2] Akta grodzkie i ziemskie, ed. A. Stadnicki, t. VII, Lwów, 1878, N I. С этим связана организация «русского» епископства в Опатове (1232—1233); около 1240 г. юрисдикция этого «епископства» перешла к любусскому епископу в Шлезске.

[3] J. Dlugossii. T. II, lib. VI, p. 240; ср. Е. Е. Голубинский. История русской церкви, М., 1880, т. I, 2, стр. 808, прим. 3.

[4] HRM, I, № 39 и 40 (1234). См. М. Шайтан. Германия и Киев в XI в., ук. изд., стр. 24.

[5] См. С. Аннинский. Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах и Восточной Европе. Ук. изд., стр. 89. Быть может, с князем Юрием связан документ от 1231 г. (HRM, I, № 33).

[6] ПСРЛ, т. II, стб. 848.

[7] Там же, стб. 809.

[8] С. Томашівський. Указ. соч., стр. 240.

[9] RPR, № 11613 (1245).

щавшимся от Бату. Он поставил князя в известность о возможности дипломатических переговоров с курией, и князь, прибыв в Холм, послал своего представителя к папе. [1] Между тем, папа, получив сообщение от Карпини, отправил на Русь свои буллы. В один день из папской канцелярии вышло 6 посланий на Русь; [2] три из них были обращены к князьям юго-западной Руси; папа брал юго-западную Русь под «опеку» св. Петра, [3] извещал, что выслал на Русь двух доминиканцев, монахов Алексея и Генриха; [4] в следующей булле он сообщал, что направляет архиепископа прусского Альберта (Суербера) легатом для искоренения «греческих заблуждений», и просил поддерживать его в этом, а также служить Альберту советом в татарских делах. [5]

В папских посланиях нет и речи об организации борьбы против татаро-монголов, упор же сделан на необходимость латинизации русской церкви. Папа предоставил Альберту право поставлять епископов для Руси, [6] поручил ему дело реформы церкви в юго-западной Руси. [7] Исследователи приходят к выводу, что Альберт не ездил на Русь, ибо, пока булла пришла к адресату, посольство от князя Даниила уже выехало в Лион (в июне 1247), [8] куда и прибыло через два месяца.

Возглавлял посольство игумен монастыря горы св. Даниила Григорий. Посольство было принято папой Иннокентием IV, что отметил биограф последнего Николай де Курбио. [9] Деловое содержание переговоров нам неизвестно, но из последующих событий и документов можно установить, что русская сторона показала желание холмского двора приступить к организации антитатарской борьбы и в то же время вовсе не обнаружила склонности расстаться с «греческими заблуждениями». Папская курия, как это видно из булл, иначе истолковывала характер намечавшегося соглашения. Но юго-западная Русь — не Ливония, и папе приходилось итти на серьезные уступки. Курия признала неприкосновенность греческого обряда православной литургии, [10] при этом

---

[1] Карпини. Ук. соч., стр. 61.
[2] RPR, № 12093—12098; ср. N 12101.
[3] HRM, I, N 62.
[4] HRM, I, N 63.
[5] HRM, I, N 65; ср. LU, I, N 191.
[6] LU, I, N 190.
[7] HRM, I, N 66.
[8] Карпини. Указ. соч., стр. 61.
[9] L. Muratori. Rerum Italicarum Scriptores, III, Mediolani, 1723, p. 592. (Здесь целью русского посольства выставлена просьба о присылке на Русь легата).
[10] HRM, I, N 68.

папа грозил церковными карами тем, кто нарушит это постановление.

В отношениях с русскими князьями папа спекулировал на тех переговорах, которые он в это время вел с никейским императором о возможной унии церквей. Позднее холмский епископ Иван, работая в княжеском архиве, просматривал дипломатические документы переговоров князей с курией и внес в летопись свое общее впечатление от них: «Некентий бо кльняше тех хулящим веру грецкую правоверную и хотящоу ему съборь сътворити о правой вере о воединеньи цорькви». [1]

Папа пытался достичь и каких-то результатов: он поручил архиепископу Альберту ехать на Русь принять присягу от князей, бояр и духовенства на верность римской церкви, огласить в русских землях акт об унии [2] и дал ряд других указаний. [3] Таким образом проводилась подготовка унии.

Со своей стороны, князь Даниил Романович сумел извлечь ряд политических выгод уже в ходе этих переговоров: распространение на его земли опеки папского престола [4] означало номинальное аннулирование пресловутых претензий венгерских королей на Галичину; признание за юго-западными князьями земель, на которые они когда-либо имели права, [5] означало юридическое равенство возможностей для русских князей при колонизации ятвяжских земель (Судавии); возможно, впрочем, что этот документ имел более широкое значение, приглашая волынского князя к выступлению против Литвы. Кроме того, папа запрещал (номинально, разумеется) немецким рыцарям и членам других монашеских орденов селиться без разрешения Романовичей в их землях [6] — это, вероятно, должно было предотвратить инциденты, подобные дорогичинскому.

Как видим, холмский двор проделал большую дипломатическую работу. Не может быть сомнений, что в ту пору, когда позиции крестоносцев находились под угрозой, курия была заинтересована в том, чтобы найти в юго-западной Руси если не союзника, то хотя бы нейтрала в борьбе с Литвой. Что касается татарского вопроса, то имеется лишь одна булла от конца июня 1248 г., в которой папа писал князю Даниилу, прося его извещать крестоносцев о наступлении

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 827; как видим, ошибался В. Норден, утверждая, что переговоры курии с князьями не касались общих вопросов унии (W. Norden. Das Papstum und Byzanz, S. 362. Anmerk. I, Berlin, 1903).

[2] HRM, I, N 72.

[3] HRM, I, N 70, 71, 73.

[4] HRM, I, N 72· ср. N 62.

[5] HRM, I, N 67.

[6] HRM, I, N 69 (1247).

татар, с тем чтобы он мог принять надлежащие меры[1] для обороны; аналогичные буллы папа отправил Александру Невскому[2] и крестоносцам.[3]

Но все отмеченные мероприятия не имели, с точки зрения борьбы против татар, никакого реального значения, и князь Даниил это знал, ибо имел связи и в Риге, и в Кракове, и в Мазовии, и в Поморье. Не удивительно поэтому, что князь Даниил, получив от переговоров возможные выгоды, прервал их около 1248 г. Об этом четко говорит летопись: «Прислал (Иннокентий IV.— *В. П.*) к нему (Даниилу.— *В. П.*) пискупа Береньского и Каменецького, река ему: „Приими венец королевьства“,— но князь отказался, заявив: „Рать татарьская не престаеть зле живущи с нами, то како могу прияти венечь без помощи твоей“»,[4] т. е. князь не хотел принимать обязательств, могущих вызвать разрыв с татаро-монголами. И Длугош, имевший какой-то документ, связанный с этим событием, сообщает, что князь Даниил «папского легата («Альберта», ставит Длугош по догадке) отпустил без чести».[5] Так кончилась эта попытка активизировать папскую политику в юго-западной Руси.

Однако курия не сложила оружия и через некоторое время, при новых условиях, завязала отношения с холмским двором. Перерыв в отношениях был довольно долгим (1248—1252). Инициатива возобновления переговоров принадлежала курии, действовавшей через посредство венгерского короля Белы IV, который писал папе, что «не пожалел труда», чтобы склонить князя Даниила к новым переговорам.[6]

Миссия венгерского короля облегчалась тем, что в это время татаро-монголы двинули к своим западным границам войска под командованием Куремсы, которому князь Даниил решил не подчиняться, и, заинтересованный в спокойствии на своих западных границах, он был готов начать переговоры с курией. К этому следует добавить, что факт коронации великого князя литовского Миндовга (1251) беспокоил Даниила Романовича, так как ставил его в невыгодные условия при продолжении войны с Литвой. Наконец, последняя причина — это участие князя Даниила в войне за австрийское наследство: союз с курией мог здесь оказаться полезным. Заинтересованный в дальнейшем укреплении позиций

---

[1] HRM, I, N 77.
[2] HRM, I, N 78.
[3] HRM, I, N 79.
[4] ПСРЛ, т. II, стб. 826, 827.
[5] J. Dlugossii, t. II, lib. VII, p. 320.
[6] Codex Diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis, ed. G. Fejér, t. IV, 2, p. 144, Budae, 1829 (9 мая 1252 г.).

юго-западной Руси в восточной Европе, а также в возобновлении старинных русских торговых связей на Дунае, князь Даниил счел нужным вмешаться в войну за австрийское наследство.

Выше отмечалось, что еще до татаро-монгольского нашествия князь Даниил Романович имел какие-то связи с Австрией. В июне 1246 г. австрийский герцог Фридрих II, воевавший против Венгрии, погиб на Лейте,[1] не оставив прямых наследников. Уже в 1248 г., при свидании в Братиславе, князь Даниил Романович, венгерский король Бела IV и императорские послы обсуждали вопрос о будущем австрийских земель.[2]

Об этом свидании упомянуто в нашей летописи: «Присла король Угорьскы к Данилу, прося его на помощь: бе бо имерать на бои с немци; иде к нему на помощь и приде к Пожьгу. Пришли бо бяху посли немецкыи к нему, бе бо царь (цезарь) обдержал один (Ведень?) землю ракушьску и Штирьску: герцюк бо (Фридрих II) уже убьен бысть».[3]

Осенью 1251 г. Пшемысл II при поддержке части австрийских баронов и духовенства вступил с войском в Австрию и провозгласил себя герцогом австрийским. В феврале 1252 г. он закрепил свое положение в Австрии браком уже с весьма немолодой Маргаритой Баденберг, сестрой покойного герцога, которая официально передала Пшемыслу II наследственные права на владения ее рода.[4]

Венгерский король — «варвар», как назвал его К. Маркс,[5] на попечении которого по определению папы Иннокентия IV находилась с 1248 г. племянница покойного герцога Гертруда, решил вмешаться в борьбу; предварительно король добился от Гертруды передачи ему ее наследственной доли, но венгерский король не имел достаточных сил для вмешательства в австрийские дела и обратился за поддержкой к галицко-волынскому князю.

Даниил Романович встретился с королем Белой IV в Австрии, где, при участии Гертруды, был оформлен договор, по которому сын русского князя — Роман Данилович приоб-

---

[1] По одной легенде — от руки русского короля (Annales S. Pantaleonis Coloniensis, MGH; SS, t. XVII, p. 541), А. В. Флоровский. Ук. соч., с. 213, пр. 1; ученый домысел XVII в. связал это известие с именем Даниила Романовича. См. ПСРЛ, т. II, 1843, стр. 341 (Густынская летопись). О Густ. лет. см. А. Ершов. Коли и хто написав Густынський літопис. ЗНТШ, т. 100, ч. 2 (Праці історичні), Львів, 1930, сс. 205—211.

[2] См. подробнее А. В. Флоровский. Указ. соч., стр. 213.

[3] ПСРЛ, т. II, стб. 814.

[4] Fontes Rerum Bohemicarum (в дальнейшем FRB), t. II, v. Praze, 1874, p. 289; t. III, p. 312.

[5] Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. V, стр 287.

ретал герцогские права на Австрию.[1] В первой половине 1252 г. союз был закреплен браком Романа Даниловича с Гертрудой Баденберг,[2] состоявшимся в Гимберге, южнее Вены.[3]

Интересно, что папа Иннокентий IV признавал вначале наследственные права на Австрию именно Гертруды (когда еще она была замужем за Владиславом чешским), но начиная с 1253 г. папа признал законность брака Пшемысла II с Маргаритой и стал называть Пшемысла II герцогом австрийским. Нетрудно связать этот факт с той помощью, которую вскоре Пшемысл оказал курии в делах прибалтийских.

Летописец сохранил живой отчет о злоключениях, которые претерпел Роман Данилович в Австрии, в замке Гимберг («Неперц» — Hintpergc). Венгерский король нарушил договор: его не устраивал переход Австрии в руки русских и он отказывался прислать Роману Даниловичу обещанные войска, требуя уступить ему ряд австрийских земель в обмен на города в Венгрии.[4] Однако Роман Данилович отклонил это предложение, сам же, из-за измены Белы IV, не мог удержаться в Гимберге, где его осадил с большим войском Пшемысл II. В конце 1253 г., с помощью приверженца Гертруды Бернгарда Преусселя (летописный «Просвель»)[5] Роман Данилович покинул Австрию.

В это время князь Даниил Романович принимал энергичные меры, чтобы оказать помощь сыну, попавшему в затруднительное положение. Наступление было предпринято комбинированное: с запада на Австрию двигался князь баварский; русские и польские князья наносили удар с севера, на Опаву. Через Опаву в XII в. и ранее проходила главная дорога из Силезии в Моравию и к Дунаю. Король Бела IV двинул свои силы на Австрию, оттуда на Моравию, где они достигли Оломуца.

Судя по летописи, поход был подготовлен достаточно

---

[1] К сожалению, владимирский сводчик опустил текст этого договора, лишь кратко сообщив его содержание (ПСРЛ, т. II, стб. 821).

[2] M. Fischer. Merkwürdigere Schicksale des Stiftes und der Stadt Klosterneuburg aus Urkunden gezogen, II (Urkundenbuch), Wien, 1815, 217—218, N 60.

[3] MGH, SS, t. V, Pars I, Hannoverae, 1890, Ottokares Oesterreichische Reimchronik, I, p. 33 (v. 246 и сл., v. 2488 и сл.), 35 (v. 2630 и сл.), 89 (v. 6716 и сл.).

[4] ПСРЛ, т. II, стб. 836—837. О его корыстных действиях прямо свидетельствуют австрийские источники. См. Continuatio Carstensis, MGH, SS, t. IX, Hannoverae, 1860, p. 599.

[5] Он упомянут в 1251 г. как сторонник Гертруды. См. A. Huber. Die steirische Reimchronik und das österreichische Interregnum (Mitteilungen des Institutes für österreichische Geschichtsforschung, Bd. IV, Heft 1, Innsbruck, 1883), S. 51, Anm. 1.

основательно. Шли в поход князья Даниил Романович, Лев Данилович, «помочь» от князя Василько, Товтивил и Едивид с литовскими отрядами. С польской стороны выступали князь краковский Болеслав Стыдливый (зять короля Белы IV) и Владислав «сын Казимирь Ласконогого Межькы», т. е. князь опольский. Но польские князья воевали крайне неохотно, особенно Владислав Опольский, владения которого лежали близ района военных действий.

Вот почему он, будучи советником у князя Даниила, дал ему лживые указания. На вопрос князя Даниила: «Куда бы воевать?» — Владислав «не исповеда правды и дасть вожь (т. е. проводников) на льсти». Именно поэтому русские войска были разделены на две неравные части и Даниил Романович оказался под Опавой с небольшими силами.

Болеслав Краковский также воевал против желания: Бела IV, чтобы втянуть его в войну, использовал свои права тестя: «Болеславу же яко не хотящу, жена же его (т. е. Кинга, дочь Белы IV) помагаша Данилови словесы». Князь Даниил привел войско в Краков, где соединился с Болеславом, князь Владислав примкнул к ним на реке Одре у города Козел («Козлин»). Отсюда русско-польские войска направились к реке «Псине» (т. е. Цинне, левому притоку Одры).

От Цинны, после военного совета, князь Лев Данилович с главными русскими силами и с проводниками-изменниками отделился от Даниила Романовича; он в конце концов забрел «в горы лесные», где «взя полон велик», и направился к Опаве на соединение с отцом. Князь Даниил «остал в мале с старыми бояры, со Юрьем тысяцким»; он вместе с поляками подошел к Опаве.

Оборону этой крепости держал чешский воевода Андрей из Краварж. Воевода Андрей сделал успешную вылазку из города и разбил польские сторожи, чем вселил «велий страх в ляхи»; окрестное население спешило укрыться в Опаву. Даниил Романович сожалел об отсутствии князя Льва, ибо понимал, что будь все силы в сборе, «то ураз велий быша земли сей учиниле и град ся чесь (т. е. чешский) прият бы был». Наконец, когда Лев Данилович подошел к Опаве, было решено перейти реку Опаву, обойти город и пожечь «вся внешняя храмы, и ограды, и гумна». Но Болеслав Краковский отказался перейти реку, а «стал на горах»; Владислав Опольский подошел к городу.

Войска подступили к одним воротам города и «пожгоша», затем подошли и к другим. Тут из города «выехаша чехове и неколико их убиша, а другия выгнаша»; при этом Бенеш из Краварж, брат воеводы Андрея, «стояше пред враты с хоруговью»; в результате этой операции наступавшие «и около

других врат пожгоша окрестьная града». У третьих ворот князь Даниил приказал «соседати и жечь» окрестные «града» (укрепления). Противник бежал, и некоторые из его воинов были убиты «во вратех» и поэтому «врат не затвориша бежаще». Однако город не был взят, так как князь Даниил «очима напрасно бе боля», не видел происходившего и возможность победы не была использована.

После сожжения Львом Даниловичем всех окрестных «градов», войско двинулось вверх по р. Опаве, «пленяя и жгя». Был взят город Нассидель («Насилье») и Даниил Романович поставил на нем свою хоругвь; пошли далее и остановились на «вси Немецкой». Узнав, что воевода Бенеш из Опавы выступил к Глубчице («Глубичичы»), князья Даниил и Болеслав направились туда, но действия Владислава Опольского помешали взятию города: польский князь сжег в его окрестностях все дерево и солому, необходимые для устройства «примета».

Встал вопрос, куда итти — «к Особолозе» (Особлага), на «Герьборта» (т. е. на замок Герборта Фулштейн) или домой. Вторая возможность отпала, ибо Герборт прислал князю Даниилу «мечь и покорение свое».[1] Тогда князь Даниил решил возвращаться на родину, Болеслав Стыдливый поддержал это решение. Таким образом русско-польский поход охватил сравнительно небольшую территорию у силезско-моравской границы, едва задев собственно Моравию. Военным результатом явились: разгром окрестностей Опавы и Глубчицы, взятие Нассиделя, покорение крепости Фулштейн; кроме того, большой полон, добыча и освобождение русских пленных в Нассиделе.[2]

Летописец прекрасно понимал большое политическое значение этого похода,[3] хотя из-за измены польских князей, основная цель его — поддержка Романа Даниловича против Пшемысла II — и не была достигнута.

В малопольской столице Кракове папские послы поджидали возвращавшегося из чешского похода князя Даниила. Но князь, недовольный своими союзниками, не пожелал вести переговоры в Кракове и отказался принять послов Иннокентия IV, «рече им: „Не подобаеть ми видитися с вами чюжеи земли“».[4] Когда позднее папское посольство во главе с легатом папы Опизо из Месаны прибыло в Дорогичин, то и здесь

---

[1] Хотя епископ оломуцкий Брунон потом и отмечал заслуги Герборта, своего podstolego в обороне Моравии от Владислава Опольского (Reg. Boh. Mor., t. II, № 74, от 17 ноября 1255 г.).

[2] То же говорят и польские источники MPH, t. II, p. 573, 805.

[3] ПСРЛ, т. II, стб. 826.

[4] Там же, стб. 826.

князь Даниил решился на принятие короны и скипетра с большими сомнениями: «Опиза же приде, венець неся, обещеваяся яко: „помощь имети ти от папы“ — оному же (т. е. Даниил) однако не хотящоу».[1] На церемонии коронации присутствовали польские князья Болеслав, Семовит, князь Василько и вся знать. Это произошло около 1254 г.

Конечно, не случайно князь Даниил короновался именно в Дорогичине: этим он подчеркнул свои права в глазах крестоносцев и Литвы, с которой лишь недавно успешно закончил войну. На этот раз галицко-волынский князь принял корону, не боясь осложнений с татарами, ибо твердо решил дать отпор войскам Куремсы, «воздвиже рать противу татаром».[2]

Что же принесло сторонам это оформленное в Дорогичине соглашение? Может быть, теперь союз с папой стал реальной базой борьбы против татар? Факты показывают, что этого не случилось. Еще в 1253 г. князь Даниил известил курию о приближении татаро-монгольских войск с востока. В ответ последовала булла от 14 мая 1253 г., призывавшая христиан Польши, Чехии, Моравии, Сербии, Поморья и иных соседних народов к походу против татар.[3] Любопытно, что Швецию, Данию, орден, немецкие земли папа к походу не звал. Лишь через год он поручил архиепископу Альберту, вернувшемуся в Пруссию, провозгласить поход на татар.[4]

Но это были только слова, дела выглядят совершенно иначе. Близость татарской опасности сознавалась всеми, и больше других опасался король Бела IV: он писал Иннокентию IV, что ежеминутно ждет нападения татар и что при этом он «окружен различными неверными народами, в том числе русскими, бродниками, куманами...»[5] Как видим, король Бела IV не тешил себя иллюзиями относительно коронования князя Даниила и относил русских попрежнему к «неверным». Впрочем, не следует думать, что эти иллюзии были у курии. Папа действительно спешил помирить между собой Чехию и Венгрию и послал для этой цели специального легата,[6] но напрасно утверждает И. Уминский, что это было сделано для помощи Руси. Вовсе не татары были у папы на уме, а восставшие прусские племена, против которых (а не против татар!) и двинулся Пшемысл-Оттокар II, желавший таким

[1] Там же, стб. 827.
[2] Там же, стб. 838.
[3] HRM, I, № 88.
[4] HRM, I, № 90 (17 мая 1254 г.).
[5] Vetera Monumenta Historica Hungariam, ed. A. Theiner, t. I, N 440, p. 230 (1254).
[6] Fontes Rerum Bohemicarum, t. II, Praha, 1874; str. 291. Codex Diplomaticus et Epistolaris Moraviae, ed. A. Boczek, t. III, Olomucii, 1841, N 192, 193.

путем заручиться поддержкой курии в овладении Австрией.[1] Курия шла ему навстречу: папский легат Бернард специально подтвердил чешско-венгерский договор, чтобы успокоить Пшемысла II.[2]

Тевтоны находились в весьма трудном положении и искали помощи непосредственно у Чехии: в конце 1253 г. варминский епископ Ансельм находился в Моравии, где его принимал епископ оломуцкий,[3] приезжал в Прагу и магистр Поппо фон Остерна (1254).[4] В итоге всего был совершен поход Пшемысла II совместно с маркграфом бранденбургским Оттоном III на пруссов, позволивший крестоносцам удержаться в этой части Прибалтики. Поход происходил в то время, когда войска князя Даниила Романовича успешно отражали натиск войск Куремсы.

Но если князь Даниил не получил помощи от курии, то и она ничего не добилась от юго-западной Руси, как это видно из буллы от 13 февраля 1257 г., в которой папа с грустью отмечал, что князь Даниил не исполнил того, что ожидала от него курия;[5] папа грозил князю церковными карами и «оружием верных». Но не галицко-волынскому князю, справившемуся с Куремсой, было бояться «оружия верных», показавшего всему миру свою слабость на Ближнем Востоке и в Прибалтике.

Юго-западная Русь надолго ушла из сферы влияния курии; на место Куремсы золотоордынский хан прислал большое войско Бурундая, и в следующем, 1258 г., юго-западная Русь была полностью включена в орбиту татаро-монгольского владычества.

Уже 5 апреля 1257 г. папа Александр IV (1254—1261) в поручении чешскому францисканскому монаху Бартоломею предлагал развернуть проповедь крестового похода в Чехии, Моравии, Польше и Австрии не только против литовцев и ятвягов, но «и русских и других язычников и схизматиков».[6] В том же году папа дал крестоносцам, воюющим против Руси, те же преимущества, что и сражающимся в Пруссии и Ливонии.[7] А затем папа освободил любусского епископа от посещения русской епархии «по причине обширного протяжения

---

[1] J. Goll. Chechy a Prusy ve středoveku, Praha, 1897, S. 20.
[2] Regesta Diplomatica nec non Epistolaria Bohemiae et Moraviae, pars II (1252—1310), ed. J. Emler. Pragae, 1882, N 37 (1254).
[3] Codex Diplom. Moraviae, t. III, N 202.
[4] J. Goll. Указ. соч., стр. 20.
[5] HRM, I, N 95; J. Dlugosii, lib. VII, p. 401.
[6] Codex Diplom. Moraviae, t. III, N 251.
[7] PU, I, 2, N 38.

(этой) земли, вероломства ее владетелей и злобы обитателей».[1] Католическая пропаганда потерпела также полную неудачу — это признавали самые пристрастные исследователи.[2]

Следовательно, папская курия потерпела политическую неудачу и в северо-западной Руси, и в Литве, и в юго-западной Руси, встретила как вооруженный, так и дипломатический отпор; позднее курия столкнулась и с татаро-монголами, установившими свое владычество над Русью.

Случайны ли все эти события? Думается, что нет, и объяснение их заключено в той политике, которую дипломатия Александра Невского проводила в Золотой орде.

Чтобы правильно оценить эту политику, нужно сперва бросить взгляд на те цели, которые преследовала папская курия в орде. Дело в том, что Латинская империя крестоносцев переживала тяжелые дни, доставляя массу забот курии: латинянам постоянно угрожала Никея, искавшая против них союза с Болгарией, германским императором Фридрихом II, татарами, половцами и др.

Что касается Болгарии, то хотя папство и привлекло ее к унии еще в 1204 г.,[3] но местный царь Иван Асень II (1218—1241) был связан с Никеей и угрожал латинянам. Папа Григорий IX, стремясь разрушить «союз нечестия»,[4] отлучил Асеня от церкви и стал готовить против Болгарии крестовый поход с помощью венгерского короля Белы IV.[5]

Таким образом, в юго-восточной Европе папство применяло ту же политику, что и в северо-восточной. Эта не помешало другому болгарскому царю, Константину Асеню (1258—1277), также противопоставить Венгрии свою дружбу с Никеей, длившуюся вплоть до падения Латинской империи (1261 г.).[6]

Следовательно, папа не мог быть спокоен за Латинскую империю. Нужно было искать пути, чтобы сдержать Никею, а еще лучше вовсе сокрушить ее и получить к тому же из татарских рук право на управление русской церковью со всеми вытекающими отсюда экономическими и политическими выгодами.

---

[1] См. Н. Дашкевич. Указ. соч., стр. 175.

[2] K. Reifenkugel. Die Gründung der römisch-katholischen Bisthümer in den Territorien Halicz und Wladimir. Archiv für österreichische Gesch. Bd. 52, H. I, S. 424, 1875.

[3] Н. С. Державин. История Болгарии, т. II, М., 1946, стр. 111—112.

[4] См. А. Васильев. История Византии. Латинское владычество на Востоке, стр. 27, Пгр., 1923.

[5] Н. С. Державин. Указ. соч., стр. 131.

[6] П. Никовъ. Българо-унгарски отношения отъ 1257 до 1277 година. Сборникъ на Българската Академия на наукитъ, кн. XI, София, 1920, стр. 91, 93.

Другое, что беспокоило курию,— это возможность военного союза германского императора с Никеей и с татаро-монголами. Хорошо известно, что в конце 30-х годов император Фридрих II завязал дружественные отношения с никейским императором[1] Иоанном Ватацем (1222—1254); союз двух императоров строился на том, что Фридрих II обещал Никее помочь отвоевать Константинополь у латинян, а Ватац взамен должен был признать Фридриха II своим сюзереном и восстановить единство церквей. Союз был настолько тесным, что в 40-х годах XIII в. греческие войска сражались в Италии на стороне Фридриха II;[2] следует отметить, что Ватац был женат на Констанции, побочной дочери Фридриха II.

Хотя реальное значение этого союза было невелико, но он вызвал опасения у курии, и последняя нашла средство, чтобы расстроить его. В конце 40-х годов XIII в. курия начала дипломатические переговоры с Никеей об унии церквей. В Никею было отправлено в 1249 г. посольство во главе с легатом Иоанном де Парма.[3] Этими переговорами курия стремилась не только ликвидировать союз двух императоров, но также отвлечь Никею от связей с татарами; наконец, курия пыталась наметить приемлемую форму соглашения на случай падения Латинской империи — соглашения, по которому папа был бы признан духовным владыкой православного мира. Что курия использовала эти переговоры для укрепления своих позиций на Руси, было отмечено выше. У никейского императора имелись свои причины для начала переговоров. Дело в том, что в это время латинский император Болдуин II в отчаянии в третий раз отправился в Европу просить помощи против Никеи у папы и европейских государей; переговоры должны были помешать успеху его миссии.

Все происходившее, естественно, вызвало недовольство императора Фридриха II. Вот почему мы читаем у А. А. Васильева, что в последние годы Фридрих был обеспокоен завязавшимися отношениями между Никеей и Римом и обменом между ними посольствами, по поводу чего в письме к Ватацу порицал «отеческим образом поведение сына», который «без отцовского совета пожелал отправить посла к папе»; в 1250 г. Фридрих II даже задержал послов Никеи к папе.[4] Фридрих II умер в 1250 г., а в 1254 г. дружественные отношения между

---

[1] W. Norden. Указ. соч., стр. 362.

[2] A. Vasiliev. Histoire de l'Empire Byzantin, t. II, Paris, 1932, p. 203.

[3] W. Norden. Указ. соч., стр. 362.

[4] Там же, стр. 365.

германским императором и Никеей были лишь воспоминанием.[1]

Нужно отметить, что и из никейско-римских переговоров ничего не вышло. Преемник Ватаца, император Федор II (1254—1258), учел, что Латинской империи не от кого ожидать помощи в Европе, и в 1255 г. решил прервать переговоры с Римом; к 1256 г. переговоры окончательно заглохли.[2] Таков круг вопросов, интересовавших курию, когда она завязывала дипломатические отношения с татаро-монголами. В пользу именно такой постановки вопроса говорит еще ряд источников.

Папа Иннокентий IV, едва начав свой понтификат (1243—1254), пытался наладить связи с татарами (через Лаврентия Португальского и др.[3]). Лионский собор 1245 г. (спешно созванный в связи, главным образом, с продолжавшейся борьбой против Фридриха II), уделил внимание татарскому вопросу. На соборе была заслушана информация о татарах игумена Петра Акеровича, присланного в Лион черниговским князем Михаилом Всеволодовичем, искавшим у курии помощи против татар,[4] и было принято официальное решение.[5]

В том же году к татаро-монголам отправилось папское посольство во главе с францисканцем Иоанном де Плано-Карпини. Карпини выехал из Лиона в 1245 г., вернулся в Лион в 1247 г. Описание путешествия в Золотую орду к Бату и в великоханскую ставку составлено им с таким искусством, что основные цели миссии скрыты совершенно. Если бы не его дипломатические сношения с русскими князьями, то можно было бы подумать, что, кроме как о христианском просвещении, он ни о чем и не помышлял, хотя наблюдал за всем.

Впрочем, попытка склонить татарских правителей к принятию католичества тоже преследовала дипломатические цели. Принятие католичества татаро-монголами сделало бы их союзниками курии и отдало бы подвластные им земли (и в первую очередь Русь) в церковное подчинение папству. Но дипломатические усилия курии натолкнулись на полную веротерпимость татаро-монгол и, таким образом, не достигли цели. Приходилось действовать обычным дипломатическим путем.

О цели своего приезда Карпини говорит туманно: папе-де «угодно, чтобы все христиане были друзьями татар и имели

---

[1] А. Васильев. Указ. соч., стр. 31.
[2] Ср. W. Norden. Указ. соч., стр. 366, 379.
[3] MGH, SS, t. XXVIII, Hannoverae, 1888, p. 258.
[4] См. выше, стр. 62.
[5] Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio, t. 23 (1225—1268), ed. Mansi, Paris — Leipzig, 1903, p. 627—628.

мир с ними»,[1] о второй части этой формулы (которую мы ниже встретим в отчете другого посла), вытекающей из приведенной: «и были врагами всех врагов христиан» (т. е. Никеи, сарацин, а может быть, и германского императора) — Карпини умолчал.[2] Посол сообщил также, что Бату, сидя в трофейном шалаше венгерского короля Белы IV, «читал и внимательно отметил» текст папского послания.[3] Известно, что великий хан Гуюк ответил папе специальным письмом. Карпини пишет, что татары согласились с предложениями папы и выразили готовность отправить послов к нему, но хитрый францисканец уверяет, что он не хотел этого, боясь, что «при виде существующих между нами раздоров и войн они еще более воодушевятся к походу против нас».[4]

Но что бы ни говорил Карпини, этот, по словам Салимбена, встречавшегося с ним, «приятный, умный, образованный, очень красноречивый, умелый во многих отношениях человек»,[5] нам известно из сообщения английского хрониста XIII в. бенедиктинца Матвея Парижского, что в 1248 г. монголы прислали два посольства к папе. Одно посольство могло быть следствием миссии Карпини, а другое — результатом поездки доминиканца Асцелина, отправленного в 1247 г. Иннокентием IV с посольством к татарскому воеводе Байду[6] в составе трех монахов (Александра, Альберика, Симона) и примкнувшего к ним позднее Гвихарда Кремонского. Это посольство выехало из Аккона берегом Средиземного моря, через Армению и Грузию и у Аракса в Персии встретило воеводу Байду.

Татары считали, что посольство Асцелина прислано с целью разведать силу татарского войска; этого не отрицал и Асцелин, сказавший, что главная его задача — передать папскую

---

[1] Карпини. Указ. соч., стр. 46.

[2] Сам Иннокентий IV просил татар верить послам «во всем, что с нашей стороны вам будет сказано», и вступить с ними «в полезные переговоры», особенно о том, «что касается мира». «И что еще предпринять замышляете, все это откройте нам через наших братьев подробно». Текст см. Д. Языков. Собрание путешествий к татарам, СПб., 1825, стр. 296—298.

[3] Карпини. Указ. соч., стр. 49.

[4] Там же, стр. 59.

[5] См. Relation des Mongoles ou Tatares, par M. D'Avezac, Paris, 1838, p. 202.

[6] Отчета об этом посольстве нет. Описание его составил монах Симон из St. Quentin, а современный Асцелину хронист Винцент из Бове включил описание в свою хронику (см. Bibliotheca mundi seu Speculi maioris Vincentii Burgundi praesulis Bellovacensis. Ord. Praed... Tomus quartus, qui Speculum Historiale inscribitur, Duaci 1624, I, XXXI). См. о ней А. И. Малеин. Энциклопедия Винцентия из Бове. Труды Института книги, документы и письма АН СССР, т. II, Л., 1932, стр. 23—41. Перевод см. «Собрание путешествий к татарам» изд. Д. Языкова, СПб., 1825 (в дальнейшем — Асцелин).

грамоту «хотя не можем не признаться,— добавил он,— чтобы не хотели при этом случае посмотреть на вас и на войско ваше».[1] Татарские чиновники тоже старались «осторожно выведать у монахов, перешли ли уже франки (речь шла о походе короля Людовика IX) в Сирию;[2] татары, утверждает Асцелин, опасались франков и потому, «притворяясь, что примут христианскую веру», вели переговоры, стараясь оттянуть вторжение их в Турцию и в другие свои владения.[3]

Воевода Байду предложил послам ехать к Бату,[4] особенно настаивал он на этом после ознакомления с переводом папской грамоты.[5] Когда же послы отказались от поездки к Бату, воевода направил к нему своих посланцев, а Асцелина и его спутников задержал у себя на девять недель в ожидании ответа хана,[6] однажды уже писавшего папе.[7] Лишь узнав мнение Бату и получив его грамоту к папе, Байду отпустил послов.

Асцелин возвращался к Иннокентию IV с грамотами от Бату и Байду в сопровождении двух татарских послов (Аибег и Саргис). В этих грамотах татары требовали от папы признания своей власти,[8] так думает монах Симон в передаче Винцента из Бове.

Иное о целях татарских посольств 1248 г. говорит Матвей Парижский. В то время, пишет он, многие предполагали, что письма, адресованные монгольскими ханами к папе, содержали предложение начать военные действия против Иоанна Ватаца, «грека, пасынка Фридриха II, схизматика, непослушного сына папской курии», и что это предложение было приятно папе.[9] Более того, Матвей сообщает даже и ответ Иннокентия IV татарским послам. Он поручил будто бы им передать своему королю, что если тот примет христианство, то пойдет вместе с его (папы) войсками против Иоанна Ватаца, восставшего против папы и императора Болдуина, главы Латинской империи, а затем и против самого Фридриха (так!), восставшего против римской курии. На это татарские послы ответили, что их король, получив такое известие, впадет в великий гнев.

Дипломатические отношения с монголами продолжались. В 1248 г. французский король Людовик IX, верный союзник

---

[1] Асцелин, стр. 251.
[2] Там же, стр. 227.
[3] Там же, стр. 229.
[4] Там же, стр. 242—243.
[5] Там же, стр. 247.
[6] Там же, стр. 255.
[7] Там же, стр. 253.
[8] Там же, стр. 259—263.
[9] См. SRB. t. 44, Matthae Parisiensis. Historia Anglorum (Historia Minor), vol. III, p. 38—39.

папской курии, готовил свой крестовый поход в «святую землю». Известно, что в мае 1248 г., когда король находился на острове Кипр, к нему прибыли послы от наместника великого хана Гуюка, татарского хана Елдегая, позднее убитого Бату, с предложением совместной борьбы против сарацин.

Ответное посольство короля, отправленное к татарам в январе 1249 г. во главе с доминиканцем Андреем де Лонжюмелем, не дало результатов. По мнению Рубруквиса виной тому был некий монах Давид, член татарского посольства; по его совету король направил своих послов к Кен-хану, которого к тому времени, однако, уже не было в живых.[1] Любопытно, что отправка Андрея Лонжюмеля была, видимо, согласована королем с папой, ибо еще в марте 1248 г. к королю по поручению папы ездил Карпини (ставший архиепископом). Карпини, по словам Паоло Панса, старинного биографа Иннокеннтия IV, «умолял его помедлить с отъездом до тех пор, пока он папской властью не будет огражден от опасности нападения со стороны императора Фридриха II, которого недавние победы над папскими войсками сделали очень предприимчивым».[2] Людовик IX после встречи с Карпини посещал папу в Лионе.

Наконец, в 1253—1254 гг. Людовик IX отправил в Золотую орду и в Монголию посольство во главе с Вильгельмом де Рубруквисом. Хотя Рубруквис был не менее скрытен и осторожен, чем Карпини, однако в его отчете все же уцелели сведения, подтверждающие правильность сообщения Матвея Парижского. Рубруквис ехал к татарам в то время, когда в их правительстве произошли серьезные перемены: в 1252 г. великим ханом сделался Менгке, ставленник золотоордынского хана Бату.

Людовик IX просил хана Сартака (сын Бату, возглавлял Золотую орду в период пребывания отца в Каракоруме) оставить Рубруквиса при сарайском дворе[3] в качестве постоянного дипломатического агента. Рубруквис, подобно Карпини, пытался умолчать о цели своей поездки к татарам, но это ему не удалось. Он говорит, что старался, будучи у татар, скрыть тот факт, что Людовик IX ведет войну с сарацинами, но здесь уже все было известно, и на вопрос Бату, с кем воюет король, ему пришлось ответить, что против сарацин.[4]

Далее Рубруквис пишет, что Бату, отсылая его к великому хану Менгке в Каракорум, сообщал последнему, что король

---

[1] Рубрук. Указ. соч., стр. 178; ср. стр. 158. Королем был допущен политический просчет: Кен-хан был враждебен Бату (стр. 114).

[2] См. Paolo Pansa. Vita del gran pontefice Innocenzion quarto, p. 56, Napoli, 1598.

[3] Рубрук. Указ. соч., стр. 91.

[4] Там же, стр. 98.

Людовик просил у Сартака помощи против сарацин.[1] Рубруквис отрицает этот факт и с наигранным возмущением пишет: я-де знал, что «в вашей (Людовика IX.— *В. П.*) грамоте не было об этом никакого упоминания, кроме того, что вы внушали ему быть другом всех христиан, воздвигнуть крест и быть недругом всех недругов креста».[2]

Как видим, формула Рубруквиса полнее формулы Карпини, и, конечно, «кибитные политики» правильно понимали дело, ибо ниже Рубруквис, стремясь показать, как осторожно он вел себя при дворе великого хана, не желая раскрывать цель своего приезда местным чиновникам, заявляет, что даже для сообщения великому хану он велел передать: «Мне нечего сказать ему от имени какого-либо человека, ибо он сам должен знать, что Батый написал ему»,[3] то есть Рубруквис вполне солидаризировался с утверждением, что король просил у татар помощи против сарацин.

Что касается антиникейской части его посольства, то она не менее очевидна. Во-первых, мы узнаем, что Рубруквис вез татарам грамоту от главы Латинской империи Болдуина II,[4] из чего уже ясно, что его миссия была враждебна Никее. Во-вторых, случилось так, что при великоханском дворе Рубруквис повстречался с посольством, присланным никейским императором Ватацем. По тому как Рубруквис описал эту встречу, несомненна враждебность его Никее. На вопрос татарских чиновников к обоим послам об отношениях между Людовиком IX и Никеей Рубруквис ответил уклончиво: «Ни мир, ни война» — пояснив, что владения их не соприкасаются. «Но посол Ватаца сказал,— пишет Рубруквис,— что между нами мир; это замечание сделало меня осторожным, и я замолчал».[5]

Наконец, очень любопытно общее заключение посла о путях дальнейшей политики. Он рекомендовал Людовику IX собрать войско и итти в поход. Куда? Это ясно из фразы: «Сын Ватаца слабого сложения и ведет войну с сыном Ассана (правителем Валахии, сыном болгарского царя Асеня.— *В. П.*), который также еще мальчик и угнетен рабством татар. Поэтому, если бы воинство церкви пожелало пойти к святой земле, то было бы очень легко или покорить все эти земли, или пройти через них... От Кельна до Константинополя только 40 дней пути на повозках, а от Константинополя не будет столько дней пути до земли царя Армении. Некогда проходили через эти земли доблестные мужи и имели успех».[6]

---

[1] Там же, стр. 115.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 149—150; ср. стр. 116.
[4] Там же, стр. 83.
[5] Там же, стр. 118.
[6] Р у б р у к. Указ. соч., стр. 177.

Следовательно, Людовик IX добивался от татаро-монголов установления постоянных дипломатических связей и помощи в борьбе с сарацинами и Никейской империей. Но миссия Рубруквиса, несмотря на полное согласие великого хана с тем, что ему писал Бату, [1] оказалась безрезультатной: великий хан решил оттянуть окончательный ответ и, ссылаясь на неудачу посольства Андрея Лонжюмеля, настаивал на присылке настоящих послов, чтобы монгольский двор мог окончательно определить, хочет король мира или войны. [2] Если учесть, что посольства Карпини, Асцелина и Рубруквиса настойчиво заявляли, что папа и франки хотят именно мира, то неудача данной миссии станет несомненной. Не получил Рубруквис и разрешения остаться при дворе Сартака.

Союз латинян и татаро-монголов, столь опасный для Руси, не состоялся. Чтобы понять, почему это произошло и к чему привело, рассмотрим русско-татарские отношения изучаемой поры. Большой заслугой А. Н. Насонова является постановка и освещение вопроса о взаимоотношениях между золотоордынскими ханами и великими ханами и об отражении этих взаимоотношений на политических судьбах Руси. [3] Мы попытаемся уточнить этот вопрос. События развивались следующим образом. В 1243 г. золотоордынский хан Бату вызвал к себе из Руси Ярослава Всеволодовича Суздальского и назначил его великим князем на Руси. [4]

Выбор был сделан не случайно. Можно догадаться, что к этому имел отношение тот факт, что Ярослав Всеволодович не принял участия в битве на Сити, где его тщетно дожидался Юрий Всеволодович, [5] думается также, что слащавый текст владимирского свода, говорящий о «божественном» спасении от гибели Ярослава и его детей связан с вышесказанным. [6]

Из русских летописей и из сообщений Карпини ясно, что Ярослав имел большое влияние при дворе Бату, но не получил признания при дворе великого хана. Карпини, находясь в Золотой орде и в Монголии, сумел установить тесный контакт с Ярославом Всеволодовичем, о котором очень часто упоминает: толмачом у Карпини был «воин Ярослава», [7] Темер; знаком был Карпини и с «клириком» Ярослава Дубарлаем, служителем его Яковом и другими. [8] Карпини прибыл к Бату, когда последний по приказу великоханского двора вызвал из

---

[1] Рубрук. Указ. соч., стр. 156.
[2] Там же, стр. 164.
[3] См. А. Н. Насонов. Монголы и Русь, М.— Л., 1940, стр. 30 и др.
[4] ПСРЛ, т. I, в. 2, стб. 470.
[5] Там же, стб. 461.
[6] Там же, стб. 469.
[7] Карпини. Указ. соч., стр. 57; ср. стр. 61.
[8] Там же, стр. 61.

Руси князя Ярослава и отправил его в Монголию. Он говорит, что Ярослав Всеволодович, «знатный муж», «великий князь Руссии», отправился в Каракорум с большой свитой, но что в пути «люди Ярослава» «в большом количестве умерли»; [1] сообщает он, далее, что при дворе великого хана князь Ярослав не получил «никакого должного почета». [2]

Видимо, в противовес Бату, великоханский двор хотел иметь своего ставленника на Руси, поэтому, говорит Карпини, было решено убить Ярослава, хотя «по приказу жены Ярослава (Феодосии Игоревны Рязанской.— *В. П.*) и Батыя» к Ярославу был послан некий Угней, [3] чтобы предупредить князя об опасности, но он опоздал.

Вдова великого хана Угэдея, ханша Туракина, правда, «без ведома бывших там людей» великого хана Гуюка (1246—1248) отравила князя Ярослава Всеволодовича, «чтобы,— говорит Карпини,— свободнее и окончательнее завладеть его землею». [4] Затем, рассказывает Карпини, «она поспешно отправила послов к Александру (Ярославичу), зовя его под тем предлогом, что хочет подарить ему землю отца его». Но князь Александр «не пожелал» ехать, так как все знали, что она его либо умертвит, либо предаст вечному плену. [5]

Нужно добавить, что Карпини не случайно уделил внимание князю Ярославу. Ярослав, ознакомленный Карпини с папскими посланиями и предложениями, кажется, дал согласие на переговоры с курией. Во всяком случае, Иннокентий IV в своей булле Александру Ярославичу именно это утверждает [6] и вряд ли лжет, так как князь Александр имел связи в орде и знал о переговорах отца. Может быть, и гибель Ярослава была ускорена тем, что татарам стало известно от боярина Федора Яруновича [7] об этих переговорах.

Татаро-монгольское нашествие усилило феодальные распри на Руси: и в Сарае и в Каракоруме русские князья стремились с помощью татар свести друг с другом старые фео-

---

[1] Там же, стр. 50.

[2] Там же, стр. 13; ср. стр. 54.

[3] Там же, стр. 61.

[4] Там же, стр. 57.

[5] Там же. Карпини встречался в Золотой орде с «сыном князя Ярослава» (стр. 61), но это не Александр, а тот сын, что был в заложниках (стр. 34).

[6] HRM, I, N 78 (1248).

[7] ПСРЛ, т. VII, стр. 156. Можно допустить, что Темер, воин Ярослава Всеволодовича, хорошо известный Карпини, который использовал его в качестве толмача, и есть Федор Ярунович нашей летописи. Иннокентий IV в письме к Александру Невскому утверждал, что Ярослав Всеволодович вступил в отношения с курией по совету одного из своих воинов (HRM, I, N 78).

дальные счеты. Так был погублен черниговский князь Михаил Всеволодович. О нем Карпини говорит в нескольких местах своего описания. Татары,— пишет посол,— «не соблюдают никакого закона о богопочитании» и «никого еще, насколько мы знаем, не заставили они отказаться от своей веры или закона, за исключением Михаила».[1] В другом месте он сообщает, что Бату принудил князя Михаила, который «был одним из великих князей русских», пройти сквозь огонь; когда князь это исполнил, то ему было велено кланяться «на полдень Чингис-хану». Однако от этого Михаил Всеволодович отказался, заявив, что «охотно поклонится Батыю, но не поклонится изображению мертвого человека, так как христианину этого делать не подобает». Тогда Бату через «сына Ярослава»[2] передал князю Михаилу, что он будет убит, если не выполнит распоряжения; князь отказался и был убит вместе с одним из своих воинов,[3] воеводой Федором.[4]

Не знаем, насколько в данном случае этот «сын Ярослава» отражал взгляды своего отца, великого князя Ярослава, но он же пытался, видимо, покончить и с другим крупным князем, Даниилом Романовичем Галицко-Волынским. Карпини сообщает, что этот сын Ярослава «имел при себе одного воина из Руссии по имени Сангора»,[5] родом половчанина. Сангор встречается нам и в летописи: князь Даниил Романович ехал на Волгу к хану Бату «хотящу ся ему поклонити»; когда он прибыл в ханскую ставку, то «пришедшему же Я р о с л а в л ю человеку Сънгурови, рекшу ему: „Брат твой Ярослав кланялъся кусту и тобе кланятись“». Летописец убежден, что князь ответил Сангору: «Дьявол глаголеть из уст ваших» — и т. д. Однако ниже читаем в той же летописи, что князь Даниил «поклонися по обычаю их (татар.— *В. П.*)».[6] Видимо, при решении крупных государственных вопросов Даниил Романович имел более широкий взгляд на вещи, чем князь черниговский, поэтому провокация «Ярославля человека» не удалась. Следовательно, можно заметить, что от рук татар пали два крупных русских князя: Ярослав Всеволодович Суздальский и Михаил Всеволодович Черниговский.

---

[1] К а р п и н и. Указ. соч., стр. 8; ср. стр. 34.

[2] Там же, стр. 8.

[3] Там же, ср. ПСРЛ, т. II, стб. 795, 808.

[4] Ср. Новгор. I лет., стр. 263; тогда же был убит черниговский князь Андрей Мстиславич (К а р п и н и, стр. 9, ПСРЛ, т. XV, в. I, Пгр., 1922, под 1246 г.).

[5] К а р п и н и. Указ. соч., стр. 61.

[6] ПСРЛ, т. II, стб. 807. За это следовала по церковным законам епитимья. См. Новгор. I лет., стр. 267; ср. Рубрук, стр. 83).

В татаро-моногольском правительстве, между тем, произошли перемены. Умер великий хан Гуюк, и престолом завладела его вдова Огуль-Гамиш (1248—1251), недружественная золотоордынскому хану Бату. Несогласие между ними сказалось в политике татар на Руси. В 1246 г. хан Бату сделал своей властью великим князем на Руси Святослава Всеволодовича,[1] но великая ханша не признала этого решения. В 1248 г. она вызвала к себе русских князей, сыновей Ярослава Всеволодовича Андрея и Александра Ярославичей. Зная о связях князя Александра с Бату, ханша назначила великим князем Андрея Ярославича.[2] В 1250 г. оба князя вернулись на Русь, и Андрей стал княжить во Владимире. Александр номинально получил «Кыев и всю Русьскую землю».[3]

В том же году ко двору князя Александра прибыл митрополит Кирилл,[4] в свое время (около 1246) отправленный галицко-волынским князем Даниилом Романовичем в Никею на утверждение к патриарху Мануилу II. Митрополит Кирилл по возвращении из Никеи не согласился с политическим курсом холмского двора и примкнул к политике Александра Невского. Это же, возможно, свидетельствует об известном взаимопонимании, существовавшем между князем Александром и никейским двором.

Можно думать, что князь Александр, столкнувшись при проведении своей внутренней и внешней политики с противодействием ряда князей, а затем и новгородской и псковской феодальных республик, видимо, несколько смягчил взаимоотношения великокняжеской власти с церковью, которые еще при его отце были весьма обострены и приводили к секуляризации епископских земель (см. выше). Несомненно, что поддержка духовных феодалов использовалась князем Александром при решении вопросов внутренней политики, в частности, церковь идеологически обосновывала политику Александра Ярославича в отношении других князей, а также Новгорода; и не случайно, даже в новгородской владычной летописи, отражавшей взгляды местного правящего боярства, мы не находим враждебных князю Александру высказываний.

Золотоордынский хан Бату принимал все меры, чтобы добиться решающего влияния в великоханской ставке. Это ему удалось в 1251 г. Огуль-Гамиш была свергнута с престола, и великим ханом в 1252 г. сделался ставленник Бату — хан

---

[1] ПСРЛ, т. I, в. 2, стб. 471.
[2] Там же, стб. 472.
[3] Там же.
[4] См. Новгор. I лет., стр. 272 (под 1251 г.).

Менгке. Вследствие этих перемен положение великого князя Андрея Ярославича на Руси утратило прочность, несмотря на то, что его поддерживал князь Ярослав Ярославич Тверской, а также несмотря на то, что он вступил в контакт с князем Даниилом Романовичем Галицко-Волынским, женившись в 1250 г. на его дочери. [1]

В 1252 г. Александр Ярославич, княживший в Новгороде, один поехал в Золотую орду, где и получил от Бату ярлык на великое княжение. [2] В том же году Бату двинул войско под командованием Неврюя против князя Андрея, [3] который, как туманно говорит составленный в дружественном Александру Ярославичу духе Владимирский свод «сдума... с своими бояры бегати, нежели царем (татарам.— *В. П.*) служити». [4] Андрей Ярославич через Новгород, Псков, Ревель бежал в Швецию; позднее он вернулся на Русь и находился под рукой князя Александра. От наступления Неврюя пострадал и князь Ярослав Ярославич, должно быть, поддерживавший политику князя Андрея. [5] Подтверждением той мысли, что князь Андрей не желал подчиняться хану Золотой орды, служит отрывок из Никоновской летописи, в котором приводятся слова князя Андрея: «Господи, что есть, доколе нам межь собою бранитися и наводити друг на друга татар; лутчи ми есть бежати в чюжюю землю, неже дружити и служити татарам». [6]

Несомненно, в связи с получением великокняжеского стола князем Александром находится отправка ханом Бату в том же 1252 г. войск под командованием Куремсы в юго-западную Русь против князя Даниила Романовича. В отличие от князя Андрея Ярославича галицко-волынский князь сумел отбить татарское наступление; он потерял лишь Понизье.

Как видим, политика князя Александра сводилась к поддержанию определенных отношений с татаро-монголами Золотой орды и, видимо (через митрополита Кирилла), с Никейской империей.

Перемены, происшедшие у татаро-монголов, вновь вызвали со стороны папской курии попытку найти с ними общий язык для соглашения. Следствием этого явилось посольство Вильгельма де Рубруквиса, присланное Людовиком IX в 1253—1254 гг. В то же время Иннокентий IV отправил к хану Бату

[1] ПСРЛ, т. I, в. 2, стб. 472.

[2] Там же, стб. 473.

[3] Новгор. I лет., стр. 272 (под 1251 г.).

[4] ПСРЛ, т. I, в. 2, стб. 473.

[5] А. Пресняков. Образование великорусского государства. Пгр., 1918, стр. 55—56, прим. 4; С. Соловьев. История России, кн. 1, стр. 839, изд. «Общественная польза».

[6] ПСРЛ, т. X, стр. 138.

своего посла Иоанна де Поликарно[1] и посольство из пяти монахов — к ханам Сартаку, Менгу-Тимуру и Бури.[2] Однако все эти посольства не достигли цели, наткнувшись в Сарае на противодействие русской дипломатии князя Александра Невского, выступавшего в согласии с никейскими дипломатами. Что русские дипломаты имели вес в Золотой орде, видно, между прочим, и из того, что Карпини, прибыв туда, переводил документы, присланные курией татарам «на письмена русские, и сарацинские, и на письмена татар».[3]

Что касается Никеи, то местный императорский двор, конечно, не мог равнодушно взирать на оживленные дипломатические отношения папы Иннокентия IV и его союзника французского короля Людовика IX с татаро-монголами. Никея, в свою очередь, не замедлила открыть переговоры. В 1254 г. в Каракоруме находилось посольство Иоанна Ватаца, встреченное там Рубруквисом. Вряд ли оно было первым. Рубруквис сообщает о появлении этого посольства следующее. Один толмач великоханского татарского двора, с которым Рубруквис имел беседу, ранее ездил послом от татар в Никею, где «подкупленный его (Ватаца.— *В. П.*) подарками он посоветовал Растацию отправить послов к Менгу-хану (Менгке.— *В. П.*), чтобы оттянуть время (так!), так как Вастаций полагал, что они немедленно должны вступить в его землю. И тот послал, а когда узнал их (татар.— *В. П.*), то мало заботился о них и не заключал с ними мира, и они еще не вступали в его страну, да и не смогут этого, лишь бы он осмелился защищаться».[4]

Греческие источники (Скутариот) подтверждают, что в начале 1254 г. Иоанн III Ватац был сильно обеспокоен надвигавшейся татарской опасностью и принимал меры к защите. Одной из этих мер явилось его посольство к великому хану Менгке. Исход посольства был благоприятный.[5] Позднее, в конце 1257 г., состоялся прием татарских послов никейским императором Федором II в лагере у Магнезии. Император сумел поразить татар великолепием приема и, прибегнув к хитрости, даже убедить их в большой силе своего войска, так что, говорит Пахимер, «стали бояться те, которых боялись». Если в этом утверждении и есть обычное преувеличение, то бесспорен факт, что еще в 1259 г. значительное гре-

---

[1] Рубрук. Ук. соч., стр. 98.

[2] Там же, стр. 174.

[3] Карпини. Указ. соч., стр. 49; ср. стр. 58.

[4] Рубрук. Указ. соч., стр. 149.

[5] М. Андреев. Прием татарских послов при никейском дворе, «Seminarium Kondakovianum» Прага, 1926, стр. 192.

ческое войско было переброшено в Европу и одержало при Пелагонии блестящую победу над западными рыцарями.[1]

Не может быть сомнений в том, что в татаро-никейских переговорах 1257 г. участвовали и русские дипломаты, ибо именно тогда татары согласились сохранить прежний порядок в русско-византийских церковно-политических отношениях; тем самым папской дипломатии наносился серьезный удар. Тогда же, вероятно, князь Александр Ярославич выхлопотал у татаро-монголов освобождение русских церковников от татарских поборов.

Но при этом русско-византийские церковные отношения были поставлены под контроль золотоордынских ханов посредством специальной русской епископии, организованной в 1261 г. в Сарае.

Следует отметить, что М. Д. Приселков, исходя из своей обычной переоценки значения церковно-политических русско-византийских связей, и в данном вопросе допускал серьезную ошибку, рассматривая тогдашних русских князей, и, в частности, Александра Невского, как покорных исполнителей воли никейского императора.[2]

В ходе переговоров русская сторона была принуждена признать в 1258 г. татарское владычество над Новгородом и всею северо-западной Русью.[3] Переговоры совпали по времени с установлением в 1257 г. татаро-монголами системы своего владычества на Руси в виде баскачества;[4] в том же году было покончено с независимым существованием юго-западной Руси: воевода Куремса был заменен Бурундаем, который привел с собою большое войско и включил юго-западную Русь в орбиту татаро-монгольского владычества; тогда же своим походом на Литву татаро-монголы ускорили разрыв последней с папской курией. С этой поры отношения римской курии с Русью и татарами вступили в новую фазу развития.

Такова сущность «удара с Востока», причину которого не пожелал или не смог раскрыть А. М. Амманн. Восторжествовала принятая в 1246 г. князем Александром Ярославичем Невским политика, благодаря которой был установлен определенный modus vivendi с татаро-монголами, организовавшими свое владычество над побежденной Русью; вместе с тем

---

[1] Там же, стр. 200.

[2] М. Приселков. Русско-византийские отношения IX—XII вв. «Вестник древней истории», № 3 за 1939 г., стр. 98; ср. его же «История русского летописания», Л., 1940, стр. 104.

[3] В. Пашуто. Александр Невский «Ученые записки» Лен. гос. ун-та, № 36 за 1939 г., стр. 81—82.

[4] См. А. Насонов. Указ. соч., стр. 14 и сл.

это была политика борьбы с опасностью с Запада, со стороны крестоносцев, грозивших полным истреблением русскому народу, его культуре, его вере. Огромная заслуга перед русским народом князя Александра Ярославича как государственного деятеля также заключается и в этой его политике, и не случайно наши предки, понимая это, высоко оценили его.

Из изложенного следует, что лжет А. М. Амманн, утверждая, будто папские послы посещали татар только с целью побудить их принять христианство и прекратить убийства христиан.[1] Наконец, падает и последнее звено цепи утверждений И. Уминского, полагавшего, что папские посольства к татарам имели целью оказать помощь русским князьям.[2]

К сожалению, в огромном большинстве русских источников сохранена оценка деятельности князя Александра под углом зрения русских церковников. Русская церковь, русские духовные феодалы оценили князя Александра по-своему, как князя, сохранившего их доходы от покушений и римской курии и татаро-монголов; отсюда явилось стремление превратить все светские источники об этом князе в житие, а самого его — в святого.

Не следует забывать, что татаро-монголы, отклонив домогательства римской курии и согласившись сохранить прежний порядок русско-византийских церковных отношений, имели, конечно, в виду не только возможность более удобного контроля русско-византийских отношений в сравнении с русско-римскими, но и те выгоды, которые они смогут получить от русских духовных феодалов при установлении политики своего господства над Русью и контроля над русской светской властью. Вот почему татаро-монголы, устанавливая в 1257—1259 гг. свою систему владычества, дали иммунитет духовным феодалам, распорядились, чтобы «численники» «не чтоша игуменов, черньцов, попов, крилошан, кто зрит на святую богородицю и на владыку».[3]

Как и следовало ожидать, духовная знать и подчиненное ей духовенство не замедлили сделать вывод, что «не оскудела правоверная вера христианская», а когда в 1267 г. хан Менгу-Тимур улучшил положение русской церкви, то церковники и вовсе стали писать об «ослабе Руси от насилия бессермен» по смерти хана Берке,[4] вводя этим в заблуждение русских историков относительно положения народа на Руси,

---

[1] A. Ammann. Указ. соч., стр. 249—250, 270.

[2] K. Umiński. Указ. соч., стр. 42.

[3] ПСРЛ, т. I, в. 2, стб. 475.

[4] Ср. М. Приселков. Ханские ярлыки русским митрополитам. Пгр., 1916, стр. 84.

который, как и прежде, «в работе суще и в озлоблении зле».[1] Понятно, что в этой церковной книжной традиции государственная, светская деятельность князя Александра Невского оказалась затушеванной, и весь облик его был искажен.

Следует отметить, что некоторым историкам оказался доступным только этот, искаженный русской церковной книжностью образ князя Александра Невского. Мы имеем в виду работу Г. Вернадского, посвященную данному вопросу. Г. Вернадский утверждает, что Александр Невский, дабы сохранить религиозную свободу, пожертвовал свободой политической.[2] И заявляет, что два подвига Александра Невского — его борьба с Западом (!) и его смирение перед Востоком — имели лишь единственную цель — сбережение православия как источника нравственной и политической силы русского народа.[3] Так, оторвавшиеся от родины люди, не понимающие роли своего народа в истории, ударяются в мракобесие, превращая выдающихся русских государственных деятелей в благочестивых святош.

Подведем некоторые итоги.

В XIII в. папская курия проводила политику наступления

---

[1] См. анонимную «Похвалу Феодосию Печерского», изд. арх. Леонид. Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 2-я, разд. II, стр. 25, М., 1890. Отметим, что русские духовные феодалы не обманули надежд ордынских политиков и посильно служили новому сюзерену. Например, золотоордынский хан Менгу-Тимур около 1270 г. навязывал Новгороду невыгодные условия торговли, по которым иноземные купцы получали свободный доступ на Волгу (см. Грамоты Великого Новгорода и Пскова, № 30). Но Новгород отказался подчиниться хану и изгнал в 1270 г. князя Ярослава Ярославича, согласившегося с решением хана (ср. Новгор. I лет., стр. 292). Новгород должен был смириться, когда митрополит пригрозил ему отлучением от церкви (ПСРЛ, т. VII, стр. 170; ср. Новгор. I лет., стр. 292—294), а князь Ярослав возвратился в город силою ханского ярлыка (Грамоты Великого Новгорода и Пскова, № 3). Что касается русской книжности, то церковники занялись переработкой антитатарских памятников письменности, возникших в XIII в. Так было переработано и смягчено житие князя Михаила Черниговского, к которому, по мнению В. О. Ключевского, было добавлено сообщение о том, что князь Михаил убил татарских послов, прибывших в Киев (см. В. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник, М., 1871, стр. 147). Несомненно, смягченной является летописная запись свода, где глухо сказано, что Ярослав Всеволодович умер «нужною смертью» (ПСРЛ, т. VII, стр. 156), тогда как в Холмском своде ясно указано, что именно татары князя «зельем умориша» (ПСРЛ, т. II, стб. 808). Подозрительной представляется та часть сказания о битве на Калке, где татары предлагают русским князьям мир, а русские убивают их послов; при этом татары говорят: «Всем нам бог» (Новгор. I лет., стр. 218).

[2] Г. Вернадский. Два подвига св. Александра Невского. «Евразийский временник», т. IV, стр. 227, Берлин, 1925.

[3] Там же, стр. 335.

на русские и связанные с ними земли с целью их латинизации, призванной облегчить последующие завоевания крестоносцев. При этом курия использовала не только дипломатические средства, но и военные вторжения в русские земли с севера и запада (немцев, венгров, шведов, датчан).

Эта политика достигла особой активности после татаро-монгольского вторжения; однако она натолкнулась как на дипломатический, так и на вооруженный отпор со стороны крупнейших русских князей — Александра Невского и Даниила Галицкого.

В то же время папская курия завязала дипломатические переговоры с татаро-монголами, стремясь найти в них союзников по борьбе против германского императора Фридриха II, Никейской империи и турков-сельджуков. Курия добивалась от татаро-монголов принятия католичества, надеясь таким путем не только упрочить свой союз с ними, но и получить от них признание за папством прав на руководство русской церковью.

Русская дипломатия в лице князя Александра Ярославича Невского не только не позволила папской курии втянуть ослабленную татаро-монгольским нашествием Русь в новое столкновение с ордой, но, надо полагать, сумела нейтрализовать происки римской курии в орде и при этом добиться от татаро-монголов в момент установления системы их владычества над всей Русью (1257—1259) сохранения экономических и политических позиций русских духовных феодалов.

Изложенные события, наконец, позволяют говорить о выдающейся роли юго-западной Руси в международной политике XIII в.

Руско-венгерские отношения в дальнейшем сложились так, что венгерский король искал помощи в Галичине. Заметим, кстати, что и позднее, после полного подчинения Галицко-Волынской Руси татаро-монголам, юго-западные князья продолжали интересоваться венгерскими и чешскими делами: так, князь Даниил Романович в 1260 г. поддерживал Белу IV в борьбе против Пшемысла II. Извещая папу Александра IV о победе над венграми под Крессенбруном, Пшемысл II упоминал в числе союзников венгерского короля: «Danielem Russiae Regem et filios eius et caeteros Ruthenorum et Tartaros qui eidem (Беле IV) in auxilium venerant». [1]

Собственно с этого времени в галицко-чешских отношениях наступает улучшение, ибо в числе участников Венского соглашения (31 марта 1261 г.) упомянут и «chünig von Reissen». [2]

---

[1] HRM, t. II, СПб., 1842, p. 348, N 5.

[2] MGH, SS. t. VI (Oesterreichische Chronik), Hannoverae et Lipsiae, 1909, p. 120.

В Польше, как отмечалось, галицко-волынские князья поддерживали князя мазовецкого Конрада, тогда как Венгрия имела связи с Болеславом Стыдливым. Не случайно, разумеется, князь Василько Романович присутствовал в конце 1245 г. на съезде польских князей в Ленчице, где его видел Карпини [1] и где, кроме Конрада мазовецкого, были также малопольские князья и епископ краковский. Если целью этого совещания было достижение мира между польскими князьями, [2] то оно кончилось неудачей, ибо вскоре Конрад мазовецкий вновь выступил против малопольских князей, использовав при этом силы литовцев. [3]

Видимо поэтому Иннокентий IV писал 7 февраля 1247 г. епископу краковскому, чтобы тот склонял «верных» помогать князю краковскому и сандомирскому в борьбе с «врагами веры»; [4] мазовецких князей, связанных с Русью, папа вполне «верными» не считал. Походу Конрада на Малую Польшу помешали ятвяги, ударившие по его владениям. [5] Тогда Конрад обратился за помощью к Василью Романовичу, [6] но пока тот собирался, начались большие снегопады и поход отложили с пути. В августе 1247 г. князь Конрад умер, что отмечено в Холмской летописи: «Умре князь великий лядьскый Кондрат, иже бе славен и предобр; сожалиси по немь Данило и Василько». [7]

Галицко-волынские князья продолжали поддерживать союзные отношения, с сыном Конрада Болеславом и братом последнего — Семовитом, который участвовал с волынским князем в походах на ятвягов в 1248 г. и в 1254—1255 гг., а когда погиб Семовит, [8] то сын его Конрад попрежнему находил поддержку при волынском дворе.

Венгрия и Чехия также не оставили своих связей с Польшей. После австрийской войны Пшемысл II сблизился со шлезскими князьями, а Бела IV поддерживал дружбу также с великопольским князем Болеславом Благочестивым, которого, стараниями Болеслава Стыдливого, женили на Иоланте (Елене), сестре Кинги (дочери Белы IV), проживавшей в Кракове. [9]

[1] Карпини. Указ. соч., стр. 44.

[2] Br. Włodarski. Op. cit., str. 43.

[3] MHP, t. II (Roczn. Kapit. krak.), p. 804, 838, 877, 564; t. III (Rocznik Francickanski krakowski), p. 49, 48 (Rocznik Malopolski).

[4] VMPL, t. I, No 88.

[5] MPH, t. III (Annales Silesiaci Compilati), p. 679.

[6] ПСРЛ, т. II, стб. 808.

[7] Там же, стб. 809—810, ср. у Петра Дюсбугра (SRP, I, p. 32, 46).

[8] Там же, стб. 855.

[9] B. Włodarski. Polska i Czechy w drugiej polowie XIII i poczatkach XIV wieku (1250—1360) (Arch. Tow-wa Naukow we Lwowie, dzial II, t. VII, zeszyt 3), Lwów, 1931, str. 31.

Об отношениях Галицко-Волынской Руси с Великими княжеством Литовским можно заметить следующее. Во второй половине XII в. политическая сила Киевского государства, перешла к Галицко-Волынской Руси и Владимиро-Суздальской Руси. Каждое из этих княжеств, не уступавшее размерами крупным государствам Западной Европы, решало задачи большой политической важности; взаимоотношения с Литвой входили в них составной частью.

За время от распада Киевского государства, до оформления юго-западного и северо-западного княжеств граница русского влияния в Прибалтике передвинулась с Немана на Двину, в русских руках остались лишь такие центры, как Райгород, Дорогичин, Герцыке, Куконойс и т. п. В положении приграничных городов оказались Новгород, Псков, Полоцк, Смоленск, Пинск, Берестье и др.

На землях между Неманом и Двиной стало заметно расширять свои границы Литовское государство; охватив земли нижнего Немана, оно включило славянские территории его верховьев и продвигалось далее на восток, к Полоцку, Смоленску. Если во второй половине XII в. еще встречались факты использования подвластных литовских войск полоцкими и смоленскими князьями в борьбе их между собой и против князя Киевского (1161, 1180 г.), то ближе к XIII в. и такие факты исчезают. «Слово о полку Игореве» отметило утрату русскими князьями былых позиций в Литве.

> «И Двина болотом течет оным грозным Полочаном
> под кликом поганых.
> Един же Изяслав, сын Васильков, позвони своими
> острыми мечи о шеломы Литовьскыя,
> Притрепа славу деду своему Всеславу
> и сам под чръвлеными щиты на кроваве траве
> притрепан Литовскыми мечи». [1]

По нашим летописям невозможно проследить, как это произошло, они не сообщают, когда литовцы земель к югу от р. Невяжи, и областей Нальшанской, Дьяволтской стали вполне независимы и, кроме того, овладели областью Черно-русской. Летописи сохранили лишь результаты этого процесса — договор 1219 г. князей объединенной дофеодальной Литвы с Даниилом Романовичем.

Видимо, длительные феодальные войны в юго-западной Руси и непрочность политических отношений в Новгороде, до

[1] Слово о полку Игореве, стр. 73. То же отмечено и в «Слове о погибели рускыа земли», кажется, бывшим частью «Жития Александра Невского»; в нем «ятвязи» и «Литва» помещены вне русских границ. См. «Житие Александра Невского в изд. В. И. Малышева. Труды Отдела древнерусской лит-ры, т. V, Институт литературы АН СССР, 1947, стр. 188.

появления там в 1236 г. князя Александра, способствовали дальнейшему становлению литовской государственности на более широкой территориальной и этнической базе.

Крепнущая княжеская власть Галицко-Волынской Руси предпринимала попытки к сохранению хотя бы части прежних владений. Роман Мстиславич Волынский потратил много сил для удержания южной Судавии (ятвяги) и, видимо, достиг успехов, ибо то же «Слово» знает, что перед его мечом «многи страны Хинова: Литва, Ятвязи, Деремела и Половци сулицы своя поврьгоша, а главы своя подклониша».[1] По смерти Романа, литовские набеги часто тревожили юго-западную Русь, задевая Пинск, Турийск, Червен и другие города; именно к этому времени относится известие летописи: «беда бо бе в земле володимерьстей от восванья литовьского и ятвяжского».[2]

Договор 1219 г. положил конец этому «воеванью»; он просуществовал до конца 40-х годов XIII в. Этот договор был выгоден князю Даниилу Романовичу, так как литовские силы сковывали недружественных юго-западной Руси краковских князей;[3] использовались они и для влияния на политику князей мазовецких и куявских. У Галицко-Волынской Руси были весьма тесные отношения с Мазовией, унаследованные от Киевской Руси. Роль Литвы в их стабилизации была, как мы видели, весьма существенной: столкнув Литву с Мазовией, волынский князь мог не опасаться более за дорогичинскую землю.

В связь с упомянутым договором следует поставить также столкновение Литвы с враждебными волынскому князю черниговскими князьями в 1220 г.;[4] этим же объясняется поход Ростислава Михайловича Черниговского, занявшего было Галич, на Литву.[5] Поддерживая союз с Даниилом Романовичем, великий князь Миндовг прислал ему свою помощь под Ярослав в 1245 г.[6]

Прочный мир между Литвой и Червонной Русью находит свое объяснение в том, что Миндовг, занятый борьбой с крестоносцами, был заинтересован в безопасности своих южных рубежей, к тому же важных для него в торговом отношении.

Общий мир с Миндовгом не исключал, разумеется, случаев отдельных набегов на юго-западную Русь со стороны «гордых ятвягов».[7] они Миндовгу не подчинялись и он имел с ними «многи брани».

---

[1] Слово о полку Игореве, стр. 72—73.
[2] ПСРЛ, т. II, стб. 721.
[3] ПСРЛ, т. II, стб. 736.
[4] ПСРЛ, т. VII, стр. 128.
[5] ПСРЛ, т. II, стб. 277.
[6] Там же, стб. 805.
[7] Там же, стб. 754, 799. Очевидно, этих, порою весьма крупных, на-

Мирные отношения Литвы с юго-западной Русью нарушились в конце 40-х годов XIII в. и перешли в войну, обстоятельства которой были рассмотрены выше. По мирному договору с князем Даниилом, заключенному около 1254 г., при посредничестве Войшелка, Миндовг уступил Черную Русь в качестве лена сыну Даниила Роману, прибывшему из Гимберга (под Веной) и женившемуся вторым браком на дочери Глеба Волковыйского Елене; Полоцк отошел Товтивилу,[1] дочь Миндовга (сестра Войшелка) была выдана за Шварна Даниловича. Войшелк принял православие в Новогородке и поселился в Холме.[2] Очевидно, Даниил Романович получил и южную Судавию. В 1248—1254 гг. он, совместно с мазовецкими князьями и князьями черноруськими (Глеб Волковыйский, Изяслав Свислочский, Роман Новогородский), провел ряд походов на ятвягов.

Походы совершались в связи с тем, что тевтоны по Христбургскому договору 1249 г. обосновались в северо-прусских землях, и их продвижение к границам Волыни должно было быть предотвращено. Принятие Даниилом королевской короны именно в Дорогичине объясняется этим же обстоятельством. Побежденные ятвяги строили крепости для войск князя Даниила, а его «муж» Положишило собирал у них дань («черные куны и бель — серебро»).

Таким образом, договор 1254 г. был выгоден Даниилу Галицкому. Папская курия, охотно толкавшая галицкого и литовского князей на войну друг с другом,[3] потерпела неудачу; ничего не получил и орден.

Мы отмечали, что Миндовг мало считался с курией и совершал походы на Польшу, причем не на Мазовию, связанную с волынскими князьями, а на Куявию, князь которой, Казимир, в 1245 г. участвовал вместе с орденом (магистр Поппо) и австрийцами в походе на Поморье против Святополка.

Военные мероприятия Миндовга совершались не без содействия князя Даниила, что подтверждает факт похода 1256—1257 гг. польских князей (в том числе и Казимира

бегов и боялся И. Плано-Карпини, подчеркивавший, что литовцы «часто и тайно, насколько могли, делали набеги на земли Руссии» и «особенно», конечно, «в тех местах», через которые он ехал. (И. Плано-Карпини. Указ. соч., стр. 45).

[1] Товтивил участвовал в чешском походе князя Даниила (ПСРЛ, т. II, стб. 822); затем, вместе с Войшелком, отнял у галицкого князя Черную Русь, убив при этом Романа Даниловича (там же, стб. 847); позднее княжил в Полоцке.

[2] ПСРЛ, т. II, стб. 859.

[3] См. выше, стр. 248, 253.

Куявского) «Contra Licwanenses, Jacintiones et alios paganos et scismatticos».[1]

Русско-татарские отношения развивались следующим образом. Как мы отмечали, в 1252 г. Бату двинул против Руси рати Неврюя и Куремсы. Но если Неврюй выполнил поставленную задачу, то Куремса, «самый младший среди других вождей»[2] татаро-монгольских, обладеть юго-западной Русью не смог.

Перед Куремсою была поставлена задача не только защитить Киевщину и зависимую от татаро-монголов болоховскую землю, но занять всю юго-западную Русь. Он, действительно, предпринял наступление на Понизье, против Бакоты, и имел успех, так как княжеский наместник боярин Милей «приложися» к татаро-монголам, подобно болоховским боярам, и был оставлен здесь Куремсою в качестве баскака.[3] Таким образом Понизье было захвачено татаро-монголами.

Примеру Милея не последовал другой княжеский наместник — боярин Андрей, державший Кремянец; он пытался занять промежуточное положение между княжеской и татаро-монгольской властью. Пришедшим татарам он заявил, что у него имеется «Батыева грамота» (видимо, он знал, что такие грамоты получили болоховские бояре). Татары, однако, узнали, что Андрей их обманул и убили его. Летописец свидетельствует, что Андрей не выражал мнения населения города, которое не признало власти татаро-монголов, почему они и «не успевшие ничто у Кремянца», отошли в Болоховщину.[4]

Весьма любопытно, что не чувствуя себя достаточно сильным, чтобы в тот момент вооруженной рукой подчинить Галичину, Куремса поддерживал в борьбе против Даниила Романовича смоленского князя Изяслава Мстиславича. Во всяком случае этот князь теперь был подручником Куремсы. У этого князя даже оказалось достаточно сил, чтобы, «не послуша» Куремсы, «собрав около себе», выступить против Галичины и даже захватить на короткий срок Галич. Князь Даниил Романович отрядил против него сына своего Романа и «бояры свои все на нь»,[5] и вернул Галич, захватив в плен Изяслава Мстиславича. Тогда же галицко-волынский князь открыто «воздвиже рать противу татаром».

Даниил Романович организовал широкое наступление против татаро-монголов, в результате которого были заняты и

---

[1] Monum. Pol. Vatic., III, N 84; Theiner, t. I, N 142.
[2] Карпини. Указ. соч., стр. 22.
[3] ПСРЛ, т. II, стб. 828.
[4] Там же, стб. 829.
[5] Там же, стб. 830.

разрушены «все городы седящия за татары»,[1] из которых летопись упоминает четырнадцать городов; при этом на службу к князю Даниилу перешли белобережцы, чернятинцы и «вси болоховцы»; позднее они вошли в состав князей, «служащих» галицко-волынскому князю.

Так усилиями войск галицко-волынских князей был расчищен путь к Киевщине. Лишь Возвягль уцелел, но и то потому, что его жители изъявили покорность Шварну Даниловичу (он уже прежде сидел в восточной Галичине), и приняли от него тиуна; впрочем, они «солгаша» и «не вдаша ему тивунити».

Можно предполагать, что галицко-волынский князь серьезно собирался отобрать Киевщину у татаро-монголов, передавших ее владимиро-суздальским князьям. Готовясь к новому походу и именно на Киевщину, князь Даниил Романович попросил помощи у великого князя литовского. И Миндовг, обещая князю свою поддержку, сообщил: «Пришлю к тобе Романа (Даниловича) с новогородце, абы пошел ко Возвяглю, оттуда и къ Кыеву».[2]

Но занятие русскими войсками Возвягля до подхода литовских сил привело к конфликту с литовцами, пограбившими окрестности Луцка,[3] и, таким образом, широко задуманный поход сорвался. Ответные налеты Куремсы (сам он не переходил реки Стыри[4]) на Луцк и Владимир были успешно отражены.[5] Следовательно, летописец на основании происходивших событий имел полное право записать, что князь Даниил «держаше рать с Куремьсою и николи же не бояся Куремьсе».[6]

Совсем иначе сложились обстоятельства, когда татаро-монголы, решив подчинить себе все русские земли, отправили против юго-западной Руси в 1258 г. воеводу Бурундая «со множеством полков татарьских». Свой первый поход Бурундай предусмотрительно обратил не против юго-западной Руси, а против Литвы, потребовав, однако, у князя Даниила, как «мирника» Золотой орды, участия в этом походе («оже еси мирен мне, поиди со мною»).[7]

Юго-западные князья собрали по этому поводу совет, где решили, что «аще Данило поедет — не будет (в X — добавлено «опят») с добром», поэтому ехать в поход должен был князь Василько Романович. Так как принятое решение означало

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 838.
[2] Там же, стб. 838.
[3] Там же, стб. 839.
[4] Там же, стб. 840.
[5] Там же, стб. 841—842.
[6] Там же, стб. 846.
[7] Там же.

войну с Литвой, то князь Василько отправился из Берестья через Литву к Бурундаю. В пути он пограбил литовские земли, а «сайгат» привез татарскому воеводе; последний его похвалил, однако отметил: «аще брат твой не ехал».

Русско-татарские войска, совместно повоевали две крупные литовские области — аукстоте и Нальшанскую, в то же время князь Даниил Романович вторгся в Черную Русь, где литовские князья Войшелк и Товтивил, в ответ на русско-татарское наступление, схватили и убили князя Романа Даниловича, княжившего в Новогородке. Чем кончился этот поход князя Даниила, летопись не сообщает. Но в целом ясно, что данный поход Бурундая серьезно ослабил юго-западную Русь, лишив ее литовского союзника.

В 1259 г. Бурундай двинулся в новый поход — на Польшу. На этот раз его путь пролегал южнее, и он вступил в Галичину и на Волынь, послав передать князьям: «Оже есте мирници, сретьте мя, а кто не сретить мене, тый ратный мне».[1] После совета князей встречать воеводу поехали князья Василько Романович, Лев Данилович и епископ холмский Иван. Даниил же Романович уехал в Польшу, а затем в Венгрию.

По приказу Бурундая в юго-западной Руси были уничтожены укрепления городов Данилова, Стожеска, Львова, Кремянца, Луцка, Владимира. Юго-западная Русь была включена в орбиту татаро-монгольского владычества. На этот раз Бурундай повел с собою русские полки на Польшу; опустошению подверглись области Сандомирская, Краковская, Шлезская. Чем кончился этот поход, неизвестно, так как летописец ограничился использованием повести «о Судомирском взятии».

Однако ясно, что этот поход внес большую путаницу в русско-польские отношения, для урегулирования которых в 1260 г. был созван съезд русских и польских князей в Тернаве, где все спорные вопросы нашли свое разрешение: «положиша ряд межи собою о землю рускую и лядьскую».[2] Этот «ряд», как увидим, не поколебал русских позиций в Мазовии и Куявии.

Что касается русско-литовских отношений, то они оставались не урегулированными вплоть до смерти Миндовга. Великий князь литовский совершал набеги и на Русь (Камен,[3] Мельник[4] союзный Волыни Брянск[5] и на дружественную ей Мазовию и Куявию; в один из таких набегов был убит князь

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 849.
[2] Там же, стб. 858.
[3] Там же, стб. 855.
[4] Там же, стб. 856.
[5] Там же, стб. 860.

Семовит и захвачен в плен его сын Конрад, позднее князь мазовецкий.

Видимо, Бурундай предполагал организовать поход и на Венгрию; впрочем, известно, что татарский хан обращался к Венгрии с проектом татаро-венгерского перемирия, подкрепленного браком сына Белы IV с дочерью хана или сына хана с дочерью короля. О предложении хана король известил курию и получил ответ перепуганного папы Александра IV, остерегавшего его от этого союза.[1] Во всяком случае татаро-монгольский поход на Венгрию произошел много позднее.

Что делала в это время папская курия; помогла ли она католическим странам? В июне 1258 г. папа поручил доминиканцам и францисканцам объявить сбор крестового похода против татар;[2] в марте 1260 г. папа велел крестоносцам собраться в Пруссии с тем, чтобы ландмейстер прусский повел их в поход;[3] по просьбе духовенства и польских князей, особенно тех, которые пострадали от татар, папа призывал на помощь рыцарский орден.[4] Позднее папа призвал в помощь польским князьям Пшемысла II и бранденбургских маркграфов.[5]

Из всех этих призывов, как и следовало ожидать, ничего не получилось, хотя один немецкий хронист, выдавая желаемое за действительное, и внес известие в хронику о совместных действиях крестоносцев и поляков против татар.[6]

Однако та же курия через несколько лет сумела организовать поход против литовских племен. Папа Урбан IV писал в августе 1264 г. чешскому королю Пшемыслу II, призывая его к походу против «русских схизматиков и литовцев, которые не столько почитают бога, сколько оскорбляют его имя»; против «русских, литовцев и иных жителей тех краев, которые заодно с татарами постоянно вражески тревожат Польшу».[7] Папа обещал Пшемыслу II признание за ним прав на «обращенные» им в христианство области Литвы и Руси.[8]

Эти призывы курии вполне понятны. Мы помним, что в начале 60-х годов XIII в., после победы Литвы над крестонос-

---

[1] Annales Baronii, t. XXII, O. Raynaldo Annales Ecclesiastici, t. III, Lucae, 1748, p. 43. (под 1259 г.), ср. CDH, t. IV, 2, p. 507.

[2] RBM, t. II, N 186 (20 июня 1258 г.).

[3] Voigt. Codex Diplom. Pruss., I, Nr. 127 (1260).

[4] Ibidem, No 130 (10 августа 1260 г.).

[5] Regesten der Markgrafen v. Brandenburg aus askanischen Hause, ed. H. Krabbo, München — Berlin, 1911—1922, No 269, см. B. Włodarski. Op. cit., str. 36.

[6] MGH, SS, t. IX (Annales S. Rudberti Salisburgenses), p. 795 (под 1260 г.).

[7] HRM, t. II, p. 350—351, N. 6.

[8] RBM, t. II, N. 453 (1264), cp. ibid., N. 62 (1255); cp. VMPL, t. I.

цами, восстали прусские племена против немецкого владычества. Прусские набеги задевали также и польские земли.[1] В 1265 г. папа Климент IV велел собирать помощь немецкому ордену.[2] Не без содействия папы состоялся в 1265 г поход под руководством князя брауншвейгского и ландграфа тюрингского;[3] в 1266 г. на помощь ордену отправился маркграф бранденбургский Отто, но вернулся с пути.[4] Папа звал в Прибалтику даже Людовика IX французского.[5] Восстание, однако, все разрасталось, пруссы успешно разгромили область Плоцкую.[6] Князь Мстивой Поморской помогал пруссам в их походе на Хельминскую область.[7]

Тогда решил выступить вновь Пшемысл II чешский;[8] к походу, кроме папы, его склоняли епископварминский Ансельм и папский легат, бывший у него в 1262—1264 гг.[9] Чешский король отправился в поход, рассчитывая не только приобрести земли и влияние в Прибалтике, но и обеспечить себе поддержку римской курии на случай выборов императора немецких земель. Были у короля также и территориальные интересы, почему обеспокоенный орден даже заключил с Пшемыслом специальный договор (от 19 сентября 1267 г.), по которому король признавал за орденом все, что тот имел, а орден обещал ему помощь в завоевании земель галиндов, ятвягов (судавов) и Литвы.[10] Этим орден нарушил договор с Даниилом Романовичем, по которому галицко-волынскому князю и Семовиту мазовецкому принадлежала треть ятвяжской земли. Пшемысл II и связанное с ним духовенство стремились добиться у курии митрополии для епископа оломуцкого.[11]

Состоявшийся поход позволил позднее епископу Бруно оломуцкому дать папе самый лестный отзыв о Пшемысле II как кандидате в германские императоры; епископ полагал, что никто лучше Пшемысла II не сможет защитить интересы католической церкви, в частности в Польше.[12] Однако папа утвердил выбор Рудольфа: дела на востоке, особенно после падения Латинской империи, ввиду безнадежного положе-

---

[1] MPH, t. II, p. 588.
[2] Codex Diplom. Silesiae, t. VII, pars II, N. 1205, p. 134.
[3] PD, p 113.
[4] PD, p. 114.
[5] B. W łodarski Op. cit., str. 51.
[6] MPH, t. II, p. 592.
[7] PD, p. 115.
[8] cp. MGH, SS, t. IX, p. 656 (Continuatio Zwetlensis Tertia).
[9] RBM, t. II, N. 353.
[10] RBM, t. II, N 558.
[11] B. W łodarski. Op. cit., str. 52—53.
[12] RBM, t. II, N 845 (1276).

ния в «святой земле» требовали незамедлительно создания достаточно сильной власти за спиной ордена, в центральной Европе. Таким образом политике римской курии в восточной Европе нельзя отказать в последовательности.

Между тем, в 1264 г. умер князь Даниил Романович — один из крупнейших государственных деятелей древней Руси, княживший в сложную переломную эпоху XIII в., современник Александра Невского, Миндовга Литовского и Святополка Поморского.

Значение князя Даниила Романовича состоит в том, что он в труднейших условиях враждебного для юго-западной Руси окружения вел успешную сорокалетнюю феодальную войну против непокорных великокняжеской власти светских и духовных феодалов, ставших по существу проводниками политики врагов южнорусской независимости; князь сумел сломить феодальную оппозицию, объединить земли Галицко-Волынской Руси и отбить неоднократные выступления врагов с запада и востока.

При князе Данииле Романовиче Галицко-Волынская Русь продолжала с еще большим блеском занимать видное место в ряду передовых государств Европы. Ее города вызывали восхищение иностранцев, ее армии ходили до Опавы и Риги, до Братиславы и Калиша, а «русский бой» приобрел широкую заслуженную славу.

Несмотря на тесные связи с латинским Западом, основы русской народности оставались нетронутыми; законы, культура, литература (летопись, песни), религия продолжали оставаться русскими.

Объединение Галицко-Волынской Руси при князе Данииле Романовиче значительно продлило ее независимое существование. В своей внутренней политике великий князь руководствовался интересами господствующего сословия феодального общества, стремясь удержать в узде феодально-зависимых смердов и городских «черных» людей, на плечи которых ложилась основная тяжесть всех внутри- и внешнеполитических мероприятий великокняжеской власти.

В этой политике князь Даниил опирался на «служащее» боярство, видимо, по своему характеру представлявшее главным образом мелких и средних землевладельцев-феодалов («молодые бояре»), а также на «мужей градских» — торгово-ремесленную верхушку городов; благодаря этому князь смог использовать в феодальной войне значительные силы, укомплектованные из подчиненных «мужам» «гражан» и феодально-зависимых «смердов-пешцев».

В этой феодальной войне мы находим несомненные свидетельства того, что великокняжеская власть является

представительницей «порядка» и использует в своих интересах выступления всех тех элементов города и деревни, которые страдали от непрерывных феодальных войн и иноземных вторжений.

Поэтому неправы исследователи, которые, не вдаваясь в конкретное изучение галицко-волынской истории, говорят о засилье крупного боярства в юго-западной Руси и недооценивают значение социально-экономической базы великокняжеской власти.

Другое дело, что победа, одержанная великокняжеской властью и ее союзниками, оказалась временной. Это произошло потому, что экономические условия объединения юго-западной Руси еще не созрели; укрепленное княжеской властью служилое боярство довольно быстро выросло экономически, пользуясь раздачами земель (городов и сел), проводившимися князьями. Князь Даниил, занимая Галичину, «розда городы бояром и воеводам и беаше корма у них много»; [1] Мстислав Данилович, не дождавшись смерти Владимира Васильковича, начинает раздачу его земель своим боярам: «дасть город Всеволожь и села роздаваеть» [2], и мы видим, что Мстислава Даниловича, объединившего Волынь, окружают «бояре его стареи и молодии бещисленое множество». [3]

Смерть князя Даниила привела к известному разделу земель на три княжества; этот раздел был признан татаро-монголами. И хотя позднее сперва Волынь, а затем и вся Галицко-Волынская Русь оказалась объединенной в руках если не Льва Даниловича, то его сына Юрия Львовича, однако тенденция к новому феодальному раздроблению проявлялась все сильнее, стимулируемая татаро-монгольскими поборами и вторжениями, подрывавшими экономику (особенно городскую) края, а также политикой, которую проводили западные соседи Галицко-Волынской Руси. Политическая роль вновь окрепшего крупного галицко-волынского боярства в исторических судьбах юго-западной Руси XIV в. достаточно известна.

Нужно, однако, помнить, что Ф. Энгельс, говоря о королевской власти как носительнице «порядка», отнюдь и не подразумевал, что она сразу в этом своем качестве одержит победу. [4]

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 771.
[2] Там же, стб. 900.
[3] Там же, стб. 933.
[4] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 445.

4. Юго-западная Русь под властью татаро-монголов (до конца XIII в.)

История юго-западной Руси после смерти князя Даниила Романовича и до конца XIII в. фактически совершенно не изучена, и целью настоящих заметок является (поскольку позволяет материал) уточнение некоторых сторон этой истории. Русские историки, следуя версии Владимирской летописи епископа Евстигнея, писали об экономическом и политическом упадке юго-западной Руси.

Так, А. Е. Пресняков, вслед за М. С. Грушевским,[1] утверждал, что по смерти князя Даниила «начинается, точнее продолжается, задержанное усилиями Романа и Даниила, разложение южной Руси. Ее снова охватывает удельное дробление. Старейшим остался в Романовом племени Василько. Лев Данилович сидит в Галиче и в Перемышле, Мстислав, вероятно, в Теребовле. Шварн владеет Холмской и Белзской волостями».[2] К сожалению, в этом выводе очень многое неверно.

По смерти князя Даниила Романовича великим князем (говоря по-суздальски) стал Шварн Данилович; он объединил своею властью восточную Галичину (с центром в Галиче), Черную Русь и все Забужье (Белз, Холм, Червен, Мельник, Дорогичин),[3] тогда как князь Лев Данилович правил в западной Галичине, включая Львов и Перемышль.

По смерти князя Шварна (около 1269 г.) Лев Данилович овладел и восточной Галичиной и Забужьем, что предельно кратко отмечено во враждебной князю Льву Владимирской летописи: «А Лев нача княжити в Галиче и в Холме по брате по своем по Шварне».[4] Князь Лев получил «по брате» не один Холм, а все Побужье, ибо важнейшие центры западной Волыни (Холм, Червен, Белз, Мельник, Дорогичин) были под его властью — в них под рукой Льва Даниловича находился его сын Юрий; позднее Лев Данилович сократил держание сына, оставив ему только Мельник и Дорогичин;[5] отметим, что, кроме крупнейших центров, во власти Льва здесь, конечно, находились и все более мелкие города (например, Щекарев),[6] связанные с пограничной засечной службой на укрепленной лесной полосе западной Волыни по реке Вепрь.

---

[1] М. С. Грушевский, Указ. соч., т. III, стр. 92.

[2] А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 39; то же, см. История СССР, т. 1, М., 1947, стр. 116.

[3] ПСРЛ, т. II, стб. 870. О нем же, видимо, упомянуто в документе 1263 г. (PU, 1, 2, № 188).

[4] Там же, стб. 870.

[5] Там же, стб. 911, 931.

[6] Там же, стб. 788.

Следовательно, по смерти князя Даниила Романовича князь Василько не получил старшинства, слишком незначительны были его владения. Он не имел земель в Галичине, и важнейшие центры западной Волыни также не принадлежали ему. Не владел он и Черной Русью, которая по смерти Шварна Даниловича перешла в литовские руки; за владимирским князем там осталось лишь княжество Слонимское;[1] позднее князь Мстислав Данилович, став владимирским князем, получил от Литвы Волковыйск.[2] Не владел владимирский князь и восточной Волынью с центром в Луцке, так как по смерти Даниила Романовича здесь (а не в Теребовле, как думал А. Е. Пресняков) сидел князь Мстислав Данилович.[3]

Чтобы избежать серьезных ошибок в освещении истории юго-западной Руси второй половины (начиная с 60-х годов) XIII в., историк должен помнить, что его основной источник, Ипатьевская летопись, в этой своей части отражает интересы княжеского двора очень небольшого княжения, границы которого не переходили на западе Буга, на севере доходили только до Берестья и Каменца, на востоке оканчивались значительно западнее таких городов, как Пинск, Черторыйск, Луцк; на юге они вряд ли заходили за Перемиль.

На основании этого источника нельзя строить историю всей юго-западной Руси, ибо этот источник ничего (или почти ничего) не сообщает об истории Галичины, восточной Волыни, не говоря уже о Киевщине, или Пинщине. Отдельные сведения его, касающиеся событий, происходивших вне пределов владимирского княжения, весьма тенденциозны и действительно легко могут склонить исследователя к выводу о полном упадке в большинстве земель юго-западной Руси.

Большая часть территории юго-западной Руси контролировалась князем Львом Даниловичем: если владимирский князь, преемник Василько, Владимир Василькович был недружественен по отношению ко Льву Даниловичу, то преемник князя Владимира — Мстислав Данилович, соединявший в своих руках восточную и центральную Волынь, по-иному относился к галицкому князю. Об этом свидетельствует не только тон летописания Мстислава Даниловича, но и тот факт, что после его смерти волынские земли вновь соединились с галицкими, если не под властью князя Льва, то его сына и преемника Юрия Львовича.

Таким образом, нет данных утверждать, что во второй

---

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 884.
[2] Там же, стб. 933.
[3] Там же, стб. 905.

половине XIII в., юго-западную Русь характеризует общий упадок.

Если учесть особенности изучаемого источника, то можно получить несколько полезных наблюдений. Мы говорили, что владимирский князь был недружественен галицкому, он с неприязнью смотрел на широкую международную политику князя Льва, особенно на его сравнительно мирные отношения с татаро-монгольскими сюзеренами, не желая считаться с тем, что галицкий князь, уже в силу географического положения его обширных владений, был вынужден продолжать политику своего отца князя Даниила.

Правда, у князя Владимира было достаточно оснований для недовольства: последствия от организовывавшихся Львом Даниловичем с татарской помощью походов на Литву и Польшу всей тяжестью падали на пограничные владения владимирского князя. Впрочем, и князь Лев не питал дружбы к волынскому князю.

Отметим, что у владимирского князя при указанных выше условиях не было прочного мира с Литвой, и в своих матримониальных связях владимирские князья стремились найти союзников для отпора сильному соседу. Поддерживались связи с Черниговским княжеством, также страдавшим от набегов Литвы (воевода князя Миндовга Хвал Рюшкович «велико убиство творяще земле черниговьской»).[1] Княжна Ольга Васильковна была выдана замуж за черниговского князя Андрея Всеволодовича.[2]

В 1262 г. состоялся брак самого Владимира Васильковича с дочерью Романа, князя Брянского, Ольгой.[3] Этот союз не замедлил отметить литовский князь Миндовг, организовавший в 1263 г. поход на Брянск. Отношения брянских князей с Литвой не улучшились: и позднее путь из Волыни в Брянск лежал «в земли ратной».[4] Долгие годы пустовали и земли за Берестьем.[5] Имелись какие-то связи и со Смоленском, князь которого, Глеб, принимал участие в татаро-русских походах на Литву.[6]

Отношения юго-западной Руси с Литвой складывались, насколько можем судить на основании нашего основного источника — новогородской Литовской летописи, следующим образом.

---

[1] Там же, стб. 840.

[2] Там же, стб. 848. С Черниговом были и церковные связи (там же, стб. 926).

[3] Там же, стб. 861—862.

[4] Там же, стб. 874.

[5] Там же, стб. 875.

[6] Там же, стб. 873.

В 1258 г. Товтивил, княживший в Полоцке, действовал совместно с Войшелком и Миндовгом против юго-западной Руси; результатом их сближения явился и поход «Литвы с полочаны» на Смоленск.[1] После битвы при озере Дурбе князь Миндовг заключил союзный договор с Александром Невским.[2] Несомненно, что одним из условий этого договора были признанные Миндовгом права владимиро-суздальского князя на Полоцк. Этим и объясняется участие «доброго князя полоцкого» Товтивила «с полочаны» и 500-ми литовцев в походе (1262) новгородцев на Юрьев;[3] в походе участвовал и Константин, князь Витебский.

В 1263 г., когда князь Миндовг организовал поход на Брянск,[4] вернувшийся с полпути князь Довмонт Нальшанский «изогна» Миндовга и затем убил его, вместе с сыновьями (Рукля и Репекья) 5 августа 1263 г. Организатором убийства источники прямо называют жмудского князя Тройната.[5]

Князь Тройнат, объединив жмудь и аукстоте, вспомнил о своем брате полоцком князе Товтивиле; он отправил в Полоцк посла, говоря: «Брате, приеди семо разделим собе добыток Миндовъгов».[6] Товтивил приехал. Но дележ, видимо, не удавался, и «поча думати Товтивил, хотя убити Треняту, а Тренята собе думаше на Товтивила пакъ». В это время близкий Товтивилу сын Миндовга Войшелк укрывался в Пинске. Случилось так, что боярин полоцкого князя по имени Прокопий «пронесе думу Товтивилову». Князь Тройнат немедленно убил соперника, а в Полоцк направил своего подручника Ерденя, который арестовал полоцких бояр и пытался убить сына Товтивила, но тот «с мужами своими» бежал в Новгород. Княжить Тройнату довелось недолго: в 1264 г. он был убит[7] «конюшими» Миндовга на пути «до мовници».[8]

После гибели Тройната сын Миндовга Войшелк, собрав пинские и новогородские полки, а так же «вои отца своего и приятели» — принялся восстанавливать престиж великокняжеской власти: «поча враги свои избивати; изби их бесчисленное множество, а другие разбегошася, камо кто видя». Затем, опираясь на помощь галицкого князя, преемника Даниила Романовича, Шварна Даниловича, женатого на его сестре,[9]

---

[1] Новгор. I лет., стр. 278 (под 1258 г.).
[2] См. выше, стр. 248.
[3] Новгор. I лет., стр. 281; ср. ПСРЛ, т. II, стб. 847.
[4] ПСРЛ, т. II, стб. 861—862.
[5] LR, S. 163.
[6] ПСРЛ, т. II, стб. 861.
[7] SRP, I, p. 767.
[8] ПСРЛ, т. II, стб. 861.
[9] Там же, стб. 830.

Войшелк «поиде в силе тяжце, и нача города имати, во Дьяволотве и Нальшанске; городы же поимав, а вороги своя избив». Дьяволотва и Нальшаны — были издавна крупные гнезда местных феодальных и полуфеодальных «князей», недобитых Миндовгом. Расположены эти области к востоку и юго-востоку от аукстоте.

О результатах действий Войшелка можем судить по тому, что Довмонт Нальшанский «с тремя девяносто» своей дружины прибежал во Псков,[1] где, по крещении, был признан князем. В 1266 г. князь Довмонт (Тимофей) разбил и убил Ерденя, правившего в нальшанской земле;[2] псковский князь овладел Подвиньем и частью нальшанской земли; возможно, что и Полоцк был под рукой Довмонта,[3] умершего в 1299 г. В 1306 г. в Полоцке не было князя, а находился епископ Иоанн, признававший власть Витеня,[4] в 1307 г. великий князь Витень сам занял Полоцк.

Вначале князь Войшелк и Шварн Данилович Галицкий совместно княжили в Литве,[5] причем князь Шварн держал Черную Русь.[6]

Как видим, литовская государственность, построенная при значительном участии русской народности, культуры, экономики, не погибла, ибо в критический момент нашла военную поддержку в юго-западной Руси.[7] Политически это выразилось в том, что Войшелк и Шварн совместно княжили в Литве. Когда же литовская земля была окончательно «опасена», Войшелк передал ее князю Шварну в единоличное управление, а сам удалился в монастырь. За эту передачу князь Лев Данилович убил Войшелка при свидании в монастыре, во Владимире, видимо, при молчаливом сочувствии князя Василька.[8]

Сам князь владимирский Василько не играл существенной роли в политике Войшелка, хотя его летописец и пытается уверить читателя, что Войшелк «нарекл бо бяшеть» Василька

---

[1] Новгор. I лет., стр. 285 (под 1265 г.).

[2] Он упомянут как посредник в договоре 1264 г., по которому князь Константин Витебский уступил немцам северную часть Лэттигаллии, а немцы обязались не нарушать границу полоцкой земли (LU, VI, № 3036, также K. E. Napiersky. Russisch-livländische Urkunden, 1868, Spb., NN XXVa и XXVb (русск. текст); в договоре Константин ошибочно назван Изяславом, см. M. Taube. Russische und litauische Fürsten an der Düna..., S. 411.

[3] ПСРЛ, т. IV, стр. 40 (под 1266 г.). Князь Войшелк имел на него права. См. K. E. Napiersky. Op. cit. («Полотеск, Видьбеск одно есть, а воли есми божии и в Молшелгове»).

[4] LU, VI, N 3056.

[5] ПСРЛ, т. II, стб. 862.

[6] Там же, стб. 864.

[7] А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 52.

[8] ПСРЛ, т. II, стб. 868.

«отца собе и господина».[1] Шварн Данилович княжил в Литве «лет немного»; вероятно, после его смерти великим князем Литвы стал Тройден. У владимирских князей Василька и его сына Владимира были не мирные отношения с Тройденом; летописец объясняет это тем, что князь Василько Романович во время войн с Литвой убил трех братьев Тройдена (Борза, Лесий, Свелкений).[2]

Последующие отношения владимирских князей с Литвой не были мирными уже в силу того, что татаро-русские вторжения в Литву (1275, 1277 гг.), организуемые Львом Даниловичем, препятствовали миру. Кроме того Тройден стремился прочнее освоить Черную Русь, поселяя в ней пруссов, бежавших от наступления немецких крестоносцев, против чего выступал владимирский князь, но, кажется, безрезультатно.[3] Столкновение Владимира Васильковича с братом Тройдена Сирпутием закончилось тем, что князь Владимир занял Турийск и они с Тройденом на время «умиристася».[4] Как видим, серьезных войн с Литвой у владимирского князя не было. Отношения галицкого князя Льва Даниловича с великим князем литовским Тройденом вначале были весьма дружественными («живяше... во величе любви»),[5] но затем Тройден захватил у князя Льва город Дорогичин — крупный торговый центр на пути из Львова в Торунь, в Прибалтику. Мир был нарушен.

Пользуясь своими отношениями с Золотой ордой, князь Лев отправил послов к Менгу-Тимуру, который прислал ему на помощь войско под командованием Ягурчина (вар. «Ягураина»), а также приказал итти с князем Львом в поход всем «заднепровским» князьям, Роману и Олегу Брянским, Глебу Смоленскому, князьям пинским, туровским, а также Мстиславу Луцкому и Владимиру, князю Владимирскому,— тогда говорит летописец, все князья были «в воли татарьской».[6]

Во время похода князь Лев учинил «лесть» — захватил Новогородок втайне от других русских князей. Владимирский летописец, отражая недовольство своего князя, не пожелал даже сообщить, что этим походом князь Лев достиг цели,[7] т. е. вернул Дорогичин.[8]

После Тройдена в Литве видим двух князей Будикида и

[1] ПСРЛ, т II, стб. 862—863.
[2] Там же, стб. 871.
[3] Ибо позднее встречаем пруссов и бортов прочно осевшими в Гродно (там же, стб. 877).
[4] Там же, стб. 875.
[5] Там же, стб. 871.
[6] Там же, стб. 872.
[7] Там же, стб. 873—874.
[8] Там же, стб. 911.

брата его Будивида. Они находились в союзе с волынским князем Мстиславом Даниловичем и вернули ему Волковыйск «абы [он] с ними мир держал».[1] Будивид княжил, вероятно, в собственно Литве, а Будикид в Жмуди.[2] Позднее Будивид соединил в своих руках власть над всей Литвой. Видимо, это его имел в виду П. Дюсбург, сообщая, что король литовский Пукувер посылал против польских князей, связанных с крестоносцами, войска под руководством своего сына Витеня.[3]

Став великим князем, Витень энергично продолжал традиционную политику литовских князей, направленную против немецких крестоносцев: он опустошил Добрынскую область, уведя 9 тысяч пленных; не раз нападал он на Самбию; оборонявшиеся рыцари укрепились в Рагните и Тильзите. Князь Витень продолжал борьбу с непокорными жмудскими князьями, затруднявшими действия против крестоносцев,[4] в союзе с рижским бюргерством он разорял владения ливонских рыцарей.[5] В 1307 г. он изгнал из Полоцка забравшихся туда немцев и присоединил Полоцк к Литве.

Активная политика Великого княжества Литовского парализовала действия ливонских рыцарей, которые, потерпев поражение от новгородцев при Раковоре в 1268 г., не предпринимали крупных операций против Руси. Отдельные же литовские вторжения в русские земли (1271, 1272, 1299) успешно парировались войсками Довмонта Псковского.

Таким образом до конца XIII в. основное направление литовской политики не изменялось. В 1315 г. в походе на немцев (в Скаловию) погиб Витень. Княжеский стол занял его брат «Letvinorum Ruthenorumque rex» Гедимин. Его политика по отношению к Руси была гораздо более активна.

Русско-татарские отношения этого периода отличались значительной сложностью. Можно думать, что татаро-монголы признавали Льва Даниловича великим князем юго-западной Руси. Юго-западная Русь терпела большие невзгоды от татаро-монгол еще и потому, что находилась не только под властью Золотой орды, но испытывала давление со стороны орды Ногая, который, как известно,[6] создал свой центр на северном побережье Черного моря, охватывавший значительную часть южнорусской равнины, включая и галицкое Понизье.

---

[1] Там же, стб. 933.

[2] Cod. diplom. Pruss. Voigt'a, II, 26 знает «terram regis Butegeude», лежащую в Жмуди.

[3] PD, p. 155 (под 1292 г.); ср. pp. 156, 160.

[4] PD, p. 159.

[5] PD, p. 163.

[6] А. Н. Насонов. Указ. соч., стр. 69 и сл.

Со смертью Менгу-Тимура (1280—1282) в орде фактически установилось двоевластие, продолжавшееся вплоть до 1291 г.;[1] преемник Менгу-Тимура хан Телебуга, захвативший золотоордынский стол в 1287—1288 гг., продолжал враждовать с Ногаем. Можно догадаться, что в юго-западной Руси, подобно тому, как это было в Руси северо-восточной,[2] наличие двух центров татаро-монгольского владычества вызвало две ориентации среди местных князей.

Для владимирского князя Менгу-Тимур был в свое время «великий царь»,[3] тогда как Ногай — «оканьный и безаконьный»;[4] князь же Лев Данилович поддерживал связь и с Ногаем. Как бы то ни было, очередная жалоба на Литву поступила от русских князей не только в Золотую орду, но и к Ногаю. Ногай прислал (около 1277 г.) своих послов «с грамотами» — Тегичага, Кутлубугу и Ешимута — к князьям Льву, Мстиславу и Владимиру (такой порядок перечисления князей, вероятно, списан владимирским летописцем с ханской грамоты), говоря: «всегда ми жалуете на Литву, осе же вам дал есть рать, и воеводу с ними Мамъшея, поидете же с ним».[5]

Интересно, что и этот поход не принес удачи владимирскому князю: во-первых, татары самостоятельно повоевали окрестности Новогородка, а, во-вторых, князья Мстислав Луцкий и сын Льва Юрий, вместе с воеводой холмским Тюимою,[6] «утаившеся» князя Владимира воевали под Городном, впрочем, судя по Владимирской летопеси, не очень удачно.[7]

Что князь Лев Данилович был связан и с Ногаем, видно из следующего факта. После смерти малопольского князя Болеслава князь Лев предпринял попытку утвердиться на краковском столе или хотя бы занять «города на Въкраини», т. е. западнее земли за рекою Вепрь. В этом случае князь Лев прибегнул к помощи не Золотой орды, а хана Ногая: Лев Данилович лично отправился к «оканьному проклятому» Ногаю,[8] «помочи собе прося»; и хан Ногай дал ему помощь под командованием воевод Кончака (вероятно из половцев), Козея и Кубатана.

Хан Ногай и на этот раз приказал остальным юго-западным князьям итти в поход со Львом; при этом князь Лев

[1] А. Н. Насонов. Указ. соч., стр. 69—70
[2] Там же, стр. 71.
[3] ПСРЛ, т. II, стб. 871.
[4] Там же, стб. 876.
[5] Там же.
[6] Там же, стб. 884.
[7] Там же, стб. 877—878.
[8] Там же, стб. 881.

Данилович «рад поиде с татары», тогда как Мстислав Луцкий, Владимир Владимирский и сын последнего Даниил (вскоре умерший) пошли «неволею татарьскою». Во время военных действий князь владимирский намеренно «назаде стоя». Поскольку князю Льву не удалось добыть Краков, то владимирский летописец с удовлетворением записал, что галицкий князь возвратился домой «с великым бещестьем».[1]

Обострение борьбы между золотоордынским ханом Телебугою и Ногаем принесло новые бедствия юго-западной Руси. Порой оба хана действовали совместно. Так было во время похода их на Венгрию (1285): «Пришедшу оканьному и беззаконьному Ногаеви и Телебузе с нимь на Угры».[2] В поход, как обычно, было приказано итти и русским князьям; Лев и Мстислав отправились, а князь Владимир послал свою рать с Юрием Львовичем.

В это время польский князь Болеслав напал на галицкие владения, в связи с чем и князь Лев был освобожден от участия в походе: «отпущен бысть, вшед, во угорьскую землю».[3] По сообщению владимирского летописца поход татаро-монголов на Венгрию кончился неудачно: хан Ногай двинулся на Брашев, а хан Телебуга «поперек Гору». О первом ничего не говорится, второй же заблудился в Карпатах и ушел «со срамом».[4]

Следующий поход татарских ханов уже ясно обнаруживает противоречия между ними. В 1286 г. хан Телебуга решил организовать поход в Польшу и, видимо, совместно с Ногаем. Для этой цели хан Телебуга прибыл с войском в ставку Ногая, но «бяше межи има нелюбовье велико», вследствие чего хан Телебуга двинулся в поход на Польшу один, «веля» сопровождать себя всем заднепровским и галицко-волынским князьям. На этот раз путь его лежал через Волынь. На реке Горыни его встречал с дарами князь Мстислав Луцкий, у Перемиля на реке Липе — Владимир Василькович,[5] у Бужковичей — князь Лев Данилович.

Оставив часть своих войск во Владимире, хан вместе с русскими полками пошел в Польшу. При этом татаро-монголы пограбили владимирскую землю.[6] Татаро-русские войска через Завихост и Сандомир двигались к Кракову. Но здесь

---

[1] Там же, стб. 882.

[2] Там же, стб. 888.

[3] Там же, стб. 894; ср. MGH, SS, t. XVII (Heinrici Heimburg. Annales), p. 718, ad. a. 1285 «Tartari intraverunt Ungariam, quorum maxima multitudo occisa est a Theutcnicis»).

[4] ПСРЛ, т. II, стб. 888.

[5] Ср. И. И. Срезневский. Древн. пам. русск. письма и языка, стр. 47.

[6] ПСРЛ, т. II, стб. 893, 914.

хан Телебуга узнал, что Ногай «передил его ко Кракову прийти» и возвратился обратно «от Торжьку», разорив по пути Львовщину.[1]

Хан Ногай также провел свое войско к Кракову, но другой дорогой — через западную Галичину и Перемышль. С этой поры «про се бысть межю има (т. е. ханами) болшее нелюбье», причина которого состояла в том, «зане боястася оба: сий сего, а сей сего».[2]

Наконец в следующем (1287) году состоялся еще один поход хана Телебуги, совместно с Алгуем (сыном Менгу-Тимура), на Польшу. Содержание похода не раскрыто. Известно лишь, что на обратном пути Телебуга, сопровождаемый князьями Львом и Мстиславом, проходил через Львов.[3] Именно тогда, пользуясь присутствием «цареве царь», т. е. Телебуги и Алгуя, князь Владимир решил передать свое княжество Мстиславу Даниловичу.[4] Князь Лев Данилович позднее попытался нарушить этот акт, возможно учитывая существование другого хана — Ногая, но Мстислав Данилович все же принудил его отступить, опираясь на то, что передача была совершена «при царех и при его рядцах»,[5] пригрозив, что будет жаловаться в Золотую орду.

Вышеприведенные факты свидетельствуют, что наступление Бурундая (1257) на юго-западную Русь открыло период татаро-монгольского владычества над нею, сопровождавшегося, конечно, установлением системы баскачества и регулярным сбором «татарщины»;[6] бросается в глаза также активность татаро-монгольской политики, когда сами золотоордынские ханы неоднократно проходят территорию юго-западной Руси, опустошая Литву, Польшу, а может быть, и Венгрию, видя в этом одну из гарантий прочности своих позиций в этой части русской земли; наконец, борьба золотоордынских ханов с Ногаем и их обоюдные вторжения в юго-западную Русь должны были усугублять тяжелое бремя татаро-монгольского ига.

Несмотря на это, русские княжества оставались достаточно сильными, чтобы играть заметную роль в восточноевропейской международной политике, охватывающей Польшу,

---

[1] ПСРЛ, т. II, стр. 894.
[2] ПСРЛ, т. II, стб. 895.
[3] Там же, стб. 900.
[4] Там же, стб. 898.
[5] Там же, стб. 929.
[6] По иностранным источникам, хан считал юго-западную Русь «tanquam sibi et suis progenitoribus tributarii», Fontes Rerum Germanicarum, t. II, ed. Y. F. Boehmer. Stuttgart, 1843, p. 438 (под 1340 г.) (Johannes Victoriensis). Ср. «Rutheni sunt Scismatici et Tartarorum nihilominus servitores» (1272), A. Theiner, Vetera Monum. Hist. Hungariam, I, p. 308.

Венгрию, Чехию и германские земли. Здесь первое место принадлежало галицкому княжеству; к сожалению, владимирский источник говорит об этом обидно мало. Сам владимирский князь и его двор имели внешнеполитические интересы, кроме Литвы, главным образом в Мазовии, с князьями которой поддерживали прочный союз.

Гораздо шире и значительнее была политика князя Льва Даниловича, и здесь мы вынуждены не согласиться с выводом А. Е. Преснякова о том, что, находясь между Венгрией и Польшей, «русские князья могли тянуть со своей независимостью, весьма относительной, лишь лавируя и противопоставляя то татарскую силу другим соседям, то обратно».[1] Это неверно. Татарскую силу юго-западные князья противопоставляли западным соседям, как это делали и князья северо-восточной Руси, но обратного противопоставления не находим, как, впрочем, не находим и военного превосходства тогдашних Польши и Венгрии над юго-западной Русью.

Слишком суровым кажется нам и следующий приговор А. Е. Преснякова, вынесенный им князьям юго-западной Руси: «Своей политической системы они создать уже не могли, вести свою политическую линию были не в состоянии. И даже какая была политика по отношению к венграм, полякам, Литве, и та часто спутывалась, обрывалась татарским требованием русской помощи при походах на земли этих народов...»[2]

Бесспорно, что татаро-монгольское иго наложило свою печать на внешнюю политику юго-западной Руси, и татарские походы, особенно в период двоевластия в Золотой орде, могли кое-что спутать в расчетах князей (поход на Венгрию 1285 г. и походы на Польшу 1286 и 1287 гг.). Но, с другой стороны, мы видим галицкого князя Льва в качестве вассала, использующим татарскую помощь в своих внешнеполитических целях (походы на Литву 1275 и 1277 гг. и поход на Польшу 1280 г.). Так что внешняя политика галицкого князя, конечно, была и вполне определенная, но при проведении ее он, вероятно, должен был иметь соответствующие санкции со стороны золотоордынского хана; трудно думать иначе. Отметим кстати, что князь Лев Данилович не порывал и общерусских дипломатических связей, женив своего сына Юрия на дочери Ярослава Ярославича Тверского (1282).[3] Но, в целом, изоляция от остальных русских земель явилась важнейшей причиной нарастающего ослабления Галицко-Волынской Руси.

---

[1] А. Е. Пресняков. Указ. соч., стр. 39.
[2] Там же.
[3] ПСРЛ, т. II, стб. 883—884.

Внешняя политика галицкого князя основывалась первоначально на союзе с Венгрией, а в дальнейшем — с Чехией. Весной 1270 г. умер король Бела IV, его преемник Стефан V порвал мир с Чехией Пшемысла II и в 1270 г. между ними началась война. В акте мирного соглашения (июль 1271 г.) среди союзников Венгрии названы князья Лев Данилович, Мстислав Данилович и Василько (?) Василькович [1] (как видим, в иностранных источниках порядок расположения князей юго-западной Руси по степени их значимости тот же, что и в русском источнике).

Об этой войне сохранились сведения и в летописи: «Болеслав (Стыдливый) же тогда заратилься с Воротьславьскимь княземь; идоша ему в помочь Лев, Мьстислав, а Володимер сам не иде, но посла свою рать со (воеводой) Желиславом». [2] Следовательно, русские князья выступали в союзе с малопольским князем Болеславом Стыдливым со стороны Силезии против Генриха Вроцлавского, союзника Пшемысла II.

Далее, во время последней войны Пшемысла II с Рудольфом Габсбургом юго-западные русские князья, в частности Лев Данилович, были не на стороне чешского короля, хотя последний добивался помощи у князя Льва Даниловича («Ottokarus Leonem Regem Ruthenorum.. largo conjurio allicit» и «Ottokarus contra Rudolphum... Regem Ruthenorum excitavit); «kunic Lê von Riuzen» был с Пшемыслом II при начале кампании. [3]

Но Рудольф Габсбург принял со своей стороны меры для привлечения князя Льва к союзу. Он отправил к польским князьям своего доверенного францисканца Генриха, которому поручалось установить связь с русским двором. [4] Генрих через своего деда Конрада Мазовецкого был в родстве с русскими князьями и надеялся на успех своей миссии. [5]

Видимо, он добился успеха, ибо австрийские источники в числе союзников Рудольфа Габсбурга упоминают «chüning Lee von Reussen, der seiner sipp waz» [6] и в составе войск Рудольфа именуются «universae barbarae nationes» в их

---

[1] RBM, t. II, N 753, p. 302.

[2] ПСРЛ, т. II, стб. 870.

[3] Oesterreichische Reimchronik, MGH, t. V, p. 210 (v. 15233). «manigen snellen wîgant || kunic Lê von Riuzen sant || den sipp er dran genôz...» || (Sipp в значении «родня», «свойственник»).

[4] Scriptores Rerum Silesiacarum, t. II, N 12 (p. 474—475) (21 ноября 1276 г.).

[5] Ibidem, N 13, p. 475 (1276 г.).

[6] Oesterreichische Chronik, MGH, t. VI, Hannoverae et Lipsiae, 1909, p. 133.

числе рядом с венграми, названы «Brutenі», т. е., видимо, «Ruteni».[1]

Этот политический курс князя Льва был известен ханам Золотой орды, ибо, например, послы Пшемысла II посещали не только Льва Даниловича, но и ханов Золотой орды; и ответные татарские посольства бывали при чешском дворе. Об этом мы узнаем из грамоты Пшемысла II князю Болеславу Краковскому, которого он просит пропустить в Русь возвращающихся из Чехии послов татарских и послов чешских к князю Льву.[2]

Отношения князя Льва Даниловича с Чехией улучшились, когда чешским королем стал Вацлав (с 1278 г.); в это время князь Лев Данилович действовал отдельно от Венгрии и поиному относился к Польше. По смерти Болеслава Стыдливого краковского (1279) Лев Данилович выступил в качестве претендента на княжеский стол Малой Польши. Он организовал поход в Польшу, используя для этой цели помощь хана Ногая и князей волынских; войска его прошли через Завихост — Сандомир — до Крапивницы, но цели не достигли.[3]

Однако и после этого неуспеха галицкий князь продолжал борьбу с новым князем краковским Лешко Черным (умер в 1288 г.) за восточные польские земли, а позднее поддерживал силой оружия другого претендента на краковский стол — Болеслава Семовитовича, князя мазовецкого, женатого на дочери Пшемысла II Кунгуте.[4] Наша летопись прямо говорит о том, что Лев Данилович боролся с Генрихом IV Вроцлавским, поддерживая Болеслава.[5] Но все же Болеслав не усидел в Кракове и вскоре отрекся от его стола.[6]

Лев Данилович не оставил борьбы с Генрихом IV, перенесши ее в Силезию. Войско Льва Даниловича двинулось к Вроцлаву, дошло до Нысы и Гроткова, напало на Ратибор;[7] повоевав, таким образом, землю Генриха IV, Лев Данилович отправил на Русь пленных и большую добычу. В связи с этим князь Лев посетил Вацлава II, вероятно в Опаве, в 1289 г.[8] Князь Лев поддерживал отношения с чешским дво-

[1] Chronicon Magni Presbiteri Continuatio. MGH, SS, t. XVII, Hannoverae, 1861, p. 533.

[2] RBM t. II, N 2297; FRB, t. IV, p. 351; ср. MGH, t. XVII, p. 718 (1293).

[3] ПСРЛ, т. II, стб. 882.

[4] O. Balzer. Genealogia Piastów. Kraków, 1893.

[5] ПСРЛ, т. II, стб. 935.

[6] Herzog Loket || dere mit im gestriten het || Dem half aber als ê || von Riuzen kunic Lê || (MGH, t. V, pars I, Hannoverae, 1890). Ottokars österreichische Reimchronik, p. 279, v. 21092—21095.

[7] Rocznik Cystersów Henrykowskich — MPH, t. III, p. 702.

[8] ПСРЛ, т. II, стб. 936; ср. Oesterreichische Reimchronik, p. 281, v. 21307—21311.

ром и позднее (свидание его с Вацлавом II в Брно в 1299 г.), [1] но по мере укрепления Вацлава II в Малой Польше Лев Данилович изменял ориентацию. И в начале XIV в. выступал уже союзником Владислава Локетка, на сестре которого был женат вторым браком князь Юрий Львович. [2] Таким образом, очевидно, что во второй половине XIII в. роль галицкого (в Малой Польше) и волынского (в Мазовии) княжеств в политических судьбах польских земель была весьма значительной. В ходе своих действий в Польше князь Лев Данилович восстановил (правда, не сразу) [3] русское владычество в Люблинщине [4] (утраченное к концу правления Даниила Романовича), хотя и не надолго.

Современники считали князя Льва крупным государственным деятелем: во Владимирской летописи Мстислава Даниловича сказано, что Лев Данилович «князь думен (X — «мудрый») и хоробор и крепок на рати, не мало бо показа мужьство свое во многых ратех». [5] Имя его было известно в тогдашней Европе, не случайно в анонимном географическом трактате 1308 г. «Flos historiarum Terrae Orientis» («Источник истории земли Востока»), хранящемся во французской национальной библиотеке, сказано: «Рутения огромная страна (terra permaxima), соседящая с Болгарией и Грецией; эта страна... в настоящее время — данница татар, а князь ее dux Leo». [6]

К сожалению, основной источник данного исследования обрывается на событиях конца XIII в. и мы вынуждены закончить на этом наши заметки о политической истории юго-западной Руси второй половины изучаемого столетия. Рассмотрение дальнейшей истории данной территории требует привлечения иного круга источников и ставит перед исследователем и совершенно иные источниковедческие задачи.

---

[1] MGH, SS, t. XVII (Heinrici de Heimburg Annales), p. 718. См. Br. Włodarski. Polska i Czechy, str. 102—114.

[2] М. С. Грушевский. Указ. соч., т. III, стр. 521 и сл.; N. Baumgarten, Op. cit., table XI, N 18, p. 50.

[3] ПСРЛ, т. II, стб. 908—911; MPH, II, p 852 (под 1302 г.).

[4] М. С. Грушевский. Указ. соч., т. III, стр. 111.

[5] ПСРЛ, т. II, стб. 935.

[6] G. Lozinsky. Op. cit, p. 258, Note 1.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итоги нашего исследования позволяют прежде всего отметить высокий уровень русской культуры в XIII в., в частности в юго-западной Руси, что особенно ярко проявилось в летописании. Выявленные нами новые княжеские своды и летописи (свод Кирилла 1246 г., летопись Ивана, летопись князей Василько и Владимира) свидетельствуют о развертывании летописной работы во многих феодальных центрах юго-западной Руси (Холм, Владимир, Галич, Киев, Новогородок и др.) и позволяют говорить о напряженной идейно-политической борьбе как между отдельными феодальными княжествами, так и внутри их.

Среди источников выявленных летописных сводов особый интерес представляет древнейшая Литовская летопись; являясь ценнейшим источником по истории образования литовского государства, она в то же время ярко свидетельствует о громадной политической и культурной роли Руси в древней истории литовского народа. Несомненный интерес имеет и Киевская летопись 1238 г., которая показывает, что киевское летописание существовало вплоть до татаро-монгольского нашествия; сопоставление Киевской летописи с иностранными хрониками вновь подтверждает всемирно-историческое культурное значение русского летописания, обнаруживая, что отдельные тексты его вошли в состав английских и польских хроник.

Эти факты еще раз показывают несостоятельность попыток тех исследователей, которые строят свой «анализ» русских летописей на поисках заимствований нашими книжниками чужих текстов и идей. Факты показывают далее, что летопись — памятник исторический прежде всего, и идейное содержание ее нужно раскрывать, исходя из изучения конкретной русской истории, в тесной взаимосвязи с ней.

Наконец, источниковедческий анализ Галицко-Волынской летописи как исторического памятника феодальной идеологии позволяет ныне говорить о том, что эта летопись является в сущности владимиро-волынской княжеской летописью конца XIII в., основанной на княжеском холмском своде 1246 г., переработанном в угоду владимирскому князю. Поэтому попытки некритически основывать на ее показаниях историю всей юго-западной Руси неправомерны. Этот вывод лишает источниковедческого основания утверждения буржуазных (особенно польских) исследователей о полном упадке юго-западной Руси в XIII в.

Только критически отнесясь к особенностям нашего источника, в своей последней редакции отражающего интересы княжеского двора весьма небольшого владимиро-волынского княжения, можем мы извлечь из него достоверный материал, позволяющий составить представление о социально-экономической и политической истории юго-западной Руси XIII в.

Этот материал, как мы видели, дает возможность относительно последовательно восстановить конкретный ход политической истории юго-западной Руси изучаемой поры, в частности обнаружить, что прогрессивное развитие ее проходило в условиях острой борьбы за землю, за крестьян отдельных групп господствующего феодального сословия.

Выясняется, что в этой борьбе великокняжеская власть, выступая против засилья растущей сеньериальной боярской знати, опиралась на поддержку торгово-ремесленных верхов городов («мужи градские») и на служилый феодалитет («служащее боярство»), которые обеспечивали ее вооруженные силы полками, укомплектованными из феодально-зависимых «смердов» и из зависимых от городской знати «гражан». Таким образом, прогрессивное, но в эту пору недолговечное, «объединение более значительных областей в феодальные королевства», которое «было потребностью как земельного дворянства, так и городов», [1] осуществлялось прежде всего за счет народа.

Хотя исследуемая летопись отражает интересы в первую очередь самого князя и связанных с ним групп феодального сословия, однако из нее можно извлечь отдельные данные и о народных движениях, направленных против класса феодалов в целом; изучение этих (как, впрочем, и других) данных возможно лишь при сопоставлении их с летописными материалами других русских княжеств.

Полученные результаты опровергают утверждения буржу-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 15

азной русской иностранной историографии о социально-экономической отсталости Руси изучаемого времени.

Наконец, рассмотрение истории Руси в связи с историей других европейских стран обнаруживает ее выдающуюся международную роль в XIII в., всемирно-историческое значение борьбы русского народа за свою независимость, а также крупное значение юго-западной Руси в исторических судьбах Польши, Литвы, Венгрии, Чехии и других стран.

Исследование этих проблем дает возможность поставить вопрос о коренном пересмотре обширной католической профашистской антиславянской историографии и, в частности, опровергнуть выдвинутую современными буржуазными католическими историками (Уминским, Чубатым, Амманном и др.) концепцию, согласно которой папская курия изображается защитницей независимости народов восточной Европы. Критический пересмотр источников позволяет обнаружить истинную сущность агрессивной политики папской курии в отношении стран восточной Европы и прежде всего крупнейшей из них — Руси.

Таков круг основных проблем, подвергнутых нами исследованию в связи с изучением происхождения и состава волынского летописания XIII в.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Асцелин — Путешествие Асцелина.
ГЛ — Генрих Латвийский. Хроника Ливонии.
ЗНТШ — Записки Наукового Товариства iм. Шевченка.
Карпини — И. де Плано-Карпини. История монголов.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
Рубрук — В. де Рубруквис. Путешествие в восточные страны.
CDH — Codex Diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis.
DS — Diplomatarium Suecanum.
FRB — Fontes Rerum Bohemicarum.
HRM — Historica Russiae Monumenta.
LR — Livländische Reimchronik.
LU — Liv-Est-und Kurländisches Urkundenbuch.
MGH — Monumenta Germaniae Historica.
MPH — Monumenta Poloniae Historica.
PD — Dusburg P. Chronicon terrae Prussiae.
PU — Preussisches Urkundenbuch.
RBM — Regesta Diplomatica nec non Epistolaria Bohemiae et Moraviae
RPR — Regesta Pontificum Romanorum.
SRB — Rerum Britanicarum medii aevi scriptores.
SRL — Scriptores Rerum Livonicarum.
SRP — Scriptores Rerum Prussicarum.
VMPL — Vetera Monumenta Poloniae et Lithuaniae.

БИБЛИОГРАФИЯ

(цитируемая и упоминаемая в работе литература)

Классики марксизма-ленинизма

В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. Соч., т. 3.
К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV.
К. Маркс. Нищета философии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V.
К. Маркс. Хронологические выписки. «Архив Маркса и Энгельса», т. V, 1938.
Ф. Энгельс. Избранные военные произведения, т. I, М., 1940.
Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII.
Ф. Энгельс. О разложении феодализма и развитии буржуазии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1.
И. В. Сталин. Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б), в книге И. В. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11, ОГИЗ, 1946.
И. Сталин, А. Жданов, С. Киров. Замечания по поводу Конспекта учебника по истории СССР. В кн. «К изучению истории». Изд. ВПШ при ЦК ВКП(б), М., 1946.
История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Под ред. Комиссии ЦК ВКП(б), М., 1949.

Источники

Асцелин. Путешествие. В кн. «Собрание путешествий к татарам и другим восточным народам». Изд. Д. Языкова, СПб., 1825.
Былины. Изд. М. Сперанский, т. I, СПб., 1916.
Генрих Латвийский. Хроника Ливонии, изд. С. А. Анинский, М., 1938.
Грамоты Великого Новгорода и Пскова, под ред. С. Н. Валк, М.— Л., 1949.
Древние памятники русского письма и языка X—XIV вв. Изд. И. И. Срезневский, СПб., 1882.
Житие Александра Невского. Изд. В. И. Малышев. В кн. Труды отд. древнерусской лит-ры, т. V, Институт лит-ры АН СССР, 1947.
Известия Аль-Бекри и других авторов о Руси и славянах, изд. А. Куник и В. Розен, ч. I, СПб., 1878.
Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах и восточной Европе. Изд. С. А. Аннинский. Исторический архив, т. III, М.— Л., 1940.

Книга, глаголемая козмография. Временник Об-ва истор. и древн. росс., кн. XVI, М., 1853.
Памятники старинной русской литературы, в. I, СПб., 1860.
Патерик Печерский, в кн. Памятники славянорусск. письмен., изд. Археограф. комисс., т. II, СПб., 1911.
Плано-Карпини И. де — История монголов, изд. Малеин, СПб., 1910.
Полное собрание русских летописей:
т. I, вып. 1 (Лаврентьевская), Л., 1926.
т. I, вып. 2 (Лаврентьевская), Л., 1927.
т. II (Ипатьевская), СПб., 1908.
т. VII (Воскресенская), СПб., 1856.
т. X (Никоновская), СПб., 1862.
т. XV (Тверская) СПб., 1863.
т. XXI (Степенная книга, ч. 1), СПб., 1908.
т. XXV (Московский летописный свод конца XV века), М.— Л., 1949.
Новгородская I летопись, СПб., 1888.
Софийская I летопись, Л., 1925.
Псковские летописи, вып. I, изд. А. Н. Насонов, М.— Л., 1941.
Новгородские летописи, II и IV летописи, СПб., 1879.
Повести о Петре и Февронии, изд. М. О. Скрипль. Труды отдела древнерусской лит-ры Института лит-ры АН СССР, т. VII, М. — Л., 1949, ст. 215—256.
Похвала Феодосию Печерскому. Чтен. в Об-ве истор. и древн. росс. при Моск. ун-те, кн. 2, разд. II, М., 1890.
Рубруквис В. де.— Путешествие в восточные страны, изд. Малеин, СПб., 1910.
Русско-ливонские акты, изд. К. Е. Напьерский, СПб., 1868.
Сказание архиеп. новгородского Антония (1200), Палестинский сборник, т. 51, СПб., 1899.
Слово о полку Игореве, под ред. А. С. Орлова. 2-е доп. изд., М.— Л., 1946.
Akta grodzkie i ziemskie, ed. A. Stadnicki, Lwów, 1878.
Biblioteca mundi seu Speculi maioris Vincentii Burgundi praesulis Bellovacensis. Tomus quartus, qui Speculum Historiale inscribitur, Duaci, 1624.
Chronik des Franciskaner Lesemeisters Detmar hrsg. v. F. H. Grautoff (в серии — Die lübeckischen Chroniken in niederdeutscher Sprache) Erster Theil, Hamburg, 1829.
Codex Diplomaticus Arpadianus Continuatus, ed. G. Wenzel, t. VII (1235—1260) (в серии Monumenta Hungariae Historica, t. XII), Pest, 1869.
Codex Diplomaticus et Epistolaris Moraviae, ed. A. Boczek, t. III, Olomucii, 1841.
Codex Diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis, ed. G. Fejér, tt. II—IV, Budae, 1829.
Codex Diplomaticus Poloniae, ed. L. Rzyszczewski et A. Muczkowski, t. III, Varsaviae, 1858.
Codex Diplomaticus Prussicus, ed. G. Voigt, t. I, Königsberg, 1836.
Codex Diplomaticus Silesiae, ed. G. Grünchagen, t. VII, pars II (1251—1280), Breslau, 1875.
Diplomatarium Suecanum (Swenskt Diplomatarium), ed. J. G. Liljegren, t. I (817—1285), Stockholm, 1829.
J. Dlugosii. Historiae Polonicae, t. II, lib. VI—VII, ed A. Przedziecki Cracoviae, 1873.
Dusburg P. Chronicon terrae Prussicae, SRP, t. I, Lpz., 1861
Fontes Rerum Bohemicarum, t. II, Praha, 1874, t. III, Praha, 1878; t. IV, Praha, 1884.

Fontes Rerum Germanicarum, t. I (Johannes Victoriensis), ed. J. F. Boehmer. Stuttgart, 1843

Historica Russiae Monumenta, ed. A. J. Turgenev, t. I, СПб., 1841; т. II, СПб., 1842

Kodeks Diplomatyczny Malopolski, ed. F. Piekosiński, t. II, Kraków, 1886.

Liv-Est-und Kurländisches Urkundenbuch, ed. F. G. Bunge, t. I, Reval, 1853; t. III, Reval, 1857; t. VI, Riga, 1871.

Livländische Reimchronik, ed. L. Meyer, Padeborn, 1876 (есть другое издание — SRP, t. I).

Monumenta Germaniae Historica, Leges, I.

Monumenta Germaniae Historica, Scriptores, t. V, pars I (Ottokars Oesterreichische Reimchronik), Hannoverae, 1890; t. VI (Oesterreichische Chronik) Hannoverae et Lipsiae, 1909; t. IX (Annales Ottokariani, Continuatio Carstensis, Continuatio Zwetlensis Tertia), Hannoverae, 1860; t. XVII (Heinrici Heimburg. Annales; Chronicon Magni Presbiteri Continuatio), Hannoverae, 1861; t. XIX (Rogerii Miserabile Carmen super destructione Hungariae), Hannoverae, 1892.

Monumenta Poloniae Historica, ed. A. Bielowski, t. I, Lwów, 1864; t. II. Lwów, 1872.

Monumenta Poloniae Vaticana, ed. J. Ptaśnik, t. III, Cracoviae, 1914.

Muratori LA. Rerum Italicarum Scriptores, III, Mediolani, 1723.

Oesterreichische Stadtrechte und Satzungen aus der Zeit Badenberger, hrsg. v. A. Meiller. Archiv für Kunde österreichischer Geschichtsquellen, Bd. X, Wien, 1853.

Pansa Paolo. Vita del gran pontifice Innocenzion quarto, Napoli, 1598.

Preussisches Urkundenbuch (Politische Abteilung), Bd. I, 1, ed. Philippi, Königsberg, 1882, Bd. 1, 2, ed. Seraphim. Königsberg, 1909.

Rerum Britannicarum medii aevi scriptores, or Chronicles and Memorials of Great Britain and Ireland during the Middle Ages;

t. 36, Annales Monastici, vol I, Annales de Burton (1004—1263), ed. H. R. Luard, London, 1864;

t. 44, Matthae Parisiensis Historia Anglorum (Historia Minor), vol. III (1246—1253), ed. F Madden, London, 1869;

t. 70, Matthae Parisiensis, monachi S. Albani. Chronica Majora, ed H. R. Luard, v. IV (1240—1247), London, 1877.

Raynaldo Od. Annales ecclesiastici, t. II (1229—1256); t. III (1257—1289) (Baronii. Annales ecclesiastici, tt. XXI, XXII), Lucae, 1747—1748.

Regesta Diplomatica nec non Epistolaria Bohemiae et Moraviae, pars II (1253—1310), ed. J. Emler, Pragae, 1882.

Regesta Imperii, ed. Boehmer J. F. neu hrsg. v. J. Ficker und E. Winkelmann, Bd. I, erste Abteilung (1198—1272), Innsbruck, 1881.

Regesta Pontificum Romanorum, ed. A. Potthast, v. I (1198—1243) Berolini, 1874; v. II (1243—1304), Berolini, 1875.

Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio, t. 23 (1225—1268), ed. Mansi, Paris — Leipzig, 1903.

Scriptores Rerum Hungaricarum, ed. E. Szentpétery, tt. I—II, Budapestini, 1937—1938.

Scriptores Rerum Silesiacarum, ed. G. A. Stenzel, t. II, Breslau, 1839.

H. Wartberge. Chronicon terrae Prussiae, SRP, t. II, Lpz., 1863.

Vetera Monumenta Historica Hungariam Sacram Illustrantia, ed. A. Theiner, t. I, Romae, 1859.

Vetera Monumenta Poloniae et Lithuaniae Gentiumque Finitimorum Illustrantia, ed. A. Theiner, t. I, Romae, 1860.

Литература

«Академик А. А. Шахматов». Сборн. статей под ред. С. П. Обнорского, М., 1947.
Б. Алексеев. Из истории искусства Западной Украины. «Творчество», № 9, 1939.
А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник, М., 1944.
К. Н. Бестужев-Рюмин. О составе русских летописей до конца XIV в., СПб., 1868.
«Болеслав — Юрий II». Сборник статей, СПб., 1907.
И. У. Будовниц. Идейное содержание «Слова о полку Игореве», Известия Отделения истории и филос. АН СССР, т. VII, № 2, 1950.
В. Г. Василевский. Древняя торговля Киева с Регенсбургом.— ЖМНП, 1888, июль.
В. Г. Василевский. Труды, т. III, Пгр., 1915.
А. А. Васильев. История Византии. Латинское владычество на Востоке, Пгр., 1923.
Н. Н. Воронин. К вопросу о взаимоотношении галицко-волынской и владимиро-суздальской архитектуры XII—XIII вв.— Краткие сообщения о докл. и полев. иссл. ИИМК, в. 3, М.— Л., 1940.
А. Востоков. Описание рукописей Румянцевского музеума, М.
Е. Голубинский. История русской церкви, т. I, 2, М., 1880.
Б. Д. Греков. Главнейшие этапы крепостного права в России, М.— Л., 1940.
Б. Д. Греков. Древнейшие судьбы Западной Украины.— Новый мир, № 10—11, 1939.
Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая орда и ее падение, М.— Л., 1950.
Б. Д. Греков. Киевская Русь, М., 1944.
Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в., М., 1946.
Б. Д. Греков. Феодальные отношения в Киевском государстве, Л., 1937.
М. С. Грушевський. Історія України-Руси, т. II, у Львові, 1905, т. III; у Львові, 1905.
М. С. Грушевський. Хронольогія подій Галицько-волинської літописи, ЗНТШ, кн. III, т. XLI, 1901.
Н. К. Гудзий. История древней русской литературы, М., 1938.
Н. П. Дашкевич. Грамота князя Ивана Ростиславича Берладника 1134 г.— Сборн. статей по ист. права, посвящ. М. Ф. Владимирскому-Буданову, К., 1904.
Н. П. Дашкевич. Княжение Даниила Галицкого, К., 1873.
Н. П. Дашкевич. Переговоры пап с Даниилом Галицким об унии Руси с католичеством. Киевск. университ. известия, № 8, 1884,
Н. С. Державин. История Болгарии, т. II, М., 1946.
Н. Житецкий. Смена народностей в южной России.— Киевская старина, т. VI, июль, 1883.
История русской литературы, изд. АН СССР, т. II, ч. 1, М., 1946.
В. М. Истрин. Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (XI—XIII вв.). Пгр., 1922.
В. М. Истрин. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила, Исследования и тексты, М., 1897.
М. К. Каргер. Зодчество Галицко-Волынской земли в XII—XIII вв.— Краткие сообщения о докл. и полев. иссл. ИИМК, в. 3, М.— Л., 1940.
В. О. Ключевский. Боярская дума в древней Руси, М., 1882.
В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник, М., 1871.

И. А. Линниченко. Черты из истории сословий в юго-западной (Галицкой) Руси XIV—XV вв., М., 1894.
Д. С. Лихачев. Галицкая литературная традиция в житии Александра Невского. Труды отдела древнерусской лит-ры Инст. лит-ры АН СССР, т. V, М.—Л., 1947.
Д. С. Лихачев. Повести о Николе Заразском. Труды отдела древнерусской лит-ры, Инст. лит-ры АН СССР, т. VII, М.—Л., 1949.
Д. С. Лихачев. Русские летописи, М.—Л., 1947.
Д. С. Лихачев. Русский посольский обычай XI—XIII вв.— Исторические записки АН СССР, т. 18.
А. В. Лонгинов. Родственные отношения русских князей с венгерским королевским домом. (Труды Виленск. предварит. комитета по устройству в Вильне IX Археологич. съезда, Вильно, 1893).
В. Лясколонский. История Переяславской земли с древних времен до половины XIII стол., К., 1903.
В. В. Мавродин. Некоторые моменты из истории разложения родового строя на территории древней Руси. Ученые записки Ин-та им. Герцена, № 5, Л., 1939.
В. В. Мавродин. О народных движениях в Галицко-Волынском княжестве в XII—XIII вв.— Ученые записки Лен. гос. ун-та, № 48, в. 5, 1939.
Л. И. Малеин. Энциклопедия Винцентия из Бовэ. Труды Института книги, документа и письма АН СССР, т. II, Л., 1932.
П. П. Мельгунов. Очерки по истории русской торговли XI—XV вв., М., 1905.
А. Н. Насонов. Монголы и Русь, М., 1940.
А. С. Орлов. Древняя русская литература XI—XVIII вв., М.—Л., 1945.
А. С. Орлов. К вопросу об Ипатьевской летописи. Изв. Отделения русск. яз. и словесности АН СССР, т. 31, 1926.
А. С. Орлов. О галицко-волынском летописании. Труды отдела древнерусской лит-ры Инст. лит-ры АН СССР, т. V, М.—Л., 1947.
Отчеты о раскопках Райковецкого городища. Проблемы истории докапиталистич. обществ, № 5, 1934. См. также Наукові Записки Инст. історії матер. культ., кн. 5—6, ВУАН, К., 1935.
В. Пашуто. Александр Невский.— Ученые записки Лен. гос. ун-та, № 36, 1939.
В. Т. Пашуто. Галицко-Волынское княжество времен Даниила Романовича.— Ученые записки Лен. гос. ун-та, № 67, 1941.
В. Т. Пашуто. Хозяйство и техника средневековой Литвы.— Вопросы истории, № 8, 1947.
В. Т. Пашуто. Киевская летопись 1238 г.— Исторические записки АН СССР, т. 26.
В. Т. Пашуто. О политике папской курии на Руси (XIII в.).— Вопросы истории, № 5, 1949.
В. И. Пичета. Конец вековому расчленению украинского и белорусского народов.— Исторические записки АН СССР, т. 6.
В. И. Пичета. Основные моменты в исторических судьбах народов Западной Украины и Западной Белоруссии.— Историк-марксист, №№ 5—6, 1939.
А. Е. Пресняков. Лекции по русской истории, т. II, в. I, М., 1939.
А. Е. Пресняков. Образование Великорусского государства, Пгр., 1918.
А. Е. Пресняков. Украина. Вестник культуры и политики, № 9, Пгр., 1918.
М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв., Л., 1940.
М. Д. Приселков. Киевское государство второй половины X в. по

византийским источникам.— Ученые записки Лен. гос. ун-та, № 73, в. 8, 1941.
М. Д. Приселков. Лаврентьевская летопись. Ученые записки Лен. гос. ун-та, № 32, 1939.
М. Д. Приселков. Летописание Западной Украины и Белоруссии.— Ученые записки Лен. гос. ун-та, № 67, 1941.
М. Д. Приселков. Рецензия на книгу В. М. Истрина. Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода.— Сборник «Россия и Запад», т. I, Пгр., 1923.
М. Д. Приселков. Русско-византийские отношения IX—XII вв.— Вестник древней истории, № 3, 1939.
М. Д. Приселков. Ханские ярлыки русским митрополитам, Пгр., 1916.
Б. А. Рыбаков. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси.— Советская археология, № 6, 1940.
Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, М.— Л., 1948.
А. В. Соловьев. Политический кругозор автора «Слова о полку Игореве». Исторические зап. АН СССР, т. 25.
С. М. Соловьев. История России, изд. «Польза», тт. I и III.
М. Н. Тихомиров. Древнерусские города.— Ученые записки Моск. гос. ун-та, в. 99, М., 1946.
М. Н. Тихомиров. Исторические связи русского народа с южными славянами.— Славянский сборник, М., 1947.
Н. Д. Тихомиров. Галицкая митрополия, СПб., 1895.
М. Д. Хмыров. Металлы в древней Руси, М., 1875.
Л. В. Черепнин. Летописец Даниила Галицкого.— Исторические записки АН СССР, т. 12.
М. Э. Шайтан. Германия и Киев в XI в. Летоп. зап. пост. историко-археограф. комисс., в. 1 (34), Л., 1927.
М. Э. Шайтан. Ирландские эмигранты в средние века.— Сборн. «Средневековый быт», Л., 1925.
И. П. Шаскольский. Договоры Новгорода с Норвегией.— Исторические записки АН СССР, т. 14.
И. П. Шаскольский. Посольство Александра Невского в Норвегию.— Вопросы истории, № 1, 1945.
А. А. Шахматов. Исследование о Радзивиловской или Кенигсбергской летописи (Памятники древней письменности, № CXVIII), 1902.
А. А. Шахматов. Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.— Л., 1938.
А. А. Шахматов. Повесть временных лет.— Летоп. зан. археограф. комис., в. 29, П., 1916.
С. В. Юшков. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси, М., 1939.
С. В. Юшков. Общественно-политический строй и право Киевского государства, М., 1949.
А. Ясинский. Чешское свидетельство о русском металлическом производстве.— Сборн. Учен. литер. общества при Юрьевск. ун-те, т. I, 1898.

* * *

А. Ершов. Коли й хто написав Густинський літопис? ЗНТШ, т. 100, ч. 2 (Праці історичні), Львів, 1930.
М. Кордуба. Західне пограниче Галицької держави між Карпатами та долішним Саном, ЗНТШ, тт. 138—140, Львів, 1925.
С. Томашівський. Предтеча Ісидора Петро Акерович, незнаний митрополит руський (1241—1245) (Analecta Ordinis S. Basilii Magni, Yovkva, 1927, t. II, fasc. 3—4), сс. 221—313.
М. Чубатий. Західна Україна і Рим у XIII віці у своїх змаганнях до церковної унії. ЗНТШ, тт. 123—124, Львів, 1917.

* * *

A. M. Ammann. Kirchenpolitische Wandlungen im Ostbaltikum bis zum Tode Alexander Newski's. Studien zum Werden der russischen Orthodoxie. Orientalia Christiana Analecta, Roma, 1936.
M. A. Андреева. Прием татарских послов при Никейском дворе. Seminarium Kondakovianum, Прага, 1926.
O. Balzer. Genealogia Piastów, Kraków, 1893.
N. Baumgarten. Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides Russes du X-e au XIII-e siècle. Orientalia Christiana, vol. IX—I, No 35, Maio, Roma, 1927.
V. Chalaupecký. Staré Slovensko (-Spisy filos. faculty univ. Komenského v. Bratislavé, Č. III), Bratislava, 1923.
Д. Дорошенко. Нарис історії України, т. I (до половини XVII сторіччя). Праці Українського Наукового Інституту, Warszawa, 1932.
L. Droba. Stosunki Leszka B'ałego Rusią i Wegrami. Rozprawy Wydziału historyczno-filozoficznego Akad. Umiejętności, t. XIII, Kraków, 1881.
Th. Ediger. Russlands älteste Beziehungen zu Deutschland, Frankreich und der römischen Kurie, Halle, 1911.
A. B. Флоровский. Чехи и восточные славяне (Очерки по истории чешско-русских отношений (X—XVIII вв.), т. I, Прага, 1935.
J. Girgensohn. Kritische Untersuchung über das VII Buch der Historia Polonicae des Dlugosz, Göttingen, 1872.
J. Goll. Cechy a Prusy ve střěl věku, Praha, 1897.
J. Goll. König Ottokars von Böhmen zweiter Kreuzzug (Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung). Bd. XXIII, Innsbruck, 1902.
A. Huber. Die steirische Reimchronik und das österreichische Interregnum. Mitteilungen des Instituts für österreich. Geschichtsforschung, Bd. IV, Heft I, Innsbruck, 1883.
A. Kraus. Slované v literature staronemecké do roku 1500. Slovanský sborník red. E. Jelínek, ročník V, Praha, 1885.
G. Lozinsky. La Russie dans la littérature française du moyen age. Revue des études slaves, 1929, t. IX, fasc. 1—2, p. 71—88; fasc. 34, p. 253—269.
H. Lowmianski. Studja nad poczaikami spoleczeństwa i państwa Litewskiego, tt. I—II. Wilno, 1931—1932.
П. Никовъ. Българо-унгарски отношения отъ 1257 до 1277 година. Сборникъ на Българската Академия на наукитѣ, кн. XI, София, 1920.
W. Norden. Das Papstum und Byzanz, Berlin, 1903.
F. Palacký. Dejiny národu Ceského v Cechách a v Moravě, Praha, 1894.
E. Perfeckij. Sociálně-hospodárskè pomery Podkarpatske Rusi ve století XII—XIV, Bratislava, 1924.
Д. Расовский. Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии. Seminarium Kondakovianum, VI, Praha, 1933.
K. Reifenkugel. Die Gründung der römisch-katholischen Bisthümer in den Territorien Halicz und Wladimir. Archiv f. Oesterreichische Gesch., Bd. 52, Heft 1, Wien, 1875.
Relations des Mongoles ou Tartares, par M. D'Avezac, Paris, 1832.
A. Semkowicz. Krytyczny rozbiór dziejów Jana Dlugosza (do roku 1384). Nakładem Akad. Umiejętności, Kraków, 1887.
D. Stadtmüller. Рецензия на вышеуказанную книгу A. M. Ammann'a. Byzantinische Zeitschrift, Bd. 37, 1937.
K. Szajnocha. Jadwiga i Jagiello, Lwów, 1861.

N. Taube. Russische und litauische Fürsten an der Düna zur Zeit der deutschen Eroberung Livlands (XII—XIII Jahrh.). Jahrbücher für Kultur und Gesch. der Slaven, Bd. XI, Heft III—IV, 1935.

J. Umiński. Niebezpieczeństwo tatarskie w poł. XIII w. a papież Innocenty IV. (Rozprawy Historyczne Tow-wa Naukowego Warszawskiego, t. I, zesz. 4, 9, 1921—1922.

A. A. Vasiliev. Histoire de L'Empire Byzantin, t. II, Paris, 1932.

Г. Вернадский. Два подвига св. Александра Невского.— Евразийский временник, т. IV, Берлин, 1925.

St. Weymann. Cła i drogi handlowe w Polsce Piastowskiej (Poznańskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk. Prace Komisji Historycznej, t. XIII, zesz. 1), Poznań, 1938.

M. Wertner. Die Regierung Bela's des Vierten. Ungarische Revue, Wien, 1893.

B. Włodarski. Polska i Czechy w drugiej połowie XIII i początkach XIV wieku (1250—1306). (Arch. Tow-wa Nauk. we Lwowie, Dział II, t. VII, zesz. 3), Lwów, 1931.

B. Włodarski. Rola Konrada Mazowieckiego w stosunkach polsko-ruskich (Arch. Tow-wa Nauk. we Lwowie, Dzia II, t. XIX, zesz. 2), Lwów, 1936.

G. Zeissberg. Die polnische Geschichtsschreibung des Mittelalters, Lpz., 1873.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКАЯ РУСЬ в середине XIII в.
и государства Восточной и Средней Европы
Составил И. А. Голубцов
ОБЪЯСНЕНИЕ СОКРАЩЕНИЙ
Цифрами обозначены области и племенные „земли":
в Эстонии:
1. Иогентагана
в Латвии:
2. Мечеполе
3. Идумея
4. Торейда
5. Ливония (Наддвинская)
Ливские
6. Вреде Курония
7. Винда
8. Бандове
9. Бихавеланц
10. Дувзаре
11. Мегове
12. Пильсате
13. Упемолле
Куронские
в Литве:
14. Цеклис
15. Корсов
16. Медницкая
17. Кнетовская
18. Шауляйская (Сев.-вост. Жмудь)
19. Центр. и вост. Жмудь
Жмудские
20. Упитская
21. Дэлваптовская
22. Собств. Литовская
23. Нальшанская
Аукштотские
в Пруссии:
24. Скаловия
25. Самбия
26. Надровия
27. Натанга
28. Вармия
29. Барт
30. Погеза
31. Помеза
32. Кульмская область (место первонач. обоснования Тевтонск. Ордена)
33. Судовия (часть Ятвяжской территории)
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ
Общая граница Руси перед нашествием Батыя
Границы прочих государств
Границы самостоятельных частей государств (княжеств, герцогств и т. п.)
Границы областей и племенных „земель"
Общая граница Галицко-Волынской Руси в 40-х 60-х годах XIII века
Важнейшие пути из Галицко-Волынской Руси в соседние страны
1242 Места крупнейших сражений (с указанием дат)
Примечание: Участки границ Руси, не установленные достоверно, отмечены прерывистой линией. Знаком вопроса (?) отмечены населенные пункты с предположительным местоположением и приблизительные даты
Сокращения: Д.—Дэвалтов, Т.—Твереметь (Тверь), Р.—Рыпинь, Б.—Бобровники
Перевалы в Карпатах: Л.—Лупковский, У.—Ужокский, Р.—Русский дол (м.б. Барсуков дол), Я.—Яблоницкий (Татарский)
Территории и княжества, находившиеся во временном обладании или в зависимости от Галицко-Волынских князей (с указанием дат)
Д.—Дорогобуж
Б.—Боброка, р.
В.—Володава, р.
З.—Зубрья, р.
Л.—Лосна, р.
МАСШТАБ
50 0 50 100 150 200 250 км
НОРВЕГИЯ
ШВЕЦИЯ
ДАНИЯ
Копенгаген
ВАРЯЖСКОЕ МОРЕ
НОВГОРОДСКАЯ ЗЕМЛЯ
Новгород Великий
РОСТОВО-СУЗДАЛЬСКАЯ ЗЕМЛЯ
КНЯЖ. СМОЛЕНСКОЕ
КНЯЖ. МУРОМО-РЯЗАНСКОЕ
КНЯЖ. ПОЛОЦКОЕ
ЧЕРНИГОВСКОЕ КНЯЖ.
КНЯЖ. НОВГОРОД-СЕВЕРСКОЕ
КНЯЖ. ТУРОВО-ПИНСКОЕ
КНЯЖ. КИЕВСКОЕ
КНЯЖ. ПЕРЕЯСЛАВСКОЕ
ВОЛЫНСКОЕ КНЯЖ.
ГАЛИЦКОЕ КНЯЖ.
ЗОЛОТАЯ ОРДА
ПОМОРЬЕ
ПРУССИЯ
ЛИТВА
ВЕЛИКАЯ ПОЛЬША
МАЛАЯ ПОЛЬША
КОР. ЧЕШСКОЕ
МОРАВИЯ
СВЯЩЕННАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ
САКСОНИЯ
БРАНДЕНБУРГ
ТЮРИНГИЯ
ФРАНКОНИЯ
ШВАБИЯ
БАВАРИЯ
АВСТРИЯ
ШТИРИЯ
КАРИНТИЯ
ВЕНГРИЯ
ТРАНСИЛЬВАНИЯ
ВАЛАХИЯ
БОЛГАРИЯ
БОСНИЯ
СЕРБИЯ
ХОРВАТИЯ
ДАЛМАЦИЯ
СЛАВОНИЯ
ИТАЛИЯ
ТОСКАНА
ПАПСКАЯ ОБЛАСТЬ
КОРОЛЕВСТВО ОБЕИХ СИЦИЛИЙ
АЛБАНИЯ
ЭПИР
ЛАТИНСКАЯ ИМП. (1204—1261)
НИКЕЙСКАЯ ИМП.
ИКОНИЙСКИЙ СУЛТАНАТ
РУССКОЕ МОРЕ (ПОНТ)
СУРОЖСКОЕ МОРЕ
Константинополь (Царьград)
Киев
Чернигов
Переяславль
Владимир
Галич
Холм
Львов
Пинск
Туров
Смоленск
Полоцк
Рига
Псков
Краков
Прага
Вена
Рим
Неаполь
Венеция
Белград
Рязань
Москва

Опечатки

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
12	1 св.	Украины, Польского	Украины Польского
43	14 св.	и борьбы	и народной борьбы
48	18 сн.	Мстилава	Мстислава
95	23 сн.	4	5
113	8 св.	прославленных	православных
141	14 сн.	filins	filius
183		—	[6] ПСРЛ, т. II, стб. 654.
275	4 сн.	K. Uminski	I. Uminski
296	16 сн.	западнее	западные
297	21 св.	Брашев	Прешов
305	1 св.	русской иностранной	русской и иностранной
325	прав. кол. 13 св.	Дьяволства	Дьяволтва

В. Т. Пашуто